

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 6 (70) 2021

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заведующий кафедрой ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание с 7 мая 2019 г.
включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные
результаты диссертаций на соис-
кание ученой степени кандидата
наук, ученой степени доктора
наук** по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
(№ 749 Перечня по состоянию на
22.10.2021)

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —
**КОРЯКИН
Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук (20.02.03)
профессор (12.00.03)
e-mail: Kotjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
**ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна**

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	7
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Денисов Д.И. Актуальные вопросы правового регулирования применения добровольных народных дружин в защите Государственной границы Российской Федерации (на примере Пограничного управления ФСБ России по Республике Карелия)	10
2. Корякин В.М. Соотношение понятий «охрана» и «защита» в сфере обеспечения транспортной безопасности	19
3. Криштопов С.В. Научно-практический комментарий к Указу Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	24
4. Шеншин В.М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом	31
Теория и история военного права	
5. Аулов В.К. Дефинирование информации в документах информационной безопасности: проблемы понимания и пути их решения	41
6. Афанасьев В.С., Шамаров В.М. Предпосылки становления и характерные черты социально ориентированного государства	49
7. Вишняков М.М. К вопросу о юридической ответственности военнослужащих Отдельного корпуса внутренней стражи (1811—1864 гг.)	58
8. Глухов Е.А. Становление военно-административного права в призме взглядов теоретиков военной и юридической науки	64
9. Жаркой М.Э. Вопросы систематизации чрезвычайного законодательства и ее влияние на изменение организационно-правовых основ деятельности карательных органов в Советском государстве в 1920-е годы	78
10. Кириллов П.В. Уровень преступной активности	88
11. Овчаров А.В. Правовая оценка применения насилия негосударственными структурами	93
12. Чипига И.В., Ломакина Т.В. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе	101
Военно-административное право	
13. Гундзилович И.В. Служебная тайна в области обороны и некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений	108

14. Мелешко П.Е., Харитонов С.С. О рассмотрении Кассационным военным судом жалоб на судебные постановления по делам об административных правонарушениях (по материалам военно-судебной практики)	112
15. Насыров Д.В., Балицкий А.А. Войска национальной гвардии Российской Федерации как субъект государственной системы противодействия молодежному экстремизму	122
16. Роцин С.Р., Землин А.И. Принципиальные подходы и направления совершенствования деятельности юридической службы войск национальной гвардии России: от опыта к перспективам	131
17. Феоктистова О.Ю. Доступность экологической информации и сохранение государственной тайны	140

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

18. Александрова Н.Г., Иванов В.Ю., Кириченко Н.С. О сроках обеспечения военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания	145
19. Малаханов А.В., Харитонов С.С. Взыскание с военнослужащих денежных средств (по материалам судебной практики).....	150
20. Потапов М.Г. Проблемы гражданско-правовых ограничений и запретов в статусе военнослужащего	157
21. Цуциев С.А. Безопасность военной службы в аспекте реализации социальных гарантий на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья военнослужащих	163

Правовое обеспечение обучения и воспитания военнослужащих

22. Зайков Д.Е. Правовое обучение личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации: новое правовое регулирование	171
23. Мещангина Е.В. Нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности военных вузов	177
24. Юмкина Е.А., Волков В.В. Актуальные проблемы военной акмеологии	182

Судебная и прокурорская деятельность

25. Бабошкин П.В. Опыт правовых и организационных решений в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 по обеспечению в кассационном производстве конституционных гарантий судебной защиты прав, свобод и законных интересов военнослужащих и членов их семей	191
26. Мамонова М.В. Проблемы реализации и основные направления совершенствования судебной защиты имущественных прав военных организаций в Российской Федерации	198
27. Махьянова Р.М. Соотношений понятий «тактика» и «методика» в прокурорском надзоре	203

Юридическая ответственность военнослужащих и военных организаций

28. Землин А.И., Кравцов В.В. Дисциплинарная ответственность военнослужащих за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны: вопросы теории и практики	207
29. Калашников В.В. Привлечение военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный другому военному ведомству	219
30. Миронов В.С., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики	222
31. Найденов И.Н. Материальная ответственность военнослужащих: о чем должен помнить командир (начальник)	229
32. Найденов И.Н., Майстренко В.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих из числа летного состава авиационных воинских частей (подразделений)	233
33. Чешко В.Ю. Административная ответственность военнослужащих в Республике Беларусь	237
34. Яткевич О.Г., Александрова Н.Г. О проверке Конституционным Судом Российской Федерации положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»	242

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

35. Борисов А.В. К вопросу о санкциях за транспортные преступления	248
36. Исхаков А.Н. Особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств бесконтактным способом (с использованием сети Интернет)	255
37. Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. О некоторых проблемах квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (по материалам военно-судебной практики)	259
38. Никонович С.Л., Юрин В.М., Нурушев А.А. Основные направления розыска имущества, похищенного на объектах военного строительства	264
39. Пантюхина И.В. Проблемы регламентации и толкования уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243 ⁴ УК РФ)	270
40. Попов К.И. Обоснованный риск в условиях военной службы	276
41. Суденко В.Е. Проблемные вопросы уголовно-правовой науки	281

42. Шарипов М.Т.	
Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых военными служащими Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта (1992—1997 гг.)	287
43. Юрченко А.В., Плеганский Д.О.	
О некоторых структурных элементах криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов	294
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
44. Антонов В.И., Арипов Р.М.	
Проблемы военной безопасности в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности	300
45. Редкоус В.М.	
Общая характеристика направлений противодействия коррупции в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой аспект	305
46. Синяева Н.А.	
Международно-правовые аспекты запрета размещения космического оружия.....	318
47. Холиков И.В., Шишко А.А.	
Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта	326
48. Чернявский А.Г.	
Актуальные вопросы рассмотрения территориальных споров Международным судом ООН	335
49. Яткевич О.Г.	
О регламентации материальной ответственности военнослужащих в некоторых зарубежных странах	343

Указатель сокращений

абз. — абзац

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика

ВВС — Военно-воздушные силы

ВВСТ — вооружение, военная и специальная техника

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСО — военно-следственный отдел

ВУНЦ — военный научно-учебный центр

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

ГПУ — государственное правовое управление

гл. — глава

дис. — диссертация

ДНД — добровольная народная дружина

ДСП — для служебного пользования

ДТП — дорожно-транспортное происшествие

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕКПЧ — Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод

ЕСПЧ — Европейский Суд по правам человека

ЗГТ — защита государственной тайны

ИГП РАН — Институт государства и права Российской академии наук

ИТС — информационно-телекоммуникационные сети

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГП — международное гуманитарное право

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минкультуры России — Министерство культуры Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минприроды России — Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социального развития Российской Федерации

млн. — миллион

млрд — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — некоммерческая организация

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

НЭП — новая экономическая политика

ОАО — открытое акционерное общество

ОГПУ — Объединенное государственное-правовое управление

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

п. — пункт

ПДД — Правила дорожного движения

подп. — подпункт

РАН — Российская академия наук

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы

РВСР — Революционный военный совет Республики

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росгидромет — Федеральная служба по гидрометеорологии

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Росприроднадзор — Федеральная служба по надзору в сфере природопользования

Росрыболовство — Федеральное агентство по рыболовству

Росфинмониторинг — Федеральная служба по финансовому мониторингу

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

СТО — Совет труда и обороны

СОУТ — специальная оценка условий труда

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

ТСЖ — товарищество собственников жилья

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФНС России — Федеральная налоговая служба Российской Федерации

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ЦАР — Центрально-азиатский регион

ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (больше-
виков)

ч. — часть

ЧВОК — частная военная охранная компания

ШОС — Шанхайская Организация Сотрудничества

ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и
культуры

Теория и история военного права

Актуальные вопросы правового регулирования применения добровольных народных дружин в защите Государственной границы Российской Федерации (на примере Пограничного управления ФСБ России по Республике Карелия)

© Денисов Денис Ильич,
юрист, г. Петрозаводск

Аннотация. В настоящей научной работе произведена правовая оценка эффективности института добровольной народной дружины по защите государственной границы Российской Федерации. В качестве примера рассмотрена деятельность дружин на территории Республики Карелия. В условиях современных методов построения охраны границы, в ходе анализа действующего законодательства в рассматриваемой сфере, выявлены правовые барьеры, препятствующие эффективному применению дружины в защите границы Российской Федерации. Кроме того, в работе рассмотрена стимулирующая составляющая, побуждающая граждан охотно вступать в ряды дружины и оказывать помощь пограничникам. Предложены некоторые пути решения проблем, требующие апробации в приграничных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: добровольная народная дружина, защита государственной границы, дружина, пограничная служба ФСБ России, правила пограничного режима.

Topical issues of legal regulation of the use of voluntary people's squads in the protection of the State Border of the Russian Federation (using the example of the Border Department of the FSB of Russia in the Republic of Karelia)

© Denisov D.I.,
Lawyer, Russian Federation, Petrozavodsk

Annotation. In this scientific work, a legal assessment of the effectiveness of the institute of the voluntary people's squad for the protection of the state border of the Russian Federation is made. As an example, the activity of squads on the territory of the Republic of Karelia is considered. In the conditions of modern methods of building border protection, during the analysis of the current legislation in this area, legal barriers that prevent the effective use of the squad in protecting the border of the Russian Federation are identified. In addition, the work considers a stimulating component that encourages citizens to willingly join the ranks of the squad and provide assistance to border guards. Some ways of solving problems that require approbation in the border regions of the Russian Federation are proposed.

Keywords: voluntary people's squad, protection of the state border, squad, border service of the FSB of Russia, rules of the border regime.

Защита государственной границы, как часть системы государственной безопасности страны, зависит от согласованности действий федеральных органов государственной власти, органов государственной

власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Отдельной и важной стороной защиты государственной границы является институт участия граждан в защите государственной границы в форме добровольных

народных дружин (далее — ДНД). Форма участия граждан в защите границы установлена ст. 38 Закона Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации».

В указанном правовом институте существует сложная система организации функционирования дружины, которая выражается в правоотношениях между военнослужащими и гражданскими лицами, которые и составляют организационно-штатную структуру дружин по защите границы Российской Федерации. В пограничных органах, как в военной организации, правоотношения основаны на власти и подчинении субъектов внутри организации. И на эту военную организацию возложены обязанности по руководству деятельностью ДНД и организации специальной подготовки дружинников.

Актуальность настоящего исследования заключается в сложности реализации на практике полномочий ДНД, делегированных им постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1995 г. № 339 «О порядке привлечения граждан к защите государственной границы Российской Федерации» (далее — ПП РФ № 339). Институт ДНД на сегодняшний день развит недостаточно, что поднимает ряд проблем, связанных как с проверкой документов у лиц, находящихся на приграничной территории, так и с осуществлением осмотра, проведением первичного опроса граждан. Вызывает особый научный интерес процессуальная самостоятельность дружинников.

Наряду с этим актуальным вопросом в обеспечении надлежащего функционирования института участия граждан в защите государственной границы является организация финансовой стороны этого вопроса. Возможно, наши предложения найдут свое отражение в будущих приказах ФСБ России, которые смогут обеспечить финансовое стимулирование дружинников за образцовое исполнение ими своих обязанностей и реализации прав в интересах защиты государственной границы.

Таким образом, в настоящей работе будут освещены проблемы правового характера участия граждан в защите грани-

цы, а также проблемы финансового обеспечения деятельности дружинников, и предложены возможные пути их решения. Вместе с тем, мы постараемся обосновать расширение правового поля регулирования деятельности граждан, участвующих в защите границы Российской Федерации.

Как указывается в научных исследованиях, «участие населения в защите Государственной границы Российской Федерации не может быть стихийным процессом. Оно является результатом повседневной работы пограничных органов и органов местного самоуправления по привлечению жителей приграничных населенных пунктов к защите Государственной границы»¹.

Одним из направлений деятельности пограничной службы ФСБ России является обеспечение физическими и юридическими лицами соблюдения административно-правовых режимов, установленных на государственной границе и приграничной территории, а также противодействие международному терроризму и трансграничной преступности в пограничном пространстве.

Функционирование этих направлений обеспечивается посредством оперативного метода охраны государственной границы Российской Федерации. То есть оперативные подразделения с опорой на местное население изучают обстановку на приграничной территории и реагируют на поступающую информацию.

Ввиду того, что исследовательская работа посвящена проблемам деятельности граждан, участвующих в защите границы на территории Республики Карелия, то необходимо дать краткую характеристику пограничного участка всего субъекта. А проблемы будут складываться исходя из его особенностей.

Особенности участка местности:

- обширные лесные массивы;
- высокая заболоченность участков;

¹ Левитан О.И. Актуальные проблемы участия местного населения в обеспечении пограничной безопасности и возможные пути их решения // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 67—69.

— развитая сеть озер и топкие участки болот межозерных дефилие;

— большие расстояния между населенными пунктами;

— отсутствие мобильной связи и сети «интернет» на участках местности и населенных пунктах, расположенных вблизи государственной границы Российской Федерации.

Ст. 38 Закона Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации» посвящена участию граждан в защите государственной границы. Статья имеет бланкетный характер изложения нормы права и отсылает нас к ПП РФ № 339, в которой изложены права, обязанности и задачи, возлагаемые на институт ДНД.

Указанное постановление возлагает на ДНД следующие задачи:

1. Обеспечение контроля за соблюдением режима государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации;

2. Участие в розыске лиц, пытающихся совершить или совершивших незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации;

3. Разъяснение гражданам правил режима государственной границы Российской Федерации, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации.

Перечень задач является закрытым и предписывает их выполнение только совместно с пограничными органами.

Указанным постановлением гражданам, участвующим в защите границы, предоставлено право участвовать совместно с пограничными нарядами в проверке документов у граждан, а также в производстве досмотра транспортных средств и перевозимых на них грузов в пределах пограничной зоны.

Из анализа норм Закона «О государственной границе Российской Федерации», других нормативных актов, которые регулируют участие граждан в защите границы, становится ясным, что дружинник — это лицо, оказывающее содействие погра-

ничным органам ФСБ России в защите государственной границы, не обладающее процессуальной самостоятельностью. Все действия дружинников сводятся к тому, что они могут принимать участие в тех или иных мероприятиях, проводимых пограничными органами. Материально техническое обеспечение деятельности народных дружин осуществляется за счет добровольных пожертвований, а также иных средств, не запрещенных законом².

Изложенное положение порождает ряд сложностей при должном функционировании современных методов охраны и защиты границы с учетом того, что пограничные органы в большей степени опираются на помощь граждан приграничных районов. Исходя из приведенных нами особенностей характеристики местности Республики Карелия, а именно: отсутствие мобильной связи и сети «интернет», ставится под угрозу оперативное реагирование на поступающую информацию от дружинников.

Организационно-штатную структуру ДНД составляют местные жители приграничных районов и, разумеется, что у них есть дачи, поля для сенокоса, места сборов ягод, грибов, вылова рыбы, охоты и т.д. Весьма вероятно, что указанные места осуществления деятельности находятся в том числе и в пограничной зоне.

Дружинник, находящийся в пограничной зоне самостоятельно, например, для сбора ягод, грибов и т.д. может осуществлять наблюдение за прилегающей местностью с целью выявления неизвестных, подозрительных лиц и т.д. Обратившись к руководящим документам, регламентирующим деятельность дружинников, делаем вывод, что дружинник не имеет такой правовой самостоятельности, как проверка документов у лиц, находящихся на приграничной территории (пограничной зоне).

Приказом ФСБ России от 17 ноября 2010 г. № 566 «Об организации работы по-

² Федотова Ю.Г. Проблемы правового регулирования участия граждан в защите государственной границы Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 135.

граничных органов с добровольными народными дружинами по защите государственной границы Российской Федерации» (далее — Приказ ФСБ России № 566) установлено, что удостоверение члена народной дружины, а также нагрудный знак ДНД выдаются только при участии в защите границы.

Решить проблему процессуальной самостоятельности дружинников, а именно порядка выполнения возложенных на них задач, возможно путем введения, например, самостоятельных нарядов от ДНД. Безусловно, что такое нововведение должно быть отражено в современных приказах ФСБ России.

В качестве примера мы рассмотрим такие виды нарядов от граждан, участвующих в защите границы, как наблюдатель и дозорный. Названным нарядам можно дать определения, тем самым определив их назначение:

1) наблюдатель — гражданин Российской Федерации, добровольно принимающий участие в защите государственной границы Российской Федерации, которому поставлена задача уполномоченным должностным лицом пограничного органа на осуществление наблюдения за определенным участком местности и пресечения нарушений административно-правовых режимов, установленных вблизи государственной границы Российской Федерации;

2) дозорный — гражданин Российской Федерации, добровольно принимающий участие в защите государственной границы Российской Федерации, которому поставлена задача уполномоченным должностным лицом пограничного органа на выявление признаков нарушения административно-правовых режимов, установленных вблизи государственной границы Российской Федерации по пути следования, установленному заданием маршруту.

На время привлечения дружинника в качестве наблюдателя или дозорного предлагается выдавать ему удостоверение дружинника и нагрудный знак, что и будет содержать в себе исполнение обязанностей по защите границе.

В рамках привлечения дружинников к несению службы самостоятельно начальнику подразделения или иному должностному лицу, который наиболее тесно работает с данной категорией участников защиты границы, предлагается выдавать дружинникам план-задание, где можно будет отразить следующие задачи:

1. Осуществление наблюдения за прилегающей местностью (обозначенной в план-задании);

2. Проверка документов у неизвестных, подозрительных лиц, иностранных граждан, находящихся в пограничной зоне;

3. Проведение первичного опроса неизвестных лиц, уточнение цели, времени прибытия в пограничную зону, маршрута прибытия, наличие знакомых, проживающих в пределах участка муниципального района, по которому проходит пограничная зона.

Таким образом, выдача дружиннику плана-задания на руки будет предусматривать получение им удостоверения и нагрудного знака на период выполнения задания по защите государственной границы Российской Федерации.

Из анализа действующего правового поля в данной сфере следует, что действия дружинника при выявлении посторонних, неизвестных лиц, а возможно группы неизвестных лиц, находящихся в пограничной зоне, сводятся к тому, чтобы выдвинуться в населенный пункт, где дислоцируются представители пограничных органов, и передать имеющуюся информацию. Движение дружинника к населенному пункту может занимать около 1,5—2 часов (15—25 км. по необслуживаемой, лесной дороге), ввиду отсутствия возможности передать информацию по телефону или посредством сети «интернет». Реакция на реализацию и проверку поступившей информации потребует еще 1,5—2 часа. При условии, что лицо имеет намерение незаконно пересечь государственную границу в Республике Карелия, летний трехчасовой интервал времени ставит под угрозу нахождение и установление неизвестного лица.

При наличии прав у дружинников осуществлять проверку документов у лиц, проводить первичный опрос лиц, осматривать транспортные средства, разъяснять гражданам правила административно-правовых режимов пограничные органы, располагая полнотой сведений, смогут действовать на упреждение нежелательных последствий более эффективно.

Одной из задач, поставленных перед институтом ДНД, является разъяснение гражданам правил пограничного режима, правил режима государственной границы, режима в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации. Выполнение указанной задачи предписано только совместно с пограничными органами. По мнению автора настоящей работы, разъяснять административно-правовые режимы, установленные на границе Российской Федерации, дружинники могут самостоятельно, находясь на территории реализации полномочий пограничного подразделения. Само по себе вероятно, что с дружинниками регулярно проводят занятия пограничники (доводят изменения в законодательстве, приказах и т.д.).

Уделяя особое внимание расширению полномочий граждан, участвующих в защите государственной границы Российской Федерации, а именно направлению выявления физических лиц, в действиях которых усматриваются признаки административного правонарушения, стоит акцентировать внимание на доставлении таких лиц в ближайшие подразделения пограничных органов, либо должностному лицу пограничных органов.

Такая мера как доставление и будет направлена на пресечение административных правонарушений, установление личности нарушителя должностными лицами пограничного органа. Пунктом 7 ст. 27.2 КоАП РФ установлено, что доставление осуществляется «... также другими лицами, исполняющими обязанности по охране Государственной границы Российской Федерации, при выявлении административных правонарушений в области защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации».

Выполнив первичный анализ указанной нормы КоАП РФ, возникло предложение внести в него дополнение в части, касающейся исполнения обязанностей не только по охране границы, но и по ее защите, так как дружинники реализуют свои полномочия именно в сфере защиты границы.

Подобное дополнение в КоАП РФ требует, в первую очередь, внесения дополнения в Закон «О государственной границе Российской Федерации». Но, возможно, наиболее целесообразным будет введение новой полноценной статьи в действующий закон, предоставляющей такие права дружинникам, как доставление лиц, совершивших административное правонарушение, а также лиц, действия которых направлены на нарушение административно-правовых режимов, установленных на государственной границе Российской Федерации.

В действующем КоАП РФ имеется ст. 19.35 «Воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или внештатного сотрудника полиции», которая устанавливает, что воспрепятствование законной деятельности народных дружинников полиции, в связи с их участием в охране общественного порядка, либо невыполнение их законных требований о прекращении противоправных действий влечет административную ответственность в размере штрафа от 500 до 2 500 руб. Подобную норму было бы не лишним предусмотреть и для правоотношений, возникающих между гражданами и народными дружинниками по защите государственной границы Российской Федерации. Наряду с этим предлагается рассмотреть вопрос административной ответственности дружинника по защите государственной границы Российской Федерации за действия, нарушающие права и законные интересы граждан в случае превышения дружинником своих должностных полномочий.

Рассмотрев блок полномочий граждан, участвующих в защите государственной границы Российской Федерации, мы обозначили проблемы, касающиеся проверки документов у лиц, находящихся в пограничной зоне лицами, выполняющими за-

дачи по защите границы Российской Федерации в составе ДНД, обосновали актуальность осуществления осмотра транспортных средств, личных вещей неизвестных, подозрительных лиц, находящихся в пограничной зоне, а также проведение первичного опроса неизвестных лиц, чьи документы были проверены в пограничной зоне.

Нами было предложено решение проблемы процессуальной самостоятельности дружинников, а именно порядка выполнения возложенных на них задач путем введения самостоятельных нарядов от ДНД (наблюдатель, дозорный). Наравне с этим обозначена проблема доставления лиц, в чьих действиях усматриваются признаки административного правонарушения. Мы обосновали, что посредством выполнения такого процессуального действия дружинником, как доставление, оперативность в действиях пограничных подразделений значительно повысится.

Названные существующие проблемы могут проявляться не столь остро на участках муниципальных образований, на территории которых есть мобильная связь и интернет. При возникновении причин, вызывающих подозрение в незаконности нахождения (либо наличия умысла нарушить режим государственной границы) лиц в пограничной зоне, дружинник имеет возможность оперативно сообщить сотрудникам пограничных органов о наличии данной информации по средствам связи. Но, к сожалению, далеко не все районы субъектов Российской Федерации, прилегающие к границе, обеспечены полем покрытия мобильной сети.

После смены методов охраны границы и упразднения военной службы по призыву в пограничных органах численность военнослужащих пограничных органов ФСБ России стала примерно в половину меньше, что обусловлено новыми подходами к решению прежних и новых возникающих задач.

После упразднения службы по призыву отпала необходимость содержать такое большое количество пустующих пограничных застав. Большая часть из них была сокращена, законсервирована. Только вот

границу сократить никак нельзя, а охранять и, при необходимости, защищать родную землю — нужно. Со временем были образованы новые пограничные отделения, и охрана участков 5—6 застав (а то и более) легла на плечи одного подразделения. Средняя протяженность охраняемого участка пограничной заставы в период СССР составляла 15—25 км. Именно по причине соотношения протяженности участков и выделенных сил на его охрану в условиях набирающей активности трансграничной преступности пограничным органам необходимо развивать институт участия граждан в защите государственной границы Российской Федерации и, тем самым, постоянно совершенствовать правовую основу, регулирующую деятельность дружинников. Дружинник в современных реалиях — это первый помощник пограничника в охране границы Российской Федерации.

Зачем и ради чего местному жителю идти в ДНД?

Проводя значимую работу по привлечению граждан на добровольных началах оказывать содействие пограничной службе ФСБ России по защите границы, считаем необходимым позаботиться о создании системы должного функционирования, стимулирующих факторов института ДНД.

Возлагая обязанности, предоставляя права в сфере защиты государственной границы, считаем необходимым рассмотреть вопросы создания стимулов для привлечения внимания граждан к пополнению рядов дружинников. Тем более, что построение системы стимулов наших помощников создаст благоприятную атмосферу, в которой люди будут добровольно помогать защищать границу, а пограничники будут выбирать из них наиболее подходящих, ответственных и дисциплинированных.

В действующей, сложившейся атмосфере стимулов видится ситуация, что дружинник не приходит добровольно, а его уговаривают приходить на помощь пограничникам и к тому же "обвешивают" обязанностями, наделяют правами и доводят задачи, которые он должен будет ре-

шать. Много ли таких добровольцев-патриотов собрать удастся сегодня?

Президент Российской Федерации в Указе от 25 апреля 2018 г. № 174 «Об утверждении основ государственной пограничной политики Российской Федерации» отметил, что одним из факторов, влияющим на эффективность функционирования системы обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве, является низкая мотивация участия граждан в охране государственной границы Российской Федерации. Инструментом развития системы обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве является создание системы стимулов для привлечения граждан, общественных организаций и оказание содействия федеральными органами исполнительной власти при реализации ими задач по защите и охране государственной границы.

В настоящее время федеральные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, пограничная служба ФСБ России не располагают достаточным опытом в части создания стимулов, обеспечивающих благоприятные условия для привлечения граждан активно участвовать в защите границы и, разумеется, надлежащим образом выполнять свои функциональные обязанности.

По этой причине, считаем вполне обоснованным рассмотреть практику зарубежного опыта в создании взаимных благоприятных условий для организации защиты границы.

Оперативная составляющая системы охраны государственной границы Польши характеризуется широким использованием разведки и предметной, целенаправленной, взаимовыгодной работой с местным населением. Основу местного приграничного населения Польши составляют жители деревень, хуторов. В целях стимулирования населения приграничья в отношении оказания помощи органам пограничной стражи в охране границы, введен льготный режим налогообложения на землю. В случае задержания нарушителя границы по информации местного жителя сумма годового земельного налога для него снижается

вдвое. Данный фактор крайне благоприятно влияет на повышение эффективности системы охраны государственной границы и в значительной степени способствует снижению затрат на возведение сплошных специальных инженерных сооружений вдоль нее.

Подобным образом организована охрана границ Финляндии с опорой на местное население. Правоотношения в сфере охраны границы между Правительством Финляндии и населением Финляндии строятся также на взаимном доверии. Жилой дом стоит буквально в 50-ти метрах от границы. Люди, живущие в нем, каждый день из окна кухни и гостиной смотрят на Россию, в самом прямом смысле. Удивительней еще то, что их земля формально простирается вплоть до самой российской территории. Пограничная демаркационная полоса — это то, что находится в пользовании правительства, и только. Буквально, несколько метров от границы — и начинаются законные владения, в которых хозяин земли может вести любую хозяйственную деятельность. Одно ограничение: кто угодно в гости к хозяину не придет, для этого нужно получать разрешение.

На обоих примерах видно, что позиция органов государственной власти Польши и Финляндии выражает заинтересованность в участии граждан в защите границы. И более того, подобный подход к охране вполне эффективен и обоснован тем, что граждане, проживая у себя на участках, чувствуют себя защищенными (рядом пограничники), имеют в собственности землю, имущество, на которое значительно снижены налоги. В данном подходе предусмотрены и другие льготы, а, возможно, и ежегодные (ежеквартальные) денежные премии, размер которых может быть и не столь великим, но, тем не менее, способен обеспечивать поддержание надлежащего исполнения возложенных функций, а также порядка в системе защиты границы со стороны граждан.

Возможно, для надлежащего функционирования и последующего совершенствования института ДНД стоит пересмотреть методы стимулирования граждан,

принимающих участие в защите границы. На данный момент все, что касается стимулов для привлечения граждан к активному участию в защите границы и поощрений, действующих для членов ДНД, сводится к следующему:

- объявление благодарности;
- награждение грамотой;
- выдача подарка или денежной премии.

В сфере создания стимулов для института ДНД мы предлагаем рассмотреть возможные пути повышения мотивации данной категории граждан, например, снижение налогообложения на землю в пограничной зоне, ежемесячные (ежеквартальные) денежные выплаты активным дружинникам. Для проживающих в сельской местности — снижение цены на дрова. Актуальным будет вопрос организации прохождения бесплатного медицинского обследования в ведомственных медицинских госпиталях и получения медикаментов по сниженным ценам.

Таким образом, мы старались рассмотреть участие института добровольной народной дружины по защите государственной границы Российской Федерации достаточно полно и всесторонне.

Сложно переоценить вносимый вклад в защиту границы со стороны дружинников.

В условиях построения современной системы охраны границы Российской Федерации и больших протяженностей участков охраны подразделениями необходимо совершенствовать институт ДНД, постоянно развивать правовую грамотность каждого дружинника. Необходимо уделить особое внимание расширению полномочий дружинников при выполнении ими обязанностей по защите границы. Наравне с этим необходимо повышать уровень самостоятельности для более активного их применения на участках местности, где пограничники, в настоящий момент времени не находятся, а также для более оперативного реагирования и пресечения нарушений административно-правовых режимов, установленных на государственной границе Российской Федерации.

Наряду с вышеизложенным, необходимо проявить внимание к порядку привлечения граждан к выполнению задач по защите границы, вызывать неподдельный интерес к вкладу каждого в защиту рубежей Родины. Одним из решений, предложенных нами, будет проявление внимания к личным потребностям населения приграничных районов со стороны органов местного самоуправления, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, Пограничной службы ФСБ России. Например, создание финансовых и материальных стимулов для тех граждан, которые будут зачислены в ряды помощников пограничников.

Актуальность темы настоящей работы считаем вполне раскрытой и обоснованной. И, одним из ключевых моментов по итогу данного исследования является то, что мы предложили некоторые варианты урегулирования проблем, связанных с полномочиями дружинников и финансовым стимулированием института ДНД.

Рассмотренные нами методы урегулирования и должного функционирования института ДНД требуют апробации, проверки в реальных условиях, основанных на теоретически построенных методах. Не стоит возлагать больших надежд на предложенные нами методы, сразу ждать фееричных результатов и формальных показателей. Далекое не факт, что это будет работать на всех участках местности, прилегающих к государственной границе Российской Федерации, и методы, предложенные нами, могут рассматриваться в качестве эксперимента в конкретном субъекте Российской Федерации. Необходимо учитывать характер местности, лояльность со стороны местного населения к проведению пограничной политики, активность противоправной деятельности на участке охраны.

Возможно, при более глубоком исследовании этих направлений найдутся и другие, более эффективные методы, чем предложенные нами, потому что цель исследования в большей степени заключалась в привлечении внимания к проблеме функционирования механизма участия граждан

в защите государственной границе Российской Федерации.

Библиография

1. Левитан, О.И. Актуальные проблемы участия местного населения в обеспечении пограничной безопасности и возможные пути их решения /

О.И. Левитан // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 9. — С. 67—69.

2. Федотова, Ю.Г. Проблемы правового регулирования участия граждан в защите государственной границы Российской Федерации / Ю.Г. Федотова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — №1(35). — С. 133—141.

Соотношение понятий «охрана» и «защита» в сфере обеспечения транспортной безопасности

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Гражданское право,
международное частное право и гражданский
процесс» Российского университета транспорта;
профессор кафедры № 25 Военного университета
Минобороны России

Аннотация. В статье представлен сравнительно-правовой анализ понятий «охрана» и «защита» применительно к сфере обеспечения транспортной безопасности. Представлены различные точки зрения на соотношение данных понятий, выявлены их сходство и различие, представлена авторская точка зрения по данному вопросу. Показано, что несмотря на сугубо теоретический характер рассматриваемого вопроса, правильная трактовка данных понятий позволит повысить эффективность деятельности субъектов обеспечения транспортной безопасности.

Ключевые слова: охрана; защита; транспортная безопасность; ведомственная охрана; подразделения транспортной безопасности

Correlation of the concepts of "protection" and "protection" in the field of transport security

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
"Civil Law, Private International Law and Civil Pro-
cedure" of the Russian University of Transport; Pro-
fessor of the Department No. 25 of the Military Uni-
versity of the Ministry of Defense of Russia

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the concepts of "protection" and "protection" in relation to the field of transport security. Various points of view on the relationship of these concepts are presented, their similarities and differences are revealed, the author's point of view on this issue is presented. It is shown that despite the purely theoretical nature of the issue under consideration, the correct interpretation of these concepts will increase the efficiency of the subjects of transport security

Keywords: security; protection; transport security; departmental security; transport security units

Одним из видов национальной безопасности Российской Федерации является транспортная безопасность, которая официально определяется в профильном Федеральном законе «О транспортной безопасности» как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства в их нормальное функционирование¹.

Безопасность функционирования железнодорожного транспорта в значительной степени зависит от эффективности деятельности специально создаваемых для этих целей структур – ведомственной охраны Росжелдора и подразделений транспортной безопасности. Ключевыми понятиями, определяющими содержание их деятельности, выступают термины «охрана» и «защита», которые тесно меж-

¹ Более подробно см.: Корякин В.М. Понятие транспортной безопасности и ее место в общей системе национальной безопасности Российской

Федерации // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3. С. 51—58.

ду собой взаимосвязаны. Если мы обратимся в этих целях к словарям русского языка, то увидим следующее:

а) *охранять* — означает «оберегать, стеречь; охрана — группа людей, охраняющих кого-что-н.»¹;

б) *защищать*: «1) оборонять, ограждать от враждебных, неприязненных действий, от неприятеля; 2) выступать в суде в качестве чьего-нибудь защитника; 3) вступаться за кого-нибудь, что-нибудь, отстаивать кого-нибудь, что-нибудь»².

Из приведенного толкования понятий «охрана» и «защита» можно сделать вывод, что охранная деятельность связана, прежде всего, с сохранением сложившегося положения, недопущением правонарушений (пассивный элемент), а защита включает и активный элемент, т.е. противодействие нарушениям, восстановление нарушенного права.

Очевидная взаимосвязь между данными понятиями приводит к тому, что «эти термины употребляются подчас произвольно, без учета лексического значения, что недопустимо в законотворчестве»³. По поводу их соотношения в юридической литературе имеет место давняя дискуссия. Одни авторы полагают, что данные термины являются словами-синонимами, являются тождественными и означают, по сути, одно и то же явление, один и тот же вид деятельности, связанный с обеспечением безопасности чего-либо⁴.

Другие ученые проводят различия между ними с двоякой точки зрения:

1) *с позиции парной философской категории «целое и часть» или дихтомии «широкий» – «узкий»*. З.В. Макарова, например, считает, что понятие «защита»

является по своей сути более широким понятием и включает в себя понятие «охрана». Понятие защиты, пишет она, является понятием, включающим в себя охрану прав и свобод, оборону от посягательств на эти права и свободы, безопасность человека и гражданина и юридическую помощь⁵. С таким подходом соглашается А.В. Амагыров и делает вывод о необходимости рассмотрения одного понятия (правовой охраны) как части другого (правовой защиты)⁶;

2) *с позиции деятельностно-целевого подхода*. Н.В. Остапюк, например, считает, что под защитой прав следует понимать применение предусмотренных законом мер юридического и фактического порядка компетентными органами либо уполномоченным лицом для осуществления своих прав при их нарушении, оспаривании либо отрицании в иной форме, а охраной прав является система мер предупредительного (превентивного) характера, направленных на нормальный ход реализации прав и применяемых при отсутствии их отрицания в какой-либо форме⁷.

Приведенные выше трактовки рассматривают соотношение данных понятий в контексте охраны и защиты прав граждан, нематериальных благ. Применительно же к охране и защите материальных благ, например, объектов железнодорожного транспорта, акценты в их соотношении будут несколько иными.

Изучение данного вопроса, анализ энциклопедической и научной литературы, а также нормативных документов позволил нам выделить применительно к транспортной деятельности явно выраженные статическую и динамическую составляющие понятий «охрана» и «защита»:

а) с точки зрения статики:

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 196.

² Толковый словарь русского языка : В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935 — 1940. Т. 1. С. 426.

³ Смирнов А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 123.

⁴ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 81; Самович Ю.В. О понятии «правовая защита» // МИТС-Наука: Международный научный вестник: сетевое электронное научное издание. 2006. Вып. 1.

⁵ Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3. С. 217—231.

⁶ Амагыров А.В. К вопросу о понятии «правовая защита» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 1. С. 118—123.

⁷ Остапюк Н.В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав // Юрист. 2006. № 4. С. 20—23.

— *охрана* — это группа людей, специальное подразделение, охраняющие кого-либо или что-либо от противоправного посягательства (например, ведомственная охрана); как правило, это вооружённые люди, которые должны находиться рядом с каким-то объектом или непосредственно на нем в целях недопущения проникновения на объект посторонних лиц, предотвращения его повреждения, захвата, кражи имущества и т.п.;

— *защита* — это гарантия безопасности от чего-либо кому-либо; это то, что оберегает, сохраняет, прикрывает от неблагоприятного воздействия внешних сил (например, защита от атмосферных осадков, от солнца, от шума; бронезащита и т.п.); защитой именуется также сторона в уголовном процессе;

б) с точки зрения динамики:

— *охрана* — это комплекс организационных и технических мероприятий по ограничению доступа на какую-либо территорию или в здание, помещение, по обеспечению сохранности и целостности объектов, перевозимых грузов, иных материальных ценностей; охранять — ограждать, стеречь, обеспечивать неприкосновенность кого-либо, чего-либо, оберегать от чьих-либо нападений, посягательств, враждебных действий, принимать меры для безопасности, для сохранения и т.п.;

— *защита* — совокупность мероприятий, осуществляемых в целях отражения враждебных посягательств, восстановления нарушенного права; защитить — отразить посягательство, нападение, оборонить, пресечь, прекратить.

Из приведенных трактовок рассматриваемых понятий можно сделать вывод, что охрана и защита — родственные и близкие категории, основное различие которых заключается в том, что охрана как вид деятельности чаще всего рассматривается как обеспечение некоего статус-кво, сохранности объекта, его целостности и неизменности, а защита — это активные действия по отражению и пресечению посягательства, восстановлению нарушенного порядка вещей.

Безусловно, такое разделение носит весьма условный характер, поскольку на

практике эти два понятия тесно взаимосвязаны и отдельно друг от друга существовать не могут. Как пишет известный теоретик права Н.И. Матузов, «охраняются права и интересы постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм»¹.

Охрана, таким образом, всегда предполагает защиту, а защита, в свою очередь, обеспечивается охраной. Такой вывод следует из норм Федерального закона «О ведомственной охране», где в качестве основной задачи ведомственной охраны обозначена *защита* охраняемых объектов от противоправных посягательств, а также из Положения о ведомственной охране Федерального агентства железнодорожного транспорта, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2009 г. № 540, в п. 2 которого основным предназначением ведомственной охраны Росжелдора указана *защита* наиболее важных объектов железнодорожного транспорта общего пользования и иных объектов железнодорожного транспорта, от противоправных посягательств, а также охрана грузов в пути следования и на железнодорожных станциях. То есть получается, что согласно действующему регулированию подразделения ведомственной охраны Росжелдора объекты железнодорожной инфраструктуры защищают (в том числе — от актов незаконного вмешательства)², а грузы — охраняют. Хотя понятно, что лица, сопровождающие груз, обязаны не только пассивно охранять груз, но и при необходимости (например, при попытке его хищения) активно защищать его.

Аналогичным образом трактуется соотношение этих понятий в официальных документах по стандартизации³:

¹ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 131.

² Согласно п. 5(1) указанного Положения подразделения ведомственной охраны, участвующие в обеспечении транспортной безопасности, являются подразделениями транспортной безопасности и осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством о транспортной безопасности.

³ ГОСТ Р 52551-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы охраны и безопасно-

— *охраняемый объект* — отдельное помещение или несколько помещений в одном здании, объединенные единым периметром, здания, строения, сооружения, прилегающие к ним территории и акватории, помещения, транспортные средства, а также грузы, денежные средства и иное имущество, подлежащее *защите* от противоправных посягательств;

— *подразделение охраны объекта* — структурное подразделение, осуществляющее деятельность по обеспечению *защиты* охраняемого объекта от криминальных и террористических угроз¹.

Все это наглядно свидетельствует о том, что какого-либо принципиального различия между охраной и защитой законодатель не делает, это единый процесс, составляющий основное содержание деятельности ведомственной охраны Росжелдора и подразделений транспортной безопасности.

По данному вопросу имеются правовые позиции, сформулированные судебными органами по результатам рассмотрения конкретных дел, связанных с деятельностью подразделений ведомственной охраны. В одном из таких решений имеется следующее утверждение: «Несмотря на формальную схожесть услуг по обеспечению охраны объекта от противоправных посягательств и защиты от актов незаконного вмешательства, нельзя их отождествлять и приводить к единому виду услуг, в связи с тем, что охрана объекта представляется более широким понятием, особенно осуществляемая ведомственной охраной, <...> только наличие на объекте ведомственной охраны способно обеспечить одновременно их защиту от противоправных посягательств в отношении материальных ценностей, хранящихся на объектах, предупредить и пресечь административные правонарушения в области противопожарной безопасности, с учетом наличия пол-

сти. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2016 г. № 1743-ст).

¹ См. подробнее: Землин А.И., Козлов В.В., Землина О.М., Холиков И.В. Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму на транспорте : учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020.

номочий по проверке соблюдения требований пожарной безопасности на охраняемых объектах, и от актов незаконного вмешательства»².

При изучении данного вопроса выявлено серьезное противоречие в правовом регулировании порядка выбора контрагента по договору оказания услуг по обеспечению транспортной безопасности на объектах железнодорожного транспорта. Данный договор предусмотрен п. 7.1 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности», из смысла которого следует, что владелец объекта железнодорожного транспорта может заключить такой договор как с подразделением ведомственной охраны Росжелдора, так и с любым иным юридическим лицом, аккредитованным в качестве подразделения транспортной безопасности³. Выбор указанных подразделений для заключения договора осуществляется по результатам конкурентных процедур. При этом ФГП «Ведомственная охрана железнодорожного транспорта» каких-либо преимуществ перед другими участниками рынка оказания услуг по обеспечению транспортной безопасности не имеет (в отличие от услуг по охране наиболее важных объектов железнодорожного транспорта, включенных в Перечень, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 3625-р, охрана которых подлежит исключительно подразделениями ведомственной охраны Росжелдора).

Результатом такого регулирования вполне может стать ситуация, когда объекту железнодорожного транспорта, включенному в упомянутый Перечень, будут оказывать схожие услуги одновременно две организации: подразделение ФГП «ВО ЖДТ России» — охранные услуги, а юридическое лицо, ставшее победителем кон-

² Решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 30 января 2020 г. по делу № 2-53620.

³ Как следует из сведений, размещенных на официальном сайте Росжелдора, на сегодня перечень юридических лиц, аккредитованных в качестве подразделений транспортной безопасности в сфере железнодорожного транспорта, включает 76 организаций.

курса, — услуги по обеспечению транспортной безопасности. Такая ситуация неизбежно создаст трудности как организационного характера, поскольку между данными организациями неизбежно будут возникать конфликты и конкуренция в разделении сфер ответственности, так и финансово-экономического характера, связанные с необходимостью владельца объекта оплачивать схожие услуги сразу двум организациям, хотя эти услуги вполне может оказывать одна организация путем комбинирования сил и средств охраны объекта и его защиты от актов незаконного вмешательства. Как указывается в одной из публикаций по данному вопросу, «может сложиться ситуация, когда на одном и том же посту будут находиться два сотрудника: один — от подразделения транспортной безопасности, другой — от охраны, а надзорные (контрольные) органы сегодня будут проверять соблюдение законодательства о транспортной безопасности, а завтра — об охране» (Семенов С.А. Ведомственная охрана и транспортная безопасность: соотношение понятий // Транспортное право и безопасность. 2021. № 3. С. 161).

Разрешением данной ситуации могло бы стать нормативное закрепление правила, согласно которому охрану наиболее важных объектов железнодорожного транспорта и обеспечение их транспортной безопасности должна осуществлять одна структура — ведомственная охрана Росжелдора. В этих целях предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2009 г. № 540 «Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального агентства железнодорожного транспорта» и в распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 3625-р, которым утвержден перечень наиболее важных объектов железнодо-

рого транспорта общего пользования, подлежащих охране подразделениями ведомственной охраны Росжелдора.

Таким образом, сугубо теоретический, на первый взгляд, вопрос о соотношении понятий «охрана» и «защита» в сфере обеспечения транспортной безопасности выводит нас на конкретные практические вопросы совершенствования правового регулирования складывающихся здесь общественных отношений.

Библиография

1. Амагыров, А.В. К вопросу о понятии «правовая защита» / А.В. Амагыров // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 118—123.
2. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография; 2-е изд. / Н.В. Витрук. — М., 2009. — 259 с.
3. Землин, А.И. Правовые и организационные аспекты противодействия терроризму на транспорте : учебник для вузов / А.И. Землин, В.В. Козлов, О.М. Землина, И.В. Холиков. — М.: Юрайт, 2020. — 156 с.
4. Корякин, В.М. Понятие транспортной безопасности и ее место в общей системе национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Транспортное право и безопасность. — 2016. — № 3. — С. 51—58.
5. Макарова, З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы / З.В. Макарова // Правоведение. — 2000. — № 3. — С. 217—231.
6. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. — 293 с.
7. Остапук, Н.В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав / Н.В. Остапук // Юрист. — 2006. — № 4. — С. 20—23.
8. Самович, Ю.В. О понятии «правовая защита» / Ю.В. Самович // МИТС-Наука: Международный научный вестник: сетевое электронное научное издание. — 2006. — Вып. 1.
9. Семенов, С.А. Ведомственная охрана и транспортная безопасность: соотношение понятий / С.А. Семенов // Транспортное право и безопасность. — 2021. — № 3. — С. 161—172.
10. Смирнов, А.П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» / А.П. Смирнов // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 123—125.

**Научно-практический комментарий к Указу
Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г.
№ 400 «О Стратегии национальной безопасности
Российской Федерации»**

© Криштопов Сергей Владимирович,
аспирант Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации, инспектор
отдела кадров Главного следственного управле-
ния Следственного комитета Российской Феде-
рации по Республике Крым и городу
Севастополю

Аннотация. В статье в плоскостях ретроспективы и направлений дальнейшего развития противоэкстремистского законодательства проводится анализ Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, утвердившего новую государственную Стратегию национальной безопасности. В статье комментируются изменения в сравнении с предшествующей редакцией Стратегии национальной безопасности с выявлением положительных и отрицательных аспектов. При этом особое внимание уделено вновь введенным понятиям (формулировкам) и предпосылкам их принятия. Кроме того, в статье выстроен прогноз дальнейшего развития как общего, так и специального законодательства в области борьбы с экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм, законодательство по борьбе с экстремизмом, стратегия национальной безопасности, уголовное право.

**Scientific and practical commentary to the decree of the president of
the Russian federation of 02.07.2021 № 400 «On the national securi-
ty strategy of the Russian Federation»**

© Krishtopov S.V.,
Postgraduate student of the Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation,
Investigator of the Second Department of the
Control and Investigation Department Department of
the Main Investigative Department of the
Investigative Committee of the Russian Federation
for the Republic of Crimea and the city of
Sevastopol

Annotation. The article analyzes Presidential Decree № 400 dated 02.07.2021, which approves a new State National Security Strategy, in terms of retrospective and directions of further development of anti-extremist legislation. The article comments on the changes in comparison with the previous version of the National Security Strategy, identifying positive and negative aspects. Particular attention is paid to the newly introduced concepts (wording) and the prerequisites for their adoption. In addition, the article provides a forecast of further development of both general and special legislation in the field of combating extremism.

Keywords: extremism, counter-extremism legislation, national security strategy, criminal law.

Общеизвестно, что уголовное законодательство состоит не только из Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), содержащего множество отсылочных

норм на ряд федеральных законов и иных подзаконных нормативных правовых актов. При этом уголовное законодательство постоянно реформируется и совершен-

ствуется, неизменно оставаясь в прямой зависимости от использованной при законодательстве юридической техники.

Законодательство о противодействии экстремизму, не является исключением, включая в себя источники права всех ступеней иерархии нормативных правовых актов, которые в свою очередь призваны друг друга дополнять.

Подчеркивая неизменно высокую значимость совершенствования законодательства о противодействии экстремизму, мы обратимся к данным официальной статистики МВД России за 7 месяцев 2021 г., согласно которой зарегистрировано 687 преступлений экстремистской направленности. Отметим, что прирост в сравнении с аналогичным периодом прошлого года¹ по данному показателю составил 31,1 %. При этом из числа совершенных раскрыты лишь 528 преступлений или 64 % от общего числа, что может свидетельствовать о ряде сложностей в их раскрытии.

В связи с этим приоритетность совершенствования законодательства о противодействии экстремизму всегда находится на высоком уровне.

Одним из правовых оснований деятельности по противодействию экстремизму» из принятых в 2021 г. является Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия). Слово «экстремизм» или его производные в тексте Стратегии упомянуты, ни много ни мало — 15 раз.

Предпосылки и основания принятия новой Стратегии в большинстве своем в основном перечислены в тексте. При этом мы полагаем возможным условно их разделить на две подгруппы:

I. Политические.

а) развитие многополярного мира с констатацией роста числа центров мирового и экономического развития повлекло появление ряда стран-лидеров,

претендующих на влияние в близлежащем от себя регионе. При этом с констатацией роли Российской Федерации в качестве одного из влиятельных центров современной реальности не согласны политические элиты стран Запада;

б) антагонизм и желание передовых западных государств сохранить неизменными ранее достигнутые сферы влияния, а также не допустить усиления стран с противоположным мнением на проведение политики;

в) снижение работоспособности существующей системы глобальной безопасности и обеспечивающих её международных институтов;

II. Социальные, появляющиеся как следствие политической (внутренней и внешней) деятельности ряда государств и крупных международных организаций. Характеризуются ростом социального неравенства и нестабильности, приводящих к радикализации, разрушению традиционных ценностей и экстремистским настроениям как в мире в целом, так и в отдельно взятых государствах.

Все политические причины в Стратегии представляются взаимосвязанными, но вместе с тем они могут существовать и в самостоятельном виде.

Сравнивая содержание Указов Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 и от 31 мая 2015 г. № 683, утверждавших Стратегию национальной безопасности ранее, с текстом в действующей редакции, прослеживается эволюция от констатации решения преимущественно внутренних проблем и обозначения внешних угроз до необходимости борьбы с внешними угрозами, явно посягающими как на внешнюю, так и на внутреннюю безопасность Российской Федерации. При этом проблема противодействия экстремизму и его различным проявлениям во всех перечисленных указах Президента обозначена как приоритетная.

От указа к указу декларируется постепенное увеличение роли информационного пространства как оружия в руках экстремистских формирований, объединений, граждан. Впервые обозначенные в тексте

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25443630/> (дата обращения: 23.09.2021).

Указа Президента от 31 декабря 2015 г. № 683 — «манипуляция общественным сознанием и фальсификация истории», к настоящему времени только усилились. При этом необходимость борьбы с указанными негативными явлениями послужили основанием для введения в УК РФ статьи 354.1.

Первые попытки ввести в УК РФ статью с таким содержанием были предприняты в 2009 г. Так, в пояснительной записке к соответствующему законопроекту, обуславливая необходимость криминализации этих отношений, данные противоправные деяния были обоснованно обозначены не иначе как «создающие условия для совершения преступлений, в том числе предусмотренного ст. 282.1 УК РФ»¹.

Как следствие должной реакции на увеличение числа преступлений в информационном и киберпространстве в 2021 г. ст. 354.1 УК РФ дополнена соответствующим пунктом в ч. 2 и частью 4, предусматривая как квалифицирующий признак совершение преступлений с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС) (в том числе «Интернет»).

Анализируя изменения в используемой в Стратегии терминологии, можно увидеть, что устранено двойное упоминание в понятиях «национальной безопасности Российской Федерации» и «национальных интересах Российской Федерации» связки «личности, общества и государства», в предшествующей редакции приведенных дважды с одним и тем же смыслом.

Претерпели изменения понятия «национальные интересы Российской Федерации» и «национальная безопасность Российской Федерации». Из последнего понятия исключены путем переноса в п. 26 Стратегии перечисления видов национальной безопасности. Данное изменение представляется логичным при учете указания в качестве правовой основы Стратегии Федерального закона от 28 декабря 2010 г.

№ 390-ФЗ «О безопасности», в ст. 1 которого виды национальной безопасности уже перечислены.

В разделе II Стратегии — «Россия в современном мире: тенденции и возможности», констатируется усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений. Данный факт можно дополнительно подчеркнуть негативным примером прихода к власти в Афганистане представителей радикальной террористической организацией «Талибан», запрещенной в Российской Федерации. Непосредственная близость Афганистана к границам нашего государства в свете указанных событий вызывает обоснованные опасения.

Как наиболее актуальные в свете противодействия экстремизму представляются положения, изложенные в п. 20 Стратегии.

Рядом недружественных зарубежных стран предпринимаются попытки направить имеющиеся в Российской Федерации социальные и экономические проблемы для достижения таких целей как:

- разрушение внутреннего единства;
- инспирирования и радикализации протестного движения;
- поддержки маргинальных групп;
- раскола российского общества.

При этом все чаще применяются не прямые методы с целью провоцирования долговременной нестабильности внутри нашего государства.

В числе не прямых методов, изложенных в Стратегии, можно отметить нападки на традиционные для России духовно-нравственные и культурно-исторические ценности со стороны США, их союзников, транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Обозначенными субъектами оказывается информационно-психологическое воздействие на сознание (индивидуальное, групповое и общественное). При этом способом избирается распространение социальных и моральных установок, которые противоречат традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации.

¹ Законопроект № 197582-5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/197582-5> (дата обращения: 05.09.2021).

В п. 88 Стратегии впервые упоминается понятие «культурного суверенитета», на который посягают факты попыток:

- фальсификации российской и мировой истории;
- искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти;
- разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов;
- ослабления государствообразующего народа.

Нам представляется, что протестное движение, как часть недружественной по отношению к Российской Федерации политики, западными государствами успешно апробировано путем инспирации смены режимов на ряде государств постсоветского пространства — Украине, Грузии и других.

Позитивно отметим, что не увенчались успехом аналогичные попытки реализации цветной революции в Белоруссии, где в качестве катализаторов событий использовались призывы к совершению преступлений экстремистской направленности. Масово в преступных целях использовалось пространство сети «Интернет».

Продолжая анализ в сравнении с текстом Указа в предшествующей редакции, отметим аналогичное отражение национальных интересов Российской Федерации (подп. 2 п. 25 Стратегии). По-прежнему к ним относятся защита независимости, конституционного строя и суверенитета, государственной и территориальной целостности России, а также укрепление обороны страны.

В п. 42 Стратегии констатируется высокий уровень преступности в отдельных сферах, рост числа преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. Экстремистские проявления представлены как оказывающие дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку.

При этом рост преступлений экстремистской направленности напрямую связан с общим ростом числа преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. Ведь преступления экстремистской направленности в

подавляющем большинстве совершаются в Интернет-пространстве, что в своих исследованиях отмечают отдельные ученые¹.

Так, в многообразии вариаций преступного использования информационных технологий сформулирован п. 44 Стратегии, где обозначаются несколько самостоятельных и одновременно взаимодополняющих друг друга угроз:

- деструктивных сил за пределами и внутри страны, предпринимающих попытки использовать социально-экономические трудности внутри страны для стимулирования негативных социальных процессов, усиления межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипуляций в информационной сфере;

- активности спецслужб, организаций иностранных государств, аффилированных с ними российских общественных объединений, а также частных лиц;

- международных организаций террористического и экстремистского толка, нацеленных на усиление пропагандистской работы (в том числе для вербовки граждан Российской Федерации), создание на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечения в указанную противоправную деятельность российской молодежи;

- широкого использования возможностей всемирных интернет-компаний для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций.

Информационная безопасность, подчеркивая её важность, представлена в Стратегии отдельным блоком как часть национальной безопасности. В свою очередь быстрота развития ИТС выражена взаимосвязанной с повышением вероятности возникновения угроз гражданам, обществу и государству (п. 48 Стратегии).

Констатируется повсеместное использование ИТС для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а

¹ Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 5.

также подрыва их суверенитета и территориальной целостности (п. 49 Стратегии). ИТС «Интернет» констатируется местом размещения материалов экстремистских организаций и иной противоправной информации. Основным объектом такого деструктивного и разрушительного воздействия намечена молодежь.

Примеры привязки конкретных организаций к экстремистской деятельности находятся на поверхности. Так, за последний год экстремистскими сообществами в установленном законом порядке судами признаны:

— «АУЕ»¹ — ввиду деструктивной деятельности движения, основанной на криминально-экстремистской идеологии, представляющей угрозу жизни и здоровью граждан (в том числе несовершеннолетних), обществу и государству;

— некоммерческие организации «ФБК», «ФЗПП» и «Штабы Навального» — ввиду фактического осуществления ими экстремистской деятельности, под завесой либеральных лозунгов скрытно занимавшиеся формированием условий для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации, имея конечными целями деятельности — изменение основ конституционного строя, используя сценарий «цветной революции»².

Конечными и желаемыми целями деятельности вышеуказанных незаконных организаций являлось создание необходимых условий для изменения основ конституци-

онного строя. При этом к реализации не исключались сценарии «цветной революции».

Как и в предшествующей редакции, Стратегия ставит в приоритет проведение соответствующей работы с несовершеннолетними гражданами и молодежью, целями которой обозначены предупреждение и профилактика радикализма, экстремистских и иных преступных проявлений.

Данное направление деятельности по профилактике преступлений указанной категории нам представляется полностью оправданным по следующим основаниям.

Так, законодательно закреплено, что молодежь в Российской Федерации являются лица от 14 до 35 лет включительно³, то есть наиболее трудоспособная и активная масса граждан нашей страны. При этом, согласно статистическим данным, именно молодежь является основным пользователем ИТС, включая «Интернет», инноваций, цифровых финансовых инструментов.

Например, в феврале-ноябре 2020 г. число пользователей ИТС «Интернет» в России (как вышедших в сеть не менее 1 раза в месяц) по возрастным группам от 12 до 24 лет составило 97,1 %, от 25 до 34 лет — 95,8 %⁴.

Учитывая столь широкую аудиторию пользователей, именно безопасность ИТС, включая сети «Интернет», служит одной из основ обеспечения безопасности государства, его единства, территориальной целостности, залогом минимизации экстремистских проявлений внутри общества по признаку расы, национальности, цвета кожи, языка, происхождения и т.п.

Статистика это дополнительно подчеркивает. Так, с использованием ИТС за 7 месяцев 2021 г. совершены 338 преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ,

¹ Верховный Суд признал АУЕ экстремистской организацией // Российская газета : официальный сайт. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/17/verhovnyj-sud-zapretil-dvizhenie-ae-v-rossii.html> (дата обращения 21.08.2021).

² Прокуратурой города Москвы подан иск о признании экстремистскими организаций «ФБК», «ФЗПП» и «Штабы Навального» // прокуратура города Москвы: официальный сайт. 2021. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=61066829 (дата обращения 21.08.2021); Мосгорсуд ликвидировал НКО «Фонд борьбы с коррупцией», НКО «Фонд защиты прав граждан» // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : официальный сайт. 2021. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/news/mosgorsud-likvidiroval-nko-fond-borby-s-korrupsiej-nko-fond-zashhity-prav-grazhdan> (дата обращения 21.08.2021).

³ О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон N 489-ФЗ. — Российская газета. 11 января 2021 г.

⁴ Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100 % // РосБизнесКонсалт : официальный сайт. 2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения 21.08.2021).

продемонстрировав рост на 50,9 % по сравнению с прошлым годом.

Также в Стратегии в качестве проблемы представлена анонимность использования ИТС, выражающаяся в расширении возможностей финансирования экстремизма и терроризма.

В связи с обозначенной проблематикой, абсолютно закономерной целью обеспечения информационной безопасности рассматриваемой Стратегией намечено укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве.

В том числе для целей обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации в январе 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, на законодательном уровне упорядочивший понятийный аппарат и регламентирующий правоотношения, возникающие в процессе оборота цифровой валюты.

В заданном Стратегией формате борьбы с экстремизмом в Интернет-пространстве находятся изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», вступившие в силу с 1 февраля 2021 г.² В данном Федеральном законе сформулировано определение «социальная сеть»: «... сайт и (или) страница в сети «Интернет», и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, предназначенные и (или) используемые их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации ... и доступ к которым в течение суток составляет более 500 000 пользователей сети «Интернет», находящихся на территории

Российской Федерации...». При этом их владельцы обязаны не допускать использования своего программного продукта для целей совершения уголовно наказуемых деяний, включая распространение материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов. Также законодательно закреплена обязанность владельцев осуществлять мониторинг социальной сети для выявления подобных материалов с последующим ограничением к ним доступа.

В свою очередь, Роскомнадзор, как контролирующий орган, в сентябре 2021 г. анонсировал ведение реестра социальных сетей, в который уже включены «Facebook», «Twitter», «Instagram», «TikTok», «Likee», «Youtube», «ВКонтакте» и «Одноклассники»³.

Все вышеуказанные меры в совокупности являются профилактическими и направленными на минимизацию совершения преступлений экстремистской направленности. Учитывая, что социальные сети являются потенциальной площадкой для совершения преступлений подобного рода, проведение такой политики, вероятно, продемонстрирует позитивную тенденцию, результаты которой мы сможем увидеть уже в ближайшее время. Предупреждение пользователя о размещении им потенциально экстремистского контента может служить превентивной мерой.

Подводя итоги настоящей статьи, можно сделать вывод о том, что борьбе с экстремизмом в различных его проявлениях в Стратегии традиционно отведена ведущая роль. При этом Стратегия в части противодействия преступлениям экстремистской направленности ориентирована на минимизацию их совершения в сфере информационных технологий и молоде-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"».

³ Роскомнадзор приступил к формированию реестра социальных сетей. Текст : электронный // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации : официальный сайт. — 2021. — URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73860.htm> (дата обращения 24.09.2021).

жью, в частности, что требует дальнейшего совершенствования, как общего, так и специального законодательства с учетом дополнительно возникающих угроз.

Каких-либо негативных аспектов в сравнении с текстом Стратегии в предыдущей редакции при анализе не отмечено. В связи с этим представляется, что каждая Стратегия включает в себя наиболее актуальные направления противодействия проявлениям экстремизма в соответствии с имеющимися задачами.

Также можно смело предположить, что с учетом новых векторов развития, заданных Стратегией, законодательные процессы, направленные на совершенствование борьбы с экстремизмом, будут продолжены. Прогнозируемо подлежит совершенствованию уголовное законодательство в части борьбы с рассматриваемыми преступлениями в сфере ИТС (включая «Интернет»).

Кроме того, в связи с констатацией в Стратегии массовых попыток инспирирования совершения преступлений экстремистской направленности из-за рубежа, не исключено введение в статьи 280—280.2, 282—282.3 УК РФ специального квалифицирующего признака для иностранных граждан или лиц без гражданства за совершение соответствующих противоправных действий по заданию иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей. Вместе с тем данный вопрос требует дальнейшей дополнительной проработки.

Библиография

Бешукова, З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук / З.М. Бешукова. — Краснодар, 2020. — 632 с.

Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, член Национальной ассоциации административистов

Аннотация. В представленной статье дается оценка Стратегии национальной безопасности Российской Федерации с точки зрения противодействия терроризму и экстремизму. Указывается, что войска национальной гвардии выполняют, наряду с иными правоохранительными органами, ключевую роль в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом, чем и обуславливается ведущее место войск в указанной системе обеспечения национальной безопасности. Раскрыты основные тенденции противодействия терроризму. Проведен анализ уголовного законодательства, регулирующего особенности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Отмечается, что вопрос о том, являются те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда.

Ключевые слова: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; войска национальной гвардии; государственная и общественная безопасность; терроризм; экстремизм.

The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism

© Shenshin V.M.,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor, member of the National Association of Administrative Officers

Abstract. The article presents an assessment of the National Security Strategy of the Russian Federation from the point of view of countering terrorism and extremism. It is indicated that the National Guard troops, along with other law enforcement agencies, play a key role in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism, which determines the leading place of the troops in the specified system of ensuring national security. The main trends in countering terrorism are revealed. The analysis of the criminal legislation regulating the peculiarities of bringing guilty persons to criminal responsibility is carried out. It is noted that the question of whether certain actions are public calls to carry out ex-

tremist activities or to carry out actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation, as well as incitement to hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity, is within the competence of the court.

Keywords: National Security Strategy of the Russian Federation; National Guard troops; state and public security; terrorism; extremism.

В российском государстве основой правовой базы по противодействию терроризму является Конституция Российской Федерации, запрещающая создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, а также не допускающую пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, и иные нормативные правовые акты.

Из содержания Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» следует, что под правонарушением понимается преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность.

Подпунктом «а» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664¹ установлено, что первоочередные меры по пресечению террористического акта или действий, создающих непосредственную угрозу его совершения, осуществляются силами и средствами федеральных органов исполнительной власти.

Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 определено, что Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации входит в раздел I «Федеральные министер-

ства, федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам»². Следовательно, Росгвардия³ как федеральный орган исполнительной власти, является одним из ключевых субъектов профилактики правонарушений, призванный осуществлять всю совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Одной из задач, возлагаемых Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ⁴, на войска национальной гвардии, является участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

С.И. Ожегов в словаре русского языка определяет, что участие — это деятельность по совместному выполнению чего-нибудь, сотрудничество в чем-нибудь; бороться — стремиться уничтожить, искоренить что-нибудь; добиваться чего-нибудь, преодолевая препятствия; терроризировать — устрашить террором, насилиями; запугать

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму».

² Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

³ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

чем-нибудь, держа в состоянии постоянного страха¹.

Решение политического руководства страны о создании Росгвардии стало очередным системным шагом по обеспечению государственной и общественной безопасности, а также защите прав и свобод граждан.

Росгвардия во взаимодействии с правоохранительными органами страны выполняет комплекс масштабных задач по обеспечению общественной безопасности российских граждан, противодействию терроризму и экстремизму. Подразделения войск национальной гвардии охраняют важные государственные объекты, контролируют оборот оружия², частную охранную деятельность³, оказывают услуги населению по охране объектов, домов, квартир и других мест хранения имущества граждан⁴.

¹ Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и образование, 2015.

² Гонтаренко И.А., Шеншин В.М. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 10. С. 10—17; Назарова И.С., Шеншин В.М. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 19—25; Назарова И.С., Шеншин В.М. Об особенностях оборота некоторых видов оружия // Право в Вооруженных силах. 2019. № 6 (263). С. 32—37; Шеншин В.М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 109—114.

³ Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 52—54.

⁴ Так, например, в 2016 г. военнослужащие и сотрудники Росгвардии обеспечили безопасность подготовки и проведения пятнадцати мероприятий мирового и государственного масштаба, силами Росгвардии осуществлена охрана и антитеррористическая защищенность важных государственных объектов и специальных грузов. Подготовлено и проведено свыше двух тысяч специальных мероприятий, в т.ч. более тысячи

В Российской Федерации терроризм представляет угрозу национальной безопасности, ее национальным интересам со стороны как террористических групп на территории страны, так и транснациональных экстремистских и террористических организаций, пытающихся влиять на политические процессы в нашей стране, прикрываясь этнополитическими и религиозными лозунгами.

В настоящее время терроризм все больше угрожает безопасности личности, общества и государства. Террористические акты, совершенные в разных городах и населенных пунктах России, показали, что террористы стремятся к созданию в российском обществе обстановки страха и нестабильности. В недавнем прошлом борьба с ними являлась прерогативой спецслужб. Однако теперь обстановка существенно изменилась. Мы имеем дело с международным терроризмом. Характер происходящих в России событий, изменение внешней политики, рост международного авторитета руководства вызывают существенный интерес иностранных государств ко всем аспектам политической, экономической жизни и обороноспособности страны, в том числе государств, которые стремятся во, чтобы то ни стало, ослабить ее развитие и принизить роль на международной арене, нередко и с помощью террористических организаций. Поэтому политическим руководством российского государства придается особое значение в сфере участия всех силовых структур в борьбе с ними. И важное значение здесь имеет своевременное принятие нормативных правовых актов⁵.

мероприятий профилактического характера, направленных на поддержание правопорядка, защиту прав и свобод граждан.

⁵ См. подробнее: Борисов С.В., Харитонов С.С. Особенности регламентации ответственности в контексте обеспечения законности за преступления террористической направленности в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Право.ру. 2019. № 4 (60). С. 106—110; Харитонов С.С. О некоторых вопросах квалификации и назначения наказаний за преступления террористической направленности // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2019. № 9 (266). С. 59—67.

Пунктом 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.¹ определялись основные угрозы государственной и общественной безопасности, к которым в том числе были отнесены: деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

Действующая Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² в п. 12 предусматривает, что на должном уровне обеспечиваются государственная и общественная безопасность, существенно снижен уровень террористической активности.

В п. 44 Стратегии определяется, что дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

Пунктом 47 Стратегии предусмотрено, что достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности

осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение таких задач, как предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма; финансирования терроризма; предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи.

При этом Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 165-ФЗ установлены правовые основы контроля (надзора) в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения³.

В п. 52 Стратегии идет речь о том, что в целях дестабилизации общественно-политической ситуации в Российской Федерации распространяется недостоверная информация, в том числе заведомо ложные сообщения об угрозе совершения террористических актов. В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещаются материалы террористических и экстремистских организаций, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, совершению самоубийства, осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, размещается иная противоправная информация. Основным объектом такого деструктивного воздействия является молодежь.

Одновременно нарастают проявления религиозного экстремизма и терроризма (п. 86 Стратегии). Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Далее по тексту — Стратегия.

³ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны экстремистских и террористических организаций (п. 87 Стратегии).

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения задачи по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой и религиозной нетерпимости, международной розни (подп. 13 п. 93 Стратегии).

Предыдущая редакция Стратегии предусматривала, что в целях обеспечения государственной и общественной безопасности:

— совершенствовались структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма;

— создавались механизмы противодействия участию российских граждан в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом;

— принимались меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций.

Действующая Стратегия указанных мер не содержит.

Следует констатировать, что последние одиннадцать лет терроризм, по данным статистики, характеризовался разнонаправленными данными, как негативными, так и позитивными (тенденция снижения количества актов), однако рост терроризма все же превалировал над снижением его показателей.

Рост террористических актов — не единственный негативный показатель современного терроризма. Одной из самых страшных его тенденций становится все возрастающая жестокость терроризма и

террористов. Терроризм отрицает и попирает все человеческие ценности, нанося удар по святым для любого нормального человека местам, потенциальному кругу потерпевших, времени.

Очевидной негативной тенденцией современного терроризма в России выступает факт приобретения им международного характера.

Современный терроризм обладает и другими негативными тенденциями (связью с организованной преступностью и коррупцией и т.д.). В этих условиях эффективное противодействие терроризму, недопущение его, предотвращение отдельных террористических актов — главная задача всех государств и народов, России в том числе¹.

Акцентируем внимание на том, что сегодня формируется система защиты отечественного интернет-пространства, препятствующая размещению материалов террористической и экстремистской направленности².

Основными тенденциями противодействия терроризму являются:

Устранение терророгенных противоречий и конфликтов — характеризуется социальным неравенством, порождающим противоречия, ведущие к возникновению конфликта, в котором терроризм используется в качестве средства достижения целей. Устранение причин противоречий, лежащих в основе конфликтов, а также прекращение самих конфликтов является основой и наиболее перспективной тенденцией противодействия терроризму.

Делегитимация терроризма, то есть придание объекту таких характеристик,

¹ В 2015 г., например, российские спецслужбы вместе с правоохранительными органами ликвидировали 156 боевиков, в том числе 36 главарей.

² Например, в первом полугодии 2015 г. выявлено и заблокировано более 3 тыс. таких информационных ресурсов. Благодаря профилактическим мероприятиям, почти в три раза по сравнению с 2014 г. возросло число лиц, склоненных к отказу от террористической и экстремистской деятельности — с 34 человек в 2014 г. до 98 человек в 2015 г. За пять лет свыше 300 человек отказались от пособничества террористам и вернулись к мирной жизни.

которые не поддерживаются большинством. Ее основой является расплывчатость значения понятия «терроризм», о чем свидетельствует многообразие точек зрения на выработку дефиниции терроризм;

Централизация контртеррористической деятельности — представляет собой сосредоточение управления в одном центре, она предполагает создание иерархической структуры управления, в которой преобладают вертикальные связи.

Ограничение информации о контртеррористической деятельности уполномоченных органов. Формирование указанной тенденции обусловлено стремлением субъектов борьбы с терроризмом минимизировать поступающую в СМИ информацию о деятельности субъектов терроризма. Тем самым террористы лишаются возможности достичь одной из промежуточных целей своей деятельности — получить освещение в СМИ¹.

В 2016 г. Президент Российской Федерации подписал два антитеррористических закона — так называемый «пакет Яровой». Первым (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ²) внесены изменения в УК РФ и УПК РФ, в частности, усилена ответственность за ряд преступлений террористической и экстремистской направленности, введены новые составы: несообщение о преступлении, акт международного терроризма, расширен перечень преступлений, ответственность за совершение которых наступает по достижении 14-летнего возраста.

¹ Например, в Российской Федерации, одним из принципов противодействия терроризму является сочетание гласных и негласных методов, конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников.

² Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

Вторым (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ³) скорректированы положения 18 законов, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности, производства и оборота оружия, воздушных перевозок, почтовой связи. Кроме того, документом установлены новые требования к объему и срокам хранения данных операторами связи и организаторами распространения информации в Интернете.

Причиной особого внимания к передаваемым в сети данным выступает повышение интернет-активности экстремистских и террористических организаций. Однако помимо совершенствования антитеррористического законодательства и противодействия терроризму и экстремизму со стороны уполномоченных органов, большое значение имеет и работа по борьбе с пропагандой террористической и экстремистской деятельности, в которую может и должно быть вовлечено все общество⁴.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Так, например, проектом Федерального закона № 1157845-7⁵ в целях обеспечения дополнительных возможностей для противодействия терроризму, экстремизму, а также организованной преступности законопроектом предлагается:

³ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

⁴ Так, любой гражданин может сообщить, например, о действиях вербовщиков террористической организации «Исламское государство» деятельность которой запрещена на территории России, по телефону 8-800-737-77-66 или с помощью специальной формы (orpf.ru/ru/1449/2134/2205/2206/), также можно сообщать о распространении экстремистского контента.

⁵ Проект Федерального закона № 1157845-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 26.05.2021).

— рассматривать использование сети Интернет как квалифицирующий признак при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия;

— квалифицировать состав преступления в форме сбыта огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему как тяжкое преступление;

— вывести преступления, связанные с незаконным оборотом крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, в отдельную статью УК РФ;

— ввести уголовную ответственность за незаконное изготовление или сбыт пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж;

— приравнять хулиганство, совершенное с использованием легковоспламеняющихся, пиротехнических и иных предметов или веществ, представляющих опасность для окружающих, к аналогичному деянию, совершенному с использованием оружия;

— усилить меры наказания, предусмотренные ст. 222, 222.1, 223 и 223.1 УК РФ.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ¹ уточнено понятие экстремизма¹. Теперь к экстремизму относится нарушение целостности страны. Уточнено, что речь идет о нарушении территориальной целостности (в т. ч. отчуждении части территории), кроме делимитации, демаркации и редемаркации границы.

Федеральным законом от 1 июля 2021 № 280-ФЗ² установлено, что в Российской Федерации запрещается использование, в том числе публичное демонстрирование, являющихся экстремистскими материалами изображений руководителей групп, организаций или движений, признанных

преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала).

Также к экстремистским материалам теперь отнесены, в том числе выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями.

Экспертами отмечается, что уровень пропаганды террористической и экстремистской деятельности³ растет: снимаются качественные видеоролики, составляются комиксы, призывающие к борьбе с несправедливостью для создания идеального мира и т. д., то есть используются наиболее популярные среди подростков виды контента. Поэтому и борьбу с пропагандой нужно вести, используя подобные механизмы, например, снимать фильмы и выпускать наглядные брошюры с разъяснением реальных целей террористических и экстремистских группировок, методов выявления действий вербовщиков и противостояния им.

Не стоит в стороне от участия в законодательном процессе и Росгвардия. Так в январе 2017 г. обсуждался подготовленный Росгвардией законопроект, принятие которого способствовало бы установлению уголовной ответственности за нарушение требований к антитеррористической за-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

² Федеральный закон от 01.07.2021 № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

³ Шевченко И.В., Дынер А.В. Войска национальной гвардии РФ в борьбе с экстремизмом // Теория и практика современной аграрной науки : Сборник III национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием. 2020. С. 496—499; Шевченко И.В., Мамрешев А.А. Государственный механизм противодействия угрозам государственной и общественной безопасности: вопросы реализации // Актуальные проблемы агропромышленного комплекса : Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Новосибирского ГАУ. 2020. С. 563—567.

щищенности объектов, а также мест массового пребывания людей.

Законопроектом предполагалось, что ответственность будет наступать только в случае гибели или причинения тяжкого вреда здоровью граждан, а также, если в результате террористического акта был причинен крупный ущерб имуществу. При этом, максимальный размер наказания, которое может быть назначено в соответствии с проектом поправок, составит семь лет лишения свободы с запретом занимать определенные должности на срок до трех лет. А крупным предлагается признавать ущерб в размере от 1 млн. руб.

Важно учитывать, что Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Следовательно, на ее реализацию направлены решения, в том числе, и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления.

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹, что обусловлено возникающими в правоприменительной практике вопросами.

Разъясняется, что свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе. Суды должны тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для воз-

буждения дела при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности в порядке статьи 125 УПК РФ. Это предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений. Применительно к ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») к таким данным относится не только сам факт размещения в Интернете изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения.

При рассмотрении дел о размещении лицом в сети «Интернет», в частности, на своей странице или на страницах других пользователей, материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистской, следует убедиться, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

В случае недоказанности указанных фактов, деяние не может быть квалифицировано по ст. 282 УК РФ.

Решая вопрос о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и преступной цели суд должен исходить из всех обстоятельств содеянного и учитывать форму и содержание размещенной информации, ее контекст, факт личного создания либо заимствования информации, отношение автора к ней, а также содержание всей страницы этого лица.

Кроме того, имеет значение деятельность лица, разместившего данную информацию, до и после публикации, его

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

личность (приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее к административной или уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частота и продолжительность ее размещения и др.

Также суды должны учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния. В связи с этим судам необходимо принимать во внимание влияние размещенной информации на поведение аудитории, которой она была доступна, размер и состав этой аудитории, количество просмотров.

При этом заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности не имеют заранее установленной силы, не обладают преимуществом перед другими доказательствами. Они оцениваются по общим правилам в совокупности с другими доказательствами.

Вопрос о том, являются те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда.

Отметим, что в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30¹ федеральный орган исполнительной власти *самостоятелен* в осуществлении своих полномочий, установленных федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

При осуществлении своих полномочий федеральный орган исполнительной власти *непосредственно взаимодействует с другими органами* государственной власти и органами местного самоуправления, если

иной порядок не установлен федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при осуществлении ими согласованных действий определяется нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также согласованными или совместными актами федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 августа 2015 г. № 804 утверждены Правила определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, других юридических лиц, а также физических лиц.

Указанные Правила в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» устанавливают порядок формирования перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальных предпринимателей, указанных в части второй ст. 5 Федерального закона.

В Письме Росфинмониторинга от 13 сентября 2021 г. № 06-00-27/19865 «О Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму» определено, что Федеральная служба по финансовому мониторингу в целях обеспечения переходного периода по введению в действие нового формата «XML» перечня организа-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 30 «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти».

ций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму и его XSD схемы, в связи с вступлением в действие приказа от 19 марта 2021 г. № 52 «Об утверждении порядка ведения Федеральной службой по финансовому мониторингу сформированного перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, его структуру и формат размещаемой в нем информации», а также предложений о продлении сроков выстраивания нового процесса работы с Перечнем, обеспечит размещение Перечня в Личном кабинете на сайте Росфинмониторинга в новом формате «XML» и в формате «DBF» до 24 ноября 2021 г.

Резюмируя сказанное, отметим, что войска национальной гвардии выполняют, наряду с иными правоохранительными органами, ключевую роль в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом, чем и обуславливается ведущее место войск в указанной системе обеспечения национальной безопасности.

Библиография

1. Борисов, С.В. Особенности регламентации ответственности в контексте обеспечения законности за преступления террористической направленности в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь / С.В. Борисов, С.С. Харитонов // *Право.by*. — 2019. — № 4 (60). — С. 106—110.
2. Гонтаренко, И.А. Особенности осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере оборота оружия войсками национальной гвардии / И.А. Гонтаренко, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 10.
3. Назарова, И.С. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12 (269).
4. Назарова, И.С. Об особенностях оборота некоторых видов оружия / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6 (263).
5. Фаисханов, Р.Р. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций / Р.Р. Фаисханов, В.М. Шеншин // *Российская юстиция*. — 2020. — № 9.
6. Харитонов С.С. О некоторых вопросах квалификации и назначения наказаний за преступления террористической направленности / С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 9 (266). — С. 59—67.
7. Шевченко, И.В. Войска национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с экстремизмом / И.В. Шевченко, А.В. Дынер // *Теория и практика современной аграрной науки : Сборник III национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием*. — М., 2020.
8. Шевченко, И.В. Государственный механизм противодействия угрозам государственной и общественной безопасности: вопросы реализации / И.В. Шевченко, А.А. Мамрешев // *Актуальные проблемы агропромышленного комплекса : Сборник трудов научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов Новосибирского ГАУ*. — Новосибирск, 2020. — С. 563—567.

Теория и история военного права

Дефинирование информации в документах информационной безопасности: проблемы понимания и пути их решения

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, научный
сотрудник научно-исследовательского отдела
Военного университета Минобороны России

Аннотация. В работе на основе анализа существующих подходов к дефинированию термина «информация» в документах информационной безопасности предлагается авторская формулировка того же термина, в которой максимально учтены особенности юридической конструкции правового института информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, носитель информации, информационное воздействие, объект информатизации, защита информации, кибербезопасность, информационная война.

Defining information in information security documents: problems of understanding and ways to solve them

© Aulov V.K.,
Candidate of Law, Associate Professor, Researcher
of the Research Department Military University of
the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. Based on the analysis of existing approaches to the definition of the term "information" in information security documents, the author's formulation of the same term is proposed, which takes into account the features of the legal structure of the legal institute of information security to the maximum.

Keywords: information security, information carrier, information impact, object of informatization, information protection, cybersecurity, information warfare.

Решение теоретической проблемы дефинирования термина «информация» применительно к юриспруденции имеет большое научное и практическое значение. Необходимость разработки данного понятия предопределена многозначностью термина, а также необходимостью его достоверного отграничения от смежных правовых категорий, используемых в законах и подзаконных актах.

Применительно к информационной безопасности проблема приобретает особую значимость. В этой области общественных отношений термин «информация» является основным самостоятельным элементом юридической конструкции все-

го правового института данного вида безопасности. Именно на «информации» — многосмысленной и, по сути своей, междисциплинарной категории, базируется понятийный ряд производных категорий, определяющих в руководящих документах цель, задачи, состав и принципы работы системы обеспечения информационной безопасности государства.

Парадокс состоит в том, что действующие на сегодняшний день базовые документы стратегического планирования в области безопасности: Военная доктрина, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Феде-

рации, Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, умалчивают о содержании понятия «информация» и о ее существенных признаках¹. Не дают ответа на этот вопрос и предшествующие редакции перечисленных актов стратегического планирования².

Легальная дефиниция термина, сформулированная в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информации», не в полном объеме соответствует требованиям содержательной, а также лексической системности³. Определение информации как «сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления» содержит явную ошибку «логического

круга». В процитированном законе понятие «информация» раскрывается через термины «сообщения» и «данные». В иных нормативных актах термины «данные» и «сообщения» отсылают к понятию «информация».

В результате степень защищенности общественных отношений от информационных угроз зависит не только от результативности взаимодействия государственных органов, отвечающих за устранение условий и факторов, генерирующих опасность в данной сфере, но и может определяться пробелами в теории.

Несостоятельный прием изложения анализируемого термина является своего рода традицией и используется законодателем, начиная с утратившего силу Федерального закона от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене»⁴. В этом законодательном установлении присутствует следующая формулировка: «Документированная информация (документ) — зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» (ст. 2 названного Закона).

Что касается действующего законодательства, то знак равенства ставится между терминами «сообщения» и «данные» в абз. 8 ч. 2 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне». Как синонимы термины «данные» и «информация» толкуются в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (п. 1 ст. 3). Разница состоит в том, что в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация раскрывается через термины «сведения (сообщения, данные)», а в Федеральном законе «О персональных данных» понятие «данные» объясняется отсылкой к слову «информация». К слову сказать, сходным образом проблематика определения термина «информация» решается и в

¹ См.: Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976; Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности»; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 и др.

² См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года : утв. Президентом Российской Федерации 24 июля 2013 г. № Пр-1753; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895; Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212.

³ Миронова Е.А. Правовые дефиниции и правовое дефинирование // ОГАРЁВ-ONLINE. 2015. № 16 (57). С. 5—11.

⁴ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» признан утратившим силу.

ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455 «Об информации, информатизации и защите информации», где термин «информация» дефинируется как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления».

В уголовном законодательстве проблематична даже идентификация исходной посылки, лежащей в основе производных от термина «информация» глагольных категорий. Подтверждением сказанному может служить ч. 3 ст. 137 УК РФ, согласно которой информация, подобно некой юридической «матрешке» может содержать информацию. Об этом же свидетельствует ч. 1 ст. 273, согласно которой информация может уничтожать, блокировать, модифицировать и копировать другую информацию.

Иными словами, «информация» одновременно может быть и предметом уголовно-правовой охраны (ст. 137, 183, 311, 320 и т.д. УК РФ), и определять способ совершения преступления (ст. 159.1, 170, 176, 185.3 и т.д. того же УК), и номинировать свои особые параметры в качестве факультативных признаков составов некоторых преступлений.

Примером такой номинации могут быть: ст. 140 УК РФ — «Отказ в предоставлении гражданину информации», где в диспозиции говорится об «информации, подлежащей обязательному предоставлению»; ст. 287 того же УК — «Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации», где в диспозиции говорится о «заведомо неполной либо ложной информации» и т.д.¹

Формулировки УК РФ не всегда согласуются с нормами КоАП РФ, регулирующими смежные правоотношения в информационной сфере. Законодательство об административной ответственности дополняет категориальный аппарат информационной безопасности такими синонимическими конструкциями как «информа-

ционный материал» и «информационная продукция» (ст. 5.14 и 6.17 КоАП РФ).

Не стал исключением из ошибки «логического круга» и Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.0-99, принятый Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации СНГ². Акт технического регулирования содержит следующие стандартизированные термины. В ст. 3.1.19 — информация: сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации. В ст. 3.1.23. — сообщение: информация, переданная и (или) полученная в процессе коммуникации.

Необходимо отметить, что требования ГОСТ 7.0-99 соответствуют требованиям соответствующего международного стандарта Международной организации по стандартизации (ISO), подход которой к дефиниции, независимо от действующей редакции стандарта ISO сводится к тому, что «информация — это производная составляющая данных»³.

Приведенных данных достаточно, чтобы признать присутствие в действующем законодательстве признаков методологического тупика юридической науки, где основу замкнутого круга взаимных отсылок имплицитно составляет отношение к информации как к самостоятельному универсальному понятию и потенциально самодостаточному термину.

Выход из сложившейся ситуации видится в иной теоретической позиции, базирующейся на отказе «информации» в субстанциональности. В исходная посылка нового взгляда вытекает непосредственно из Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где прямо прописа-

² Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза, п. 2.

³ Цит. по: Варламова Л.Н. Информация — данные — документированная информация — документ: соотношение терминов и их определений в международных стандартах ИСО и МЭК // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 27—34.

¹ Ст. 330.1 и 330.2 УК РФ.

но, что понятие термина «информация» подразумевает обязательное наличие ее носителя (формы ее представления) (п. 1 ст. 2).

Нельзя не сказать и о том, что ключевые субъекты геополитики не рассматривают информацию как самостоятельную категорию, сводя ее исключительно к особому качеству (характеристике) ее носителя (изделия). Вероятно, причина в том, что универсальный способ осмысления «информации» российским законодателем не соответствует западной практике «защиты конфиденциальности, целостности и доступности данных»¹. Там, где Россия оперирует «информационной» терминологией, западными акторами используется «кибер» терминология².

По этому поводу существует гипотеза, что под предлогом посягательств российской стороны на свободу слова коллективный запад категорически не желает использовать «информационную» терминологию в переговорах, сводя всю проблематику к защите технических средств, так, как будто общество абсолютно неуязвимо к воздействиям современных социальных сетей, электронных СМИ и других средств массового информирования. Предположение косвенно подтверждается формули-

ровками международных стандартов Международной организации по стандартизации (ISO)³. В частности, действующий в настоящее время ИСО 9000-2015 определяет термин «document» как «информацию и носитель, на котором она содержится»⁴.

Российскими учеными субстанциональная несамостоятельность информации обсуждается достаточно давно и активно. Постулируется «невозможность для нее существовать и функционировать без материального носителя». Обращается внимание на «двуединство информации и материального носителя, на котором она закрепляется»⁵. Акцентируется внимание на том, что «... для своего проявления информация нуждается в объектах (или процессах) физической реальности, которые и служат ее носителями. Без этих объектов (или процессов) информация проявить себя принципиально не может»⁶. Если признать, что «наблюдение изменяет самого наблюдателя»⁷, а «результат восприятия информации в значительной степени определяется свойствами воспринимающей системы»⁸, то отказ от попыток определения термина «информация» как самостоятельного понятия, представляется логичным и обоснованным.

Содержательная сущность предлагаемого изменения состоит не в отказе от термина «информация» как такового, а в его новом понимании. Трансформация значения анализируемого термина обуславливается сужением смыслового поля термина до достаточного и необходимого для правового института информационной

¹ Приблизительно в таких формулировках с 2013 г. раскрывается термин «информационная безопасность» в интерпретации Министерства торговли США (U.S. Department of Commerce), приведенной в National Institute of Standards and Technology Interagency or Internal Report 7298r2.

² Макаренко С.И., Чукаев И.И. Терминологический базис в области информационного противоборства // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 13—21; Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. СПб., 2017; Туганов Ю.Н. Военнослужащие в сети «интернет»: запреты и динамика нормативной базы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 6 (263). С. 14—18. Как видно из ряда публикаций, КНР также использует «кибер» терминологию. Об этом см.: Носов С. Система кибербезопасности в Китае // Зарубежное военное обозрение. 2021. № 2. С. 17—24; О современной политике Китая в киберпространстве // 02.07.2021 г. D-russia.ru URL: <https://d-russia.ru/sovremennoj-politike-kitaja-v-kiberprostranstve.html> (дата обращения 02.11.2021).

³ Интересы России, как полноправного члена ISO представляет Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии.

⁴ ISO 9000:2015. Quality management systems – Fundamentals and vocabulary [Digital resource]. — URL: <http://www.iso.org/ru/standard/45481.html> (дата обращения: 13.07.2021).

⁵ Котов Е.Н. Опорный конспект. URL: <https://zdamsam.ru/a61442.html> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ Колин К.К. Структура реальности и феномен информации // Открытое образование. 2008. № 5. С. 56—61.

⁷ Расторгуев С.П. Формула информационной войны. М.: Из-во Радио и связь, 1998. С. 24.

⁸ Власов Д.В. Указ. соч. С. 66.

безопасности предела и основывается на понимании термина В.И. Шаповаловым: «Информация об объекте есть изменение параметра наблюдателя, вызванное взаимодействием наблюдателя с объектом»¹.

В правовом измерении такой предел определяется тем общим, относительно которого нет сомнений в том, что это общее и есть информация — независимо от физической природы ее различных носителей.

Самоочевидно, что таким универсальным общим является тот параметр носителя информации, который, при ее восприятии, изменяет способность субъекта права осуществлять свои субъективные права, реализацию юридических обязанностей и (или) отдавать отчет своим действиям, осознавать их фактический характер, либо руководить ими (далее — информационные параметры физического лица). Это дает правовому институту информационной безопасности перенос акцента правового понимания термина «информация» на материальную природу носителя информации и ее дефинирование через параметр носителя, конструктивным признаком которого является его возможность изменять информационные параметры физического лица?

Принятие этой точки зрения означает преодоление логических противоречий понятийного аппарата информационной безопасности, связанных с подходом, при котором информационно-психологические², объекты, объекты информатизации и информация рассматриваются как равноценные источники информационного воздействия. В этой системе координат информация может воздействовать на объекты информатизации и информационно-психологические объекты. Формально нет ограничений на воздействие любого из этих объектов — друг

на друга и на информацию. Наконец информация может воздействовать на информацию — ч. 1 ст. 273 УК РФ уже цитировалась выше.

Доминантный термин представленной системы — отглагольное существительное «воздействие». В максимально абстрактной форме оно формулируется как «процесс ..., который реализуется в ходе взаимодействия двух или более равноупорядоченных систем, и результатом которого является изменение в структуре (пространственно-временных характеристиках), состоянии хотя бы одной из этих систем»³.

В этой интерпретации семантическая конструкция «воздействие» и присутствует в современном понятийном аппарате информационной безопасности. В сочетании с многосмысленной категорией «информации» два этих термина мультиплицируют эффект неопределенности, затрудняющий приведение стандартного понятийного набора информационной безопасности в непротиворечивую систему⁴.

К примеру, информационно-психологический объект может оказать информационно-техническое воздействие на объект информатизации. Ситуацию с информационно-психологическим воздействием на объект информатизации смоделировать трудно. Современная юриспруденция не может дать однозначного ответа и на вопрос, что означает воздействие информации на информацию — ее корректировку, модификацию, преобразование, изменение, или создание новой, ранее не существовавшей информации?

Завершает терминологическую путаницу, организованную вокруг этих понятий, отсутствие в руководящих документах информационной безопасности указания первичного объекта, безопасность которо-

¹ Цитируется по: Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. С. 416.

² Е.Г. Баранов относит к таким объектам психику человека. Об этом см.: Баранов Е.Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание // Национальный психологический журнал. 2017. № 1. С. 25—31.

³ Ковалев Г.А. О системе психологического воздействия // Психология воздействия (проблемы теории и практики) : сборник научных трудов. М., 1989. С. 4—43.

⁴ Варламова Д. «Что такое симулякр или зачем на самом деле нужен Диснейленд» // Интернет-ресурс «Теории и практики». URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/6543-что-такое-simulyakr-ili-zachem-na-samom-dele-nuzhen-disneylend> (дата обращения: 13.10.2021).

го обеспечивается действиями государственных органов на микроуровне¹.

Как результат — большое количество неявных предложений, по восполнению пробела, но не конкретным объектом с индивидуально-определенными характеристиками, а целыми классами объектов. Это и «... жизненно важные интересы личности, общества и государства»², и «сложные информационные самообучающиеся системы»³, «... системы управления» в разных вариантах⁴, «... государство, общество, социальные группы, личности»⁵, «социальные системы»⁶ и т.п.

Предложенная же выше формулировка понятия «информация» снимает ряд противоречий. В ней нетрудно увидеть отсылки к элементам устоявшихся правовых институтов собственности, юридической ответственности и вменяемости. Такое сочетание влечет строгую идентификацию в качестве воспринимающего информацию феномена физического лица — того самого первичного объекта, безопасность которого и должна обеспечиваться действиями

государственных органов на микроуровне⁷.

Формализуется взаимосвязь между информацией и физическим лицом с фиксацией момента возникновения корреляции. Вне субъекта восприятия информация в лучшем случае остается вещью в себе. В отсутствии субъекта не проявляющая себя во вне информация как правовое явление не существует. Информация приобретает статус таковой лишь когда ее семантическая составляющая осознается, распознается кем-либо в этом качестве⁸.

Обнаруживается, что момент возникновения информации совпадает с моментом создания реальной возможности контакта субъекта права с носителем информации. Информация типа «рукописи в столе», для которой в принципе исключен контакт субъектов права с ее носителем, для информационной безопасности не существует.

Констатируется еще один феномен: информацию нельзя предоставлять, наносить, передавать, вводить, удалять, блокировать, модифицировать, скрывать, искажать или добывать. Следуя предложенной логике ее невозможно даже накапливать — всякий раз с ней осуществляет контакт один и тот же человек, но всякий раз иной субъект права с отличными от предшествующего информационными параметрами.

Отсюда вытекает важное следствие — в правовом смысле имеет значение прояв-

¹ Человек, как объект такого рода, определяется законодателем только лишь в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Но предмет правового регулирования этого нормативного правового акта ограничен общественными отношениями, регулирующими состояние защищенности детей.

² Федотова О.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере обеспечения информационной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

³ Расторгуев С.П. Инфицирование как способ защиты жизни. Вирусы: биологические, социальные, психические, компьютерные. М., 1996.

⁴ Еркин А.В. Понятия «информация» и «информационная безопасность»: от индустриального общества к информационному // Информационное общество. 2012. № 1. С. 68—74; Малюк А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации: учеб. пособие для вузов. М.: Горячая линия – Телеком, 2004.

⁵ Шершнев Л.И. Информационная безопасность России // Безопасность. 1993. № 11—12. С. 49—50.

⁶ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. М.: МИФИ, 2003.

⁷ Атаманов Г.А. Методология безопасности [Электронный ресурс] / Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI». 2011. Режим доступа: <http://naukaxxi.ru/materials/302/> или <http://gatamanov.blogspot.ru/> (дата обращения: 13.10.2021).

⁸ Баранов В.М. Документ: предмет или процесс? // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : межд. науч. конф. (Краснодар-Новороссийск 11—14 сент. 1996 г.). Тез. докл. Краснодар, 1996. С. 249—250. См. также: Журавлев С.И., Туганов Ю.Н. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. №10. С. 18—20.

ление лишь вербальной информации и информации, полученной через визуальный образ. Иные способы восприятия информации — через другие органы чувств человека — не имеют значения для понятия термина «информация». Только лишь визуальный образ и (или) вербальная составляющие информации, воспринимаемые с помощью зрения и слуха, интересуют правовой институт информационной безопасности как раздел науки и как частную технологию управления обществом.

За пределами правового интереса остается и осознание человеком факта восприятия информации. В основу такого подхода положена следующая позиция психологов: «раздражитель, подействовавший извне на человека, может ощущаться, а может и не ощущаться; может восприниматься, а может и не восприниматься...может осознаваться, а может и не осознаваться»¹.

Сказанное не следует понимать, будто бы в контексте информационной безопасности физическое лицо является единственным субъектом восприятия информации. Информация через соответствующие системы ввода может восприниматься не только человеком, но и различными объектами информатизации. В результате восприятия информации такие объекты также могут изменить свои параметры.

Но изменение параметров этих объектов, как явление в сфере информационной безопасности, может приниматься во внимание лишь в аспекте правомочий физического лица (субъекта права) владеть ими, пользоваться и (или) распоряжаться, а также того вреда, который причинен (может быть причинен) человеку вследствие нарушений перечисленных прав.

Таким образом, расширение тезауруса информационной безопасности новым пониманием термина «информация», при его закреплении в документах информационной безопасности, обеспечит:

— возможность для достижения целей информационной безопасности через призму всех существующих правовых ин-

ституты и отраслей права непротиворечиво оперировать уже устоявшейся терминологией юриспруденции и ее методологией, — возможность для достижения целей информационной безопасности через призму всех предметных областей военной науки непротиворечиво оперировать уже устоявшейся терминологией военной науки и ее методологией.

Библиография

1. Атаманов Г.А. Методология безопасности [Электронный ресурс] / Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI». — 2011 / Г.А. Атаманов. — Режим доступа: <http://naukaxxi.ru/materials/302/> или <http://gatamanov.blogspot.ru/>.
2. Баранов, В.М. Документ: предмет или процесс? / В.М. Баранов // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : межд. науч. конф. (Краснодар-Новороссийск 11—14 сент. 1996 г.). Тез. докл. — Краснодар, 1996. — С. 249—250.
3. Баранов, Е.Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание / Е.Г. Баранов // Национальный психологический журнал. — 2017. — № 1. — С. 25—31.
4. Варламова, Л.Н. Информация — данные — документированная информация — документ: соотношение терминов и их определений в международных стандартах ИСО и МЭК / Л.Н. Варламова // Вестник ВНИИДАД. — 2019. — № 2 С. 27—34.
5. Власов, Д.В. Проблемы интерпретации понятия информации / Д.В. Власов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. серия: философия. социология. Право. — 2009. — № 2 (57). — С.66.
6. Журавлев, С.И. Актуальные вопросы правового регулирования организации представления военнослужащими сведений о размещении общедоступной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / С.И. Журавлев, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — №10. — С. 18—20.
7. Еркин, А.В. Понятия «информация» и «информационная безопасность»: от индустриального общества к информационному / А.В. Еркин // Информационное общество. — 2012. — № 1. — С. 68—74.
8. Ковалев, Г.А. О системе психологического воздействия / Г.А. Ковалев // Психология воздействия (проблемы теории и практики) : сб. науч. трудов. — М., 1989. — С. 4—43.
9. Колин, К.К. Структура реальности и феномен информации / К.К. Колин // Открытое образование.— 2008. — № 5. — С. 56—61.

¹ Панасюк А.Ю. Сознание, подсознание и потоки информации. М.: Дело, 1997. С. 27.

10. Макаренко, С.И. Терминологический базис в области информационного противоборства / С.И. Макаренко, И.И. Чукляев // Вопросы кибербезопасности. — 2014. — № 1 (2). — С. 13—21.
11. Макаренко, С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века / С.И. Макаренко. — СПб., 2017.
12. Малюк, А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации: учеб. пособие для вузов / А.А. Малюк. — М.: Горячая линия — Телеком, 2004. — 280 с.
13. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография / А.В. Манойло. — М.: МИФИ, 2003. — 388.
14. Миронова, Е.А. Правовые дефиниции и правовое дефинирование / Е.А. Миронова // ОГАРЁВ-ONLINE. — 2015. — № 16 (57). — С. 5—11.
15. Носов, С. Система кибербезопасности в Китае / С. Носов // Зарубежное военное обозрение. — 2021. — № 2. — С. 17—24.
16. Панасюк, А.Ю. Сознание, подсознание и потоки информации / А.Ю. Панасюк. — М.: Дело, 1997.
17. Расторгуев, С.П. Формула информационной войны / С.П. Расторгуев. — М.: Из-во Радио и связь, 1998.
18. Расторгуев, С.П. Информационная война / С.П. Расторгуев. — М.: Радио и связь, 1999. — 416 с.
19. Расторгуев, С.П. Инфицирование как способ защиты жизни. Вирусы: биологические, социальные, психические, компьютерные / С.П. Расторгуев. — М., 1996.
20. Туганов, Ю.Н. Военнослужащие в сети «интернет»: запреты и динамика нормативной базы / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6 (263). — С. 14—18.
21. Федотова, О.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере обеспечения информационной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Федотова. — М., 2003. — 27 с.
22. Шершнев, Л.И. Информационная безопасность России / Л.И. Шершнев // Безопасность. — 1993. — № 11-12. — С. 49—50.
-

Предпосылки становления и характерные черты социально ориентированного государства

© **Афанасьев Владимир Сергеевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
главный научный сотрудник НИЦ Академии
управления МВД России
© **Шамаров Вячеслав Матвеевич**,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории права и государства
Российской академии адвокатуры и нотариата

Аннотация. В статье исследуются взгляды теоретиков права на становления социального и его первоосновы — социально ориентированного государства, анализируются его классовое содержание, предпосылки формирования, выделяются характерные черты, приемы, средства, способы построения фундамента такого государства.

Ключевые слова: социальное государство, социально ориентированное государство, классовое содержание и предпосылки становления социально ориентированного государства, приемы и способы его строительства.

Prerequisites for the formation and characteristic features of a socially oriented state

© **Afanasyev V.S.**,
Chief Researcher SIC Academy of Management of
the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of
Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation
© **Shamarov V.M.**,
Professor of the Department of Theory and History
of Law and State of the Russian Academy of Advoca-
cacy and notary, Doctor of Law, Professor

Annotation. The article examines the views of theorists of law on the formation of the social and its primary basis - a socially oriented state, analyzes its class content, prerequisites for formation, highlights the characteristic features, techniques, means, ways of building the foundation of such a state.

Keywords: social state, socially oriented state, class content and prerequisites for the formation of a socially oriented state, methods and methods of its construction.

С середины XX в. в ряде стран (Франция, Италия, Швеции, ФРГ, Бразилии, Япония и др., а в конце столетия на Украине, в Российской Федерации) правовая категория — *социальное государство* получила конституционное закрепление.

Отметим, что учеными-юристами исследованы многие теоретические аспекты социального государства: условия, предпосылки становления, развития и функци-

онирования такого государства, его характерные признаки, принципы, функции.

Понятие «социальное государство» было исследовано в ранее опубликованной научной статье, в которой автор пришел к выводу, что современные реально существующие государства переживают «переходный период», в перспективе «продвигаясь» к действительно социальному. Предложено именовать государство этого

периода социально ориентированным¹. В таком государстве реализуются социальные программы, содержащие конкретные меры поддержки социально-незащищенных слоев населения, охраны труда и здоровья граждан. Безусловно, эти меры поддержки и их объем напрямую зависят от экономических возможностей государства и ответственности правящей элиты за социальное благополучие в обществе, предотвращение социальных протестов и конфликтов.

Подлинно социальное государство может сформироваться только при наличии определенных предпосылок (условий).

Можно согласиться с профессором В.Л. Кулаповым о выделении четырех предпосылок построения (становления) реально социального государства²:

1. *Формирование мощной социально ориентированной экономики, позволяющей перераспределять доходы, существенно не ущемляя собственников.* По нашему мнению, содержание названной предпосылки включает в себя, во-первых, необходимость разработки и реализации сильной социальной государственной политики, важнейшей стороной которой является «социально ориентированная бюджетная политика»³; во-вторых, неукоснительное соблюдение со стороны государства «соответствующих условий для упорядочения течения экономической и социальной жизни»⁴ при обязательном наличии равноправных форм собственности⁵, в которой важную роль играет публичная собственность, так как

доходы от нее идут на социальные программы; в-третьих, обеспечение экономической свободы человека и признание права юридического лица на самостоятельность в сфере экономических отношений.

2. *Формирование гражданского общества, позволяющего в перспективе обеспечить плюрализм власти и реальный контроль за деятельностью государства.* Несомненна приоритетность формирования гражданского общества, которая обуславливается тем обстоятельством, что именно в рамках его функционирования государство выступает в качестве «инструмента проведения социально ориентированной политики» (Л.А. Морозова, В.Н. Протасов), «инструмента компромиссного управления общественными делами» (В.Л. Кулапов).

В этой связи, внесенные в Конституцию Российской Федерации поправки о перераспределении властных полномочий высших органов государственной власти, изменения в избирательном законодательстве, расширение предметов контроля Общественной палаты адекватно отражают названную тенденцию развития гражданского общества в нашей стране.

3. *Правовая и демократическая организация государственной власти, обеспечивающая приоритетную реализацию различных социальных программ.* Представляется, что названная предпосылка включает в себя следующие основные элементы: сущностной основой выступает функционирование государства на основе демократической организации власти (Т.Н. Радько, В.Н. Протасов) при наличии соответствующего политического режима; несомненно, справедлив тезис Н.Н. Гриценко, что «социальная и правовая государственность — явления одного порядка и существуют в неразрывном единстве»⁶.

К этому добавим, что по данному вопросу научные позиции теоретиков права

¹ Шамаров В.М. К вопросу о содержании понятия «социальное государство» // Военное право. 2021. № 2.

² Кулапов В.Л. Теория государства и права : учебник. М.: Кнорус, 2014. С. 72.

³ Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М.: Инфра-М, 2009. С. 658—660.

⁴ Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права : учебное пособие. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 229.

⁵ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. С. 444—445; Смоленский М.Б., Борисов Г.А., Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. Ростов на Дону: Феникс, 2012. С. 77; Протасов В.Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. С. 429.

⁶ Гриценко Н.Н. Социальное государство. Концепция // Социальное государство: мировой опыт и реалии России / Матер. ежегод. науч. конф. юрид. факульт. 19—20 декабря 2002 г. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003. С. 6—9.

различаются. Одни полагают, что правовое государство — первооснова социального¹, другие, что социальное государство — объективная стадия развития правового государства², так как в нем «механизмы государства права уже достаточно развиты»³, а также, что «основные черты и свойства правового государства, в том числе такие, как правовой характер законов, их общеобязательность и всеобщность, взаимная ответственность государства и личности и др., просто не могут быть достигнуты при отсутствии соответствующих социальных условий»⁴.

В юриспруденции наличествует и интегративная точка зрения, разделяемая нами: «правовое государство должно быть социальным, а социальное государство не может быть не правовым»⁵.

Научное сообщество полагает, что обязательным условием для такого государства является закрепление в конституции страны категории «социальное (или социально ориентированное) государство», а также его целей: установление всеобщего блага, утверждение в обществе социальной справедливости, обеспечение каждому гражданину достойных условий существования, социальной защищенности, равных стартовых возможностей для самореализации личности (В.Н. Протасов), при этом функции государства должны иметь социальную направленность (Т.Н. Радько).

¹ Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник. М.: Юрайт, 2011. С.163; Чистяков Н.М. Теория государства и права : учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации, 2010. С. 265; Протасов В.Н. Теория права и государства : краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2012. С.180; Теория государства и права : учебник для бакалавров / колл. автор.: [Казаков В.Н., Казаков Р.В., Туганов Ю.Н., Шамаров В.М.]. Калуга: «Ваш Домь», 2016.

² Червонюк В.И. Указ. соч. С. 662.

³ Бошно С.В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М.: Эксмо, 2011. С. 393.

⁴ Афанасьев В.С., Афанасьева Л.В. Соотношение правового и социального государства // Социальное государство: мировой опыт и реалии России // Матер. ежегод. науч. конф. юрид. фак-та 19—20 дек. 2002 г. М.: Академ. труда и соц. отнош., 2003. С. 134.

⁵ Протасов В.Н. Указ. соч. С.427—428.

Не вызывает сомнения, что в идеальном социальном государстве должны быть реализованы политико-правовые основы его функционирования: наличие справедливого правопорядка, внутреннего общественного спокойствия, идеологического и политического плюрализма, обеспечение судебной защитой интересов, прав и свобод граждан от незаконных действий государства в лице его органов и должностных лиц, право на обращение в суд в случае несоблюдения Конституции⁶.

4. *Формирование высокого культурно-нравственного уровня граждан и должностных лиц.* Очевидно, что без высокой культуры и нравственности населения не могут быть реализованы три предыдущих предпосылки формирования социального государства.

Изложенные выше взгляды В.Л. Кулапова разделяет профессор В.Н. Протасов, который вместо термина «предпосылки» использует термин «условия»⁷, что, по нашему мнению, практически равнозначно.

Представляется, что следует указать еще не одно важное условие: *необходимость активной государственной деятельности*, направленной на создание и развитие предыдущих четырех условий. Все это должно выражаться в соответствующей направленности экономической, социальной, правовой и культурной политики государства.

Именно при наличии отмеченных предпосылок происходит реализация целевых установок по строительству подлинного социального государства, в котором уже создана мощная социально ориентированная экономика, гражданское общество успешно взаимодействует с государством, граждане и должностные лица обладают культурно-нравственными качествами личности, соответствующими требованиям общества.

По сути, здесь речь идет о пяти основных сферах государственно организованного общества: экономической, политиче-

⁶ Иванников И.А. Теория государства и права : учебник. М.: РИОР Инфра-М, 2008. С. 346.

⁷ Протасов В.Н. Указ. соч. С. 429.

ской, правовой¹, социальной и информационно-культурной. Такое общество (и само государство) являются сложными, многоуровневыми социальными системами, включающими указанные выше и иные компоненты, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой также сложную, многоуровневую систему. Все компоненты связаны друг с другом, образуют диалектическое единство и развиваются во взаимосвязи и взаимозависимости. Все они в конкретных условиях могут быть и предпосылками, и следствием друг друга. Поэтому рассмотренные выше споры о первичности либо социального, либо правового государства, по существу, лишены смысла: и правовая, и социальная составляющие единого общества в разное время могут занимать по отношению друг к другу как «лидирующую», так и «отстающую» позиции.

В этой связи совершенно естественно, что рассмотренные выше предпосылки (условия) формирования социального государства практически совпадают с условиями формирования правового государства².

Вызывает сомнение рассмотрение признаков и принципов социального государства в качестве идентичных терминов³. В науке общепринято *принципы* идентифицировать с основополагающими исходными положениями какой-нибудь теории, учения, науки, а *признаки* — это те или иные показатели предмета, явления, события, которые могут быть главными или второстепенными, характерными и нехарактерными, постоянными и разовыми и пр.⁴

Отметим, что любое социально ориентированное государство в своей деятельности использует арсенал мер по реализа-

ции социальной политики. Научным сообществом эти меры в ряде случаев трактуются в качестве *социальных функций*⁵.

Однако, данный подход вызывает сомнение. Общепринято в теории права, наряду с другими, выделять социальную функцию государства, объединяющую (интегрирующую) организационные меры социальной поддержки граждан. Последние, по нашему мнению, необходимо рассматривать не функциями государства, а социальными подфункциями. В их состав ученые (Л.А. Морозова, Т.Н. Радько, В.Н. Протасов, М.Б. Смоленский) включают поддержку социально незащищенных слоев граждан; охрану труда и здоровья граждан; помощь семье, материнству, отцовству и детству; сглаживание социального неравенства путем перераспределения доходов между различными группами населения с использованием налоговой системы, осуществление конкретных социальных программ, государственной бюджетной политики; поощрение благотворительной деятельности; финансовая поддержка фундаментальных научных исследований и культурных программ; борьбу с безработицей.

К отмеченным выше функциям (подфункциям) профессор Л.А. Морозова добавляет: участие в реализации межгосударственных экологических, культурных, образовательных программ, обеспечение компромисса в обществе, устранение социальной напряженности и конфликтов. Профессор В.Н. Протасов — поиск баланса между свободной рыночной экономикой и мерой воздействия государства на ее развитие с целью обеспечения достойной жизни всех граждан, забота о сохранении мира на Земле.

Представляется, что названные дополнения можно оценить позитивно. Вызывает лишь определенное сомнение отнесение к социальной подфункции «сохранение мира на Земле», так как, эта подфункция, по нашему мнению, военно-политическая, а не социальная.

¹ См., напр.: Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13.

² Афанасьев В.С. Социальные условия формирования правового государства / Гражданское общество и правовое государство // Матер. междунауч.-практ. конф., 26—27 октября 2012 г. Т. 1. Барнаул: изд. ААЭП, 2013. С. 29—30.

³ Чистяков Н.М. Указ. соч. С. 266; Червонюк В.И. Указ. соч. С. 658—660.

⁴ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 483, 480.

⁵ Морозова Л.А. Указ. соч. С. 444—445; Смоленский М.Б., Борисов Г.А., Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Указ. соч. С. 77—78; Протасов В.Н. Указ. соч. С. 429.

Отметим, что в своих работах ряд авторов использует термин «*основные элементы социальной государственности*», анализ содержания которых позволяет утверждать, что «основные элементы» раскрывают более детально названные выше подфункции: охрана труда и здоровья граждан; установление гарантированного минимума размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых людей; развитие системы социальных льгот, установление пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты; охрана окружающей среды¹.

Необходимо констатировать, что выделение тех или иных характерных черт социального государства — общепринятая практика научных исследований².

К названным чертам социально ориентированного государства в обобщенном виде можно отнести:

— развитое социальное законодательство (В.Н. Протасов); признание социальных прав в качестве основных и закрепление их в конституционном законодательстве (Н.М. Чистяков, В.И. Червонюк, В.Н. Протасов);

— социально ориентированный характер экономики, который предполагает создание таких условий, при которых собственниками являются большинство людей, а не узкий их слой, а также возможность отчуждения собственности для общественных нужд в установленном законом порядке и на возмездных началах (Н.М. Чистяков);

— сильная социальная политика государства, важнейшей составляющей которой является социально ориентированная бюджетная политика (Н.М. Чистяков, В.И. Червонюк);

— разработка государством разнообразных социальных программ и определение первоочередности их реализации (Т.Н. Радько; Л.А. Морозова; М.Б. Смоленский, Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков);

— утверждение таких целей, которые обеспечивают каждому: а) достойные условия жизни, б) социальную защищенность, в) равные стартовые возможности для самореализации личности (Л.А. Морозова; В.Н. Протасов; М.Б. Смоленский, Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков);

— социальная ответственность государства по отношению к своим гражданам и ответственность членов общества по отношению друг к другу и ко всему сообществу граждан (Л.А. Морозова; М.М. Рассолов, М.Б. Смоленский, Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков);

— признание и выполнение международных документов в социальной сфере (Т.Н. Радько).

Несомненный интерес представляет вопрос о месте, времени, а особенно о причинах возникновения социально ориентированного государства, так как оно имеет двойственную сущность: классовую (сословную) и общесоциальную. При этом государство, прежде всего, обеспечивает интересы тех классов (сословий, других социальных общностей, в том числе и верхушки государственного аппарата), которые являются его опорой и, чаще всего, собственниками или распорядителями основных средств производства. Но государство должно обеспечить интересы общества в целом, в том числе и эксплуатируемого большинства, иначе общество развалится. Следовательно, сущность государства состоит в диалектическом единстве его классово-сословной и общесоциальной сторон, которая реализуется в борьбе этих противоположностей³.

Такой подход отражает ход реального развития общества и позволяет, например,

¹ Смоленский М.Б., Борисов Г.А., Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Указ. соч. С. 218—222.

² Чистяков Н.М. Указ. соч. С. 266; Червонюк В.И. Указ. соч. С. 658—660; Морозова Л.А. Указ. соч. С. 444—445; Смоленский М.Б., Борисов Г.А., Мархгейм М.В., Тонков Е.Е. Указ. соч. С. 77; Радько Т.Н. Указ. соч. С. 481—484; Протасов В.Н. Указ. соч. С.429.

³ Следует отметить, что это и ряд других положений, которые сейчас признаются многими теоретиками, были опубликованы еще четверть века назад: см.: Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 235—241.

понять, что возникновение социального неравенства и эксплуатации меньшинством большинства привело к появлению «свободного времени» у этого меньшинства, что стало предпосылкой для возникновения и развития письменности, науки, искусства, т.е. основой прогрессивного развития человечества.

В ходе исторического развития сущность государства не изменяется, меняются типы и формы государства, т.е. его содержание как конкретно-временное выражение сущности. При этом сокращается классовая и расширяется общесоциальная составляющая сущности, что проявляется в соответствующем изменении функций государства.

Вряд ли можно отрицать, что восточное, античное, феодальное, а до какого-то момента и буржуазное государства были остроклассовыми и выражали в первую очередь интересы господствующих классов и сословий, но, тем не менее, любое государство всегда в какой-то (необходимой для даже минимальной стабильности общества) мере выражает и интересы эксплуатируемых. Иначе общество просто не сможет существовать.

Это получает соответствующее отражение во всех функциях государства, в частности, экономической, политической, культурной, охраны порядка в обществе. При этом все они имеют и классовую, и общесоциальную составляющие, что и отражает двойственную сущность государства. Следует отметить, что эти четыре функции свойственны любому государству, любого типа, любой исторической эпохи. Поэтому их можно назвать «сущностными»¹. Но, наряду с ними, любое государство всегда осуществляет и особую, пятую функцию — социальную.

Первоначально социальная функция имеет весьма ограниченный объем и реализуется в основном в отношении господствующего класса, сословия, элиты. Но, хотя и в минимальной степени, что-то «перепало» общинникам от восточного гос-

ударства, рабам в античном (рабовладельческом) обществе и проч.

Закономерностью развития общества в целом можно считать расширение объема общесоциального в сущности и функциях государства и соответствующего сокращения классового. Достаточно сравнить положение рабов в древнем Риме, крестьян при феодализме, наемных рабочих в буржуазном обществе и т.д.

Однако, до первой половины XX в. «социальные блага» государство адресовало главным образом элите общества — господствующим, привилегированным классам, сословиям, группам.

В условиях социалистических государств переход к социально ориентированному государству происходит практически вскоре после завоевания власти. Так, в Советской России уже 23 (10) ноября 1917 г. был принят «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», которым было установлено «одно общее для всего населения России наименование — гражданин Российской Федерации». В Конституции РСФСР 1918 г. установлены равные права граждан независимо от расовой и национальной принадлежности и, что особенно важно для дальнейшего развития общества, право рабочих и беднейших крестьян на «полное, всестороннее и бесплатное образование».

Значительно расширен перечень социально экономических прав граждан в Конституции СССР 1937 г., а объем этих прав, закрепленных в Конституции СССР 1977 г. вообще не имел аналогов в мире. Все это происходит как результат осознания объективной закономерности социального развития общества и целенаправленных мер по ее реализации.

Таким образом, советское социалистическое государство являлось социально ориентированным государством, «отличавшимся от предшествующих приоритетом своей социальной функции»². В этом государстве граждане «обладали такими важными социальными ценностями, как практически всеобщее экономическое равенство, экономическая, политическая и

¹ Афанасьев В.С. Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России, 2018. № 3.

² Радько Т.Н. Указ. соч. С. 479.

социальная стабильность, доступность услуг здравоохранения и образования, уверенность в завтрашнем дне, достаточное пенсионное обеспечение»¹. Эту позицию разделяют и другие ученые².

К этому можно добавить реализацию на практике отдельных аспектов принципа социальной справедливости: неукоснительное соблюдение требования ко всем гражданам: от каждого по потребности, каждому по труду; обеспечение бесплатной жилплощадью, медицинской помощью, всеобщее бесплатное образование, отсутствие безработицы, многоплановая материальная, моральная и другие формы поддержки семей с детьми, при которой государством дети признавались — «привилегированным классом страны».

Позднее эта закономерность проявляется и на Западе, но в отличие от СССР это происходило стихийно и, по сути, являлось результатом потребностей развития экономики. Начало научно-технической революции привело к массовому использованию новых, более совершенных орудий труда, а это потребовало увеличение оплаты труда все большего числа рабочих. Вместе с тем, вследствие нашей Октябрьской революции на Западе резко усилилось революционное движение, повысилась роль профсоюзов и левых партий. Это привело к боязни своих революций, к сокращению рабочего дня, повышению оплаты труда. Но в результате существенно повысилась производительность труда. Оказалось, что такое положение выгоднее буржуазии, чем прежняя «безграничная» эксплуатация. Последовали социально-экономические реформы Ф.Д. Рузвельта, а затем и соответствующие преобразования в других странах. Таким образом, социальная функция и здесь приобрела общесоциальный характер, и эти государства

тоже постепенно стали или становятся социально ориентированными.

Таким образом, государство становится социально ориентированным тогда, когда его социальная функция реализуется в интересах большинства населения.

Следует отметить, что некоторые признаки подлинно социального государства, такие как социальное равенство, равные стартовые возможности и т.п., вряд ли достижимы в условиях господства частной собственности.

Расширение социальной функции государства положительно влияет на другие его функции (экономическую, политическую, правовую и информационно-культурную): происходит развитие экономики, демократизация политической системы, расширение правового поля, повышение культуры населения. И, наоборот, в современных условиях (в результате распада СССР, возрождения капитализма в странах Восточной Европы) происходят обратные процессы. Г.А. Зюганов в интервью газете «Жэньминь жибао» отмечает: «1991 год стал тем рубежом, после которого в мире возобновился рост числа голодающих, лишенных доступа к здравоохранению и образованию жителей. Стало резко увеличиваться неравенство. Оно стало расти как между странами «золотого миллиарда» и развивающимся миром, так и внутри капиталистических государств»³.

Закономерно возникает вопрос: какими конкретно способами, приемами современное социально ориентированное государство сможет построить фундамент подлинного социального государства?

Представляется, что определенный алгоритм предложен А.В. Васильевым:

— создание государственных гарантий для предотвращения стихийных бедствий, эпидемий, эпизоотий, техногенных катастроф, быстрого устранения их последствий, оказание помощи пострадавшему населению;

— перераспределение материальных средств между регионами и слоями насе-

¹ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 427.

² Радько Т.Н. Теория государства и права : учебник. М.: Проспект, 2012. С. 422; Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Юрайт, 2012. С. 355—356; Рассолов М.М. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 243; Туганов Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины : монография. Чита, 2008.

³ Зюганов Г.А. Китай дает рецепты побед всему человечеству / Интервью газете «Жэньминь жибао» // Правда. 1 июля 2021. № 68 (31128). 2 полоса.

ления, направление их на обеспечение достигнутого данной страной среднего уровня жизни на всей территории страны, недопущение бедности, изменения качества жизни в сторону ухудшения;

— регулирование уровня жизни различных слоев населения с помощью налогов, оказание благотворительной помощи, стимулирование развития предпринимательства, особенно малого бизнеса в сочетании с репрессивными методами и борьбой с наркобизнесом, нечестной конкуренцией, монополизмом в экономике¹.

Заметим, что А.В. Васильев не выделяет в реализуемой государственной политике социальных приоритетов. Представляется, что безусловным социальным приоритетом современной России является полная ликвидация бедности, которая, по оценкам социологов и экономистов, касается каждого пятого жителя страны.

Одновременно не вызывает сомнения необходимость наличия соответствующих правовых механизмов постоянного поддержания баланса между механизмами рыночной экономики и распределительными усилиями государства², которые бы обеспечили корректировку силы государственного вмешательства в социальные проблемы. При этом не стоит забывать, что «современное социальное государство отказывается от патерналистской роли и ориентировано на устранение иждивенчества»³, стремится установить партнерские взаимоотношения между различными группами людей, «прежде всего для достижения консенсуса между основными социальными классами современного общества — работодателями (нанимателями) и наемными работниками»⁴.

¹ Васильев А.В. Теория права и государства : курс лекций. М.: Изд. РАГС. 2001. С. 178—179.

² Керимов Д.А. Указ. соч. С.422.

³ Колесников С.В. Социальное государство как антитеза государства всеобщего благоденствия // Социальное государство: мировой опыт и реалии России / Материалы ежегодной научной конференции юридического факультета 19—20 декабря 2002 г. М.: Академия труда и социальных отношений. 2003. С. 14. Следует оговориться, что «современным социальное государство» следует рассматривать как социально ориентированное.

⁴ Червонюк В.И. Указ. соч. С. 663.

Полагаем, что в современных условиях необходимо отказаться от иллюзии, что с помощью только рыночных отношений можно решить проблему социального равенства возможностей субъектов права в обществе. По нашему мнению, она решается путем разработки и внедрения правовых механизмов по перераспределению валового национального продукта страны (по примеру Скандинавских стран), а также неукоснительного соблюдения экономической элитой страны принципа ответственности капитала за социальное благополучие сограждан.

К этому добавим, что, хотя в капиталистических государствах социальное расслоение общества неизбежное явление, однако государство не должно допускать обогащения одних за счет ограбления других. В этой связи ситуация, когда цены товаров близки к мировым, а цена труда намного ниже мирового уровня, обуславливает необходимость принятия конституционной нормы, определяющей социально-экономические права человека в стране. При этом доходы физических и юридических лиц должны быть получены законным путем и заработаны трудом, умом, инициативой, предприимчивостью⁵.

Не стоит забывать, что одним из направлений реализации принципа социальной справедливости социально ориентированного государства является попытка реально обеспечить субъекту права равные субъективные права (юридическое равноправие) с равными отправными, стартовыми началами для их реализации (равенством возможностей).

Примечательно, что ряд мер по нейтрализации данной негативной проблемы Российским государством предпринимается: принятие поправок к Конституции Российской Федерации в июне 2020 г., внедрение института Единого государственного экзамена в школах, страховая медицина, тарифные льготы жителям Дальнего Востока и Сибири и пр.

⁵ Теория государства и права. Часть 1. Теория государства / под общей ред. А.Б. Венгерова. М.: Юрист, 1996. С. 239.

Вместе с тем можно согласиться с профессором Д.А. Керимовым, что в государственной социальной политике России на современном этапе ее развития не наблюдается широкой практики сочетания прав и возможностей гражданина¹, и поэтому не случайно наше государство именуют «полусоциальным»².

Резюмируя изложенное, можно констатировать: при объективной обусловленности постоянной поддержки государством баланса мер по предотвращению социальных конфликтов, правящая элита, к сожалению, отказалась от многих мер социальной поддержки граждан, апробированных в советский период. На современном историческом этапе необходимость разработки организационно-правовых механизмов, адекватных современным социально-экономическим условиям — безальтернативная предпосылка развития общества и приближения его к своему идеалу — подлинному социальному государству.

В заключение попытаемся сформулировать определение социально ориентированного государства. Сделать это на основе вышеприведенных черт (признаков) такого государства затруднительно в связи с их множественностью и неравномерностью их проявления в разных государствах. Поэтому наиболее оптимальным представляется следующее функциональное определение: *это такое государство, в котором социальная функция реализуется в интересах всего или большинства населения в пределах экономических и иных возможностей государства.*

Библиография

1. Афанасьев, В.С. Социальные условия формирования правового государства / Гражданское общество и правовое государство / В.С. Афанасьев // Матер. межд. науч.-практ. конф., 26—27 октября 2012 г. Т. 1. — Барнаул: Изд. ААЭП, 2013.
2. Афанасьев, В.С. Функции государства: начала философско-системного анализа / В.С. Афанасьев // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 3.
3. Гриценко, Н.Н. Социальное государство. Концепция / Н.Н. Гриценко // Социальное

государство: мировой опыт и реалии России : Матер. ежегод. науч. конф. юрид. фак-та 19—20 декабря 2002 г. — М.: Академия труда и социальных отношений, 2003.

4. Енгибарян, Р.В. Теория государства и права : учебное пособие. 2-е изд. / Р.В. Енгибарян, Ю.К. Краснов. — М.: Норма, 2010.

5. Иванников, И.А. Теория государства и права : учебник / И.А. Иванников. — М.: РИОР Инфра-М, 2008.

6. Керимов, Д.А. Правовое и социальное государство // Теория государства и права : учебник. Изд. 3-е. / под общ. ред. О.В. Мартышина. — М.: Проспект, 2016.

7. Колесников, С.В. Социальное государство как антитеза государства всеобщего благоденствия / С.В. Колесников // Социальное государство: мировой опыт и реалии России : мат. ежегод. науч. конф. юрид. фак-та 19—20 декабря 2002 г. — М.: Академия труда и социальных отношений, 2003.

8. Кулапов, В.Л. Теория государства и права : учебник / В.Л. Кулапов. — М.: Кнорус, 2014.

9. Общая теория права и государства / под ред. В.В. Лазарева. — М.: Юрист, 1994.

10. Перевалов, В.Д. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. / В.Д. Перевалов. — М.: Юрайт, 2012.

11. Протасов, В.Н. Теория государства и права: учебник / В.Н. Протасов. — М.: Юрайт, 2014.

12. Радько, Т.Н. Теория государства и права: учебник / Т.Н. Радько. — М.: Проспект, 2012.

13. Смоленский, М.Б. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. / М.Б. Смоленский, Г.А. Борисов, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков—Ростов на Дону: Феникс, 2012.

14. Теория государства и права : учебник для бакалавров: кол. автор.: [Казаков В.Н., Казаков Р.В., Туганов Ю.Н., Шамаров В.М.]. — Калуга: «Ваш Домъ», 2016. — 534 с.

15. Теория государства и права. Часть 1. Теория государства / под общ. ред. А.Б. Венгерова. — М.: Юрист, 1996.

16. Туганов Ю.Н. Правовые средства обеспечения воинской дисциплины : монография / Ю.Н. Туганов. — Чита, 2008.

17. Туганов, Ю.Н. О трактовке норм права военными судами / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.

18. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. — М.: Юрайт, 2011.

19. Чистяков, Н.М. Теория государства и права : учебное пособие / Н.М. Чистяков. — М.: Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации, 2010.

20. Шамаров, В.М. К вопросу о содержании понятия «социальное государство» / В.М. Шамаров // Военное право. — 2021. — № 2.

¹ Керимов Д.А. Указ. соч. С. 422.

² Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 163—164.

К вопросу о юридической ответственности военнослужащих Отдельного корпуса внутренней стражи (1811—1864 гг.)

© Вишняков Максим Михайлович,
Адъюнкт Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Цель статьи — исследовать организационно-правовые вопросы юридической ответственности военнослужащих Отдельного корпуса внутренней стражи Российской империи (1811—1864 гг.), раскрыть особенности наказаний, применяемых к военнослужащим.

Ключевые слова: юридическая ответственность, наказание, военнослужащие, внутренняя стража, ОКВС, воинский порядок, правонарушение.

To the issue of legal liability of members of the Separate Internal Guard Corps (1811—1864)

© Vishnyakov M.M.,
adjunct of the St. Petersburg Military Order of
the Zhukov Institute of National Guard
Troops, St. Petersburg, Russian Federation

Annotation. The purpose of the article is to investigate the organizational and legal issues of legal liability of military personnel of the Separate Corps of Internal Guard of the Russian Empire (1811—1864), to disclose the features of punishments applied to military personnel.

Key words: legal responsibility, punishment, military personnel, internal guards, OKVS, military order, offense.

Отдельный корпус внутренней стражи с 1811 по 1864 г. организационно входил в состав военного министерства, поэтому личный состав корпуса относился к категории военнослужащих¹. Все они имели персональные обязанности при несении военной службы, за это государство наделяло их правами и гарантированными льготами, обусловленными спецификой служебного положения. Военнослужащие несли ответственность за деяния, запрещенные военно-уголовными законами под страхом наказания².

В результате реализации норм военно-

го права, в том числе и норм юридической ответственности военнослужащих, складывался воинский правопорядок, под которым понималась совокупность юридических отношений, вытекавших из интересов армии и из субъективных, охраняемых законом, прав отдельных лиц³.

Юридическая ответственность — это особое правоохранительное отношение между государством и лицом, совершившим противоправное деяние, в рамках которого они ведут себя соответственно⁴. В.К. Бабаев указывает, что юридическая ответственность выступает в качестве возлагаемой в установленных законом про-

¹ История внутренних войск МВД России : военно-исторический труд. В 5 т. / В.Ю. Новожилов [и др.]. М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. С. 81.

² Свод военных постановлений. Ч. 5. Устав военно-уголовный. Кн. 1—2. СПб., 1839. С. 8.

³ Фалеев Н.И. Цели воинских наказаний. СПб., 1902. С. 5.

⁴ Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права. 4-е издание. М.: Изд. дом «Дело», 2016. С. 215.

цессуальных формах обязанности лица претерпевать определенные лишения личного, имущественного и организационного характера за совершенное правонарушение¹.

Основанием для возникновения юридической ответственности являлось правонарушение, выраженное в деянии, то есть в действии или бездействии, осознанном, осмысленном поведении военнослужащего. За подобные деяния должно быть наложено соответствующее ему наказание.

Субъектом наложения воинского наказания выступала государственная власть, которая осуществляла полномочия наказывать лиц, совершивших нарушение воинского правопорядка. Государство стремилось применять в отношении военнослужащих такие карательные меры, которые способны были бы охранять воинский правопорядок. Оно не только определяло особенности применения конкретного вида ответственности, но устанавливало перечень составов противоправных деяний, характерных для того или иного специального (служебного) правового статуса. Право назначать и реализовывать наказания предоставлялось военным судам и командирам (начальникам) в соответствии с их должностными полномочиями.

Объектом наказания являлось лицо, обязанное подчиняться воинскому правопорядку и отвечавшее за совершенное им правонарушение².

В Российской империи в XIX в. система наказаний имела сословно-классовый характер и назначение правовой санкции ставилось в зависимость от определенных сословных привилегий, а равно их отсутствия.

Целью воинского наказания являлась охрана воинского порядка посредством устрашения, исправления, а также поддержания правомерного поведения военнослужащих.

Строгого разделения юридической от-

ветственности военнослужащих на виды нарушений не проводилось, но законодатель выделял две большие группы наказаний: уголовные и исправительные. Уголовные наказания предусматривали лишение виновного в совершении преступления лица всех прав состояния (т.н. гражданская смерть — лишение прав, собственности, прекращение супружеских и родительских прав и т.д.) и смертную казнь либо ссылку в Сибирь или поселение на Кавказ. К исправительным наказаниям относились: ссылка, заключение в исправительные и арестантские роты, тюремное заключение, денежные взыскания, внушение, телесные наказания, выговор, лишение специальные почетных прав, титулов, привилегий и т.д.

За совершенные проступки, выраженные в нарушении порядка прохождения службы и служебных обязанностей, военнослужащий привлекался к дисциплинарной ответственности.

Военно-уголовный устав, принятый в 1839 г., установил перечень преступлений и наказаний. Законодатель постарался указать все общественные отношения, вступая в которые военнослужащий мог совершить правонарушение. Давалось определение преступлению как всякому деянию, запрещенному Военно-уголовным законом под страхом наказания. Ст. 229 гл. IV определяла воинскими преступлениями: неповиновение и нарушение воинского чинопочитания; сопротивление в явке на смотр, уклонение от службы, побег и самовольные отлучки; преступление должности и неисполнение обязанностей службы; злоупотребление властью и нарушение порядка службы; преступление по управлению и охранению казенного воинского имущества; похищение, расточение и утрата казенного воинского имущества; умышленная порча солдатского оружия и амуниции, продажа и заклад их³.

Воинские наказания были не только индивидуальные, но и коллективные. Последние назначались в тех случаях, когда определению виновности каждого отдельного военнослужащего, входящего в со-

¹ Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 183.

² Фалеев Н.И. Цели воинских наказаний. СПб., 1902. С.6.

³ Свод военных постановлений. Ч. 5. Устав военно-уголовный. Кн. 1—2. СПб., 1839. С. 74.

став подразделения и совершившего нарушение, представлялось затруднительным.

Так как население Российской империи было глубоко религиозным, то законодательством предусматривалась для военнослужащих ответственность перед церковью. Определение вида наказаний, а также контроль за точностью их исполнения служители церкви оставляли за собой¹.

Подробнее рассмотрим какие наказания применялись к военнослужащим Отдельного корпуса внутренней стражи с учетом воинского звания, наличия дворянства и других отличительных привилегий.

Смертная казнь применялась к военнослужащим через расстрел или повешение, причем если в законе было определено просто смертная казнь, то это означало расстрел, смертная же казнь повешением выносилось в приговорах Верховного Уголовного суда.

Смертная казнь в мирное время заменялась для штаб- и обер-офицеров и нижних чинов из дворян, или лиц, в отношении которых не применялись телесные наказания, лишением всех прав состояния ссылкой в Сибирь на каторжные работы. А нижние чины не из дворян и не имевшие особых прав состояния, наказывались шпицрутенами, исключением из воинского звания и ссылкой на каторжные работы.

Но смертная казнь не могла быть заменена на менее суровые наказания в случаях: когда государственные преступления, совершенные военнослужащим, рассматривались Верховным Уголовным судом; когда преступление совершено в период проведения карантинных мероприятий (эпидемий) первого разряда; когда преступник пойман при попытке побега к горским народам и в Турецкую империю. В первом случае вид смертной казни определялся Верховным Уголовным судом в приговоре, во втором и третьем случаях предусматривался расстрел.

Политическая смерть. Исполнение приговора выглядело следующим образом: приговоренный лишался всех прав состояния, отводился на плаху или на виселицу,

где палач над его головой ломал шпагу и приговоренный ссылался в Сибирь на каторжные работы.

Гражданская смерть или лишение всех прав состояния для военнослужащих сопровождалась ссылкой на каторжные работы, либо ссылкой в Сибирь на поселение. Лишение прав выражалось в лишении чинов, чести, доброго имени, знаков отличия, грамот и аттестатов. Гражданская смерть применялась ко всем военнослужащим без деления на сословия.

К каторжным работам приговаривались за совершение преступлений, выразившихся в сопротивлении начальству, убийстве, разбое, грабеже, поджоге.

Штаб- и обер-офицеры приговаривались к ссылке за преступления по службе или против начальства, сопровождающиеся шельмованием.

Нижние чины, приговоренные к каторжным работам и наказанные шпицрутенами, освобождались от клеймения штемпелевыми знаками на лбу и щеках².

Ссылка в Сибирь на поселение в виде наказания применялась в отношении военнослужащих в военное и мирное время. В первом случае осужденные направлялись из армии к пограничным местным начальствам, во втором случае передавались из военного ведомства гражданскому начальству для этапирования.

В качестве наказания к военнослужащим могла быть применена ссылка в арестантские роты Инженерного ведомства с определением срока или бессрочно. При назначении данного вида наказания к наказуемым предъявлялись определенные требования по состоянию здоровья и физическому развитию.

Такой вид наказания, как ссылка в отдаленные места империи и высылка за границу, применялся по приговору суда.

Разжалование в солдаты с лишением или без лишения дворянства применялось в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, разжалование с выслугой предоставляло возможность вновь быть восстановленным в чине, в случае же разжалования в солдаты без выслуги, тако-

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 15.

го права у них не было.

Осужденные офицеры лишались чинов, орденов и знаков отличия. Они распределялись в строевые подразделения. Разжалованным офицерам запрещалось находиться в обществе офицеров, послаблений по службе им не давалось.

Унтер-офицеры не из дворян и имевшие знаки отличия военного ордена или Св. Анны, а также представленные к производству в офицеры за безупречную службу по выслуге лет, могли быть разжалованы только по приговору суда.

Осужденные в военное время к лишению чинов изгонялись из армии, высылались внутрь империи, они не могли жить в столицах.

Нижние чины, имевшие знаки отличия военного ордена и Св. Анны и нашивки на рукавах, приобретенные ими прежде за безупречную службу, лишались их при вынесении приговора к телесному наказанию; имевшие российские медали, прусские железные кресты и польские знаки отличия за военные подвиги, лишались их при исключении из военного ведомства.

К военнослужащим применяли также наказания в виде заточения в крепость, в казематы и содержания на гауптвахте с определением продолжительности отбывания наказания.

Лишение занимаемой должности, а равно увольнение со службы разрешалось только на основании решения суда по результатам разбирательства.

Материальная ответственность в отдельный вид не выделялась, а наименовалась как денежные взыскания. Например, за ущерб, причиненный государству при исполнении обязанностей военной службы, решением военного суда и по указанию вышестоящего командования офицеры приговаривались к вычету из жалования денежных штрафов. С нижних чинов запрещалось взыскивать денежные средства. Определенное по суду виновному наказание в виде штрафа не освобождало его от возмещения причиненного вреда государству или частному лицу. Привлечение к денежным взысканиям не исключало применение другого наказания.

В Уголовном кодексе особое внимание

было уделено телесным наказаниям с перечнем категорий лиц, к которым телесные наказания не применялись. Так, к осужденным лицам дворянского сословия телесные наказания не применялись, но за совершенные преступления, за которые положено такое наказание, применялось лишение дворянского достоинства.

Прогон сквозь строй заменял различные виды телесных наказаний, соизмеряя степень совершенного преступления. Единственным видом телесного наказания, присуждаемого за различные преступления нижних чинов, осталось наказание шпицрутенами. Шпицрутены, как правило, назначали за «нерадивость на строевых учениях» или неаккуратность форменной одежды до 100 ударов, за неповиновение начальству и дерзость (прогон до 6 раз через 100 человек), за воровство-кражу (во второй и третий раз, прогон до 6 раз через 500 человек, в четвертый раз прогон до 5 раз через 1 000 человек)¹, за побег (первый побег — от 1 до 3 раз прогон через 500 человек, второй — прогон до 6 раз через 500 человек, а третий — прогон не более 5 раз через 1 000 человек)².

Нижние чины, имевшие знаки отличия военного ордена и ордена Св. Анны, к телесным наказаниям без суда не подвергались, но суд своим решением мог лишить таких знаков после согласования с Главнокомандующим Армией.

Нижние чины, имевшие нашивки за безпорочную службу, подвергались телесным наказаниям после того как их лишали нашивок.

За нарушение порядка несения службы и невыполнение служебных обязанностей к военнослужащим могли применяться взыскания, объявляемые решением командиров, без рассмотрения проступка военным судом: замечание, выговор, арест, удаление от должности, содержание на хлебе и воде, наказание розгами и шпицрутенами, но не более как один раз через 500 человек.

В ряде установленных законодательством случаев военнослужащий освобож-

¹ Там же. С. 136—137.

² Там же. С. 79—80.

дался от юридической ответственности:

— случайность преступления — если доказано и военным судом признано, что деяние, от которого произошло преступление, было само по себе не преступным и законом не запрещенным, совершенно случайно, без умысла, видимой неосторожности;

— необходимая оборона — для защиты своей жизни и здоровья других граждан, имущества от воров и разбойников, с извещением правоохранительных органов и своего начальства о последствиях обороны, с представлением убитого или раненого, с доказательствами совершенного преступления;

— в состоянии безумия или сумасшествия — если в суде будет доказан факт сумасшествия, то подсудимый направлялся на содержание и лечение в дом умалишенных;

— заблаговременное открытие соумышленников — когда участник в подделке ассигнаций откроет своих соумышленников или сообщников, когда кто из участников в карантинном преступлении донесет о нем прежде исполнения, когда корчемник объявит о корчемстве другого, когда кто из злоумышленников в побеге в военное время из армии или крепости к неприятелю откроет о сем заблаговременно, но зачинщиков преступления от наказания не избавляет.

Были предусмотрены обстоятельства, по которым наказание к виновным могли откладываться или вовсе отменяться: болезнь подсудимого, смерть преступника, при сроке давности преступления свыше 10 лет (за исключением побега нижних чинов).

Помилование могло исходить только от верховной самодержавной власти и монаршего милосердия, оно составляло изъятие из закона¹.

В случае признания военнослужащего невиновным в совершении правонарушения, ему возвращались все прежние права его состояния.

Для повышения уровня правосознания нижних чинов доведение статей военно-

уголовного устава проводилось по воскресеньям и праздничным дням, в присутствии всех офицеров².

Высокое доверие, оказываемое некоторым офицерам, или покровительство, территориальная удаленность от центра и больших городов, нечастые проверки контролирующих органов создавали предпосылки к нарушению закона, превышению своих должностных полномочий и личной наживе некоторых офицеров. По всем фактам нарушения должностных обязанностей проводились служебные проверки.

Так, в приказе по Отдельному корпусу внутренней стражи № 4 от 14 февраля 1829 г. отмечались многочисленные правонарушения, допущенные начальником Меленковской инвалидной команды Владимирской губернии штабс-капитаном Жуковым, именно:

1) удерживал у нижних чинов провиант, жалование, деньги на приобретение амуниции и подкладочный холст на протяжении нескольких лет;

2) артельные и солдатские деньги вместо того, чтобы отправить на хранение в уездное казначейство, использовал по своему усмотрению;

3) артельные деньги в сумме 8 рублей жене умершего солдата не отдавал в течение 2 лет, хотя она неоднократно к нему обращалась;

4) нижних чинов использовал не по служебному назначению, а в качестве кухарок, поваров, для сбора ягод и грибов, заготовки хвороста и для выполнения другой работы по хозяйству, чаще без оплаты выполненной работы, 6 человек мастеровых два лета находились у него для переустройства квартиры, а 9 человек, содержащихся в городской тюрьме, заставлял в своем саду рыть каналы и ямы, 12 нижних чинов посылал в деревню своего тестя на сенокос и выполнения другой работы на продолжительный срок;

5) самовольно увольнял в отпуска солдат, получая с них деньги, а провиант, который был положен отсутствующим солдатам присваивал себе, в результате, из-за нехватки личного состава нижние чины

¹ Там же. С. 44.

² Там же. С. 1.

были обременены беспрестанными караулами, зачастую без смены от недели до нескольких месяцев, будучи только переводимы с одного места на другое, чтобы скрыть данные факты не велись постовые книги;

6) при наказании нижних чинов, бывших у него в услугах, проявлял жестокость, наказывал палками двух унтер-офицеров и одного рядового, награжденных военными орденами;

7) заставлял прясть для себя пряжу жен военнослужащих без оплаты их труда;

8) жестоко обращался со своей женою, применял вооруженных солдат для того, чтобы забрать ее из дома ее отца, находившегося в другой деревне;

9) клеветал на подпоручика Петрова и старшего унтер-офицера Еремина, якобы они подстрекали команду подать на него жалобу, а на Еремина будто бы он совершал преступления.

За перечисленные преступления штабс-капитан Жуков лишен чинов и дворянского достоинства, разжалован в рядовые. Сверх этого, к ответственности могли быть привлечены его батальонный и бригадный командир, окружной начальник, за слабый контроль за Жуковым, если не обеспечат возврат Жуковым в казну и подчиненным солдатам незаконно полученных материальных и денежных средств. В этом случае недостачу предписано взыскать с начальника инвалидной команды майора Халафова, батальонного, бригадного и окружного командиров¹.

Другим примером являются санкции в отношении унтер-офицера Мартына Тимофеева за невыполнение инструкций по сопровождению рекрутских команд. В приказе по Отдельному корпусу внутренней стражи от 4 мая 1829 г. № 22 отмечалось, что «28 марта при следовании команды под руководством прапорщика Шренга из 169 человек, не доходя до г. Поневжа, при переправе через р. Невжа,

утонул рядовой Рижского батальона Ларион Куркин, в чем признана вина унтер-офицера Мартына Тимофеева, который самовольно пошел через реку с частью команды, не дождавшись основной группы, которая задержалась в г. Шавли, по причине отсутствия подвод. За вышеуказанное нарушение офицер был арестован на семь суток с содержанием в гауптвахте, а унтер-офицер за невыполнение отданного приказа, наказан палками в количестве 50 ударов перед личным составом»².

За незначительные нарушения по службе военнослужащему могли объявить выговор, как, например, командиру Новгородского внутреннего гарнизонного батальона подполковнику Остергакзену, «за не объяснение в инструкции, данной партионному офицеру прапорщику Герасимову, как поступать с заболевшими в пути арестантами»³. Командиру батальона был объявлен выговор за незнание подчиненным инструкции по этапированию арестантов, которые были больны и по дороге в город для их лечения умерли.

Таким образом, военное законодательство представляло собой достаточно широкую систему уголовно-правовых и дисциплинарных норм, устанавливающих ответственность за преступления против военной службы и позволяющих дифференцировать ответственность и индивидуализировать наказание.

Библиография

1. Бабаев, В.К. Теория государства и права в схемах и определениях : учебное пособие / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, В.А. Толстик. — М.: Юристъ, 2001. — 256 с.
2. История внутренних войск МВД России : военно-исторический труд. в 5 т. / В.Ю. Новожилов [и др.]. — М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2013. — 479 с.
3. Малько, А.В. Теория государства и права. 4-е издание / А.В. Малько, Н.И. Матузов. — М.: Изд. дом «Дело», 2016. — 528 с.
4. Фалеев, Н.И. Цели воинских наказаний / И.И. Фалеев. — СПб., 1902. — 525 с.

² Там же.

³ Приказ по отдельному корпусу внутренней стражи № 55 от 14 мая 1826 г. Государственная публичная историческая библиотека России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/42100-1826-goda-1-146-1826-svobodnyj> (дата обращения 18.10.2021 г.).

¹ Приказы по отдельному корпусу внутренней стражи 1829 г. (Государственная публичная историческая библиотека России) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/42101-1828-goda-1-261-1828-svobodnyj> (дата обращения 18.10.2021 г.).

Становление военно-административного права в призме взглядов теоретиков военной и юридической науки

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, полковник
юстиции, Военный университет Минобороны
России

Аннотация. В статье осуществлена попытка выявления взаимосвязи развития европейских армий и состояния военного права. Анализируются труды военачальников, философов, правоведов прошлых веков относительно военного строительства, выявляется потребность государства в наличии специфического военного законодательства. Автором делается акцент на генезисе теоретических концепций в сфере военного управления, военной администрации и составляющих их компонентов.

Ключевые слова: военное управление, развитие военного дела, армия России, военные реформы, военное строительство, прохождение военной службы, дефекты управления, военные теории.

Formation of military-administrative law in the views of theorists of military and legal science

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of
Justice, Military University of the Ministry of
Defense of Russia

Abstract. The article attempts to identify the relationship between the development of European armies on the state of military law. The works of military leaders, philosophers, jurists of that time regarding military construction are analyzed, the state's need for specific military legislation is established. The author focuses on the genesis of theoretical concepts in the field of military administration, military administration and their components.

Keywords: military administration, development of military affairs, the Russian army, military reforms, military construction, military service, management defects, military theorists.

Данная статья не претендует на полноту изложения исторического аспекта всех военно-правовых суждений относительно организации и развития армии, для этого потребовалось бы несколько объемных томов. Ниже автор постарается сделать акцент лишь на тех сторонах военной мысли, которые касаются административно-правовой составляющей развития военной науки. Ну а поскольку рассматривать средство регулирования общественных отношений (право) в отрыве от самих отношений (воинской деятельности) затруднительно, то вкратце будут показаны и тенденции развития самой военной организации.

Итак, различного масштаба военные действия — нормальное состояние уклада жизни древних и средневековых государств. Поэтому ряд поэтов, писателей, историков и государственных деятелей обращают свое внимание на описание и анализ войн, в т.ч. и относительно управления в воинских формированиях. Нельзя отнести труды древних ученых именно к юридической науке, хотя местами встречаются и описание правил воинского быта и обеспечения войска.

Наиболее древний и значимый военный трактат Древнего мира — работа Сунь Цзы «О военном искусстве» (Китай). В ней кроме рекомендаций по достижению победы над врагом даются поучения относи-

тельно строительства армии и поднятия боевого духа воинов.

Вклад в развитие военных знаний внесли историки Древнего мира — Геродот, Фукидид, Ксенофонт (Греция), Полибий, Аппиана и др. (Рим). Существенно обогатили теорию и практику военного искусства Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь. В I—IV веках нашей эры выходят в свет произведения, которые выступают в качестве своего рода прообразом воинских уставов: «Наставление военачальникам» Онисандра и «Краткое изложение основ военного дела» Вегеция. Последний, например, справедливо указывал, что «... великая армия без военных правил есть не что иное, как собрание человек, влекомых на убиение»¹.

Из военных работ раннего средневековья можно упомянуть теоретический труд «Стратегикон» (конец VI—начало VII в.), в котором излагались способы подготовки войск, ведения войны и боя и на основе анализа высказываний по различным военным вопросам античных авторов давались «основные начала (принципы) для желающих посвятить себя военной службе»². В «Стратегиконе» подробно рассматриваются вопросы организации, вооружения и обучения войск, способы ведения боя; обеспечение боевой деятельности войск. Значительная часть труда посвящена вопросам деятельности полководца. По мнению автора, главнокомандующий должен вести себя просто, любить воинов, обучать их, снисходительно и настойчиво требовать выполнения обязанностей, быть точным и понятным при разъяснении самых трудных вопросов. Стратегу следует собирать военный совет для принятия коллективного решения. Офицеры (архонты) должны избегать непосредственного участия в бою, так как их гибель приводит войско в смятение. Для того, чтобы армия действовала как единое целое необходимы

смотры и построения в мирное время, а также тренировки воинов с оружием³.

С точки зрения обеспечения армии и поддержания воинской дисциплины заслуживает внимание работа императора Льва VI Философа (IX в.) «О военных учреждениях», где кроме тактических вопросов довольно подробно регламентированы воинские правонарушения и наказания за них⁴.

Религиозные представления того времени, характер и дороговизна вооружения, представления о чести рыцарей и т.п. факторы вносили существенные коррективы в правила организации войска и подготовку его к боевым действиям. Профессиональными воинами того времени были дворяне и их боевые отряды. Но, как правило, они совершенно не умели действовать в строю, и сражение превращалось в серию поединков. Большинство средневековых полководцев предпочитало лично участвовать в схватке, и если при этом вождь что-то кричал, то никто не обращал на него внимания; как результат, такое оперативное управление было низкоэффективным.

Одна из первых попыток регламентации деятельности войска принадлежит императору Фридриху Барбароссе (1158 г.). Введенный им Устав хоть и не содержал почти никаких указаний, нормирующих отношения начальников и подчиненных, но стремился упорядочить взаимоотношения между равными. Так, Устав запрещал во время поединков боевым кличем звать себе на помощь, рекомендует разгонять дерущихся палками, запрещает брать с собой в поход женщин, точно определяет, кому принадлежит убитая на охоте дичь, требует, чтобы нашедший бочку вина и воспользовавшийся частью содержимого, не давал бочке вытечь, чтобы и другим досталось, и т.д.⁵

¹ Вегеций Ренат (Флавий). Краткое изложение военного дела / пер. с лат. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 231.

² Псевдо-Маврикий. Стратегикон / Пер. Цыбышева под ред. Р.В. Светлова // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб., 2000. Т. 1. С. 285—378.

³ Тимченко, Н.М. Особенности развития военной теории в средние века // Credo new. 2020. № 3. С. 6.

⁴ Лев VI Мудрый. Тактика Льва = Leonis imperatoris tactica / Лев VI Мудрый; [пер.]: проф. В.В. Кучма. Санкт-Петербург: Алетейя Историческая книга, 2012. С. 161—165.

⁵ Цит. по: Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 1. М. 2016. С. 60.

Один из главных вопросов субординации — власть полководца над более мелкими предводителями — средневековое право не могло разрешить. Власть средневекового государя над крупными вассалами была слишком слаба. Феодальный строй связан с чувством независимости баронов, чувствующих себя в поместье государями, не желающими склонить свою волю перед высшим авторитетом.

Системное правовое регулирование государственного управления в военной сфере появляется только в Западной Европе в период абсолютизма, когда государство подробно регламентировало порядок формирования армии, определяло способы получения финансовых средств на содержание войск, устанавливало дисциплинарные правила и ответственность за их нарушения. В это же время начали систематизироваться и научные знания о государственном управлении в военной сфере¹.

Защите мира посвящены трактаты нидерландского ученого-гуманиста Эразма Роттердамского², немецкого гуманиста, философа и историка Себастьяна Франка (он впервые ставит вопрос о моральной ответственности за военные преступления). Пытался определять критерий справедливости войн теолог Фома Аквинский (1225—1274). Таковой она является, если война объявляется не частными лицами, а высокими государственными инстанциями, т.е. «законной властью»; если она порождается законными причинами; если она преследует законные цели и ведется законными средствами.

Но все же наиболее общие проблемы управления в военной сфере с точки зрения правовой науки разрабатываются лишь в XVI—VII вв.

Для оценки адекватности правового регулирования военных вопросов необходимо дать общую характеристику армиям и самому процессу войны того времени. Субординации, дисциплины в современном понимании, как, впрочем, и воинских

должностей в армии средневековой Европы не было. В средние века во главе каждого воинского формирования ставился знатный человек, ему подчинялось остальное войско, но больше в плане стратегическом, чем дисциплинарном. Высокородная аристократия не желала как выказывать лишний раз свое подчинение в частных вопросах, а тем более напоказ, так и выполнять приказы кого-нибудь из менее родовитых лиц.

Крупные битвы рассматривались как «божий суд», и потому поражение понималось как осуждение неправого, и уже по данному основанию могло привести к прекращению войны. Отсутствие развитой системы коммуникаций приводило к тому, что движения войск были зачастую беспорядочными, пространство военных действий (отряды в походном марше, обоз, разведывательные группы и т.п.) охватывало в ширину не более 20 км. От полководца требовалось более или менее удачно найти место для сражения и определить время его начала.

Учитывая, что военачальники предпочитали сами участвовать в сражениях, управление боем было весьма затруднительным. Тяжелые доспехи включали глухой шлем, не позволяющий поворачивать голову и видеть всю картину битвы, слышать команды предводителя. Кроме того, более чем затруднительно управлять рыцарем, бьющимся за личную славу.

Дворянство изначально формировалось как военное сословие. Вместе с тем, рыцарское войско — совокупность индивидов, где каждый дал личную клятву верности военачальнику, а не спаянная дисциплиной структура. Цель рыцаря — индивидуальная схватка во имя чести и славы и для получения выкупа, а не победа своей армии. Рыцарь сражается без оглядки на сотоварищей и командира³.

Со временем на смену индивидуализированным формам военного противоборства пришли действия в составе подразделений, частей и даже армий. Всякое

¹ Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39—46.

² Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 248—276.

³ Харитонович Д.Э. Война в Средние века // Человек и война: Война как явление культуры / под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М. 2001. С. 9—27.

промедление, изменение назначенных интервалов и дистанций, несанкционированное открытие огня приводило к нарушению строя, снижению морального духа и даже поражению. Следствием этого стал рост требований к воинам, их дисциплинированности, усиление ответственности за выполнение обязанностей, личное поведение¹. Поэтому с середины XV в. во Франции формируются первые роты, состоящие из рыцарских копий. Офицеров таких рот назначал король, от него солдаты и офицеры получали жалованье, в ротах вводились правила дисциплины, регламентировались отпуски, снабжение и т.п.

Примерно с того времени мыслители обращают свое внимание на отношения в армии и их регламентацию. К числу одного из первых политиков той эпохи, кто рассуждал о содержании войска, характере воинской дисциплины и правилах ее воспитания со стороны военачальника, можно отнести Никколо Макиавелли. Свои взгляды по военным вопросам он изложил в трактате «О военном искусстве» (1521). В частности, великий флорентинец считал, что «дисциплина важнее храбрости», в основу крепкой дисциплины в армии он закладывал идею устрашения, строгости и даже жестокости².

Реформатором военного дела своего времени стал голландский принц Морис Оранский (1567—1625). Одним из первых его нововведений стал провозглашенный отход от традиции содержать иностранных наёмников и переход к рекрутской повинности внутри страны. Для призванных на службу рекрут вводился разграничение по родам войск, деление на звания и должности. Офицерский состав отправляется для обучения в университеты, в 1590 г. открывается первая в Европе военная академия.

Когда в других странах войска по завершению похода или временного прекращения ведения боевых действий отправлялись домой или распускались, голландская армия оставалась в том же соста-

ве. В это время проводились тактические учения, изучение военного ремесла, отправка командного состава на повышение квалификации либо же его обучение. Впервые в Западной Европе в Голландии были введены воинские уставы, на основе которых проводились систематизированное, единообразное обучение, боевая подготовка войск, укреплялась дисциплина³. Государство гарантирует непрерывное жалование для каждого военнослужащего, которое выплачивалось каждые 10 дней. Это же касалось и материального обеспечения (провизия, обмундирование, амуниция). Вдобавок ко всему, Морис Оранский ввёл обязательным в своем войске хождение в ногу — строевой шаг, команду «смирно» и около 50-и других⁴.

Также голландцу Гуго Гроцию (1583—1645) принадлежит знаменитый военно-правовой трактат «О праве войны и мира»⁵, легший в основу современного международного гуманитарного права. Кроме собственно вопросов регламентации боевых действий, в данном труде также рассматривались взаимоотношения между военачальниками о пределах их компетенции, о добровольном и вынужденном ему подчинении.

В Прусской армии XVIII в. силой муштры (как элемента линейной тактики) и строгих наказаний насаждается жесткая дисциплина. Фридрих Великий часто повторял, что солдат должен бояться палки своего капрала больше, чем вражеской пули⁶. Вводится стандартизация формы, оружия, боеприпасов, кинжалов и даже ремней, что облегчало снабжение войск и сам процесс подготовки солдат.

Рассмотрением военного быта того времени прославились французский правовед Ж. Боден (XVI в.): в сочинении «Шесть книг о государстве» он анализиру-

³ Советская военная энциклопедия : В 8 т. / председ. Гл. ред. комиссии А.А. Гречко (т. 1, 8), Н.В. Огарков (т. 2—7). Т. 5. М.: Воениздат, 1978.

⁴ Шокарев Ю.В. Военная энциклопедия. М.: Росмэн, 2008. С. 66.

⁵ Гуго Гроций. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994.

⁶ Нефёдов С. А. История России. Факторный анализ / в 2 т. М.: Территория будущего, 2010.

¹ Воробьев В.В. Опыт формирования и становления воинской дисциплины в армии // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 209—213.

² Сочинения Никколо Макиавелли // Жизнь Никколо Макьявелли. СПб.: Лениздат, 1993. С. 246—384.

ет вопросы комплектования и содержания армии. Английский государствовед Т. Гоббс (XVII в.) исследует источники финансирования войн. В работе «О духе законов» французский государствовед Ш. Монтескье (XVIII в.) рассуждает о праве войны, устройстве армий, функциях государственной власти по принятию и исполнению военных законов.

С точки зрения военной администрации интересна мысль прусского военачальника и теоретика XIX в. Карла фон Клаузевица относительно инициативы воинского начальника и принятия им решений: «Война — это область случайности: только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор. Война увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий. Поэтому твердое отставление ранее принятых решений необходимо лишь до тех пор, пока не появляются принципиально меняющие ситуацию новые данные»¹.

На Руси регламентация военного управления была связана с геополитическим расположением, традициями, тактикой войн того времени.

В одном из первых письменных документов, посвященных вопросам укрепления дисциплины — в «Поучениях» — князь Владимир Мономах предписывал воеводам всемерно поддерживать порядок, являть собой пример для подчиненных в сражении и в быту, а дружинникам беспрекословно исполнять все приказы»².

Военное управление на Руси первоначально сливалось с системой общего управления (Боярская дума, вече). Необходимость организации специальных учреждений, осуществляющих управление в военной сфере, возникла с момента образования и укрепления централизованного государства. Тогда появилась возможность создавать новые государственные органы, сильную армию. В XVI—XVII вв. в Московской Руси создаются ряд государственных учреждений — приказов, ведавших

вопросами организации и осуществления управления в отдельных областях военного дела.

В числе нормативных актов того времени особое место занимает Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.³ В главе седьмой «О службе всяких ратных людей Московского государства» указанного документа впервые в истории законодательства Руси обобщаются нормы, регулирующие военно-служебные отношения в различных сферах, вопросы организации и обеспечения войск. В течение последующих 50 лет вновь принимаемые военные нормы права «растворяются» в многочисленных «царских указах» и «боярских приговорах». Они не только дополняли и изменяли Соборное уложение, но иногда и противоречили друг другу⁴.

Военная организация государства существенно модернизируется при Петре I. Создаются воинские части по образцу западноевропейских армий. Периодическое исполнение воинского долга для дворян заменялось постоянной службой, причем начинать ее следовало с рядового. В 1714 г. царь строго-настрого указывал, чтобы дети дворян и офицеров, не служивших солдатами в гвардии, «ни в какой офицерский чин не допускались»⁵. Впоследствии данное правило вошло в Табель о рангах (1722), где устанавливалась иерархия служебного положения из 14 разрядов.

Постепенно система почитания родovitости заменялась на чинопочитание. Датский посланник Ю. Юль подмечал, что, находясь на судне, царь по собственной инициативе слагал с себя преимущества царского сана и требовал обращения с собой, как с шаутбенахтом (по присвоенному ему званию)⁶.

³ О службе всяких ратных людей Московского государства // Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Гл. 7 // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 1. С. 8—12.

⁴ Цуканов С.С. К вопросу о происхождении Российского государства // Государство и право. 2012. № 2. С. 102—109.

⁵ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М. 1974. С. 43.

⁶ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом. М. 2001. С. 65.

¹ Клаузевиц К. О войне / 4-е изд. Т. 1. М., 1937. С. 209—210.

² Грибовский В.М. Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). Вып. 1. Пг., 1915. С. 71—72.

Указами царя от 1696 г. офицерству воспрещалось пользоваться трудом нижних чинов в личных целях¹. Для услужения офицерам в приватной жизни вводился институт денщиков.

8 ноября 1699 г. был обнародован царский указ «О приёме в солдаты из всяких вольных людей». В указе Петра I от 20 февраля 1705 г.² впервые фигурирует слово — рекрут. Этот знаменитый указ положил начало рекрутской системе комплектования русской регулярной армии. Пока лидеры европейских государств думали, откуда взять денег, чтобы заплатить войску, России достаточно было одного росчерка императорского пера, чтобы набрать ещё людей с крестьянских дворов³. За двадцать лет Северной войны Пётр провёл 26 наборов рекрут, обескровив население страны до последней степени⁴. Только из среды сельских жителей к 1711 г. в армию было отправлено 139 тыс. человек⁵.

Утвержденный императором 30 марта 1716 г. Устав воинский законодательно закрепил организацию полевого управления Русской армии. Во главе её должен был стоять полководец, непосредственно подчинявшийся царю; также водились штабные должности генерал-квартирмейстеров. Основной тактической единицей являлся полк, командовал им полковник, имевший в своем распоряжении штаб, который состоял из 11 офицеров⁶.

Вместо нескольких приказов Петр I сначала вводит один орган — Приказ военных дел, а в 1718 г. на его основе учреждает военную коллегия, в ведении которой находились полевая армия, «гарнизонные войска» и все «воинские дела». Общее

управление Военно-морским флотом возлагалось на Адмиралтейств-коллегию.

В соответствии с Именным указом от 26 июня 1724 г. «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде, определенном для квартирования и продовольствия того полка»⁷ на военную администрацию возлагались обязанности по борьбе с преступностью, осуществлению общего полицейского надзора за перемещением населения.

В петровское время все учреждения были обеспечены руководящими для них инструкциями, регламентами и штатами. Регламентации подвергалась не только работа государственных учреждений, но и каждый шаг должностного лица, регламентировано было и движение служебных бумаг.

К числу интересных работ по теории военного управления того времени можно отнести труды фельдмаршала П.А. Румянцева. Его перу принадлежат «Обряд службы» (1770—1772), где собраны его поучения и наставления воинским начальникам, и «Мысли» (1777)⁸ — докладная записка Екатерине II об организации армии. «В армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно», — писал П.А. Румянцев. В этом отношении особенно примечательны его «Инструкция полковничья полку пехотному» (1764) и таковая же — полку конному (1766). Инструкции вменяли в обязанность командирам полков поддерживать дисциплину, выявлять претендентов для карьерного роста, вести войсковое хозяйство, определяли методику обучения солдат. Румянцев предлагал там, где это возможно, отдавать подчиненным не точные, регламентирующие каждый шаг подчиненного приказы, требующие строжайшего исполнения, а директивные указания, определяющие конечную цель желаемого результата и допускающие свободу усмотрения исполнителя в ходе исполнения распоряжения.

¹ ПСЗ РИ. Т. III. № 1540; ПСЗ. Т. V. № 2638.

² ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 4. № 2036 от 1705 г. С. 291.

³ Fuller William C. Strategy and Power in Russia, 1600 — 1914. Free Press. 1998.

⁴ Гольц А.М. Какая армия нужна России? СПб.: «Норма», 2013. С. 11.

⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. Л. 1982. С. 154.

⁶ Самосват Д.А. История становления и развития системы военного управления в России // Ориентир. 2013. № 7. С. 42—47.

⁷ ПСЗ РИ: собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 7. № 4535.

⁸ Русская военная мысль, XVIII век : Сб. / Сост. В. Гончаров. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003.

В ноябре 1796 г., когда к власти пришёл император Павел, был издан указ о принятии новых воинских уставов: «О полевой и пехотной службе», «О полевой кавалерийской службе». Уставы давали указания на каждый частный случай, под страхом строгого наказания требовали слепого повиновения в любом случае, самостоятельность не поощрялась. Вместе с тем, эти уставы устанавливали личную ответственность офицеров за жизнь и здоровье подчинённых им солдат. Большое внимание уделяется парадом и строевой подготовке. «Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штиблетных пуговичек, ремешков, а главное — знаменитого тихого учебного шага “в три темпа”»¹.

Офицерам и генералам запрещалось пребывать в отпусках более 30 дней в году. Император запретил забирать солдат для работы в имениях и привлекать к иным работам, не связанным с военной службой. Солдатам было разрешено жаловаться на злоупотребления командиров.

Война с Наполеоном и зарубежные походы стали причиной повышения интереса к обустройству российской армии. Ряд новых теоретических положений высказал полковник П.И. Пестель (1793—1826). Пестель признавал необходимость постоянной регулярной массовой армии, способной обеспечить защиту страны, разработал четкую структуру не только военно-сухопутных сил (армия, корпус, дивизия, полк), но и флота (флоты и эскадры), ратовал за их создание на основе всеобщей воинской повинности (вместо рекрутских наборов) с сокращением срока службы, настаивал на отказе от комплектования офицерского корпуса по сословному признаку (каждый, сдавший «положенные экзамены», может стать офицером).

В целом, к 1-й четверти XIX в. военно-теоретическая мысль России поднялась на довольно высокую ступень. Именно в этот период военная наука выделилась из дру-

гих областей знаний, определился круг изучаемых ею проблем, а, следовательно, и основное ее содержание, осуществлены попытки теоретически осмыслить отличие научного знания от практического военного опыта. К военной науке стали относить систему взглядов, понятий, суждений, отражавших природу войны и армии, факторы и закономерности, определявшие на разных этапах принципы строительства вооруженных сил и их применение для достижения победы с наименьшей затратой сил, средств и времени.

В частности, генерал И.Г. Бурцев в работе «Мысли о теории военных знаний» (1819) утверждал, что военная наука не может ограничиваться рамками военного искусства и должна включать в свой предмет изучение закономерностей в военном деле. В самом общем смысле военные знания (по Бурцеву) «должны содержать в себе правила, научающие образовывать, приводить в действие и устремлять к цели силу, охраняющую безопасность народную». При этом он подразделял военные знания на:

- «знания, относящиеся до войска» (организация вооруженных сил, управление ими, движение и действия армии или «вождение войны»);
- стратегия («наука замыслов»);
- тактика («наука боев»).

Сверх того, ко всем трем отделениям относится и общая теория управления армии, и «знания, относящиеся до крепостей». Все это «по соединении вместе составляет общий объем военной науки»².

В ноябре 1861 г. на пост военного министра был назначен генерал Милютин Д.А. В своем дневнике он, в частности, писал: «Я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. ... Даже в деле военном, которым император занимался с таким страстным увлечением, ... гонялись за существенным благоустройством войска, не за приспособлени-

¹ Керсновский А.А. История русской армии: 1700—1881. Смоленск: Русич, 2004. С. 250.

² Бурцев Г.И. Мысли о теории военных знаний // Военный журнал. Кн. 2. 1819. С. 55, 63.

ем его к боевому назначению, а за внешней только стройностью, за блестящим видом на парадах, педантичным соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинный воинский дух»¹.

15 января 1862 г. Д.А. Милютин представил Александру II свой знаменитый «Всепопданнейший доклад», который императором был одобрен и послужил основой для всех будущих преобразований по военному ведомству, явившись, по сути, общей программой военной реформы 1860—1870 гг. Проекты предполагаемых реформ и материалы их обсуждения печатались в журнале «Военный сборник»², тем самым могло учитываться мнение научного сообщества и корпорации офицеров.

Права военного министра были значительно расширены, сокращены штат офицеров и чиновников, а также бюрократическая переписка. В ведении Военного министерства остались определение общего направления и главный контроль действий всех нижестоящих административных органов, а военно-окружных управлений — вся исполнительная часть.

В 1867 г. была проведена реформа в военно-правовой сфере, нашедшая отражение во вновь введенных Дисциплинарном уставе и Уставе внутренней службы. Уставы провозглашали охрану чести и достоинства любого военнослужащего, отменялись телесные наказания. Реформировалась боевая подготовка войск, в которой также особое внимание уделялось практической стороне, т.е. тому, что необходимо на войне, особенно стрельбе. В армии введена физическая подготовка. И наконец, актом, завершающим в основном милютинские реформы, является принятие 1 января 1870 г. Устава о всеобщей воинской повинности, отменившего рекрутские

наборы. В нем говорилось, что защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, и что все мужское население, достигшее 21 года, подлежит воинской повинности. Часть призывников зачислялись на действительную службу с переводом затем в запас армии и в ополчение, другая — сразу в ополчение. Это решалось жеребьевкой. Лица, по жребию не попавшие в постоянные войска, зачислялись в ополчение (до 40-летнего возраста) и призывались лишь в военное время. Это давало возможность обеспечить планомерное пополнение вооруженных сил, позволяло развернуть массовую армию в случае войны.

В 1869 г. был утвержден новый «Устав дисциплинарный». В нем заложено требование «строго соблюдать чинопочитание, точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, ... добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять проступков и упущений подчиненных без взыскания». Одновременно он обязывал командиров «быть справедливым, отечески пещись о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, ... избегать неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина». Устав определил виды дисциплинарных взысканий, права начальников по их наложению, порядок приведения их в исполнение. Для рассмотрения проступков, требующих особо строгих наказаний, предусматривалось создание полковых судов. Устав предусматривал различные наказания в зависимости от происхождения и сословной принадлежности³, но в нем отсутствовали правила о поощрениях.

Что касается кодификации военного права, то большая часть правовых норм, регулирующих отношения в важнейших областях строительства армии в последнее десятилетие Российской империи, оказалась размытой в ежегодных сборниках

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864. М. 2003. С. 357, 376—385.

² Голиков А.Г. В нашей армии настало время коренных и обширных преобразований (журнал "Военный сборник" и газета "Русский инвалид" в период милютинских реформ 1860—1870-х гг.) // Российская история. 2016. № 6. С. 3—14.

³ Мартынов В.Ф. Воинская дисциплина в армии пореформенной России // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 1. С. 34—38.

приказов по военному ведомству, которыми и вносились все нормативные изменения и дополнения в Свод военных постановлений. Официальным источником военного законодательства являлась газета «Русский инвалид», где публиковались все те военно-правовые акты, содержание которых необходимо было довести до самого широкого круга военной общественности¹.

Интересно отметить, что один из ведущих теоретиков своего времени и военный министр М.И. Драгомиров также активно печатался в российских военных журналах, и, имея на них влияние, не запрещал критики в них своих взглядов со стороны других авторов. Драгомиров на страницах прессы выступал против смотров и военных парадов, проводимых в ущерб боевой подготовке войск².

Став в 1881 г. членом особой комиссии для обсуждения вопросов военного управления, Драгомиров подписывает особое мнение по ряду вопросов, где утверждает, что «устранение существующих недостатков центрального военного управления посредством частных изменений в устройство оного невозможно, а Главный штаб следует превратить в самостоятельное учреждение, независимое от Министра»³.

Помимо этого, Михаил Иванович составил отдельное мнение против «канцеляризма». «В предшествующих заседаниях выяснилось, что дело усовершенствования нашей организации заключается вовсе не в преобразованиях округов и корпусов, а именно в восстановлении контроля центральных учреждений, который дал бы возможность справиться с канцеляризмом. Из разъяснений оказалось, что командующие проникнуты были горячим желанием

блага войскам. Военный министр был проникнут тем же желанием. Но, невзирая на это, войска дурно кормлены, дурно расквартированы, недостаточно обучены и воспитаны. Такое неудовлетворительное состояние может проистекать или от людей, или от системы организации; но так как в разбираемом случае, оказывается, люди не виноваты, то виновата система»⁴.

Драгомирову военная бюрократия представлялась неким вредоносным средостением, отделяющим войска от высших начальников. Протестовать против нее бесполезно, поскольку «везде докладывал бы этот протест надлежащему начальнику как раз тот чиновник, который сам виноват, ошибся. Поэтому он не упустит случая проинсинуировать начальника об опасности допускать мысль о критике приказов, Высочайше утвержденных»⁵.

Драгомиров выступает против создания крупных военных структур в мирное время. «Командующий армией, — пишет он, — облечен властью в таком объеме, который в мирное время не вызывается ни потребностью обучения, ни потребностями хозяйствования, ни потребностями службы войск. А давно уже замечено, что если власть не вызывается действительными нуждами, то она обращается во вред делу. Ни командующему армией, ни органам его управления действительного дела в мирное время нет. Вследствие этого они или мало делают, или сочиняют себе дело, т.е. занимаются тем, что составляет круг власти подчиненных органов. Таким образом извращается понятие об обязанностях степеней военной иерархии»⁶.

Весомый вклад в теорию военного управления внес генерал от инфантерии Н.П. Михневич, который одним из первых обосновал зависимость войны не только от внешней, но и от внутренней политики, а также от экономики, социально-экономического строя и внутренней орга-

¹ Цуканов С.С. Развитие военного права в России // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты развития науки в современном мире». Уфа, 2019. С. 164—174.

² О современном состоянии данного вопроса см.: Глухов Е.А. О соотношении муштры и строевой выучки... или как второстепенное может перерасти в гласное // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 4. С. 116—124.

³ РГВИА, ф. 846, оп. 3, д. 49, л. 4.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445, д. 257.

⁵ Юдин С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. // Российская история, 2016. № 6. С. 46—55.

⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445, д. 257. л. 23.

низации государства. Он ставил вопрос о планировании экономической подготовки страны к войне, изучал проблемы начального периода войны и мобилизации страны¹.

За необходимость разработки плана экономических предприятий на случай войны ратовал подполковник Генштаба А.А. Гулевич². В развитие данной мысли профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал А.А. Незнамов предлагал создать научно обоснованный план войны людьми и материальными запасами³.

Не осталась в стороне и юридическая составляющая военной науки, многие ученые того времени пытались выделить его предмет и специфику. По мнению русского генерала и профессора П.К. Ренненкампа «Военное право определяет особые отношения военного состояния и может быть рассмотрено как изъятие из общего юридического порядка. Военное право в обширном смысле содержит в себе: 1) устройство военных сил и учреждений; 2) регламентарные правила о служебных отношениях лиц военного состояния и порядка действия военных сил; 3) особое частное и уголовное право для лиц военного состояния. Военное право в смысле тесном, которому по преимуществу придерживаются в настоящее время, включает в себе только первые 2 отдела»⁴, — в современном понимании «военно-административное право».

Л. Фон Штейн военное законодательство определял как совокупность законов и распоряжений, которыми войско образуется, направляется и сохраняется⁵. Военное законодательство того времени разделялось на три части: 1) об организации вой-

ска; 2) о военном праве и судопроизводстве; 3) о военном управлении⁶.

Под воинским правом А. Вульферт понимал совокупность таких юридических отношений, которые вытекают из интересов армии и из субъективных, охраняемых законом прав отдельных лиц⁷.

Очередной толчок к выкристаллизации правовой составляющей военного дела стало введение в Николаевской академии Генерального штаба Российской империи преподавание военной администрации. Ее тогдашний начальник генерал Г.А. Леер в некоторых своих работах также пытался выявить влияние технического прогресса — развития промышленности, транспорта, средств связи, вооружения и военной техники на способы подготовки и ведения будущей войны⁸.

В Александровской военно-юридической академии профессором П.Ф. Лузановым издается работа «Конспект лекций по военно-административным законам», где отмечается, что предмет изучения военной администрации «составляют так называемые военно-административные законы, т.е. законы, касающиеся военного быта, устройства и управления войск». Кроме того, в данной работе автор рассматривает вопросы исполнительно-распорядительной деятельности органов военного управления и их структуру, права и льготы военнослужащих, порядок комплектования и снабжения армии, порядок делопроизводства в военном ведомстве⁹.

Профессор той же академии П.Л. Лобко подготовил «Записки военной администрации для военных и юнкерских

¹ Агеев А. Военно-теоретические взгляды Н.П. Михневича // Военно-исторический журнал. 1975. № 1. С. 90—95.

² Гулевич А.А. Война и народное хозяйство. СПб. 1898. С. 188.

³ Незнамов А.А. План войны. СПб. 1913.

⁴ Очерки юридической энциклопедии профессора Н. Реннекампа. Киев. 1868. С. 217.

⁵ Лоренц фон Штейн Die Lehre vom Heerwesen, als Theil der Staatswissenschaft. Штуттг, 1872; русск. пер. Эртеля. СПб., 1875. С. 124.

⁶ Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) / Сост. А.Е. Савинкин. М.: Военный университет, 1996. С. 202.

⁷ Вульферт А. Лекции по общей части уголовного права: Курс, читанный в Юридической Академии в 1894—1895 гг. СПб., 1895. С. 14—25.

⁸ Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб., 1867. Ч. 1.

⁹ Лузанов П.Ф. Конспект лекций по военно-административным законам. СПб.: изд. лейт. Шидловский, 1887.

училищ» (1875), изданные впоследствии семнадцатью выпусками.

В 80—90-х гг. XIX в., а также в начале XX в. в России были осуществлены два военно-энциклопедических издания: «Энциклопедия военных и морских наук» (под ред. Г.А. Леера) и «Военная энциклопедия», обобщавшие имевшиеся к тому времени сведения по различным отраслям теории и практики военного дела. «Военная наука, — говорилось в энциклопедии, — занимается всесторонним исследованием войны. Она изучает: 1) явления в жизни обществ и 2) силы, средства и способы для ведения борьбы. Ввиду сложности военного дела изучение его распадалось на целый ряд специальных исследований, составлявших задачу второстепенных (конкретных) военных наук. К ним относились военная администрация, тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная статистика, военная политика, военная история, история военного искусства, военная психология и другие¹.

Интересные мысли о военной науке высказал военный историк генерал-лейтенант А.Н. Петров (1837—1900). Военная наука, по его мнению, есть систематизированное изложение законов войны и военного дела. Петров пытался установить различие между военной наукой, военной теорией и военным искусством: первая вырабатывает законы, вторая изучает их различные свойства, а последнее применяет их к данному случаю².

Профессор Александровской военно-юридической академии А.М. Добровольский определял военно-административное право как науку о правовых нормах, определяющих устройство, организацию, комплектование армии и снабжение ее всем необходимым, а также устройство, компетенцию и деятельность органов военной власти (военной администрации)³.

Интересное и содержательное определение понятия «военная администрация» содержится в 18-томной Военной энциклопедии (1911—1915): «Под военной администрацией разумеется деятельность государства, непосредственно направленная на осуществление одной из важнейших его задач — на создание, организацию и содержание войска. Этими своими признаками военная администрация отличается от военного законодательства и юстиции. Сущность законодательства заключается в установлении отвлеченных юридических принципов; сущность юстиции — в поддержании и охране правовых норм в войсках. Но существование войска и выполнение им своего назначения не обеспечивается одними лишь законодательством и юстицией. Изданные законы, прежде всего, должны быть применены к жизни; но этого мало: необходимо еще поддержание в армии установленного в ней порядка, удовлетворение всех ее материальных потребностей, обеспечение и развитие ее духовного благосостояния и т.д. Осуществление этих задач путем регулируемой законом деятельности военных органов, и составляет то, что называется военной администрацией».

Активно развивается научная мысль касательно до определения государственной службы и ее военной составляющей. Правоведы XIX в., анализируя институт государственной службы, пытались неоднократно дать определение ее понятию. Так, по мнению профессора О.О. Эйхальмана, государственная служба — это исполнение лицом, по его добровольному согласию и по назначению правительством, постоянной должности, по штату или сверх штата, с определенными обязанностями в государственном управлении и служебной ответственностью, соединенное с получением жалованья, знаков отличия и пенсии⁴.

Н. К. Нелидов, в своей докторской диссертации пишет, что истинная природа государственной службы состоит в обя-

¹ Военная энциклопедия. СПб., Т-во И.Д. Сытина. 1912. Т. VI. С. 476.

² Петров А.Н. К вопросам стратегии. Критический очерк. СПб., 1898. С. 3—5.

³ Добровольский А.М. Военно-административное право: лекции, читанные в 1913—1914 гг. СПб., 1914. С. 4.

⁴ Эйхельман О.О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890.

занности каждого гражданина быть в случае надобности агентом органов государственного начала и проводить в жизнь его волю. Организация военных сил страны, по его мнению, ввиду дисциплины, иерархии и послушания главе государства однозначно относится к государственной службе¹.

Н.М. Коркунов определяет государственную службу как особое публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную на осуществление определенной задачи государственной деятельности².

В.Ф. Дерюжинский полагает, что государственная служба раскрывается через понятие «управление». Под управлением он понимает совокупность различных проявлений государственной деятельности, которая направлена на осуществление управленческих задач. Автором выделяются составные части управления государством: финансовое управление; управление внешними делами; военное управление; правосудие; внутреннее управление. К военному управлению автор предлагает относить заботы по обеспечению государства вооруженными силами с целью охранения принадлежащей ему территории и защиты населения от опасностей, могущих угрожать извне³.

Профессор А.М. Добровольский указывает, что «военное управление имеет назначением создание необходимых условий для существования армии и всех средств, обеспечивающих выполнение, ею её прямого назначения. Следовательно, в область военного управления должны быть отнесены вопросы организационные, вопросы хозяйственного характера, как-то — снабжение армии материальной частью; продовольствием и т.д.; назначение на

должности и увольнение от них, поддержание в войсках порядка и дисциплины и т.д.⁴

Русский и советский военный теоретик А.А. Свечин считал, что организация управления — важнейший компонент функционирования армейского организма. Вместе с возникновением массовых армий возрастают и требования к системе управления войсками⁵.

В период после Октябрьской Революции до середины 40-х годов XX в. споры о строении и обустройстве Вооруженных Сил велись большею частью политическими деятелями, а не правоведами. Любое решение партии и правительства по данному вопросу воспринимались без критики со стороны юридического сообщества (такая критика была довольно опасной и могла привести к жестоким санкциям). Общепризнанную мысль выразил М.В. Фрунзе: «Никто и ничто не может строить и проводить своей политики как в стране, так и в армии помимо партии и без нее»⁶.

Для теории и практики того времени были характерны следующие особенности: подмена объективных требований развития военной науки указаниями партии; узость спектра рассматриваемых юридических проблем, описательность, бездоказательность и декларативность многих публикаций; абсолютизация исключительной роли классового подхода в деле строительства армии и флота и т. д.

В послевоенные годы военная наука получает возможность осмыслить существующий характер отношений в военной среде, учесть недостатки и наметить пути дальнейшего пути развития. Вопросы военного права не раз выносились на обсуждение правоведов того времени.

Профессор В.М. Чхиквадзе полагал, что военное право как специальная отрасль складывается из военно-административного, военно-уголовного и военно-судебного

¹ Нелидов Н.К. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874. С. 132.

² Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909.

³ Дерюжинский В.Ф. Полицейское право. Петроград, 1917. С. 1.

⁴ Добровольский А.М. Военно-административное право. Лекции, читанные в 1913—1914 годах. СПб. 1914. С. 4.

⁵ Свечин А.А. Стратегия. М.: Академический проект, Кучково поле. 2002. С. 115—116.

⁶ Фрунзе М.В. Избранные произведения в 2 Т. Т.2. М.: Воениздат. 1957. С. 157.

права. «И какие бы юридические отношения, возникающие в армии, мы ни взяли, — пишет он, — они непременно будут относиться к одной из этих частей военного права. Конечно, наиболее обширным и объемным по своему содержанию является военно-административное право»¹.

Бывший начальник Военно-юридической академии генерал-майор юстиции Н.Л. Сухов отмечал, что отрасли науки находятся в постоянном развитии. И если раньше не было военно-полевой хирургии, военно-санитарной тактики, то сейчас они есть. Так же, пожалуй, обстоит дело и с наукой военного права. Ее не было до тех пор, пока ее не разработали»².

По мнению профессора А.В. Кудашкина, современное военное право можно структурировать по следующим основаниям:

— *общая часть* военного права должна включать: цель и задачи; принципы и функции; объект и предмет правового регулирования; метод правового регулирования;

— *особенная часть* — это подотрасли и входящие в них институты, имеющие комплексный характер, военного права;

— *специальная часть* — отдельные правовые образования в военном праве, не достигшие уровня правовых институтов, но, тем не менее, имеющие тенденции к их образованию в силу их развития в конкретно-исторических условиях.

В свою очередь, Особенная часть военного права включает следующие подотрасли:

- 1) право вооруженных конфликтов (оперативное право);
- 2) военно-административное право;
- 3) военно-уголовное право;
- 4) военно-социальное право³.

Военное строительство государства осуществляется посредством применения

системы правовых, политических, экономических, научно-технических, военных, идеологических, социальных, организационных и других мероприятий, осуществляемых в интересах развития военной организации государства, повышения ее военного потенциала для обеспечения военной безопасности.

Для осуществления функции обороны страны государство нуждается в определенной системе государственных органов и соответствующем законодательстве, которым определяются характер, направление, способы деятельности этих органов и их должностных лиц, а также поведение военнослужащих в отношениях, непосредственно связанных с прохождением ими военной службы⁴.

Военно-административные нормы закрепляют государственную политику по вопросам военного строительства, принципы этого строительства, формы устройства Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований, а также порядок их комплектования личным составом, правовые основы государственного руководства и управления ими⁵.

В заключение важно отметить, что вся система воинских отношений не является статичной, раз и навсегда выверенной, она подвижна. Следовательно, вслед за изменением потребностей жизни общества и политики государства в сфере военного строительства должно своевременно происходить и соответствующее изменение в законодательстве. Иначе достижение главной задачи всей военной организации — безопасность государства от внешних угроз — станет затруднительным. И от правовой составляющей в данном вопросе зависит не меньше, чем от экономической или научно-технической, например. Армия, которая не идет в ногу с развитием военно-правовой теории, пребывает в плену отживших стереотипов, не умеет правильно прогнозировать новые явления и

¹ Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право : Ч. 1, общая. М. 1946. С. 24—25.

² Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Выпуск VI. М.: ВЮА, 1947. С. 178—179.

³ Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2021. № 4. С. 2—13.

⁴ Бирюков Ю.М. Советское военное законодательство и его роль в строительстве и укреплении Вооруженных Сил СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 11.

⁵ Корякин В.М. Военно-административное право : учебник. М.: Юстиция, 2019. С. 7.

делать из них практические выводы — обречена на стагнацию.

Библиография

1. Агеев, А. Военно-теоретические взгляды Н.П. Михневича / А.Агеев // Военно-исторический журнал. — 1975. — № 1. — С. 90—95.
2. Анисимов, Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. / Е.В. Анисимов. — Л. 1982.
3. Бирюков, Ю.М. Советское военное законодательство и его роль в строительстве и укреплении Вооруженных Сил СССР : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.М. Бирюков. — М., 1968.
4. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права) / Сост. А.Е. Савинкин. — М.: Военный университет, 1996. — 448 с.
5. Воробьев, В.В. Опыт формирования и становления воинской дисциплины в армии / В.В. Воробьев // Ярославский педагогический вестник. — 2009. — № 2. — С. 209—213.
6. Глухов, Е.А. О соотношении муштры и строевой выучки... или как второстепенное может перерасти в гласное / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 4. — С. 116—124.
7. Голиков, А.Г. "В нашей армии настало время коренных и обширных преобразований" (журнал "Военный сборник" и газета "Русский инвалид" в период Милютинских реформ 1860—1870-х гг.) / А.Г. Голиков // Российская история. — 2016. — № 6. — С. 3—14.
8. Гольц, А.М. Какая армия нужна России? / А.М. Гольц. — СПб.: «Норма», 2013.
9. Землин, А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации / А.И. Землин // Вестник военного права. — 2016. — № 3. — С. 39—46.
10. Керсновский, А.А. История русской армии: 1700—1881 / А.А. Керсновский. — Смоленск. 2004. — 464 с.
11. Корякин, В.М. Военно-административное право : учебник / В.М. Корякин. — М.: Юстиция, 2019. — 562 с.
12. Кудашкин, А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4. — С. 2—13.
13. Мартынов, В.Ф. Воинская дисциплина в армии пореформенной России / В.Ф. Мартынов // Поволжский педагогический поиск. — 2012. — № 1. — С. 34—38.
14. Нефёдов, С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. Т. 1 / С.А.Нефедов. — М.: Территория будущего, 2010. — 686 с.
15. Самосват, Д.А. История становления и развития системы военного управления в России / Д.А. Самосват // Ориентир. — 2013. — № 7. — С. 42—47.
16. Тимченко, Н.М. Особенности развития военной теории в средние века / Н.М. Тимченко // Credo new. — 2020. — № 3.
17. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. / С.М. Троицкий. — М., 1974.
18. Цуканов, С.С. К вопросу о происхождении Российского государства / С.С. Цуканов // Государство и право. — 2012. — № 2. — С. 102—109.
19. Цуканов, С.С. Развитие военного права в России // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты развития науки в современном мире» / С.С. Цуканов. — Уфа. 2019. — С. 164—174.
20. Харитонович, Д.Э. Война в Средние века // Человек и война: Война как явление культуры. / Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. / Д.Э. Харитонович. — М. 2001. — С. 9—27.
21. Юль, Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом / Ю. Юль. — М. 2001.
22. Юдин, С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. / С.С. Юдин // Российская история. — 2016. — № 6. — С. 46—55.

Вопросы систематизации чрезвычайного законодательства и ее влияние на изменение организационно-правовых основ деятельности карательных органов в Советском государстве в 1920-е годы

© Жаркой Михаил Эмильевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Аннотация. В работе на основе анализа нормативной базы и библиографических источников рассматривается динамика, последовательность и эволюция законодательства об экстраординарных обстоятельствах Советской России в период восстановления и развития народного хозяйства после окончания гражданской войны и иностранной военной интервенции. Обращено внимание на устойчивую тенденцию к систематизации чрезвычайного законодательства и ее влияние на совершенствование организационно-правовых основ деятельности правоохранительных органов. В заключении делаются выводы и даются рекомендации по возможности применения накопленного опыта в условиях возможного возникновения особых государственно-правовых состояний.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, военное положение, правопорядок, общественная безопасность, борьба с преступностью, войска и органы ОГПУ, милиция, квазисудебная юстиция, репрессии.

Issues of systematization of emergency legislation and its impact on the change in the organizational and legal foundations of the activities of punitive bodies in the Soviet State in the 1920s

© Zharkoy M.E.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. Based on the analysis of the regulatory framework and bibliographic sources, the paper examines the dynamics, consistency and evolution of legislation on the extraordinary circumstances of Soviet Russia during the period of restoration and development of the national economy after the end of the civil war and foreign military intervention. Attention is drawn to the steady trend towards systematization of emergency legislation and its influence on the improvement of the organizational and legal basis of the activities of law enforcement agencies. In the conclusion, conclusions are drawn and recommendations are made on the possibility of applying the accumulated experience in the conditions of the possible emergence of special state-legal states.

Keywords: regulatory and legal framework, emergency situations, martial law, law and order, public security, fight against crime, troops and organs of the OGPU, militia, quasi-judicial justice, repression

Важная роль в обеспечении безопасности государства, общества и личности в чрезвычайных условиях принадлежит особому правовому режиму деятельности ор-

ганов государственной власти и управления, допускающему установленные действующим законодательством известные ограничения прав и свобод граждан, юри-

дических лиц, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Целью введения особого правового положения выступает незамедлительная нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка, устранение угрозы безопасности населению и оказание необходимой ему помощи¹.

В настоящее время конституционное законодательство, регламентирующее правовые режимы военного, чрезвычайного положения, а также чрезвычайных ситуаций предельно систематизировано². В результате в арсенале государства имеются правовые средства, которые оказываются востребованными при возникновении указанных обстоятельств³. Однако, так было не всегда. В условиях отсутствия единого правового поля в первые годы Советской власти акты, объявляющие состояние экстраординарной обстановки, издавались многими субъектами публичного управления. Действующая в настоящее время нормативная база вобрала в себя богатый опыт правового регулирования особых государственных состояний⁴, накопленный в процессе мимикрирования последствий чрезвычайных обстоятельств военного, политического, техногенного и природного характера.

После Октябрьской социалистической революции ВЦИК, РВСР и СТО практиковали периодическое объявление тех или иных регионов страны на положение «неблагополучном по бандитизму», что предполагало осуществление ряда исключительных мер, связанных с ограничением

прав граждан республики. В первую очередь к такого рода документам следует отнести: Постановление СТО от 12 ноября 1919 г. «О проведении в жизнь военного положения на железных дорогах и о мерах содействия по снабжению железных дорог топливом»; Декрет ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»; Постановление СТО от 12 мая 1920 г. «О введении военного положения на водных путях Советской Республики»; Декрет ВЦИК от 28 мая 1920 г. «Об образовании коллегии по проведению военного положения и о предоставлении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и некоторым её органам прав революционных военных трибуналов в отношении преступлений, направленных против безопасности Республики»; Постановление СТО от 28 мая 1920 г. «Об объявлении Казанской губернии на военном положении»; Декрет ВЦИК и СТО от 4 ноября 1920 г. «О местностях, объявленных на военном положении».

Заметим, что уже названия отдельных вышеперечисленных документов предполагали изменение некоторых юрисдикционных полномочий всей системы карательных органов Советской России в сторону их упрощения и ускоренного производства в области оперативно-служебной и следственной деятельности.

Окончание гражданской войны и пресечение попыток интервентов денационализировать советскую экономику и вернуть собственность открытым военным путем не означало прекращения со стороны потенциального противника стремления дезорганизовать хозяйственную жизнь республик, подорвать их суверенитет. Эта борьба перешла в скрытую, латентную сферу и стала предметом противостояния разведок, а, следовательно, борьбе органов и войск ОГПУ с диверсионным, вредительским и повстанческим движением, имеющим ярко выраженную тенденцию к массовости. Все это требовало расширения и совершенствования правовых и организационных основ деятельности правоохранительных структур, призванных обеспечить внутреннюю безопасность государ-

¹ Савенков А.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации : дис. ... кан. юрид. наук. М., 1997.

² Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002.

³ Строков С.А., Шеншин В.М. Особенности правового регулирования по обеспечению правового режима контртеррористической операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 1. С. 109—117.

⁴ Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 12. С. 80—88.

ства в условиях восстановления народного хозяйства и его развития в специфических условиях НЭПа, допускающего, пусть и в ограниченном объеме, частного предпринимательства. Последнее не могло не стимулировать реваншистских желаний отдельных социальных групп населения, не принявших итоги Октябрьской революции.

Так, исторические факты свидетельствуют, что, например, крестьянские выступления провоцировались и из-за рубежа через различного рода легальные миссии. Так, на территории Советской России действовала Американская администрация помощи (АРА). Во главе ее стоял Г. Гувер — крупный капиталист, бывший директор Русско-азиатского банка, один из организаторов интервенции в Россию. Он публично заявил, что считает целью своей жизни свержение Советской власти. Через АРА правительственные круги США надеялись создать в Советской России опорные пункты, состоящие из различных контрреволюционных элементов. В состав миссии АРА входило 300 чел., носивших форму офицеров вооруженных сил США. В сводке ГПУ в декабре 1922 г. отмечалось, что в Саратовской губернии крестьяне недовольны деятельностью АРА, которая, главным образом помогает зажиточным крестьянам. Кулаки, поощряемые представителями АРА, вели в деревнях активную агитацию, восхваляли щедрость АРА, подстрекали крестьян к контрреволюционным выступлениям. Только в Самарском уезде с декабря 1921 г. по октябрь 1922 г. за антисоветские выступления, связанные с деятельностью АРА, было арестовано 44 кулака¹.

Еще до образования СССР, то есть в условиях подготовки к Генуэзской конференции, когда был принят так называемый Лондонский меморандум, который выдвигал требование возврата всей национализированной иностранной собственности в России, уплаты всех довоенных и военных долгов царского правительства, долгов Временного

правительства и других контрреволюционных правительств и их местных органов², Секретариат ВЦИК 16 июня 1922 г. дополнительно к имеющимся ввел военное положение в Самарской, Иркутской, Уральской, Якутской, Мурманской губерниях, Башкирской республике, Кабардинской области, Калмыцкой автономной области, Крымском районе, Ачинско-Минусинском районе. В дальнейшем, в течении 1922—1923 гг. военное положение сохранялось в Алтайской, Енисейской, Пензенской, Саратовской, Петроградской (50-верстная зона пограничной полосы), Воронежской, Московской, Симбирской, Тамбовской губерниях. Утвержденное ВЦИК военное положение вводилось по постановлением местных органов власти также в Терской области, Тюменской губернии, Царицынской, Астраханской, Витебской, Гомельской, Семипалатинской, Акмолинской, Ставропольской, Актюбинской, Донской областях, Смоленской губернии, Псковской, Оловецкой (50-верстная пограничная полоса), Дагестанском районе, Карельской трудовой коммуне, трудовой коммуне немцев Поволжья и др.³ 2 ноября 1923 г. постановлением Малого СНК на Кубано-Черноморской области тоже было введено исключительное положение⁴. Кроме того, РВСР ходатайствовал об объявлении на военном положении 15-ти верстной береговой полосы на Азовском и Черном морях и полосу отчуждения железной дороги⁵. 17 августа 1925 г. Президиум ВЦИК ввел исключительное положение в районах Зиминского уезда Иркутской области и двух уездов Бурято-Монгольской автономной ССР⁶. Постановлением Президиума ЦИК от 3 сентября 1926 г. территория Дагестанской АССР была объявлена неблагополучной по бандитизму сроком на 2 месяца⁷. В 1926—1927 гг. неблагополучными по бандитизму

¹ Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). М., 1960. С. 27—28.

² История внешней политики СССР. Т.1. 1917—1945 гг. М., 1976. С. 163.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 327. Л.8.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 343. Л.2.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 343. Л.5.

⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 73. Л. 1.

⁷ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 325. Л. 2.

Президиумом ЦИК объявлялись Таджикистан, Узбекистан, Бурят-Монгольская АССР, Сибирский край и др.¹ 26 октября 1929 г. СНК РСФСР рассмотрел ходатайство Сибирского крайисполкома, по результатам которого по предложению ОГПУ Президиум ЦИК 3 декабря объявил территорию Сибирского края неблагополучной по бандитизму сроком на 3 месяца².

Как видим, это были отдельные документы, носящие исключительно казуальный характер. Тем не менее, с образованием СССР стали впервые предприниматься попытки системной кодификации чрезвычайного законодательства. В рамках единого союзного государства к числу них относится Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, утверждённое Декретом ВЦИК и СНК РСФСР 8 марта 1923 г. Мы не станем проводить технико-юридический анализ этого документа. Он блестяще освещен в научной литературе в работах О.В. Виноградова³. Отметим лишь, что Декрет предполагал возможность введения двух видов административно-правовых режимов — военного и исключительного положения. К основаниям введения исключительного положения относились следующие обстоятельства: 1) контрреволюционные выступления и иные посягательства на рабоче-крестьянскую власть и её отдельных представителей или серьезная угроза таким выступлениям и посягательствам; 2) неисполнение или противодействие законным распоряжениям власти со стороны отдельных граждан, если эти правонарушения имели массовый характер; 3) массовые посягательства на личность и имущество граждан; 4) нарушение нормальной жизни чрезвычайными стихийными бедствиями; 5) переход к нормальному порядку

жизнедеятельности в местностях, бывших на военном положении.

Военное положение объявлялось в случаях: а) когда данная местность становится театром военных действий или получает для военных целей особо важное значение; б) в случаях, предусмотренных для введения исключительного положения, когда меры исключительного положения оказываются недостаточными для охраны или восстановления революционного порядка.

Было четко определено количество субъектов, обладающих полномочиями правотворчества в рассматриваемой сфере. Теперь правом введения чрезвычайных мер охраны наделялись только ВЦИК и СНК по представлениям: НКВД — при введении исключительного положения и НКВД совместно с РВСР — при введении военного положения. В исключительных случаях, при невозможности снести с центральной властью, правом введения чрезвычайных мер охраны обладали губернские исполнительные комитеты и их президиумы, с последующим обязательным уведомлением о причинах введения чрезвычайных мер ВЦИК и СНК РСФСР.

Положением устанавливался предельный срок введения чрезвычайных мер охраны — до трех месяцев. Продление этого срока, равно как и досрочная отмена чрезвычайных мер, допускалось в том же порядке, что и при первоначальном введении чрезвычайных мер охраны. В отдельных случаях, по представлениям НКПС, согласованным с НКВД, ВЦИК и СНК имели право объявлять исключительное положение в полосе отчуждения железных дорог, а по представлениям РВСР, объявлять на военном положении заводы и склады, имеющие военное значение, и железнодорожные пути стратегического значения.

Положение определяло, что на время действия исключительного положения вся власть сосредотачивается в президиумах исполнительных комитетов. Последнему предоставлялись следующие чрезвычайные полномочия: а) издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к охранению государственного порядка

¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 336, 327.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 871. Л. 1, 3.

³ Виноградов О.В. Административно-предупредительные меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С.110—115.

и безопасности, в дополнение и развитие действующих законов; б) устанавливать административные взыскания за нарушение обязательных постановлений, в виде: лишения свободы на срок не свыше 3-х месяцев или принудительных работ без лишения свободы на срок до 6-ти месяцев; штрафа до 5 тыс. рублей золотом; высылать из пределов губернии или отдельных ее пунктов на срок действия исключительного положения лиц, признанных опасными для общественного порядка, или же высылать таковых лиц на тот же срок в определенные места губернии без права самовольного передвижения и др. Административная высылка в определённые районы других губерний производилась согласно упомянутому выше Постановлению ВЦИК от 10 августа 1922 г.

В губерниях, объявленных на военном положении, могли быть учреждены, наряду с обычными судами, революционные трибуналы с правами военных, действующих в боевой обстановке, революционные трибуналы могли быть учреждены и для отдельных уездов, в случае объявления их на военном положении. В местностях, объявленных на военном положении РК, кроме прав, которые предоставлялись губернским исполнительным комитетам, при введении исключительного положения, предоставлялись следующие дополнительные: а) устанавливать за нарушение обязательных постановлений взыскания в административном порядке в виде: лишения свободы на срок до 6-ти месяцев или принудительных работ без лишения свободы на срок до 12 месяцев; штрафа до 50 тыс. руб. золотом; конфискации всего или части имущества и административной высылки на все время действия военного положения; передавать на рассмотрение революционного трибунала отдельные уголовные дела, а также изымать из общей подсудности с передачей революционному трибуналу отдельные категории дел, о чем предварительно должно быть объявлено во всеобщее сведение; предавать суду революционного трибунала виновных в нарушении обязательных постановлений, хотя бы соответствующие деяния не были предусмотрены Уголовным Кодексом; за-

прещать въезд и выезд, как отдельным лицам, так и отдельным категориям населения; производить реквизиции имущества, с последующим уведомлением СТО; запрещать ввоз или вывоз тех или иных предметов; в исключительных случаях объявлять мобилизацию и устанавливать иные повинности (при отсутствии возможности связаться с центральными органами власти).

Совершенно справедливо делает вывод О.В. Виноградов о том, что анализ системы мер, предусмотренных этим документом, «позволяет судить о явно прослеживающейся аналогии с чрезвычайным законодательством царской России»¹. С введение в действия Положения считались отмененными все вышеперечисленные декреты и постановления органов Советской власти. Обращает на себя внимание, что Положение не давало четких дефиниций понятий «исключительное положение» и «военное положение», разница между ними определялась исключительно перечнями условий их введения и мер, применяемых при их реализации.

Руководствуясь рассмотренным документом, НКВД РСФСР уже 11 декабря 1923 г. просил ВЦИК для усиления борьбы с бандитизмом ввести на территории Донской области исключительное положение на срок до 3 месяцев. Кроме того, в обращении говорилось: «... в целях решительной ликвидации бандитизма НКВД ходатайствует о предоставлении Президиуму Донисполкома права не пропускать кассационных жалоб в порядке ст. 406 УПК»². Упомянутая статья предусматривало право губернского исполнительного комитета на решение вопроса о пропуске или не пропуске кассационной жалобы осужденного к высшей мере наказания в течение 24 часов с момента получения представления губернского суда. При этом губернский исполнительный комитет был не вправе

¹ Виноградов О.В., Глушенко П.П., Игнатенко Д.И. Институт чрезвычайных мер и ограничений прав и свобод личности в Российском государстве: история и современность : учебное пособие. Ч. II (Чрезвычайное законодательство Советского государства 1917—1991 гг.). СПб., 2009. С. 21.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 353. Л. 6.

входить в рассмотрение вопроса о доказанности и недоказанности преступления и должен был разрешать вопрос исключительно исходя из соображений опасности и распространенности данной категории преступлений в данной местности и необходимости принятия экстренных мер к их искоренению. При положительном решении подсудимый лишился бы последней процессуальной гарантии.

Обратим внимание на то, что основанием для ходатайства НКВД явилось обращение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) от 4 декабря «О развертывании уголовного бандитизма в Ростове и других городах». В постановлении за подписью секретаря бюро А.И. Микояна предлагалось: «...2) Исхлопотать в Москве право на высылку бандитских элементов в северные губернии; 3) Указать ЦК на неправильные действия ВЦИКа, милующего неисправимых бандитов... 4) считать необходимым использовать право Военного Трибунала о подсудности им бандитских дел в крае»¹. Здесь явно прослеживается стремление в связи со сложной обстановкой, не смотря на действующее законодательство, использовать исключительно административное усмотрения для скорейшего искоренения бандитизма. Однако, рассмотрев обращение НКВД 12 декабря, секретариат ВЦИК его отклонил.

С принятием Конституции СССР в 1924 г. и закреплением ею основ федеративного государственного устройства Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 апреля 1925 г. было введено в действие общесоюзное «Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка». Исключительное положение вводилось и проведение его регулировалось постановлениями Президиума ЦИК соответствующей союзной республики. При необходимости введения исключительного положения в двух и более смежных губерниях, входящих в состав разных союзных республик, оно вводилось постановлением Президиумов ЦИК соответствующих союзных республик по взаимному

соглашению. Таким образом, можно говорить о появлении в этот момент такого источника права, как договоры с нормативным содержанием.

В отличие от предшествующего документа, Положение вводило четыре новых, ранее неизвестных советскому чрезвычайному законодательству правовых режимов: военное положение не на театре военных действий, военное положение на театре военных действий, чрезвычайные меры охраны революционного порядка на железных дорогах (осуществлялись посредством введения исключительного или военного положения) и чрезвычайные меры охраны на заводах, фабриках, других заведениях (имелись в виду учреждения оборонного значения). В связи с введением в действие общесоюзного «Положения о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка» от 3 апреля 1925 г., Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1926 г. было утверждено новое Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, отменившее ранее действовавшее от 8 марта 1923 г.

Процесс новеллизации нормативной базы вне всякого сомнения влек за собой изменение организационно-правовых основ деятельности карательных структур. Так, на основании секретного постановления Президиума ЦИК СССР от 9 мая 1924 г. в местностях, объявленных ЦИКом данной республики неблагополучными по бандитизму, ОГПУ предоставлялись следующие права: а) назначение в данную местность особо уполномоченного лица по борьбе с бандитизмом; б) направлять в указанные местности специальные вооруженные отряды по борьбе с бандитизмом; в) местным органам ОГПУ предоставлялось право под председательством Уполномоченного ОГПУ и при участии местного прокурора вынесение во внесудебном порядке приговоров по бандитским делам (высылка, заключение в лагерь, расстрел). Кроме того, местные органы ОГПУ получили право изымать и решать по своему усмотрению любое дело о бандитизме, независимо от того, когда

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 29. Д. 353. Л. 7.

оно возникло и в чьем ведении находится, кроме дел, уже переданных в суд с обвинительным заключением. Наконец, в соответствии с п. 3 милиция и уголовный розыск в оперативном отношении были подчинены ОГПУ. Этим же постановлением лицам, особо уполномоченным по борьбе с бандитизмом, предоставлялись следующие права: а) использовать по своему усмотрению материалы милиции и уголовного розыска по борьбе с бандитизмом; б) изымать все бандитские дела от милиции и уголовного розыска; в) распоряжаться секретной агентурой уголовного розыска и наружными силами милиции; г) начальники милиции обязаны были отчитываться о борьбе с бандитизмом перед уполномоченным¹.

Для улучшения оптимизации управления войсками ОГПУ в ноябре 1926 г. в его составе было учреждено Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ, а руководство внутренними войсками в пограничных округах ОГПУ было возложено на начальников управления пограничной охраны и войск ОГПУ, а в остальных районах — на начальников инспекций войск ОГПУ округов, краев и областей². 19 ноября 1927 г. постановлением СТО охрана промышленных предприятий и государственных сооружений, имеющих важное значение для обороны страны, была также возложена на войска ОГПУ³. Постановлением СНК СССР от 4 декабря 1931 г. устанавливалась войсковая охрана железных дорог. С этой целью были учреждены войска ОГПУ по охране железнодорожных сооружений, которые приняли под охрану 1263 искусственных сооружения объектов железных дорог⁴.

Обращает на себя внимание факт того, что параллельно и в зависимости от динамики преступности, усиливалась

репрессивная функция органов внесудебной юстиции. Постановлением ЦИК СССР об Особом совещании ОГПУ от 28 марта 1924 г. последнее получило право высылать сроком на 3 года лиц, совершивших контрреволюционные преступления (а постановлением от 11 февраля 1930 г. — бессрочно)⁵. Заметим, что согласно ст. 6 Положения об Особом Совещании при ОГПУ от 28 марта 1924 г. Особым Совещаниям ГПУ союзных республик предоставлялось исключительное право высылки лишь в пределах территории данной республики. Однако в том случае если совещание приходило к выводу о необходимости высылки за пределы данного региона, то согласно ст. 7 «такое постановление получает силу лишь по утверждению Особого Совещания при ОГПУ»⁶. Из содержания ст. 2 Положения следовало, что право отмены постановления Особого совещания ОГПУ принадлежит лишь Президиуму ЦИК СССР⁷.

Заметим, что в 1925 г. НКЮ обратил внимание Политбюро ЦК РКП(б) на слишком широкие чрезвычайные внесудебные права ОГПУ, которые из исключения стали правилом. Данные НКЮ за время с 1 января по 1 мая 1925 г. свидетельствовали о том, что во внесудебном порядке через ОГПУ прошли дела по всем видам преступлений, включая даже обычные имущественные правонарушения. Не было ни одной статьи УК, по которой ОГПУ не считало бы себя вправе принять дело к производству⁸.

Тем не менее, внесудебным органам ОГПУ были предоставлены новые чрезвычайные права, вплоть до вынесения высшей меры наказания — расстрела. Так, 3 мая 1926 г. Президиум ЦИК СССР предоставил Особому совещанию при ОГПУ на шесть месяцев право высылки, ссылки и заключения в лагерь на срок до

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 73. Д. 16. Л. 101.

² Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 291.

³ Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. М., 1982. С. 469.

⁴ Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 293.

⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 915. Л. 9-9об.

⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 21. Л. 10.

⁷ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 484. Л. 8-7.

⁸ Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х — начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 84.

трех лет лиц, как подозревавшихся, так и уличенных в контрабандной деятельности. По отношению к уличенным в вооруженной контрабанде и сопротивлении или насилию над чинами пограничной охраны ОГПУ по особому постановлению ЦИК Союза ССР предоставлялось право внесудебной расправы вплоть до расстрела¹.

8 мая 1926 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление об усилении мер по борьбе с контрабандой. В соответствии с ним Особому совещанию при ОГПУ на полгода было предоставлено право высылки, ссылки, заключения в лагерь на срок до 3 лет как *подозреваемых* (выделено нами — М.Ж.), так и уличенных в контрабандном провозе товаров, способствующих такому провозу, скупке названных товаров и др. При этом в соответствии с п. 2 по отношению к лицам, уличенным в вооруженной контрабанде и сопротивляющимся, или проявляющим насилие по отношению к пограничной охране, представитель ОГПУ с особого постановления ЦИК СССР имел право внесудебной расправы вплоть до расстрела. В примечании указывалось, что по отношению к иностранцам во внесудебном порядке могла быть применена лишь высылка за пределы СССР. В дальнейшем на заседании Секретариата ЦИК от 14 мая 1927 г. сроки полномочий были продлены еще на год, т.е. до 15 мая 1928 г., а по окончании его еще на год. 19 июня 1929 г. срок вновь был продлен и, наконец, в мае 1931 г. было принято решение о его продлении на 2 года, т.е. до 15 мая 1933 г.²

4 апреля 1927 г. секретным постановлением Президиума ЦИК СССР были усилены репрессии за халатность, за непринятие мер охраны и отсутствие противопожарных средств на заводах, складах, государственных предприятиях и транспорте: «Приравнять небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в

результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и предприятиях государственного значения, к государственным преступлениям». Органам ОГПУ предоставлялось право «рассматривать во внесудебном порядке, вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсиям, поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок как со злым умыслом, так и без оног...». 9 июня 1927 г. органам ОГПУ Президиумом ЦИК было предоставлено право рассмотрения во внесудебном порядке дел на белогвардейцев, шпионов и бандитов, вплоть до применения к ним высшей меры наказания — расстрела³.

4 апреля 1927 г. судебная коллегия ОГПУ получила право рассматривать дела, совершенные «как со злым умыслом, так и без оног», и выносить приговоры вплоть до расстрела. Постановлением Президиума ЦИК от 15 июня 1927 г. ОГПУ было предоставлено право рассматривать во внесудебном порядке дела белогвардейцев, контрреволюционеров, шпионов и бандитов⁴. В 1928—1929 гг. увеличивается сфера внесудебных репрессий. 18 февраля 1928 г. Президиум ЦИК СССР предоставил ОГПУ право на запрещение проживания в определенных местностях лицам, отбывшим заключение в концлагере или ссылку. 12 июня 1929 г. по ходатайству прокуратуры ОГПУ наделяется полномочиями отправлять в ссылку «особо злостных преступников и неисправимых рецидивистов непосредственно по отбытии этими лицами лишения свободы»⁵. 11 июля 1929 г. решением СНК СССР ОГПУ получило в свое ведение исправительно-трудовые лагеря. ОГПУ была поставлена задача использовать труд осужденных для

³ Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. С. 187—188.

⁴ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 915. Л. 10.

⁵ Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России. истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999. С. 271.

¹ Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. История и современность. Ростов-на-Дону: 2001. С. 187—188.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 323. Л. 1, 11, 27, 43.

развития богатых полезными ископаемыми северных и иных отдаленных районов страны. В дальнейшем, как мы говорили выше, в ведение ОГПУ передается милиция и уголовный розыск. 3 февраля 1930 г. (по другим источникам 4 февраля¹) ОГПУ совершенно секретным постановлением Президиума ЦИК СССР получило право «на время проведения кампании по ликвидации кулачества передоверить свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел своим ПП ОГПУ краев, областей с тем, чтобы внесудебное рассмотрение дел производилось с участием представителей крайисполкомов (облисполкомов) и прокурора»². С этого времени в состав «троек» стали входить представители областных и краевых комитетов ВКП(б). Однако уже в мае 1931 г. компетенция «троек» была резко ограничена. При этом они лишились и права самостоятельного вынесения приговоров о применении высшей меры наказания. Такие приговоры подлежали утверждению коллегии ОГПУ. В отчете Прокуратуры СССР Президиуму ЦИК о надзоре за органами ОГПУ за 1931 г. указывалось, что при анализе дел, рассмотренных «тройками», в коллегии ОГПУ нередко были случаи изменения приговора по протестам прокурора, возвращения дел на доследование и, даже прекращения дел на лиц, приговоренных «тройками» к расстрелу³. Такая практика, как свидетельствуют документы, сохранялась и в последующем.

Во второй половине 1920-х годов происходит расширение перечня преступлений, по делам о которых только по мотиву общественной опасности могло быть избрано в качестве меры пресечения заключение под стражу. Так, в 1926 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс» было включено тридцать два тяжких состава преступле-

ний, среди которых назывались как преступления против государства, так и общеуголовные. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса» уже разграничило критерий общественной опасности на два подвида: по ряду составов преступлений заключение под стражу допускалось в случаях, когда обвиняемый имел связь с преступной средой, либо не имел постоянного места жительства и занятий, либо уклонялся от явки к следствию и суду. В 1929 г. были внесены изменения в Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, в соответствии с которыми общие места заключения освобождались от осужденных и превращались исключительно в места предварительного заключения⁴. По мнению К.В. Питулько, возможность судебного обжалования мер пресечения, все еще предоставленная законом, постепенно была сведена к нулю⁵.

Последним российским кодифицированным актом чрезвычайного законодательства перед Великой Отечественной войны, сохранившим свои нормативные положения вплоть до Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», стал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1926 г., которым было утверждено новое Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка, отменившее ранее действовавшее от 8 марта 1923 г. Основываясь на общесоюзном Положении и сохраняя многие его черты оно, тем не менее, имело отличительные особенности. В частности, Положение от 10 мая 1926 г. определяло только три правовых состояния: исключительное положение, военное положение и режим чрезвычайных мер охраны революционного порядка на железных дорогах. При этом в отличии

¹ Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х — начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 88.

² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 915. Л. 1.

³ Михеев В.И. Указ. соч. С. 89.

⁴ Андреев В.Н. Содержание под стражей в СССР и России. М., 2000. С. 63—64.

⁵ Питулько К.В. Судебный контроль за применением заключения под стражу и реализация права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе Российской Федерации. СПб., 2000. С. 28.

от исключительного положения, правом введения которого пользовался Президиум ВЦИК РСФСР, приоритет права введения военного положения и режима чрезвычайных мер охраны революционного порядка на железных дорогах сохранялся за Президиумом ЦИК Союза ССР.

Очевидно, что положение «неблагополучное по бандитизму» и другие чрезвычайные меры вводились законодателем не произвольно, а исходя из многих факторов — военно-политического, криминогенного, экономического, социального и др. Законодатель стремился к предельному ограничению перечня субъектов, обладающих правом инициирования состояния экстраординарности. Целью нормотворчества выступало обеспечение суверенитета, экономической и государственной безопасности страны. Принимаемые правовые нормы оказывали непосредственное влияние на организационно-штатную структуру правоохранительных органов и правоприменительную практику. Последнее нашло свое выражение в расширении подсудности и юрисдикции органов квазисудебной юстиции. Указанные реформы полностью соответствовали историческим и правовым реалиям, а также политической ментальности времени рассматриваемых хронологических рамок. При дискуссионности оценки исследуемых процессов полагаем, что опыт оперативного реагирования со стороны законодателя может и должен быть учтен в современных условиях.

Таким образом, к началу и в ходе проведения инновационных мероприятий в промышленности и сельском хозяйстве, Советское государство обладало достаточно прочной систематизированной базой чрезвычайного законодательства, которое по мере реализации мероприятий по строительству социализма, подкреплялось новеллами в административно-правовой и уголовно-правовой сферах.

Библиография

1. Андреев, В.Н. Содержание под стражей в СССР и России / В.Н. Андреев. — М.: Спарк, 2000. — 197 с.
2. Виноградов, О.В. Административно-предупредительные меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб.: Университет МВД России, 1999. — 280 с.
3. Виноградов, О.В. Институт чрезвычайных мер и ограничений прав и свобод личности в Российском государстве: история и современность : учебное пособие. — Ч. II (Чрезвычайное законодательство Советского государства 1917—1991 гг.) / О.В. Виноградов, П.П. Глушенко, Д.И. Игнатенко. — СПб.: изд. СПб.АУЭ, 2009. — 165 с.
4. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк. — М.: Изд. ДОСААФ, 1982. — 496 с.
5. Воронцов, С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. История и современность / С.А. Воронцов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. — 701 с.
6. История внешней политики СССР. Т. 1. 1917—1945 гг. — М.: Наука, 1976. — 520 с.
7. Кудашкин, А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 12. — С. 80—88.
8. Михеев, В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х — начале 1930-х годов / В.И. Михеев // Отечественная история. — 2005. — № 6.
9. Питулько, К.В. Судебный контроль за применением заключения под стражу и реализация права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе Российской Федерации / К.В. Питулько. — СПб.: Левша, 2000. — 215 с.
10. Питулько, Л.П. Лишение свободы в России. Истоки, развитие, перспективы / Л.П. Питулько, И.В. Упоров. — Краснодар: Краснодар. юрид. ин-т МВД России, 1999. — 490 с.
11. Савенков, А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... докт. юрид. наук / А.Н. Савенков. — М., 2002. — 381 с.
12. Савенков, А.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Савенков. — М., 1997. — 127 с.
13. Строков, С.А. Особенности правового регулирования по обеспечению правового режима контртеррористической операции / С.А. Строков, В.М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 109—117.
14. Трифонов, И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937) / И.Я. Трифонов. — М.: Госполитиздат, 1960. — 279 с.

Уровень преступной активности

© Кириллов Павел Валерьевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и гражданского права и процесса Института управления и комплексной безопасности Академии государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. На основе анализа философских сторон «уровня активности» рассматривается уровень преступной активности. Обозначена приемлемая модель исследования уровня активности. Проведено изучение различных его сторон: прогрессивное развитие (результат, качество); интенсивность развития (темп, рост); нарушение устойчивости к самосохранению. Дана классификация уровню активности. Обобщены существенные стороны уровня активности и на их основе дана характеристика уровню преступной активности. Раскрыт существующий в криминологии подход к определению уровня преступной активности.

Ключевые слова: преступная активность, уровень активности, её стороны и классификация.

The level of criminal activity

© Kirillov P.V.,
candidate of legal sciences, senior lecturer of the department of criminal and civil law and process of the Institute of management and integrated security of the State Fire Service Academy of the Ministry of emergency situations of Russia

Annotation. Based on the analysis of the philosophical aspects of the "level of activity", the level of criminal activity is considered. An acceptable model for the study of the level of activity is indicated. The study of its various aspects was carried out: progressive development (result, quality); development intensity (pace, growth); violation of resistance to self-preservation. The classification is given to the level of activity. The essential aspects of the level of activity are generalized and, on their basis, the characteristics of the level of criminal activity are given. The existing in criminology approach to determining the level of criminal activity is disclosed.

Keywords: criminal activity, level of activity, its sides and classification.

В теории и практике криминологии вместе с термином «преступная активность»¹ часто используется категория «уровень».

Как правило, через уровень преступной активности (чаще применяется термин «уровень преступности») отражается количество преступлений (отдельных их ти-

пов, родов или видов) и лиц, их совершивших, в относительных величинах. Например, в ежемесячных сборниках о состоянии преступности в России Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации всегда есть раздел, раскрывающий уровень преступности на 100 тыс. населения по тяжести преступлений².

¹ Преступная активность определяется через коэффициент, который рассчитывается по формуле: $KЛ/Н$, где $KЛ$ — число лиц, совершивших преступления, за определенный временной период на какой-либо территории, $Н$ — численность населения на той же территории за то же время.

² Аналитический материал. Портал правовой статистики // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // crimestat.ru (дата обращения: 29.09.2021).

Предлагаем рассмотреть уровень преступной активности через дальнейший анализ категории «активность»¹ и её «уровней».

Безусловно, изучение «уровней активности», а также уровней преступной активности должно строиться на:

1) рассмотрение системы (например, преступления или отдельных его типов, видов) как субъекта своих изменений, через абстрагирование от внешних связей системы;

2) выяснение места системы (преступления) в более широком объективном процессе (преступности), включающем эту систему как элемент.

Для изучения «уровней активности» наиболее адекватна модель в виде системы «субъект — объект».

Активность есть качество субъекта. Не существует иного носителя активности, кроме субъекта. Не существует субъекта, не обладающего активностью. Если под носителем активности понимается тот или иной объект (например, космос, природа в целом или природный объект — растение, животное), то в данном объекте необходимо мыслиться субъектные характеристики (и прежде всего, самосохранение, самоопределение и самоорганизация). Субъектами активности могут выступать: эмпирический индивидуальный субъект (человек), эмпирический социальный субъект (общество) и др.

Представленная модель является базовой. В зависимости от конкретных наличных условий в криминологии она может принимать вид «субъект — субъект — объект», где субъектами могут быть преступники (их сообщества) и правоохранительные органы (различные государственные и общественные институты, противодействующие преступности), а объектами — общественные отношения (национальные интересы), человек (общество) и т.п.

Однако при таком подходе к изучению «уровней активности» необходимо рассмотреть чрезвычайно широкий круг вопросов. Настоящая работа ограничивается

раскрытием некоторых философских сторон активности, которые, по мнению автора, способствуют пониманию уровня преступной активности.

Одной из существенных сторон активности является то, что она обозначает возможность систем к развитию (чаще всего к созданию прогрессивных новообразований). В первую очередь, понимается изменение качества систем в определенном пространстве и времени в силу определенных причин (противоречивость объекта).

Установление связи понятия «активность» с такой категорией, как «развитие» позволяет конкретизировать представление об активности, а также раскрыть ее уровни².

Активность в своем содержании фиксирует не любое самодвижение, а то самодвижение, которое является развитием. Оно позволяет представлять единство различных форм и уровней развития материи, генетическую связь между ними.

Развитие традиционно понимается как качественное изменение системы, ведущее к возникновению нового (характеристик и свойств), имеющее свои источники, условия и механизмы.

В философии развитие представляется, как:

— система изменений;

— одновременно прогрессивные и регрессивные, необратимые и обратимые (повторяющиеся), прерывные (качественные) и непрерывные (количественные) изменения;

— изменение качества объекта в определенном пространстве и времени в силу определенных причин (противоречивость объекта), как процесс, протекающий целостно (в силу преемственности состояний) и направленно;

— преемственность изменений и т.п.

Как видно, одной из основных черт развития является «качество». Не перечисляя всех имеющихся подходов к его опре-

¹ Кириллов П.В. Категория «активность» в криминологии // Военное право. 2021. № 5. С. 162.

² См. подр.: Абрамова Н.Т. Уровни активности биологических систем // В кн.: Философские проблемы биологии. М., 1973. С. 152; Зыкова Г.Н. Философский аспект проблемы социальной активности : дис. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1983. С. 52.

делению, вычленим основное, что подлежит изучению в рамках работы.

Качество в своем существовании проходит несколько стадий — от возникновение — через расцвет — к уничтожению. Существование этих стадий объясняется тем, что развитие заведомо не есть простое, всеобщее и вечное увеличение (рост).

В стадии расцвета наиболее полно проявляется стадия сложившегося и зрелого качества. В ее рамках тенденция количественного роста (стадия сложившегося качества) уступает место и подчиняется тенденции внутреннего качественного самосовершенствования, то есть выявляется новый потенциал развития (стадия зрелого качества).

В стадии уничтожения непрерывное, постоянное количественное изменение в определенной точке приводит к прерывному, внезапному качественному изменению, что позволяет определять уровни активности.

Критерием выделения «уровней активности» выступает их роль в процессе образования нового, в конечном счете — в переходе к более высокому уровню развития.

Между тем, при оценке «уровней активности» не всегда можно с точностью определить, в чем проявляется, например, рост активности. На наш взгляд, он проявляется в повышении (появлении, создании, приобретении) у системы способностей к прогрессивным новообразованиям.

Разное время перерастания одной формы движения в другую показывает, что развитие обладает еще одной, очень важной характеристикой. Так, с переходом от низшего уровня организации материи к высшему уровню наблюдается рост интенсивности процесса развития. Различен и ход времени, и темпы протекания процессов у отдельных материальных объектов, более того, и целые уровни организации материи характеризуются разным «ритмом изменчивости».

То есть показателями уровня активности могут выступать темп и скорость протекания прогрессивных изменений в системах.

Это позволяет говорить еще об одном показателе «уровней активности» — интенсивности ее прогрессивного развития, которая выявляется в ускорении темпов протекания прогрессивных изменений, а также их росте (разнообразности) по мере перехода от низшей организации к более высшей.

При этом каждый уровень активности имеет свой темп протекания каких-либо изменений, который убыстряется по мере возрастания уровня. В ходе прогрессивных изменений длительность процесса отрицания — перехода от старого качества к новому — уменьшается.

Другой стороной активности, описывающей «уровни», является то, что активность с одной стороны, проявляется в тенденции к устойчивости систем (самосохранению), с другой — проявляется в нарушении этой устойчивости связанной с переходом системы на следующий уровень.

Самосохранение надо отличать от простого сохранения, когда наличное образование (статическое или динамическое) продолжает существовать только потому, что отсутствуют возмущающие и разрушительные воздействия извне. Простая прочность внутренних интегрирующих связей системы достаточна, пока условия среды остаются благоприятными для этого. А для активного самосохранения необходимо совершать внешние для системы активные действия, чтобы преодолевать часть неблагоприятных влияний среды.

Необходимым условием сохранения системы выступает состояние динамического равновесия, которое представляется не как условная точка, а как условная зона, в пределах которой качественных изменений системы и составляющих её элементов не происходит. При этом система может переходить в неравновесное состояние. В этом случае активность будет измененной до тех пор, пока в системе не будет достигнуто равновесное состояние. Причина возникшего неравновесного состояния может локализоваться как в элементах системы, так и через среду. Если равновесие недостижимо без качественных изменений в системе, то система переходит на иной

уровень. Таким переходом может быть и разрушение системы.

Понимание природы «уровней активности» невозможно без раскрытия вопросов классификации активности¹.

Общепринятая классификация активности проводится на основе отличия в степени или, точнее, в уровнях организованности соответствующих материальных носителей. При этом выделяются следующие универсальные формы активности: физическая, химическая, биологическая, социальная и психологическая, со всеми их собственными подразделениями и промежуточными классами.

Классификация активности также возможна на основе выделения по отдельно взятым сторонам или группам свойств, выраженных в аналогичных видах деятельности (функциях) весьма разнородных материальных систем. При этом формы активности, выделяемые по функциям (как видам деятельности систем), относятся ко всем или нескольким уровням организации и будут зависеть от организации материального носителя и процесса его деятельности.

Следует понимать, что при такой классификации активности вопрос организации системы особенно существен: ведь для всех форм активности, по определению, характерно преобладание внутренней детерминации, а она зависит именно от всей системной упорядоченности, выделенности и дифференцированности связей и отношений между элементами и блоками, то есть, от организации, структуры. Но зависимость здесь бывает неоднозначная, так как одни и те же функции (вернее, типы функций) могут проявляться у систем очень различной организации.

К числу форм активности, выделяемых по группам функций (видам деятельности), относятся не только вышеперечисленные универсальные ее формы, но и специфичные для одного или нескольких уровней.

Самоорганизация — одно из всеобщих, универсальных атрибутов; внешняя

организующая деятельность наблюдается хотя и в различных выражениях, но повсюду.

Преемственное самовоспроизведение организации, в частности, и устойчивое самовоспроизведение неравновесности (характерно только для биологических и социальных систем, составляя одну из первичных и общих основ их существования).

К формам активности, выделяемым по видам функций, относится также самосохранение. Его надо отличать от простого сохранения, когда статическое или динамическое образование продолжает существовать только потому, что отсутствуют возмущающие и разрушительные воздействия извне. Простая прочность внутренних интегрирующих связей достаточна, пока условия среды остаются благоприятными для этого. А для активного самосохранения необходимо совершать внешние для системы активные действия, чтобы преодолевать часть неблагоприятных влияний среды.

Также активность можно различать по степени опосредованности актов и процессов самодвижения и самоизменения; направленности к результатам, выраженным в самовоспроизведении или в саморазрушении, деградации; системности и фрагментарности этих процессов; скрытой напряженности, потенциальности или проявленной действительности; отношениям к организующей деятельности и управляемости (в том числе по формам таких процессов: их однолинейность или разветвленность, или, наоборот, цикличность и периодичность, а также по отношению этих процессов к структурному уровню: постепенность или скачкообразность).

Все эти примеры классификации являются через «пересечение» категории активности с такими категориями, как внутреннее и внешнее, целое и часть, система и подсистемы (или элементы), непосредственное и опосредованное.

Проведенный анализ категории активности позволяет отметить следующие наиболее существенные стороны её «уровней». Активность характеризует возможность систем к развитию, а точнее к про-

¹ Кремянский В.И. К анализу понятия активности материальных систем // Вопросы философии. 1969. № 10. С. 53—54.

грессивному развитию (к созданию прогрессивных новообразований). Активность, с одной стороны, проявляется в тенденции к устойчивости систем (самосохранению), с другой — проявляется в нарушении этой устойчивости связанной с переходом системы на следующий уровень. Всё это позволяет определять уровни активности. Показателями, раскрывающими уровни, являются «интенсивность развития», которая выявляется в ускорение темпов протекания прогрессивных изменений, «рост разнообразности» таких изменений, а также «нарушение устойчивости» системы к самосохранению.

В криминологии уровень преступной активности должен описывать развитие некой криминальной системы, например, организованной преступности, экономической преступности, терроризма и экстремизма и т.д. В первую очередь, появление у данной системы прогрессивных новообразований и способностей к их созданию. Например, сращивание криминальной системы с финансовым сектором или её влияние на легальные общественные отношения (включение такой системы в их решение).

Также показателями уровня активности криминальной системы может выступать интенсивность прогрессивного развития, которая выявляется в ускорении темпов протекания прогрессивных изменений, а также их росте (разнообразности) по мере повышения организованности. Например, в реагировании на меры борьбы, применяемые правоохранительными органами; создание контрмер или проведение противоправных действий в отношении правоохранительных органов.

Другая сторона уровня активности криминальной системы может связываться с её переходом на следующий уровень. Например, преобразование криминальной системы в финансовые или общественные организации, вплоть до подмены собой государства или его институтов.

Классификацию уровней преступной активности можно построить на основе организованности криминальных систем, а также на основе выделения у них аналогичных видов преступной деятельности

или способностей таких систем к их совершению. Например, финансовая легализация преступной деятельности или привлечение финансирования из легальных источников.

Существующий в криминологии подход к раскрытию уровня преступной активности даёт общее представление о нём. Фактически в данном подходе рассматривается изменения уровней через абстрагирование от внешних связей преступлений (отдельных их типов, родов или видов) с окружающим миром, через описание законченной преступной деятельности.

При этом для изучения уровня преступной активности используется базовая модель в виде системы «субъект — объект». В ней на основе отношения преступлений или лиц, их совершивших (субъект), к общественной опасности или к общественным отношениям, поставленным этими лицами под угрозу (объект), строится некая иерархическая модель уровней преступной активности.

Однако применение развернутой модели «субъект — субъект — объект», учитывающей различные государственные и общественные институты, противодействующие преступности (субъект), позволит в качестве объекта рассматривать национальные интересы.

При этом выяснение характеристик преступления, в том числе преступности, в более широких общественных отношениях, включающих преступления (преступность) как элемент, даст возможность более детально раскрыть уровни преступной активности.

Библиография

1. Абрамова, Н.Т. Уровни активности биологических систем / Н.Т. Абрамова // В кн.: Философские проблемы биологии. — М., 1973. — С. 151—154.
2. Зыкова, Г.Н. Философский аспект проблемы социальной активности : дис. ... канд. филос. наук / Г.Н. Зыкова. — Ленинград, 1983. — 156 с.
3. Кириллов, П.В. Категория «активность» в криминологии / П.В. Кириллов // Военное право. — 2021. — № 5. — С. 161—167.
4. Кремянский, В.И. К анализу понятия активности материальных систем / В.И. Кремянский // Вопросы философии. — 1969. — № 10. — С. 53—55.

Правовая оценка применения насилия негосударственными структурами

© Овчаров Артем Валерьевич,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия ИГП РАН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса возможности наделения негосударственных структур, а именно частных военных и охранных компаний, правом на применение насилия. В статье кратко рассматривается история вопроса права государства на легитимное насилие как составляющей государственного суверенитета в работах различных исследователей. Автором анализируется деятельность частных военных компаний в современных военных конфликтах, приводятся различные факты их деятельности и делается вывод о том, что наделение подобных структур правом на насилие с одной стороны разрушает государство, а с другой порождает преступность в военной сфере.

Ключевые слова: суверенитет, легитимное насилие, происхождение государства, кризис современной цивилизации, глобализация, преступность, военный конфликт, частная военная компания, государство.

Legal assessment of the use of violence by non-state structures

© Ovcharov A.V.,

Candidate of Legal Sciences, Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminology and Problems of Justice of the IGP RAS

Abstract. The article is devoted to the consideration of the possibility of granting non-state structures, namely private military and security companies, the right to use violence. The article briefly examines the history of the issue of the state's right to legitimate violence as a component of state sovereignty in the works of various researchers. The author analyzes the activities of private military companies in modern military conflicts, provides various facts of their activities and concludes that granting such structures the right to violence on the one hand destroys the state, and on the other generates crime in the military sphere.

Keywords: sovereignty, legitimate violence, origin of the state, crisis of modern civilization, globalization, crime, military conflict, private military company, state.

Происходящая в современном мире трансформация общества, государства и права¹ актуализирует целую совокупность проблем, стоящих перед мировым сообществом. Угрозы и вызовы, с которыми человечество имеет дело в последние десятилетия, приобрели настолько сильный и системный характер, что создают реальную опасность для современной цивилизации. Именно цивилизация становится главным объектом воздействия, так как проблемы, о которых идет речь, занимают все глобаль-

ное пространство, затрагивая самые глубокие и чувствительные основы устройства современной мировой политической и правовой системы, экономику, культуру и другие сферы жизни мирового сообщества. Очевидным становится тот факт, что нынешние структуры и формы обеспечения стабильности функционирования и развития государства и общества оказываются не способными для противостояния многочисленным посягательствам, создающим угрозу². Исследования философов, психологов, социологов, правоведов констатируют существенное влияние изменений

¹ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020.

² Там же. С. 7.

социально-экономических условий бытия на состояние социальной психологии и деформацию индивидуального и группового правосознания людей¹.

Одной из возникших в условиях глобализации проблем является ослабление государств, что, по нашему мнению, изменяет саму сущность понятия государства. Традиционно, в научной и учебной литературе любое государство определялось через совокупность признаков (территориальная целостность, наличие публичной власти, право на законотворчество и т.д.). Одним из таких признаков всегда считалось обладание государством силовым аппаратом, имеющим право на легальное применение насилия.

Проблема права государства на легитимное насилие является одной из старейших научных проблем как общей теории государства и права, так специализированных отраслей права. Для правильного понимания того, почему любое государство обладает рассматриваемым правом и возможно ли его делегирование негосударственным структурам, обратимся к истории данного вопроса. Традиционно право на насилие государства, как самой сильной власти на определенной территории, рассматривается через призму государственного суверенитета. В литературе не раз отмечалось, что такой признак государства, как суверенитет неразрывно связан с правом государства на легитимное насилие, находящееся в отражении в национальной политике государства, являясь инструментом в руках государства для охраны безопасности от разных видов преступности для сохранения целостности государства и его самоопределения².

Рассматривая вопрос права государства на насилие, следует сказать, что насилие явилось в свое время основополагаю-

щим понятием для одной из теорий происхождения государства и права. Она так и называлась — теория насилия или социологическая теория и была весьма популярна со второй половины 19 в. Ее основателями считаются немецкий философ и экономист Евгений Дюринг и польский социолог и государствовед Людвиг Гумпилович. Данная теория основной причиной возникновения государства считает завоевание одних народов другими, т.е. насилие.

По мнению Л. Гумпиловича, взаимодействие народов, рас или социальных групп является сущностью любого социального явления. Это взаимодействие всегда основывается на подчинении одних другим ради собственных жизненно важных интересов и сопровождается насилием. Основную же причину возникновения государства автор видел в борьбе племён между собой за владение собственностью и порабощения побеждённых, превращая их в классы и сословия, предшествуя государству³.

Другой представитель рассматриваемой теории — Е. Дюринг основывал насилие на таких факторах, как социальное неравенство, эксплуатация и нищета. По его мнению, собственность, право и государство являют собой результат насилия одной части общества над другой, а любая политическая сила значима для развития государства, когда она имеет централизованный характер действующего закона, исходящего из национального права, распространяющего влияние на всю территорию государства⁴.

Говоря о теории насилия нельзя не упомянуть и такого философа, как К. Каутский, который сводил развитие общества к демократии разных её типов, сложившихся в разных исторических условиях, выраженных в самоопределение нации. Постепенно, по его мнению, общество отрицает демократию при объединении племен, и расширение территории встаёт над демократией, образуя государство, отри-

¹ Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : Доклады членов Российской академии наук / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019.

² Серов Е.А. Характеристика государства и права с точки зрения права на легитимное насилие (М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, К. Шмитт, Л. Гумпилович, Е. Дюринг, К. Каутский, Г. Еллинек) // Аграрное и земельное право. 2016. № 10 (142). С. 37.

³ Гумпилович Л. Общее учение о государстве. СПб, 1910. С. 331.

⁴ Дюринг Е. Ценность жизни СПб., 1894. М., 2000. С. 64.

цающее демократию и управляющееся посредством насилия¹.

Традиционно, основоположником концепции монополии государства на насилие считается М. Вебер, который видел в насилии инструмент защиты государственного суверенитета различными общественными институтами. Теория М. Вебера не устанавливала грань легитимного насилия, где кончается закон и начинается злоупотребление властью по защите государственного суверенитета².

Исследователь не разделял институты власти на государственные и общественные, выделяя только общественные, обладающие своей достаточной легитимностью в обществе. Общественные институты, по его мнению, не имеют правоустанавливающего характера. Они решают проблемы общества с точки зрения морали, морально-нравственных норм и обычаев, характерных данному обществу в тот или иной период его развития. М. Вебер не выделяет государственные институты власти, которые не могут иметь морально-нравственный характер.

По Веберу, существует три группы оснований для легитимного насилия. Это:

— господство патриархального князя, при котором во главу угла ставятся обычаи и традиции того или иного общества (примером могут служить различные восточные деспотии);

— харизматичное господство, основанное на личных качествах человека;

— легальное господство, основывающееся на обязательном подчинении закону и правовому порядку (в качестве примера автором называется парламентско-конституционное государство).

Государственный суверенитет по М. Веберу опирается не только на легитимное насилие, но и на политическое господство суверена, которое зиждется на социальном почёте и материальном вознаграждении. Развитие современного государства начинается с лишения дру-

гих суверенов права собственности и права на легитимное насилие в отношении их собственности, а также с подчинения их единому закону и верховной власти одного суверена. Одной из форм правления в концепции М. Вебера является плутократия, в рамках которой политики живут для политики, а не за счёт неё, используя своё господство в своих экономических интересах.

Управленческая система М. Вебера не имеет в своей основе систему разделения властей с чётким набором прав и обязанностей, а выглядит как сословная пирамида, во главе которой стоит суверен, обладающий абсолютной властью и системой карательных органов, которые наделены исключительным правом на легитимное насилие.

Монополию на насилие автор считал специфической функцией, которую не могут нести другие организации и общественные институты. Отсюда монополия на насилие выступает для него критерием выделения государства как особой организации и специфического института.

Особый подход к вопросам государственного суверенитета и права государства на насилие имеет материалистическая теория происхождения государства К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Ее основой является право на легитимное насилие в борьбе с асоциальными элементами³. Сам термин «асоциальный элемент» в марксистской теории суверенитета имеет весьма широкую трактовку.

Концепция рассматривает зарождение государства с точки зрения частной собственности, и появление классов, которые утверждают свою волю в праве, рождая органы легитимного насилия, как аппарата управления и принуждения. Становление государства рассматривается с точки зрения производственных отношений и собственности, находящейся в руках суверена, а само государство и право есть продукт насилия, возникшего в результате самоопределения народов. С образованием публичной власти, со своими вооружёнными

¹ Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин, 1922. С. 18—44.

² Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранные произведения. М., 1990. С. 658.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд. политической лит., 1967. С. 663.

силами, с системой налогов и с территориальным делением община становится государством¹.

Само государство как организация общества вместе со всей своей системой карательных органов является пережитком прошлого, которое постепенно отмирает, образуя новое бесклассовое общество².

Органы легитимного насилия не разделены на правоохранительные, а имеют вид охраны суверена и поданных, постепенно развиваясь становятся органами для защиты прав и интересов общества. Государство, согласно Ф. Энгельсу, есть продукт общества для разрешения противоречий между классами.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в той или иной степени, практически любая теория происхождения государства тем или иным образом связывала понятие государства с его правом на легитимное насилие. Признаком любого государства является его монополия на легитимное насилие, используемое государством для обеспечения внутренней и внешней безопасности. Для выполнения этой функции любое государство создает аппарат принуждения. Это армия, полиция, органы разведки и контрразведки, службы безопасности и иные силовые структуры, имеющие различные названия и разные полномочия.

В литературе отмечалось, что насилие в современном мире осуществляется организованным образом, имея все черты институционализированного политического процесса, в глобальных масштабах и новых формах. Используется физическое, символическое, информационное, культурное и прочие виды насилия с целью подчинения воли масс людей в экономических и политических интересах определенных социальных групп. Даже самые благие цели, как, например, освобождение от эксплуататорского или колониального гнета, достигаются с помощью насильственных методов. Политическое насилие

является одним из принципов концепции государства-монополиста на применение легитимного насилия. Применение насилия государством носит легитимный характер по причине существования общественного договора о вручении народом государственной власти монопольного права на применение силы с целью защиты общества от преступности, нарушений общественных (правовых) норм, защиты территории государства от внешнего врага и выполнения других функций. Никто, кроме государства, не имеет права применять силу по отношению к индивидам, группам индивидов, обществу в целом³.

Тем не менее, практика последних десятилетий говорит о том, что все чаще государства наделяют правом на применение насилия организации, не входящие в систему государственной власти. Одними из таких организаций являются частные военные и охранные компании (ЧВОК).

Чем же занимаются данные организации? Всех их целесообразно разделить на четыре группы:

1) военные компании или компании военных услуг (*military provider companies*). В сферу деятельности таких компаний входит предоставление клиентам услуг, непосредственно связанных с ведением боевых действий. Сотрудники данных компаний непосредственно участвуют в различных боевых операциях и столкновениях;

2) компании по предоставлению консалтинговых услуг (*military consulting companies*). Такие компании специализируются на тренировочной деятельности всевозможных армейских подразделений, на обучении работе с новыми типами вооружений, а также на консультировании государственных силовых структур по вопросам, связанным с реформированием вооруженных сил. Кроме того, к сфере деятельности подобных компаний относится и стратегическое планирование;

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. С. 369.

² Маркс К. Энгельс Ф. Сочинение. 2-е изд. М., 1955—1961. Т. 48. С. 157; Т. 46 / 1. С. 491.

³ Хагуш С. Приватизация насилия как фактор разрушения монополии государства на легитимное насилие // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 2 (105). С. 138.

3) компании по предоставлению логистических услуг (military support companies). ЧВОК данной группы в первую очередь осуществляют деятельность по строительству военных объектов, но вместе с тем занимаются и тыловым обеспечением войск. К данной группе следует так же относить те компании, чьей специализацией является обслуживание технически сложных армейских систем вооружения и военных компьютерных систем;

4) компании по предоставлению частных охранных услуг. Данные компании также называют компаниями по безопасности (private security companies). Деятельность этих компаний сосредоточена на оценке рисков от военных операций, кризисном менеджменте и консалтинге безопасности. Кроме того, ЧВОК данной группы занимаются непосредственной охраной объектов, предоставляют услуги телохранителей. Подобные компании занимаются разминированием территорий и объектов и обучением различных как армейских подразделений, так и подразделений полиции¹.

Рассматриваемые организации в последние десятилетия стали не только полноценными участниками рынка военной силы, а значит организациями, имеющими право на легальное применение насилия, но еще и развиваются огромными темпами. Совсем недавно, по оценке ряда исследователей, ежегодный оборот этого рынка составлял 100—120 млрд. долл., по оценке других — 180 млрд. 75 % этого оборота приходилось более чем на 700 западных компаний². По оценкам ряда специалистов на 2021 г., на международном рынке ЧВОК осуществляют свою деятельность более чем в 110 странах мира, а их совокупный объем рынка превышает 350 млрд. долл. На мировом рынке ЧВОК сегодня

трудится более 1 млн. человек³. Все большее развитие ЧВОК и анализ их функционирования на рынке порождает вопросы не только о законодательной регламентации их деятельности, но и вопросы самой возможности существования рассматриваемых организаций.

Наблюдаемому стремительному развитию ЧВОК есть целый ряд объяснений.

Прежде, всего это крайне высокий профессионализм военного персонала ЧВОК. (Что вполне естественно. Конечно же наниматель предпочтет оплачивать работу профессионала, нежели дилетанта). Достаточно часто профессионализм сотрудников ЧВОК отличается от профессионализма регулярной армии, солдаты которой несут срочную службу и достаточно часто имеют только начальную военную подготовку. Следствием такого «профессионализма» является и абсолютная беспристрастность бойцов ЧВОК. Они не обременены отстаиванием национальных интересов того или иного государства, религиозными или нравственными догмами и т.д.

Во-вторых, когда то или иное государство нанимает ЧВОК, оно автоматически избегает проблем, связанных с социальным недовольством гражданского населения. Нет мобилизации населения, отсутствует общественный резонанс по поводу гибели своих сограждан. Организации, созданные по образу и подобию «комитетов солдатских матерей» молчат, а численность погибших не будет учитываться в официальной статистике.

Кроме того, частные военные и охранные компании, как правило, действуют на территориях военных конфликтов инкогнито. Они отстаивают политические, экономические или иные интересы нанимателя без официального вмешательства в военные действия. Такое положение вещей исключает международный конфликт, введение каких-либо санкций против одной из сторон.

¹ Овчаров А. Частные военные компании: уголовно-правовой аспект // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 247.

² Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение № 12 (264), 2019. С. 67.

³ <https://www.ng.ru/blogs/filatov/zamakh-na-rubl-udarna-kopeyku-zakonodatelnaya-sudba-rossiyskikh-chvk.php>. (Дата обращения 12.09.2021).

Однако, следует отметить, что подобное «удобство» в найме ЧВОК различными государствами имеет и обратную сторону.

Анализ практики деятельности ЧВОК в мире позволяет сделать вывод об огромном числе случаев совершения ими преступлений.

Так, во время боевых действий в Ираке и Афганистане ЧВОК Black water стремилась к правовому иммунитету для своих сотрудников, что приводило к формированию ощущения безнаказанности у вооруженных людей, которые этим пользовались на практике. В результате, у бойцов данной ЧВОК порог принятия решения на применение оружия в отношении гражданских лиц оказался занижен, что приводило к постоянным инцидентам. При охране делегации США в Багдаде сотрудники Black water на площади Нисур расстреляли 17 человек, включая женщин и детей. Более 20 человек получили ранения различной степени тяжести¹.

В конфликте, имеющем место на территории Украины, активное участие принимали «территориальные батальоны» и «батальоны Нацгвардии», которые финансировались частными лицами. Такие батальоны использовались и в ходе так называемой «антитеррористической операции» на востоке Украины в 2014 г. При этом, по данным ряда авторов, изучавших названные военные организации, «имелись многочисленные свидетельства о совершении ими ряда военных преступлений»².

В 2018 г. огромный политический резонанс получило убийство в Центральной Африканской Республике трех российских журналистов, которое некоторые средства массовой информации связывали с их расследованием деятельности в этой стране

¹ <https://riafan.ru/1423764-blackwater-kak-chuvstvo-vsedomozvolennosti-pogubilo-krupneishuyu-amerikanskuyu-chvk>. (Дата обращения 08.08.2021).

² Смирнов С. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». М., 2015.

ЧВК Вагнера, якобы принадлежавшей российскому олигарху Е. Пригожину, которого «... подозревают в организации предвыборных кампаний при помощи наемников и политических экспертов в обмен на право на добычу полезных ископаемых. Пригожин, в свою очередь, это отрицает»³.

Подобных фактов в средствах массовой информации приводилось огромное количество, особенно касаясь деятельности ЧВОК, подконтрольных правительству США. В литературе указывался целый перечень негативных тенденций в работе частных военных и охранных компаний. Это:

1) полное искажение официальной статистики;

2) «специалисты» ЧВК не несут никакой уголовной ответственности за содеянные ими преступления в связи с незаконным во время конфликта в государстве;

3) «специалисты» ЧВК не прописаны в международном гуманитарном праве (МГП), а значит не могут иметь статуса военнопленного;

4) опыт ведения совместных боевых действий «специалистов» ЧВК и регулярной армии США в Ираке показал, что жесткие методы ведения боевых действий наемников влекут за собой негативное влияние на авторитет регулярной армии, так как местное население не видит разницы между бойцами. В свою очередь это приводит к накалу обстановки, и понижению доверия граждан к армии в зоне конфликта;

5) создание коррупционных схем и отмыв денег через ЧВК правительством;

6) силовое вмешательство Транснациональных Компаний во внутренние дела государств для достижения политической и экономической выгоды⁴.

Основной причиной происходящего, по нашему мнению, является следующее. Частные военные и охранные компании фактически имеют право абсолютно без-

³ Хагуш С. Указ. соч. С. 140.

⁴ Банадыков Я. Значение ЧВК в новых войнах // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности / Материалы V Международной научной конференции. Под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 127.

наказанной деятельности несмотря на то, что как в международных, так и в немеждународных конфликтах выявляется наличие нормы обычного МГП о судебном преследовании лиц, виновных в совершении военных преступлений¹. В частности, государства несут основную ответственность за расследование сообщений о нарушениях и судебное преследование лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений МГП².

Дополнительный протокол № 1 к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (подписан в г. Женеве 8 июня 1977 г.) в ст. 43 определяет состав вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте. Так, вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной.

Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, среди прочего, обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов и недопущение ими преступлений. К сожалению, такое положение вещей не распространяется на деятельность ЧВОК.

В литературе отмечалось, что ЧВОК успешно маскируют фактическое наёмничество под охранную, военно-логистическую и иную подобного рода деятельность, не запрещённую нормами международного права. При этом стремятся исключить любые утечки информации, которые могли бы пролить свет на их реальную роль в том или ином конфликте и содействовать установлению системы

гражданского контроля за ними. В этом плане ЧВОК остаются предельно закрытыми организациями, реальная деятельность которых раскрывается только вследствие скандалов или расследований³.

Также набирает оборот использование частных морских охранных компаний для обеспечения безопасности морского судоходства, где тоже далеко не все гладко с точки зрения правового регулирования применения ими вооруженной силы⁴.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно сказать, что передача государством права на легитимное насилие частным структурам, с одной стороны, ведет к потере государственного контроля над сферой безопасности и создает условия для её частичной или полной приватизации ЧВОК в будущем, а с другой — порождает рост преступности в военной сфере. В этой связи наиболее правильной представляется российская позиция, выраженная еще в 2014 г. в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. Данный документ в п. 12 раздела II «Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации» называет деятельность иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, одной из основных внешних военных опасностей. А в п. 15 определяет участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний в качестве характерной черты и особенности современных военных конфликтов.

³ Манойло А., Зайцев А. Международно-правовой статус частных военных компаний // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 1. С. 55; Корякин В.М., Харитонов В.С. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2019. № 4 (261). С. 95—101.

⁴ См. подробнее: Холиков И.В., Окоца В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158.

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2. С. 216.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 108.

В заключение хотелось бы процитировать Н. Макиавелли, который говорил, что право на применение вооруженного насилия не может быть дано частным лицам, а только государству, поскольку частные лица в войне действовать честно не могут (Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. С. 576).

Библиография

1. Банадыков, Я. Значение ЧВК в новых войнах / Я. Банадыков // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности / Материалы V Международной научной конференции. Под общ. ред. С.В. Беспаловой. — Донецк, 2020.
2. Дамаскин, О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2. — С. 214—221.
3. Дамаскин, О.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. — 2017. — № 5. — С. 104—111.
4. Корякин, В. М., Харитонов, В. С. Понятие «наемничество» в контексте деятельности частных военных компаний / В. М. Корякин, В. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. — 2019. — № 4 (261). — С.95—101.
5. Манойло, А. Международно-правовой статус частных военных компаний / А. Манойло, А. Зайцев // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 1.
6. Овчаров, А.В. Частные военные компании: уголовно-правовой аспект / А.В. Овчаров // Военное право. — 2018. — № 6 (52).
7. Савенков, А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография / А.Н. Савенков. — М.: Проспект, 2020.
8. Серов, Е.А. Характеристика государства и права с точки зрения права на легитимное насилие (М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, К. Шмитт, Л. Гумпилович, Е. Дюринг, К. Каутский, Г. Еллинек) / Е.А. Серов // Аграрное и земельное право. — 2016. — № 10 (142).
9. Смирнов, С. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства / С. Смирнов // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». — М., 2015.
10. Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : Доклады членов Российской академии наук / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. — М.: ИГП РАН, 2019.
11. Хагуш, С. Приватизация насилия как фактор разрушения монополии государства на легитимное насилие / С. Хагуш // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 2(105).
12. Холиков, И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоча // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 147—158.
13. Холиков, И.В. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / И.В. Холиков, Э.К. Сайфуллин, В.А. Окоча // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12 (264). — С. 65—71.

Акты Европейского суда по правам человека в российской правовой системе

© Чипига Илья Вячеславович,

преподаватель кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Существуют различные правовые позиции в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и судебных актах Европейского Суда по правам человека в некоторых вопросах. Если в судебных актах Европейского Суда по правам человека прослеживается нарушение международных нормативных актов и противоречие Конституции Российской Федерации, Россия может не исполнять такие судебные акты.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека.

Acts of the European court of human rights in the Russian legal system

© Chipiga I.V.,

Lecturer of the Department of Constitutional (State) and International Law Military University of the Ministry of Defense Russian Federation

© Lomakina T.V.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. There are different legal positions in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and judicial acts of the European Court of Human Rights in some issues. If the judicial acts of the European Court of Human Rights show a violation of international normative acts and a contradiction to the Constitution of the Russian Federation, Russia may not execute such judicial acts.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the European Court of Human Rights.

Прежде всего, обратим внимание на понятия «правовая позиция», «судебная практика» и «судебный прецедент», которые имеют общие черты. После вступления России в Совет Европы считаем, нужно более внимательно отнестись к данному вопросу.

Учитывая процесс глобализации, видим, как в российское правовое поле проникает судебный прецедент, в первую очередь, в контексте взаимодействия с Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ).

Судебный прецедент несколько веков считается одним из основных источников права в англо-саксонской системе права (общем праве), но, чтобы стать таковым, необходимо, чтобы это решение было вынесено высокими судами (к примеру, Её Величества Высокий суд правосудия Англии)¹. В дополнение к этому подразумевается наличие правовой нормы, которая закрепляет это правило.

ЕСПЧ определяет собственную практику прецедентной. Для того, чтобы соблюдался принцип правовой определенности и единообразного толкования положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), Суд склонен следовать своим ранее принятым судебным актам, как решениям, так и постановлениям. В судебных актах ЕСПЧ довольно часто мы встречаем ссылки на ранее вынесенные судебные акты, где подобные вопросы уже были рассмотрены, это подробно описывает К.С. Лиховидов². В дополнение к этому, в различных судебных актах судьи указанного суда подчеркивают невозможность отклонения от сформировавшейся за долгие годы судебной практики. ЕСПЧ все же считает, что существует возможность изменить сложившийся подход ввиду того, что могут измениться социальные и политические условия. Для различных государственных правовых судебных систем прецедентная практика ЕСПЧ имеет весомое влияние. Тут мы обращаем внимание не только итоговые акты ЕСПЧ, но также решения о приемлемости или неприемлемости жалобы заявителя. Как считает Микеле де Сальвиа (представитель ЕСПЧ, профессор Католического Миланского Университета)³, решения о приемлемости или непри-

емлимости обращений людей так же, как и тысячи судебных актов по существу, являются важным источником, который может использовать толкователь для выявления правовых позиций Суда. Например, в судебном акте о приемлемости жалобы по делу «Людмила Тумилович против Российской Федерации»⁴ стало понятно, что Суд считает, что исчерпание средств защиты внутри отдельного государства для различных граждан (не только для России) достигается с рассмотрением дела судом второй инстанции. Также ЕСПЧ указывает на такие понятия как эффективные средства защиты и чрезвычайные средства защиты, принимает во внимание наличие именно эффективных средств, решения суда первой и второй инстанции, в соответствии с п. 1 ст. 35 ЕКПЧ, в течении 6 месяцев с даты вступления в силу решения второй судебной инстанции. Также в данном решении был отражён принцип *ratione temporis*, ЕСПЧ указал, что так как решение суда второй инстанции состоялось 25 марта 1997, а дата вступления в силу ЕКПЧ относительно Российской Федерации 5 мая 1998, жалоба несовместима с требованиями ЕКПЧ и отклонена.

Обратим внимание на наших российских ученых. Г.И. Тункин и А.Б. Венгеров считают, что ЕСПЧ никаким образом не может выполнять правотворческую функцию, ввиду того, что не существует в международных отношениях каких бы то ни было органов, которые имели бы возможность указать субъектам международного права реализовывать чью-либо волю, кроме той, что они сами пожелали исполнить. И исключительно основные субъекты международного права могут создавать нормы, которые в дальнейшем будут реализовы-

¹ Сайт Высокого Суда Великобритании. URL: <https://www.judiciary.uk/you-and-the-judiciary/going-to-court/high-court/> [Электронный ресурс] // Дата обращения 11.09.2021

² Лиховидов К.С. Участие военных прокуроров в гражданском и арбитражном судопроизводстве в свете прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Военное право. 2014. № 1. С. 59—69.

³ Де Сальвиа Микеле – Прецеденты ЕСПЧ. Российская государственная библиотека. URL:

<https://search.rsl.ru/ru/record/01002451039>

[Электронный ресурс] // Дата обращения 11.09.2021

⁴ Решение Европейского Суда по правам человека от 22 июня 1999 г. по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99, поданной Людмилой Францевной Тумилович против Российской Федерации URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2463119/> [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. Дата обращения 13.09.2021

вать¹. Также, например, в Статуте Международного уголовного суда заложен принцип дополнительности, который подчеркивает фундаментальное значение эффективного внутригосударственного законодательства и механизмов пресечения военных преступлений, в том числе тех, определение которых содержится в ст. 8 данного Статута².

В российской же судебной системе присутствует судебная практика, являющаяся необязательной, но рекомендательной к действию. Но п. 5 ст. 25 Конституции Российской Федерации определяет, что исключительно Конституционный Суд Российской Федерации имеет возможность толковать Конституцию Российской Федерации. В этом мы наблюдаем некую идентичность в возможностях Конституционного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ. Для того, чтобы в полной мере уяснить смысл Конституции России, необходимо обратиться к Конституционному Суду Российской Федерации. Для расширенного и полного понимания статей высшего нормативного правового акта России мы обращаемся к правовым позициям указанного Суда; ещё их называют в науке актами конституционного толкования.

При осуществлении своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации в своих судебных актах использует такие термины, как «прецедент», несколько реже «конституционно-правовой прецедент», довольно часто делает ссылки на международное и европейское право, различные судебные акты ЕСПЧ.

Обратим внимание на деятельность Верховного Суда Российской Федерации. Мы увидим в его решениях подобие судебного прецедента. В.М. Жуйков объяснял это тем, что в нормативных актах не закреплено, что решения судов являются источниками права, но на деле наблюдаем

именно правотворчество Верховного Суда Российской Федерации. Эта позиция исходит из того, что нижестоящие суды периодически используют в осуществлении правосудия опубликованную практику (правовую позицию) Верховного Суда Российской Федерации подобно источникам права. Эта практика (правовая позиция) Верховного Суда Российской Федерации применяется нижестоящими судебными органами для исключения пробелов в правовом поле России, для судей эта практика является ориентиром, так как Верховный Суд Российской Федерации определяет и устанавливает, как применять и толковать право³. Этот факт указывает на наличие прецедентов.

В 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул необходимость соблюдения и исполнения своих прецедентов, правовых позиций по особо важным вопросам, которые рассматривались в определенных делах. Суды не могут не учитывать в своих решениях мнение высшего суда⁴.

Рассмотрим реализацию постановлений ЕСПЧ высшим органом конституционного контроля — Конституционным Судом Российской Федерации. Обратим внимание на то, какие правовые основы реализуются в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Уже обратили внимание на то, что судебные акты ЕСПЧ некоторым образом коррелируются с актами Конституционного Суда Российской Федерации. Рассмотрим, как суть постановлений ЕСПЧ будет учитываться или не учитываться в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

³ Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции».

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2000.

² См. подробнее: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2. С. 217; Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 106.

В науке юриспруденции высказываются различные точки зрения касательно того, как в правовом поле России Конституционному Суду Российской Федерации проявлять свое отношение к судебным актам ЕСПЧ, ведь надо учесть тот факт, что их правовые подходы по одному и тому же вопросу могут быть диаметрально противоположны.

После того, как была проведен процесс ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации стала определять направление на корректировку в российском правовом поле в соответствии со стандартами, устанавливаемыми ЕСПЧ на основании Конвенции. С большей степенью интенсивности было обращено внимание на общепризнанные принципы и нормы международного права, стали ссылаться на них в большей степени, чем раньше. В своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации стал чаще ссылаться и на ЕКПЧ, и на судебные акты ЕСПЧ, и своими правовыми позициями Конституционный Суд Российской Федерации уточняет сущность норм, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации подчёркивает этим, как национальным судам необходимо учитывать при принятии решений признанные принципы международного права и судебные акты ЕСПЧ, на что должны ссылаться и учитывать суды Российской Федерации.

Отметим в свою очередь, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации несколько корректируются со временем, особенно на примере судебных актов Европейского Суда, учитывая, что только ЕСПЧ может толковать ЕКПЧ, а это может быть и политизированным.

Некоторое время назад заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Сергей Маврин разъяснил, что подход Конституционного Суда Российской Федерации по ЕКПЧ с

закрепленными в ней правами и свободами существует в правовом поле, которое создаёт Конституция Российской Федерации, и в этом случае однозначно Конституция Российской Федерации имеет наивысшее юридическое влияние². В случае различия подходов в судебных актах ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации по пониманию ратифицированного международного акта, необходимо учитывать, что именно ЕКПЧ присоединилась к российской правовой системе, п. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации говорит именно об этом.

На это указывает рассмотрение в Конституционном Суде Российской Федерации обращения капитана Вооруженных Сил Российской Федерации К.А. Маркина. Будучи отцом троих детей, будучи на службе, офицер обратился с рапортом к командиру войсковой части с необходимостью предоставления ему отпуска, какой предоставляется военнослужащим-женщинам, по уходу за ребенком. Рассмотрев этот вопрос, военные суды наряду с Конституционным Судом Российской Федерации вынесли решение об отказе в удовлетворении обращения, указав, что данное право предоставляется исключительно женщинам, проходящим военную службу. В этом рассмотрении Конституционный Суд Российской Федерации указал на отсутствие нарушений конституционных прав человека. Но Суд сослался на ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая определяет ограничения некоторых прав и свобод для реализации вопросов обороны государства и его безопасности. В военной службе как раз и присутствуют эти ограничения. Также было учтено, что в 2006 г. капитану был подписан отпуск по семейным обстоятельствам. В дополнение ему была предоставлена финансовая помощь 200 000 руб. Учитывая это, Конституционный Суд Российской Федерации определил отказ в рассмотрении этого вопроса и посчитал жалобу недопустимой.

В правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.).

² Российская газета. 2013. 7 дек.

Федерации в 2015 г.¹, указано на верховенство высшего нормативного правового акта Российской Федерации касательно исполнения судебных актов ЕСПЧ. Конституционный Суд указал, каким образом необходимо применять судебные акты ЕСПЧ.

Депутаты Государственной Думы Российской Федерации обратились в Конституционный Суд Российской Федерации по поводу проверки на конституционность некоторых положений федеральных законов относительно ратификации ЕКПЧ и Протоколов к ней, некоторых положений Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». В обращении также был поставлен вопрос относительно проверки некоторых положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и УПК РФ. Необходимо ли в любом случае исполнять судебные акты ЕСПЧ, даже если они противоречат Конституции России?

В своем Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации не обнаружил противоречия указанных выше нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, потому что они раскрывают её смысл:

— реализуется исполнение ЕКПЧ и реализация судебных актов Европейского Суда после того, как были исчерпаны все установленные Конституцией России все инстанции судебной защиты;

— российские суды пересматривают дела в случае вынесения Европейским Судом судебного акта, определяющего нарушение в России прав и свобод при реализации различных нормативных актов, придя к выводу, что вопрос о возможности применения конкретного нормативного акта может быть решен только после того как подтвердится его соответствие высшему нормативному правовому акту страны, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о соответствии этого нормативного акта Конституции Российской Федерации;

— в дополнение к этому, глава государства и исполнительная власть в России, придя к выводу, что невозможно исполнить судебный акт ЕСПЧ, не нарушив Конституцию Российской Федерации, обращается в Конституционный Суд за разъяснением — соответствует ли истолкование Европейской Конвенции Европейским Судом нашей Конституции Российской Федерации или нет, в случае если ЕСПЧ вдруг начинает истолковывать ЕКПЧ таким образом, что происходит коллизия в нормативных правовых актах.

Конституционный Суд Российской Федерации в данном постановлении также подчеркнул необходимость законодательной власти создать некий правовой механизм в случае коллизии нормативных правовых актов с возможностью разрешения Конституционным Судом Российской Федерации задачи проверки решения международного судебного органа на соответствие такого решения Конституции Российской Федерации, а также смыслом, заложенным в неё. Поднимается вопрос возможности исполнения такого решения в отношении России.

Обратим внимание на реализацию и применение ЕКПЧ в Верховном Суде Российской Федерации. Отметим, что практика применения международных договоров, в частности ЕКПЧ, как и различных судебных актов Европейского Суда в решениях Верховного Суда Российской Федерации встречается не так часто, как у Конституционного Суда Российской Федерации.

Но с течением времени практика меняется. Поэтому необходимо проанализировать судебные решения Верховного Суда Российской Федерации на предмет наличия каких-либо отсылок на позиции ЕСПЧ, а соответственно, и самой ЕКПЧ.

Сравнивая аргументацию и отсылки Верховного Суда Российской Федерации по поводу использования ЕКПЧ, ранних решений и более поздних, видим различия. Например, с упоминания Конвенции в своём решении от 7 декабря 1999 г., где рассматривалось гражданское дело по жалобе Комитета ветеранов ликвидации радиационной аварии касательно недействитель-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона о ратификации ЕСПЧ и Протоколов к ней.

ного приказа Минздрава России и Минтруда России от 26 мая 1999 г. о перечне заболеваний, причиной которых является участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС¹. В своем решении Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что Комитет ветеранов ликвидации радиационной аварии обратился с жалобой в Верховный Суд Российской Федерации о несоответствии вышеприведенного приказа как нормативным актам федерального уровня, Конституции Российской Федерации, так и ЕСПЧ. Приводя различные доводы, Верховный Суд не опирается ни на указанную конвенцию, ни на различные правовые позиции ЕСПЧ.

Однако Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики от 24 декабря 2014 г. и далее по настоящее время акцентирует внимание на практику ЕСПЧ, при этом учитывая его правовые позиции. Например, выделяет судебные акты, касающиеся уголовно-правовой отрасли. Дело «Свинаренко и Сляднев против России» 2014 г., «Амунц и другие против России» 2021 г. как и различные иные судебные акты Верховного Суда Российской Федерации, в которых мы наблюдаем учет им Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и судебной практики от ЕСПЧ. В 2020—2021 годах Верховный Суд Российской Федерации в своих обзорах судебной практики часто ссылается на ст. 6 ЕКПЧ. До настоящего времени Верховный Суд Российской Федерации осуществляет обзор судебной практики, куда включает актуальные решения ЕСПЧ.

Дискуссия по поводу того, существует ли в России судебный прецедент, остается открытой. Ряд юристов считает, что в России нет такого источника, как судебный прецедент, но другие считают, что Верховный Суд периодически выдает судам указания, которые суды обязаны применять. Верховный Суд Российской Федерации обозначает свою правовую позицию, а

также может отменить любой судебный акт, который будет противоречить его практике.

ЕСПЧ, на наш взгляд, не может толковать Европейскую Конвенцию вразрез тех смыслов, которые были заложены изначально при её подписании и ратификации. Справедливо указал А.Я. Капустин², что во имя достижения определённых целей могут прорабатываться возможности «обхода» строгого соблюдения норм международного права или даже их нарушения. В данном случае у России есть механизмы защиты от таких решений международных судебных органов, эту мысль разделяет и И.В. Холиков³.

Ратифицировав ЕКПЧ, Россия добросовестно выполняет постановления Европейского Суда по правам человека, исключение составляют лишь те постановления, которые искажают смысл Европейской Конвенции, либо толкуются политизированно. Защитой от таких постановлений выступает возможность Конституционного Суда Российской Федерации проверять эти постановления на соответствие их Конституции Российской Федерации и на возможность их исполнения, что закреплено и в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», и в Конституции Российской Федерации, учитывая ее изменения 2020 г.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2. — С. 214—221.
2. Дамаскин, О.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. — 2017. — № 5. — С. 104—111.
3. Жуйков, В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В.М. Жуйков. — М., 1997.

² Капустин, А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 5—19.

³ Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Оренбургский государственный университет, 22—24 марта 2017 г. Уфа: ООО «Первая типография», 2017 С. 5—14.

¹ Верховный Суд РФ Решение от 7 декабря 1999 г. № ГКПИ99-848 URL:<https://base.garant.ru/12119293/> [Электронный ресурс] // Гарант: справ.-правовая система. Дата обращения 14.09.2021

4. Капустин, А.Я. Международное право и вызовы XXI века / А.Я. Капустин // Журнал российского права. — 2014. — № 7. — С. 5—19.

5. Лиховидов К.С. Участие военных прокуроров в гражданском и арбитражном судопроизводстве в свете прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Военное право. — 2014. — № 1. — С. 59—69.

6. Тункин, Г.И. Теория международного права / Г.И. Тункин. — М.: Зерцало, 2000.

7. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам без-

опасности / И.В. Холиков // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Оренбургский государственный университет, 22—24 марта 2017 г. — Уфа: ООО «Первая типография», 2017. — С. 5—14.

8. Чипига, И.В. Чем руководствуются судьи при принятии решений (по итогам экспертного опроса) / И.В. Чипига // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. — 2018. — № 7.

Военно-административное право

Служебная тайна в области обороны и некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений

© Гундзилович Игорь Владимирович,
юрист

Аннотация. Статья посвящена сущности и содержанию понятия «служебная тайна в области обороны», которое недавно официально закреплено Федеральным законом «Об обороне», а также некоторым аспектам юридической ответственности за разглашение сведений, отнесенных к данному виду информации ограниченного распространения. Показано, что официальное закрепление данного понятия на законодательном уровне продиктовано интересами обеспечения безопасности государства и потому некоторые ограничения, налагаемые в связи с этим на военнослужащих и лиц гражданского персонала, не могут расцениваться как умаляющие и ограничивающие конституционные права граждан.

Ключевые слова: тайна; служебная тайна; служебная информация ограниченного распространения; национальная безопасность; оборона страны.

Official secrets in the field of defense and some issues of responsibility for the disclosure of information related to it

© Gundzilovich I.V.,
lawyer

Adaptation. The article is devoted to the essence and content of the concept of "official secret in the field of defense", which was recently officially established by the Federal Law "On Defense", as well as some aspects of legal responsibility for the disclosure of information related to this type of information of limited distribution. It is shown that the official consolidation of this concept at the legislative level is dictated by the interests of ensuring the security of the state and therefore some restrictions imposed in this regard on military personnel and civilian personnel cannot be regarded as detracting and limiting the constitutional rights of citizens.

Keywords: secret; official secret; official information of limited distribution; national security; national defense.

22 июня 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ, в соответствии с которым Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» дополнен статьей 3¹. Данным законодательным актом осуществлена институционализация понятия «Служебная тайна в области обороны», под которой предлагается понимать сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организа-

ции и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий.

Следует отметить, что понятие «служебная тайна» содержится в Перечне сведений конфиденциального характера, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». Согласно п. 3 указанного Перечня под служебной тайной понимаются служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии

Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами. Однако ст. 139 ГК РФ «Служебная и коммерческая тайна» утратила силу с 1 января 2008 г. (Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Таким образом понятие служебной тайны на законодательном уровне не определено.

Наряду с термином «служебная тайна» в нормативных правовых актах употребляется термин «служебная информация ограниченного распространения», имеющий аналогичный смысл: это несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью, а также поступившая в организации несекретная информация, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами (п. 1.2. Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1233).

Значительное количество федеральных законов относят определённые сведения к конфиденциальной информации. Иногда такая информация прямо названа служебной тайной (ч. 5 ст. 39 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), иногда это подразумевается (например, п. 3 ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

В нормативных правовых актах конкретно определены следующие разновидности служебной тайны:

1) сведения, содержащиеся в личном деле и документах учета сотрудника феде-

ральной противопожарной службы¹;

2) сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также сведения о принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц²;

3) сведения о несовершеннолетних, ставшие известными органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних³;

4) информация, полученная антимонопольным органом при осуществлении своих полномочий⁴;

5) сведения ставшие известными арбитражному управляющему⁵;

6) сведения о результатах проведенной оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств⁶;

7) сведения, содержащиеся в планах обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств⁷;

8) информационные ресурсы единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности⁸;

Теперь данный перечень дополнен еще одной разновидностью служебной тайны — *служебная тайна в области обороны*. Перечень сведений, отнесенных к служеб-

¹ Ч. 5 ст. 39 Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² П. 7 Указа Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

³ П. 3 ст. 9 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

⁴ Ст. 26 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», статья 35 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».

⁵ П. 3 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁶ Ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

⁷ Там же. Ч. 3 ст. 9.

⁸ Там же. Ч. 4 ст. 11.

ной тайне в области обороны, содержит не отнесенные в установленном порядке к государственной тайне и не являющиеся общедоступными сведения о мероприятиях в области обороны. Данные сведения определены ст. 2 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

К ним относятся:

1) сведения о прогнозировании и оценке военной опасности и военной угрозы;

2) сведения о разработке основных направлений военной политики и положений военной доктрины Российской Федерации;

3) сведения о правовом регулировании в области обороны;

4) сведения о строительстве, подготовке и поддержании в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также планирование их применения;

5) сведения о разработке, производстве и совершенствовании систем управления Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами, вооружения и военной техники, создании их запасов, а также планировании использования радиочастотного спектра;

6) сведения о планировании непосредственной подготовки к переводу и переводу органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и экономики страны на работу в условиях военного времени;

7) сведения о мобилизационной подготовке органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций независимо от форм собственности, транспорта, коммуникаций и населения страны;

8) сведения о создании в составе государственного материального резерва запасов материальных ценностей (в том числе запаса мобилизационного резерва и неснижаемого запаса государственного ма-

териального резерва), предназначенных для мобилизационных нужд Российской Федерации;

9) сведения о планировании и осуществлении мероприятий по гражданской и территориальной обороне;

10) сведения об оперативном оборудовании территории Российской Федерации в целях обороны;

11) сведения об обеспечении защиты сведений, составляющих государственную тайну в области обороны и служебную тайну в области обороны;

12) сведения о развитии науки в интересах обороны;

13) сведения о координации деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обороны;

14) сведения о финансировании расходов на оборону, а также контроле за расходованием средств, выделенных на оборону, и деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации;

15) сведения о международном сотрудничестве в целях коллективной безопасности и совместной обороны;

16) сведения о других мероприятиях в области обороны.

Исходя из системного толкования норм указанного Федерального закона и Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также теоретических выводов, содержащихся в научных публикациях по данному вопросу¹, можно назвать

¹ Корякин В.М., Гундзилович И.В. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 10. С. 22—26; Харитонов С.С. О последствиях прекращения военнослужащим допуска к государственной тайне // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 10 (279). С. 33—42; Шадрин С.Ф. Уголовно-правовая охрана служебной тайны : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 51.

следующие признаки правового режима служебной тайны в области обороны:

— *во-первых*, установление мер юридической ответственности за разглашение сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны, полученные органами власти при подготовке мероприятий в области обороны установлено федеральным законом в государственно значимых целях — нейтрализация факторов которые могут нанести вред выполнению мероприятий в области обороны;

— *во-вторых*, соблюдение конфиденциальности информации, отнесенной к служебной тайне в области обороны, является юридической обязанностью всех лиц, получивших доступ к данной информации;

— *в-третьих*, право определять, какую именно информацию следует отнести к служебной тайне в области обороны предоставлено руководителям всех федеральных госорганов, в которых предусмотрена военная служба. Это Минобороны России, Росгвардия, СВР России, ФСБ России, ФСО России, военная прокуратура, а также военные следственные органы.

Подводя итог, следует отметить, что за правонарушение, связанное с разглашени-

ем информации, отнесенной к служебной тайне в области обороны, предусмотрена административная ответственность по ст. 13.14 КоАП РФ. Кроме того, военнослужащие могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности в соответствии с ДУ ВС РФ.

Библиография

1. Дворников, А.А. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дворников. — Тюмень, 2007.
2. Корякин, В.М. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений / В.М. Корякин, И.В. Гундзилович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 10. — С. 22—26.
3. Пономарева, Ю.В. Правовой режим служебной тайны : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Пономарев. — Челябинск, 2018.
4. Харитонов, С. С. О последствиях прекращения военнослужащим допуска к государственной тайне / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2020. — № 10 (279). — С. 33—42.
5. Шадрин, С.Ф. Уголовно-правовая охрана служебной тайны : дис. ... канд. юрид. наук / С.Ф. Шадрин. — Ростов-на-Дону, 2002.

О рассмотрении Кассационным военным судом жалоб на судебные постановления по делам об административных правонарушениях (по материалам военно-судебной практики)

© Мелешко Павел Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на примерах из судебной практики Кассационного военного суда подтверждается тезис, что именно судебный порядок рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях является надежной гарантией защиты от незаконного привлечения граждан к административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность военнослужащих, административное правонарушение, военные суды.

On consideration by the Military Court of Cassation of complaints against court decisions in cases of administrative offenses (based on materials of military court practice)

© Meleshko P.E.,
Candidate of Legal Sciences,
© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Resume. The article, using examples from the judicial practice of the Military Court of Cassation, confirms the thesis that it is the judicial procedure for considering complaints against decisions in cases of administrative offenses that is a reliable guarantee of protection from illegal bringing of citizens to administrative responsibility.

Key words: administrative responsibility of servicemen, administrative offense, military courts.

Действующее российское военно-административное законодательство обязывает военнослужащего строго соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов¹. В то же время вероятно совершение военнослужащим правонарушения, за которое в зависимости от его характера и тяжести он может быть привлечен к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности², поскольку военнотру-

преступлений в практике военных судов // Право в Вооруженных Силах —военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 117—118; Зателепин О.К. Актуальные вопросы обеспечения военной безопасности Российской Федерации (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // Военное право. 2014. № 4. С. 1—8; Зюбанов Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография. М. Юрлитинформ. 2020; Кириченко Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 161—164; Мелешко П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8 (182). С. 72—75; Моргуленко Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое

¹ Ст. 26 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

² См. подробнее: Воробьев А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности

жащие, независимо от воинского звания и воинской должности, равны перед законом¹.

Применительно к административной ответственности действует общее правило, по которому военнослужащий согласно требованиям ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ привлекается к дисциплинарной ответственности, за исключением случаев прямо указанных в ч. 2 данной статьи.

Дела об административных правонарушениях, указанные в ч. 1—2 ст. 23.1 КоАП РФ и совершенные военнослужащими, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов².

По делу об административном правонарушении выяснению подлежат: наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия (бездействие), за которые этим КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность; виновность лица в совершении административного

правонарушения; обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность; характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, а также и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела³.

Отметим, что в современных условиях деятельности силовых структур, в которых предусмотрено прохождение военной службы, по обеспечению вооруженными способами безопасности нашего государства, повышается ответственность военных судов за строжайшее соблюдение законов, прав и интересов граждан при рассмотрении, в том числе, и дел об административных правонарушениях. При этом существенно возрастает роль Кассационного военного суда по своевременному выявлению и устранению ошибок, допущенных судами, что может быть показано на следующих примерах, изложенных в обзорах судебной практики за 2020 г.⁴

1) производство по делу об административном правонарушении не может быть прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности без проверки и оценки доводов лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, об отсутствии в его действиях (бездействиях) состава административного правонарушения.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда прекращено производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 2 ст. 12.24

обозрение. 2003. № 6. С. 4—12; Степаненко Н.Е. Проблемы уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил несения пограничной службы // Военное право. 2009. № 3. С. 36—45; Фатеев К.В. О некоторых проблемах обеспечения военно-социальной безопасности и их влиянии на национальную безопасность Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 12; Фатеев К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2005. № 1; Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М.: За права военнослужащих, 2011; Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 26—33; Шарапов С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. 2009. № 1. С. 51—57, и др.

¹ П. 1 ст. 28 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; ст. 26 и 28 УВС ВС РФ.

² Ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ; п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»

³ Ст. 26.1 КоАП РФ.

⁴ Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 1-е полугодие 2020 года, утвержден Президиумом Кассационного военного суда 31 июля 2020 г.; Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях за 2-е полугодие 2020 г., утвержден Президиумом Кассационного военного суда 3 февраля 2021 г.

КоАП РФ, в отношении Б. в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения.

Решением судьи окружного военного суда от 26 сентября 2019 г. указанное постановление отменено, и производство по делу в отношении Б. прекращено в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Согласно протоколу об административных правонарушениях, около 8 часов 14 августа 2018 г. Б., двигаясь на автомобиле в нарушение п. 1.5 и 11.2 Правил дорожного движения, выполняя обгон автомобиля «Фольксваген Джетта», движущегося впереди по той же полосе с включенным сигналом поворота налево, совершил столкновение с указанным транспортным средством. В результате дорожно-транспортного происшествия водителю автомобиля «Фольксваген Джетта» К. был причинен средней тяжести вред здоровью.

Прекращая производство по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием в действиях Б. состава административного правонарушения, судья гарнизонного военного суда посчитал установленным, что ДТП с участием водителей Б. и К. явилось следствием действий последнего, а нарушение Б. пунктов 1.5 и 11.2 ПДД материалами дела не подтверждено.

Основанием для отмены данного постановления, как следует из решения судьи окружного военного суда, явилось то обстоятельство, что данные выводы судья гарнизонного военного суда сделал исходя лишь из заключения эксперта, которое получено с нарушением закона, что в силу ч. 3 ст. 26.2 названного Кодекса влечет признание данного доказательства недопустимым. В связи с истечением срока давности привлечения Б. к административной ответственности 14 августа 2019 г. судьей производство по делу было прекращено по данному основанию.

Вместе с тем с таким решением судьи окружного военного суда согласиться нельзя.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных ст. 2.9, 24.5 данного Кодекса, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление.

К указанным обстоятельствам п. 6 ч. 1 ст. 24.4 этого же Кодекса отнесено истечение сроков давности привлечения к административной ответственности.

Согласно п. 13.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» в постановлении о прекращении производства по делу по названному основанию, исходя из положения, закрепленного в п. 4 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ, должны быть указаны все установленные по делу обстоятельства, а не только связанные с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Следует иметь в виду, что в случае, когда постановление о прекращении производства по делу в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности либо решение по результатам рассмотрения жалобы на это постановление обжалуется лицом, в отношении которого составлялся протокол об административном правонарушении, настаивающим на своей невиновности, то ему не может быть отказано в проверке и оценке доводов об отсутствии в его действиях (бездействии) состава административного правонарушения в целях обеспечения судебной защиты прав и свобод этого лица (ч. 3 ст. 30.6, ч. 3 ст. 30.9 КоАП РФ).

Установив при рассмотрении жалобы такого лица обоснованность выводов юрисдикционного органа, а также правильность исчисления срока давности привлечения к административной ответственности в зависимости от категории дела,

судья отказывает в ее удовлетворении и оставляет постановление без изменения. При этом необходимо учитывать, что в названном постановлении о прекращении производства по делу не могут содержаться выводы юрисдикционного органа о виновности лица, в отношении которого был составлен протокол об административном правонарушении. При наличии таких выводов в обжалуемом постановлении судья, с учетом положений ст. 1.5 КоАП РФ о презумпции невиновности, обязан вынести решение об изменении постановления, исключив из него указание на вину этого лица (п. 2 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ).

Если при рассмотрении жалобы будет установлено, что в действиях лица, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении, не содержится состава административного правонарушения либо отсутствовало само событие административного правонарушения, то такое постановление подлежит отмене с вынесением решения о прекращении производства по делу в соответствии с п. 1 либо п. 2 ст. 24.5 КоАП РФ.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ в постановлении по делу об административном правонарушении должны быть указаны обстоятельства, установленные при рассмотрении дела.

Такое же требование закон предъявляет и к содержанию решения по жалобе на постановление, вынесенное судьей (ч. 2 ст. 30.7 КоАП РФ).

Между тем, разрешая жалобу представителя потерпевшего, судья в решении указал лишь на то, что судья гарнизонного военного суда вывод об отсутствии в действиях Б. состава административного правонарушения обосновал недопустимыми доказательствами и допустил ряд нарушений при рассмотрении дела, связанных с неразъяснением прав данному лицу и потерпевшему.

Признавая заключение эксперта полученным с нарушением закона, судья суда второй инстанции оставил без внимания другие доказательства, имеющиеся в деле, их содержание не привел и обстоятельства, имеющие значение для дела, не установил. При этом решение судьи не содержит выводов о недостаточности данных доказа-

тельств для обоснования возможности прекращения дела в отношении Б. в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Таким образом, при наличии заявления Б. о его невиновности судья окружного военного суда приведенные выше разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не учел, имеющимся в деле доказательствам с учетом доводов защитника, поддержанных Б., приведенных в возражениях на жалобу, относительно действий каждого из участников ДТП, в том числе и соблюдения потерпевшим требований п. 8.2 ПДД надлежащей оценки по правилам ст. 26.11 КоАП РФ не дал.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов выносится решение об отмене постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста и о возвращении дела на новое рассмотрение в случаях существенного нарушения процессуальных требований, предусмотренных настоящим Кодексом, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело.

При этом согласно положениям ст. 46, ч. 1 ст. 50, ст. 55 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) произвольное изменение правового режима для лица, в отношении которого вынесено окончательное постановление, невозможно — поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу постановления, как правило, не допустим.

Конвенция устанавливает в п. 2 ст. 4 Протокола № 7, что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом соответствующего государства, если в ходе предыдущего разбирательства было допущено имеющее фундаментальный, прин-

ципиальный характер существенное нарушение, повлиявшее на исход дела.

Ограничение права лица на проверку и оценку доводов об отсутствии в его действиях (бездействии) состава административного правонарушения, как не соответствующее целям обеспечения судебной защиты прав и свобод этого лица является существенным нарушением, повлиявшим на исход дела.

При таких данных решение судьи окружного военного суда было отменено с направлением жалобы представителя потерпевшего на постановление судьи гарнизонного военного суда на новое рассмотрение.

2) лицо не может быть привлечено к административной ответственности при наличии по тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда Р. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 руб. с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 6 месяцев.

Рассмотрев протест прокурора, председатель Кассационного военного суда отменил постановление, указав следующее.

В соответствии со ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства.

Как следует из позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в постановлении по делу «Сергей Золотухин против Российской Федерации» (Страсбург, 10 февраля 2009 г.), положения данной статьи подлежат применению как в

уголовном производстве, так и в производстве по делам об административных правонарушениях; ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции должна толковаться как запрещающая преследование или предание суду за второе преступление (правонарушение), «если они вытекают из идентичных фактов или фактов, которые в значительной степени являются теми же».

С указанными выше положениями корреспондирует п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, в соответствии с которым производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о возбуждении уголовного дела.

Частью 1 ст. 12.26 КоАП РФ установлена административная ответственность за невыполнение водителем транспортного средства законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния.

Диспозиция указанной нормы в качестве одного из условий привлечения виновного лица к административной ответственности по указанной норме называет отсутствие в противоправном деянии признаков состава уголовно наказуемого деяния.

Пунктом «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ установлена уголовная ответственность за нарушение находящимся в состоянии опьянения лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством ПДД или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

В силу примечания 2 к ст. 264 УК РФ для целей настоящей статьи и ст. 264¹ УК РФ лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается, в том числе лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о про-

хождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством России.

Из содержания обжалуемого постановления судьи гарнизонного военного суда усматривается, что Р. привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ за то, что он 7 января 2020 г. в 4 часа 45 минут в районе дома № 12 «а» по улице В. в городе В., управляя транспортным средством с признаками алкогольного опьянения в нарушение требования п. 2.3.2 ПДД, не выполнил законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Как видно из представленного прокурором постановления следователя-криминалиста ВСО СК России по Н-скому гарнизону от 31 января 2020 г., в отношении Р. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, в связи с тем, что он 7 января 2020 г. около 4 часов 30 минут в городе В. на улице В. в районе дома № 12 «а», управляя автомобилем с состоянием опьянения, в нарушение требований пп. 2.7, 9.1.1 ПДД, совершил выезд на полосу, предназначенную для встречного движения, где допустил столкновение с другим транспортным средством.

Указанные нарушения Р. ПДД повлекли по неосторожности причинение пассажиру его автомобиля С. тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, при квалификации действий Р. по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ и по пункту «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ подлежат выяснению одни и те же обстоятельства, составляющие объективную сторону составов указанных административного правонарушения и преступления.

При таких данных постановление судьи гарнизонного военного суда в отношении Р. было отменено, а производство по делу прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

3) *определение факта нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством осуществляется посредством его медицинского освидетельствования на состояние опьянения,*

только на основании результатов проведенных в рамках медицинского освидетельствования осмотров и инструментальных и лабораторных исследований, в соответствии с приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)».

Постановлением судьи гарнизонного военного суда, оставленным без изменения решением судьи окружного военного суда, Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

Обосновывая вывод о виновности Б. в совершении административного правонарушения судьи гарнизонного и окружного военных судов сослались на содержание составленных в отношении этого лица протоколов об административном правонарушении, о направлении его на медицинское освидетельствование, акта медицинского освидетельствования Б. на состояние опьянения и показания врача-нарколога Н., проводившей данное освидетельствование, посчитав установленным, что выявленное при химикотоксикологическом исследовании нахождение в моче, отобранной у Б., этилового алкоголя в концентрации 0,70 промилле свидетельствует о нахождении этого лица при управлении транспортным средством в состоянии опьянения.

Такой вывод судья Кассационного военного суда признал не основанным на законе.

Административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, предусмотрена ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

Согласно примечанию к данной норме административная ответственность, предусмотренная этой статьей, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную сум-

марную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

В соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ» определение факта нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством осуществляется посредством его освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проводимых в установленном порядке.

Данный порядок определен приказом Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (далее — Порядок).

Согласно п. 12 Порядка при медицинском освидетельствовании лиц, указанных в подп. 1 п. 5 настоящего Порядка (направленных на медицинское освидетельствование на основании постановления должностного лица), отбор биологического объекта (моча, кровь) для направления на химико-токсикологические исследования осуществляется вне зависимости от результатов исследований выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя.

На основании результатов проведенных в рамках медицинского освидетельствования осмотров и инструментальных и лабораторных исследований, указанных в п. 4 данного Порядка, выносится одно из следующих медицинских заключений о состоянии освидетельствуемого на момент проведения медицинского освидетельствования (далее — медицинское заключение):

- 1) установлено состояние опьянения;
- 2) состояние опьянения не установлено;

- 3) от медицинского освидетельствования освидетельствуемый (законный представитель освидетельствуемого) отказался (п. 14 Порядка).

Медицинское заключение «установлено состояние опьянения» выносится в случае освидетельствовании лиц, указанных в подп. 1 п. 5 настоящего Порядка, при положительном результате повторного исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя или наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо при обнаружении по результатам химико-токсикологических исследований в пробе биологического объекта одного или нескольких наркотических средств и (или) психотропных веществ (п. 15).

Медицинское заключение «состояние опьянения не установлено» выносится в случае освидетельствования лиц, указанных в подп. 1 п. 5 настоящего Порядка, при отрицательном результате первого или повторного исследования выдыхаемого воздуха на наличие алкоголя, наличии абсолютного этилового спирта в концентрации менее 0,3 грамма на один литр крови и отсутствии в пробе биологического объекта наркотических средств и (или) психотропных веществ (п. 16).

Из акта медицинского освидетельствования Б. от 12 июля 2019 г. видно, что первое и повторное исследование выдыхаемого им воздуха показало отрицательный результат на наличие алкоголя. Кровь на исследование у Б. не отбиралась, и в пробе биологического объекта (мочи) наркотических средств или психотропных веществ не обнаружено. При этом в данном биологическом объекте обнаружен этиловый алкоголь в концентрации 0,70 промилле.

Поскольку медицинское заключение об установлении состояния опьянения указанное выше Порядком не связывает с наличием алкоголя в моче, заключение в акте освидетельствования Б. об установлении у него состояния опьянения не соответствует п. 15 Порядка.

Таким образом, данный акт медицинского освидетельствования вопреки суждению судей гарнизонного и окружного военных судов не может быть положен в основу выводов судей о нахождении Б. в

момент управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Поскольку факт нахождения Б. в состоянии опьянения при управлении транспортным средством медицинским освидетельствованием на состояние опьянения не подтвержден, в действиях указанного лица отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

С учетом изложенного вынесенные в отношении Б. судебные постановления судьей Кассационного военного суда отменены, а производство по делу об административном правонарушении в отношении указанного лица прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава административного правонарушения на основании п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

4) отсутствие в материалах дела об административном правонарушении видеозаписи применения должностным лицом органа ГИБДД мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении повлекло отмену судебных постановлений.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда, оставленным без изменения решением судьи окружного военного суда, К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 30 000 руб. с лишением права управления транспортными средствами сроком на 1 год 9 месяцев.

Рассмотрев жалобу К., судья Кассационного военного суда пришел к следующим выводам.

Исходя из положений ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ, обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для применения административного наказания, но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании

которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными данным Кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами (ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ).

Не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона (ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ).

Согласно ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, либо лицо, в отношении которого вынесено определение о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.24 данного Кодекса, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения в соответствии с ч. 6 указанной статьи. При отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

В силу ч. 6 ст. 27.12 КоАП РФ освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и оформление его результатов, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются в порядке, установленном Правительством России.

Частью 2 данной статьи установлено, что отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида, а в отношении водителя транспортного средства Вооруженных Сил Российской Федерации, — также должностными лицами военной автомобильной инспекции в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи.

Аналогичное требование содержится в п. 4 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 475 (далее — Правила).

В случаях, предусмотренных гл. 27 и ст. 28.1.1 КоАП РФ, обязательно присутствие понятых или применение видеозаписи. Понятой удостоверяет в протоколе своей подписью факт совершения в его присутствии процессуальных действий, их содержание и результаты (ч. 2 ст. 25.7 КоАП РФ).

В случае применения видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий, за исключением личного досмотра, эти процессуальные действия совершаются в отсутствие понятых, о чем делается запись в соответствующем протоколе либо акте освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Матери-

алы, полученные при совершении процессуальных действий с применением видеозаписи, прилагаются к соответствующему протоколу либо акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения (ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ).

Установленное законом требование о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении с участием понятых или с применением видеозаписи является одной из гарантий обеспечения прав лица, привлекаемого к административной ответственности, с целью исключения любых сомнений относительно полноты и правильности фиксирования в соответствующем протоколе или акте содержания и результатов проводимого процессуального действия.

Как усматривается из материалов дела, инспектором ГИБДД в отношении К. применены меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде отстранения от управления транспортным средством и направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Судья суда первой инстанции, давая оценку указанным протоколам, констатировал осуществление сотрудниками полиции видеофиксации мер обеспечения производства по делу, сославшись на наличие в названных процессуальных документах отметки о применении видеозаписи.

Вместе с тем указанная видеозапись к составленным сотрудниками полиции процессуальным документам не приобщалась, в материалах дела отсутствует.

Факт отсутствия в материалах дела видеозаписи их направлении в суд, ее утраты по техническим причинам подтвержден результатами служебной проверки и объяснениями инспектора ГИБДД, составившего протокол по делу об административном правонарушении.

Изложенное свидетельствует о том, что процессуальные действия по отстранению К. от управления транспортным средством, а также направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, были осуществлены должностным лицом ГИБДД с нарушением требований ст. 25.7, 27.12 КоАП РФ.

В связи с допущенными сотрудниками полиции нарушениями требований КоАП РФ при применении мер обеспечения производства по делу протоколы об отстранении от управления транспортным средством и о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения следует признать недопустимыми доказательствами по делу, полученными с нарушением требований названного Кодекса.

При наличии сомнений относительно управления К. транспортным средством в связи с его утверждением о том, что он водителем не являлся, отсутствует возможность восполнить указанные в протоколах данные, имеющие как процедурное, так и доказательственное значение.

В силу положений ч. 1 и 4 ст. 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Неустраняемые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов выносится решение об отмене постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста и о прекращении производства по делу при наличии хотя бы одного из обстоятельств, предусмотренных ст. 2.9, 24.5 данного Кодекса, а также при недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены указанные постановление, решение.

В связи с изложенным постановление судьи гарнизонного военного суда и решение судьи окружного военного суда по делу об административном правонарушении в отношении К. отменены, а производство по делу прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых они были вынесены.

Библиография

1. Воробьев, А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов / А.Г. Воробьев // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 117—118.
2. Зателепин, О.К. Актуальные вопросы обеспечения военной безопасности Российской Федерации (уголовно-правовой и криминологический аспекты) / О.К. Зателепин // *Военное право*. — 2014. — № 4. — С. 1—8.
3. Зюбанов, Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография / Ю.А. Зюбанов. — М.: Юрлитинформ. 2020. — 440 с.
4. Кириченко, Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // *Военное право*. — 2020. — № 1 (59). — С. 161—164.
5. Мелешко, П.Е. Об уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы, за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации / П.Е. Мелешко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 8 (182). — С. 72—75.
6. Моргуленко, Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями / Е.А. Моргуленко // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.
7. Степаненко, Н.Е. Проблемы уголовной ответственности военнослужащих за нарушение правил несения пограничной службы / Н.Е. Степаненко // *Военное право*. — 2009. — № 3. — С. 36—45.
8. Фатеев, К.В. О некоторых проблемах обеспечения военно-социальной безопасности и их влиянии на национальную безопасность Российской Федерации / К.В. Фатеев // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 12.
9. Фатеев, К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации / К.В. Фатеев // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 1.
10. Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — М.: За права военнослужащих, 2011. — 336 с.
11. Шарапов, С.Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина / С.Н. Шарапов // *Военное право*. — 2009. — № 1. — С. 51—57.
12. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7 (288). — С. 26—33.

Войска национальной гвардии Российской Федерации как субъект государственной системы противодействия молодежному экстремизму

© **Насыров Дмитрий Вадимович**,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Юри-
дического института МГПУ
© **Балицкий Александр Александрович**,
магистрант РАНХиГС при Президенте Россий-
ской Федерации

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятию и сущности молодежного экстремизма, анализу государственной системы противодействия молодежному экстремизму, а также характеристики войскам национальной гвардии Российской Федерации как соответствующему субъекту противодействия молодежному экстремизму.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; противодействие молодежному экстремизму; государственная система противодействия молодежному экстремизму; войска национальной гвардии Российской Федерации.

The troops of the National Guard of the Russian Federation as a subject of the state system of countering youth extremism

© **Nasyrov D.V.**,
candidate of Legal Sciences, associate Professor of
the Department of State and Legal Disciplines of the
Law Institute of MSPU
© **Balitsky A.A.**,
master's student of RANEPА under the President of
the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the concept and essence of youth extremism, the analysis of the state system of countering youth extremism, as well as the characteristics of the troops of the National Guard of the Russian Federation as an appropriate subject of countering youth extremism

Keywords: youth extremism; countering youth extremism; state system of countering youth extremism; troops of the National Guard of the Russian Federation.

Современный экстремизм является преступлением, которое несет в себе не только нарушение прав граждан, а представляет реальную угрозу национальной безопасности России. Борьба с экстремизмом включена в приоритетные вопросы, стоящие постоянно на повестке дня главы государства, руководства министерств и ведомств. В Стратегии национальной безопасности России экстремистская деятельность религиозных, националистических, этнических и иных организаций обозначе-

на как источник угрозы государственной и общественной безопасности наравне с разведывательной деятельностью спецслужб иностранных государств, терроризмом, организованной преступностью.

Изучая социально-психологический портрет экстремиста, можно смело констатировать, что современный экстремизм — это преступная деятельность молодежи. Учеными отмечается омолаживание экстремизма. Социологи, исследуя вопросы экстремизма, определили, что всплеск экс-

триместской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет (72,7 % от общего числа), от 18 до 25 лет — 15,3 %, от 25 до 30 лет — 9,6 %, лица старше 30 лет — 2,4 %¹. Молодежь является самой активной частью населения, при этом имеет еще не устоявшиеся идеи. Поэтому любые противоположные обществу нормы морали молодыми людьми впитываются как губка и в последующем в качестве социального протеста выдаются в виде экстремистских поступков.

Особую озабоченность у экспертов в области противодействия экстремизму вызывает устойчивый рост преступлений экстремистского характера. Несмотря на принимаемые в государстве меры по противодействию данному негативному социально-правовому явлению, экстремизм в стране набирает обороты. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2020 г. в стране было выявлено 833 преступления экстремистского характера, что на 42,39 % больше, чем за аналогичный период 2019 г. Устойчивый рост преступных проявлений экстремизма по-прежнему происходит в субъектах Российской Федерации, входящих в Центральный, Северо-Кавказский и Приволжский федеральные округа². При этом экстремизм остается одним из самых латентных видов преступлений, т.к. современное информационное пространство позволяет совершать деяния в сети «Интернет», не позволяя правоохранителям определить субъекта преступления.

Важное практическое значение имеет определение основополагающих факторов, формирующих потребности устойчивого развития общества и государства, обоснование мер противодействия проявлениям экстремизма и совершенствования норм законодательства³.

Обозначенные обстоятельства требуют от государства создания адекватной и рациональной системы противодействия молодежному экстремизму, в которой должны быть четко обозначены направления деятельности каждого элемента, каждого субъекта.

Молодежный экстремизм как разновидность экстремизма является общеизвестным понятием и поэтому ему свойственны все его атрибуты. Выделение его в отдельную группу осуществлено исходя из обособленной категории субъектов, принимающих участие в этой противоправной деятельности. Кроме того, молодежный экстремизм по-прежнему остается самым распространенным.

Данная обособленность обусловлена теми обстоятельствами, что у данной категории общества происходят или завершаются этапы социализации. Свою роль играют и некоторые биологические особенности организма в данном возрасте.

«Молодёжь в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки — та часть общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодёжной среде легче формируются радикальные взгляды и убеждения»⁴.

В одном из первых отечественном исследовании о молодежи говорится, что «молодежь — поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции»⁵.

Согласно Основам государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 г., под молодежью понима-

¹ Петрянин А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 105.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 13.09.2021)

³ Холиков И.В. Современные тенденции противодействия криминальной субкультуре и

экстремистским проявлениям // Военное право. 2021. № 1(65). С. 263.

⁴ Ережипалиев Д. Надзор за исполнением законов о профилактике экстремизма в молодёжной среде // Законность. 2016. № 6. С. 31.

⁵ Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм / под науч. ред. Р.А. Адельханяна. М.: Триада ЛТД, 2005.

ется социально-демографическая группа, отличающаяся определенным статусом в обществе, предоставляющим ей возможности для социального становления и обеспечивающим ее льготами, включающая молодых граждан — физических лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом¹. Как правило при определении возрастного ценза молодежи берется период именно в 14—30 лет.

Таким образом, под молодежным экстремизмом учеными понимается многогранный феномен, выражающийся в отрицании правовых и иных общепринятых норм и правил поведения слоями населения в возрасте от 14 до 30 лет, подрывающий национальную и общественную безопасность государства посредством насильственных методов и психофизического воздействия².

Природа молодежного экстремизма построена на системе взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов, сформированных у лица в возрасте от 14 до 30 лет.

Характерными особенностями молодежного экстремизма является наличие обособленного объекта в виде молодой личности, в которой происходят процессы по социализации и индивидуализации лица, способные при неблагоприятных детерминантах сформировать у нее радикальные взгляды и убеждения.

Знание о сущности и природе молодежного экстремизма позволило выстроить научно-обоснованную государственную стратегию противодействия, закрепляющую основные понятия, виды и способы воздействия на причинно-следственный комплекс исследуемого негативного социально-правового явления, определяющую субъектов противодействия.

Следует отметить, что в научной литературе довольно часто встречается дискуссия о сущности противодействия, как комплекса мер, направленных на снижение негативного влияния преступности на жизнь общества³. В первую очередь это связано с различными подходами разработчиков федеральных законов «О противодействии коррупции», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму» к содержанию наполнению понятия «противодействие». Не вдаваясь в научную дискуссию, возьмем за основу содержание «противодействия», которое отражено в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., так как, на наш взгляд, оно отражает весь комплекс организационно-правовых мер, направленных на реализацию целей.

Таким образом, противодействие молодежному экстремизму представляет собой: во-первых, предупреждение экстремистской деятельности в молодежной среде (воздействие на причины и условия молодежного экстремизма); во-вторых, борьбу с молодежным экстремизмом (выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование); в-третьих, минимизацию и ликвидацию последствий от молодежного экстремизма.

Отечественная система субъектов противодействия молодежному экстремизму определена в ст. 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Указанной нормой заложено, что к субъектам государственной системы противодействия в том числе молодежному экстремизму относятся: Президент Рос-

¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 г.: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации 29 ноября 2014 г. № 2403-р : ст. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50, ст. 7185.

² Леготин М.П., Голубых Н.В., Алимпиев С.А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 165.

³ См., например: Дамаскин О.В., Красинский В.В., Козлов А.В. Противодействие современному экстремизму и терроризму. М.: Юнити-Дана, 2019.

сийской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. В целях обеспечения координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию экстремистской деятельности по решению Президента Российской Федерации могут формироваться органы в составе представителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и иных лиц.

Данная система по замыслу законодателя создает организационные основы противодействия молодежному экстремизму.

Анализ полномочий субъектов государственной системы противодействия молодежному экстремизму свидетельствует о существовании в Российской Федерации трехуровневой системы субъектов противодействия (федерального, регионального и муниципального), каждый из которых обладает направленностью действий, оказывающих предупредительное воздействие (профилактику) либо осуществляющих борьбу с молодежным экстремизмом.

В теории государственного управления субъекты управления составляют сложившуюся систему по различным основаниям. Основываясь на подобной систематизации, криминологами предложена научно-обоснованная классификация субъектов предупредительной деятельности. В соответствии с данной концепцией федеральных субъектов государственной системы предупреждения молодежного экстремизма в Российской Федерации все субъекты в зависимости от задач, компетенций и содержания должны быть классифицированы на субъекты общей и специальной (частично специализированные и специализированные) компетенции.

Суть субъектов общей компетенции заключается в их многофункциональности,

когда такие органы или должностные лица принимают решения в пределах своих полномочий по любым отраслям экономики, социально-культурной и административно-политической сфер жизни¹.

К субъектам предупреждения молодежного экстремизма общей компетенции следует отнести: Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, представительные органы регионального и местного характера.

Так, в соответствии со ст. 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В современных реалиях Президент Российской Федерации играет фундаментальную роль в сфере предупреждения молодежного экстремизма в государстве. В полномочия Президента Российской Федерации входят полномочия по определению развития государственной политики в сфере противодействия молодежному экстремизму. Так, Президент определяет стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации, которая в свою очередь является направлением правового регулирования.

Правительство Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями воздействует на комплекс общесоциальных причин и условий молодежного экстремизма в различных отраслях экономики и социально-духовной жизни.

Так, в области социального обеспечения, Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной социальной политики, реализацию конституционного права граждан на социальное обеспечение, способствует развитию системы социальной защиты, включая социальное обеспечение и т.д.²

Государственная Дума и Совет Федерации, законодательные органы

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 96.

² О Правительстве Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ.

субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, являясь представительными органами, — принимают законы. Таким образом, в своей деятельности данные законодательные органы формируют законодательную базу, в том числе в сфере предупреждения преступности, тем самым претворяют в жизнь государственную политику противодействия молодежному экстремизму.

Органы специальной компетенции, в отличие от органов общей компетенции, создаются для специально определенных целей — предупреждение молодежного экстремизма; наделены соответствующими правами и обязанностями по воздействию на причины и условия молодежного экстремизма; имеют информационное, методическое, ресурсное, кадровое обеспечение предупредительной деятельности.

Имея убедительные критерии для разграничения субъектов предупредительной деятельности на общих и специальных, специалисты при систематизации субъектов развили представление о них путем деления специальных субъектов предупредительной деятельности на частично специализированных и специализированных участников предупреждения преступности¹.

В основу деления заложены содержание полномочий и их объектовая направленность на объекты предупредительной деятельности.

Частично специализированные субъекты предупредительной деятельности участвуют в предупреждении молодежного экстремизма в рамках основных функций и, используя главным образом воспитательные формы воздействия. Частичность в таком случае достигается за счет выделения относительной самостоятельности в предупредительной деятельности, производная из основных задач.

Специализированными субъектами предупредительной деятельности являются органы и организации, в полномочиях

которых предупреждение преступности является одной из основных задач их направления деятельности. По сути, это те субъекты, которые создавались специально для предупреждения преступности в целом или определенного вида, либо же в этих субъектах имеются соответствующие подразделения.

Обобщенно, содержание специальных субъектов предупреждения можно охарактеризовать исходя из объекта предупредительной деятельности, взяв за основу концепцию, предложенную А.И. Долговой².

Так, объектом предупреждения частично специализированных субъектов являются повышено-криминогенные и повышено-виктимные социальные группы, сферы деятельности и объекты.

Объектом предупреждения специализированных субъектов являются индивиды, поведение которых свидетельствует о реальной возможности совершения ими преступления экстремистской направленности.

Анализируя полномочия органов государственной власти, государственных организаций в сфере предупреждения молодежного экстремизма, следует отметить, что частично специализированными субъектами возможно признать организации социальной помощи, образования и здравоохранения.

Исходя из практической сферы деятельности, на данные субъекты возлагаются по сути главные задачи, которые направлены на нейтрализацию причин и условий молодежного экстремизма, формирующихся в обществе.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. прямо закладывает обязанность образовательных организаций осуществлять досуг детей, подростков, молодежи, семейного досуга, обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха, создание условий для реализации творческого и спортивного потенциала, культурного развития граждан;

¹ Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 4-е изд. М., 2009. С. 306.

² Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 435—455.

осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях; проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению (в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность) всеми законными способами и т.д.¹ Аналогичные полномочия предусмотрены для учреждений культуры и спорта.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» выделяет задачу оказания психологических, педагогических, медицинских, социальных и правовых услуг для социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации и возлагает соответствующие обязанности на организации социальной помощи, а также на медицинские организации при оказании психологической помощи.

Таким образом, частично специализированные субъекты предупреждения молодежного экстремизма — это непосредственные субъекты воздействия на причины и условия, формирующиеся в социальной группе в виде источников угроз для развития социальной неприязни.

Имея представление о специализированных субъектах предупреждения преступности в целом, и, исходя из полномочий органов власти, их структуры, специализированными в сфере предупреждения молодежного экстремизма следует считать: суды, органы прокуратуры, органы внутренних дел, органы федеральной службы

безопасности, должностных лиц СК России.

Содержание мер специализированных субъектов состоит в их целенаправленном воздействии на факторы, способствующие непосредственному формированию мотивации на осуществление экстремистской деятельности у молодого лица, воздействие на объективные криминогенные ситуации, создающие обстановку или провоцирующие на совершение преступления.

Профилактический результат деятельности суда в противодействии молодежному экстремизму связан в первую очередь с вынесением справедливого решения, таким образом достигается общее и индивидуальное предупреждение.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации Прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. По сути, каждое направление деятельности прокуратуры содержит в себе профилактику преступности.

В деятельности предупреждения молодежного экстремизма органы прокуратуры обладают большим инструментарием в целях воздействия на непосредственные причины и условия, способствующие развитию молодежного экстремизма.

В пределах осуществления надзора за исполнением законодательства, а также прав и свобод органы прокуратуры обладают такими полномочиями, которые направлены на выявление нарушений законодательства, воздействия на непосредственные причины и условия, а также осуществляют уголовное

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 29 мая 2020 г. № 344: подп. «е», п. 32 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения 14.08.2021)

преследование в суде по уголовным делам экстремистского характера¹.

Так, при выявлении нарушений законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности прокурор обладает полномочиями выносить акты прокурорского реагирования, направленные на устранение причин и условий совершения преступлений экстремистского характера. Кроме того, прокурор является заявителем в суд по предметам приостановления деятельности организаций и внесения организаций в перечень экстремистских, если действия организаций содержат соответствующие признаки².

Характеристика иных специализированных субъектов предупреждения преступности основывается на полномочиях данных органов в сфере борьбы с преступностью. При этом предупреждение преступности является лишь одним из направлений деятельности этих субъектов, которые относятся к субъектам федерального уровня.

Поэтому в контексте понимания специализированных субъектов предупреждения молодежного экстремизма следует провести анализ полномочий государственных органов, уполномоченных реализовывать подобные права и обязанности.

Так, в рамках выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступления такими полномочиями могут обладать должностные лица СК России, следователи органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ преступления, предусмотренные ст. 282—282.3, находятся в подследственности СК России. Это означает, что указанные должностные лица уполномочены проводить предварительное расследование по выявленным преступлениям экстремистского характера.

На основании п. 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование по уго-

ловным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 280—280.1 УК РФ, проводится следователями органов федеральной службы безопасности.

При этом в соответствии с ч. 5 ст. 151 УПК РФ деяния, обладающие признаками преступлений, предусмотренных ст. 282.1—282.3 УК РФ, находятся в альтернативной подследственности. Это означает, что предварительное расследование уголовного дела возможно следователями органа, выявившего преступление. В настоящий момент таковыми полномочиями, помимо органов федеральной службы безопасности и должностных лиц СК России, могут обладать следователи органов внутренних дел.

Преследуя основной целью выявление, раскрытие и расследование преступления, указанные специализированные органы попутно решают профилактические задачи молодежного экстремизма. В рамках данных полномочий реализуются мероприятия общей превенции и специального воздействия на лиц, конкретные криминогенные факторы совершенного или готовившегося преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ в рамках расследования уголовного дела следователю предстоит установить обстоятельства совершения преступления, т.е. определить те причинные факторы, которые привели к неблагоприятным последствиям. Кроме того, его обязанность не исчерпывается лишь этим, а работа должна быть завершена вынесением представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Говоря о субъектах, осуществляющих борьбу с молодежным экстремизмом, следует отдельно отметить войска национальной гвардии Российской Федерации. Реальное же содержание их деятельности в противодействии молодежному экстремизму может вызывать обоснованные возражения вообще в отнесении соответствующих войск к субъектам государственной системы противодействия молодежному экстремизму, особенно на фоне сравнительной характеристики с органами прокуратуры, внутренних дел, федеральной службы безопасности и СК России. В свою

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г.

² Борисов С., Варугин Д. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде // Законность. 2013. № 4.

очередь законодатель однозначно обозначил войска национальной гвардии как субъектов, принимающих активное участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом¹. В этой связи возникает интерес об определении их места и роли в этой деятельности.

Для формирования представления о деятельности войск национальной гвардии в противодействии молодежному экстремизму необходимо осуществить анализ их полномочий. Исходя из задач, возложенных на войска, следует сделать вывод о том, что данная военная организация не является координирующим органом в этой сфере. Более того, природа полномочий войск национальной гвардии такова, что их нельзя отнести и к основным субъектам, непосредственно осуществляющих борьбу с молодежным экстремизмом. Так, УПК РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не наделяют войска национальной гвардии правами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в целом, то есть не только экстремистского характера. В свою очередь то участие в борьбе с экстремизмом, о котором имел ввиду законодатель, имеет место быть. Такое участие прослеживается посредством анализа полномочий об охране общественного порядка и которое можно охарактеризовать как пресечение преступных действий экстремистского характера. То есть речь идет о такой форме борьбы с молодежным экстремизмом как пресечение.

Пресечение преступлений в своей сути представляет прекращение осуществления деяний, являющихся преступными. По мнению ученых, пресечение имеет место, когда процесс совершения преступления останавливается внешним воздействием на стадии приготовления или покушения. В практике деятельности правоохранительных органов пресечение преступления является последовательным действием, осуществляемым, как правило, после выявления. Поэтому считается, что пресекательные действия осуществляет субъект, вы-

явивший преступление. Соответствующее обстоятельство вновь поднимает вопрос об участии войск национальной гвардии в противодействии экстремизму.

Для правильного понимания роли и места войск национальной гвардии в пресечении молодежного экстремизма следует обратиться к истории их формирования и современной практике деятельности.

Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» образован новый федеральный орган исполнительной власти – Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, внутренние войска МВД России преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации. Произошли существенные изменения в структуре, составе и полномочиях, расширились основные задачи, возлагаемые на войска национальной гвардии, увеличился и изменился личный состав.

Произошедшее в результате реформы силовых ведомств 2016 г. комплектование войск национальной гвардии подразделениями специального назначения² и регулярно появляющиеся в информационном пространстве новости об участии войск национальной гвардии в задержании экстремистов и террористов наталкивает на характеристику соответствующего субъекта как оказывающего «силовое» воздействие на субъекты преступления. Другими словами, их участие в пресечении сводится к оказанию физической помощи (силовым действиям) органам, выявившим преступление, в задержании соответствующих субъектов преступления.

² В России создана национальная гвардия. Итоги встречи Президента Российской Федерации Владимира Путина с Министром внутренних дел Владимиром Колокольцевым, главнокомандующим внутренними войсками МВД Виктором Золотовым, директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктором Ивановым и первым заместителем директора Федеральной миграционной службы Екатериной Егоровой 5 апреля 2016 г. Режим доступа – <http://kremlin.ru/events/president/news/51643> (дата обращения 13.09.2021).

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

Таким образом, государственная система противодействия молодежному экстремизму представляет собой единый комплекс взаимодействующих субъектов общей и специальной компетенции (частично-специализированные и специализированные), осуществляющих меры предупредительного характера и осуществляющих борьбу с молодежным экстремизмом.

Анализ полномочий субъектов государственной системы противодействия молодежному терроризму позволяет дать следующую характеристику войскам национальной гвардии как элементу данной системы: войска национальной гвардии являются специализированным субъектом противодействия молодежному экстремизму, относящимся к участникам, осуществляющим борьбу с данным негативным социально-правовым явлением. Участие в борьбе с молодежным экстремизмом реализуется исключительно в деятельности по оказанию «силовой» помощи в пресечении преступления органу, выявившему такое преступление.

Библиография

1. Аминов, Д.И. Молодежный экстремизм; под науч. ред. Р.А. Адельханяна / Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян. — М.: Триада ЛТД, 2005.
2. Дамаскин, О.В. Противодействие современному экстремизму и терроризму / О.В. Дамаскин, В.В. Красинский, А.В. Козлов. М.: Юнити-Дана, 2019. — 143 с.
3. Ережипалиев, Д. Надзор за исполнением законов о профилактике экстремизма в молодежной среде / Д. Ережипалиев // Законность. — 2016. — № 6.
4. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. — М., 2001.
5. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2009.
6. Леготин, М.П. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде / М.П. Леготин, Н.В. Голубых, С.А. Алимпиев // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 3. — С. 161—167.
7. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Юрист, 2005.
8. Петрянин, А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект / А.В. Петрянин // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2012. — № 20.
9. Борисов, С. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде / С. Борисов, Д. Варугин // Законность. — 2013. — № 4.
10. Холиков, И.В. Современные тенденции противодействия криминальной субкультуре и экстремистским проявлениям / И.В. Холиков // Военное право. — 2021. — № 1(65). — С. 262—265.

Принципиальные подходы и направления совершенствования деятельности юридической службы войск национальной гвардии России: от опыта к перспективам

© **Рощин Сергей Романович**,
адъюнкт 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации;
© **Землин Александр Игоревич**,
доктор юридических наук, профессор, профессор 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются принципиальные подходы и направления совершенствования деятельности юридической службы войск национальной гвардии России. На основании применения метода комплексного правового исследования и сравнительного правоведения приводится авторское понимание принципов деятельности войск национальной гвардии и дается их содержательная характеристика. Результаты исследования можно использовать при организации правовой работы и в образовательной практике. Также обоснованы предложения по совершенствованию федерального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: деятельность; юридическая служба; установленные сферы деятельности; меры правового характера; принципы деятельности; законность; основные идеи; исполнение обязанностей военной службы.

Fundamental approaches and directions for improving the activities of the legal service of the Russian National Guard troops: from experience to prospects

© **Roshchin S.R.**,
adjunct of the 25th department Federal state educational institution of higher education «Military University named after Prince Alexander Nevsky» The Ministry of Defense of the Russian Federation
© **Zemlin A.I.**,
doctor of law, professor, professor of the 25th department Federal state educational institution of higher education «Military University named after Prince Alexander Nevsky» The Ministry of Defense of the Russian Federation

The article discusses the fundamental approaches and directions for improving the activities of the legal service of the Russian National Guard troops. Based on the application of the method of complex legal research and comparative jurisprudence, the author's understanding of the principles of the activities of the National Guard troops is given and their substantive characteristics are given. The research results can be used in the organization of legal work and in educational practice. The proposals for improving federal legislation and departmental regulatory legal acts are also substantiated.

Key words: activity; legal service; established areas of activity; legal measures; principles of activity; legality; basic ideas; fulfillment of duties of military service.

В последние годы глава государства — Президент Российской Федерации в целях совершенствования государственного управления в сфере обеспечения национальной безопасности страны при реформировании системы федеральных органов исполнительной власти делал весьма понятный акцент на совершенствовании структуры правоохранительных органов. Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 создан новый федеральный орган исполнительной власти — Росгвардия. Тем самым глава государства укрепил правоохранительные органы государства в виде создания федеральной службы, которая включена в первый (силовой) блок системы федеральных органов исполнительной власти¹. Внутреннее строение Росгвардии составляют различные органы и организации (органы управления; объединения, соединения и воинские части; подразделения (органы), в том числе, в которых проходят службу лица, имеющие специальные звания полиции; образовательные организации высшего образования и иные организации) и их структурные подразделения. К таким структурным подразделениям относится и юридическая служба войск национальной гвардии, предназначенная для организации и осуществления правовой работы².

Комплекс мер правового характера, осуществляемых юридической службой войск национальной гвардии по правовому обеспечению сферы деятельности этих войск, сферы оборота оружия, сферы частной охранной и частной детективной деятельности и сферы вневедомственной охраны, имеет свои правовые, организационные, методологические и методические

характеристики, а также принципы, на которых она основывается. Указанные принципы реализуются на практике при решении возложенных на войска задач и реализации установленных полномочий.

Для полного, всестороннего и объективного теоретического анализа основ деятельности юридической службы войск национальной гвардии подробно остановимся на изучении её принципов.

Однако, перед тем как приступить к исследованию принципов деятельности юридической службы войск национальной гвардии, следует рассмотреть определение понятия принципа.

Принцип (лат. *principium* — первоначало, основа) — 1) исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат); 2) внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения (то же, что максима или заповедь). В изначальном смысле слова это некая субстанция (вода, воздух, огонь или земля в античной философии) или закон (дао в древнекитайской философии), которые лежат в основе мироздания и из которых можно объяснить все существующее. Первым подобное представление о принципе (назвав его «архэ») ввел Анаксимандр, увидевший подобное начало в «беспредельном, безграничном, бесконечном» апейроне. Для Аристотеля принцип — это первопричина, для Декарта — самоочевидная основа всякого мышления и познания («мыслю, следовательно, существую»), для Канта — конститутивные и регулятивные правила «чистого разума», для Д. Мура («Принципы этики») — методология этических исследований³.

Юридическая наука изучает и определяет понятие «принципы» с различных позиций, большинство авторов под принципом понимают основные руководящие положения, теоретические идеи, отражаемые или закрепляемые правом. Впервые сформулировал понятие правового принципа С.Н. Братусь. Он представлял принцип как ведущее начало, а также закон общества⁴.

³ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова; Издание 8-е, дораб. и дополн. М.: Республика, 2009.

⁴ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 135.

¹ Асеев А.Г., Большакова В.М. и др. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 83—89.

² Роцин С.Р. Функциональный анализ деятельности юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации: методология и особенности нормативного правового регулирования // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 146—155.

Л.С. Явич полагал, что принципы являются идеологической категорией и «представляют собой исходные отправные теоретические положения того или иного вида человеческой деятельности, служат важным организующим и направляющим началом, обеспечивающим достижение определенных целей»¹. О.А. Красавчиков определил принципы в качестве руководящего начала, руководящей идеи, которая выражает сущность всей правовой системы².

Принципы права — это важнейшие идеи, инструктивные положения, устанавливающие содержание и направления правового регулирования. Принципы права формулируют закономерности права и играют роль всеобщих норм, которые оказывают воздействие на сферу правового регулирования, касаются всех субъектов права. Принципы права сформулированы в законе или исходят из его значения, являясь исходными нормативными юридическими положениями³.

Переходя к анализу принципов деятельности юридической службы войск национальной гвардии, весьма логичным будет разделить их на общие или нормативно-определенные принципы, функциональные — раскрывающие структуру деятельности и особенности ее реализации в практике, и специальные принципы — характерные именно для деятельности юридической службы войск национальной гвардии.

Анализ принципов деятельности юридической службы войск национальной гвардии логично начать с изучения общих принципов деятельности войск, поскольку они соотносятся как общее и частное. Принципы деятельности войск относятся ко всем установленным сферам деятельности Росгвардии, а принципы деятельности юридической службы относятся к правовой работе, но произрастают от принципов деятельности войск.

Важно отметить, что в целях нормативного правового регулирования деятельности Росгвардии 3 июля 2016 г. изданы федеральные законы «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» № 226-ФЗ и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» № 227-ФЗ, а также Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 утверждено Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации.

Исследуя общие принципы деятельности войск национальной гвардии, нельзя обойти стороной законодательно закрепленное положение о том, что войска осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия и централизации управления. Данная норма закреплена в ст. 4 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». При этом указанные принципы деятельности войск, кроме принципа «соблюдения прав и свобод человека и гражданина» своего раскрытия в названном федеральном законе не нашли, а находят свое пояснение в иных нормативных актах⁴.

Любопытным в аспекте анализа принципов деятельности войск является то, что на основании п. 1 Положения о Росгвардии она является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии, в

¹ Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978. С. 8—9.

² Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2-х томах. М., 2005.

³ Сигалов К.Е. Исторические основания среды права. М., 2002.

⁴ См., например, Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 24 мая 2017 г. № 236 «Об утверждении Положения об оперативно-территориальном объединении войск национальной гвардии Российской Федерации».

сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны. Однако в ст. 3 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» установлено, что правовую основу деятельности войск национальной гвардии составляют, в частности, «нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны. При этом словосочетание «в сфере частной детективной деятельности» в указанной норме отсутствует¹.

Анализируя принципы деятельности Вооруженных Сил и иных войск, нельзя оставить без внимания принципы законности, к которым, по мнению В.М. Корякина, относятся: 1) единство законности — она должна быть единой и одинаковой для всех и на всей территории страны, во всех воинских частях и организациях независимо от вида и рода войск, от военного округа (флота), в котором проходит службу военнослужащий. Для законности как единого общегосударственного режима не должны иметь никакого значения местные условия, специфика, различия, поскольку такие особенности учитываются как в самих законах, так и в нормативных правовых актах; 2) недопустимость противопоставления законности и целесообразности. Это означает, что в процессе соблюдения, исполнения и применения законов нельзя подменять законность целесообразностью, поскольку высшая государственная целесообразность заключена в самом законе, если он принят и действует; 3) неотвратимость наказания за нарушение закона исходит из давно проверенной практикой истины о том, что соблюдение законов, а следовательно, и законности обеспечива-

ется не столько суровостью наказания, сколько его неотвратимостью; 4) принцип верховенства закона, который проистекает из безусловного приоритета закона над всеми иными нормативными правовыми актами, носящими подзаконный, т.е. подчиненный по отношению к закону, характер. Такие акты должны издаваться только на основе закона и в соответствии с ним, в его развитие, для его конкретизации; 5) принцип защиты прав и свобод человека, который означает, что главное в деятельности органов военного управления и воинских должностных лиц — это уважение и всемерная защита прав военнослужащих, борьба с нарушениями этих прав².

Для деятельности юридической службы войск национальной гвардии характерными принципами являются общие, функциональные и специальные принципы.

К общим (законодательно установленным) принципам относится, прежде всего, *принцип законности*, который является основополагающим, именно он закреплен в ст. 15 Конституции Российской Федерации и означает, что применение норм материального права или иная форма реализации во всех случаях должны быть законными. При этом принцип законности, провозглашенный Конституцией, одновременно является общеправовым, межотраслевым и отраслевым принципом права.

Отношение к определению и значению данного принципа, его месту в праве и среди других принципов со стороны различных ученых и в разное время было и остается неоднозначным. Точки зрения по принципу законности настолько разнятся, что крайние из них можно назвать плюральными. Однако большинство из них, как представляется, обоснованно придают принципу законности в административном производстве особое значение.

Такое отношение к столь важному принципу только подчеркивает повышенную степень актуальности данного вопроса как в целом в праве, так и в деятельно-

¹ Асеев А.Г., Большакова В.М., Наумова Л.Ю. Указ. соч.

² Корякин В.М., Харитонов В.С. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 60—65.

сти юридической службы войск национальной гвардии. Отступление от принципа законности в целом и в частности, может повлечь серьезные (порой непоправимые) последствия для любого субъекта войск национальной гвардии.

Принцип законности обладает неповторимым проявлением и при правоприменительной деятельности как строго обусловленный правовой природой современного общества. Он означает то, что нормативные акты, издаваемые в войсках национальной гвардии, а также действия всех должны соответствовать нормам материального и процессуального права.

Следующим общим принципом, характерным для деятельности войск национальной гвардии, является *принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина*. Социальное бытие данного принципа основано на положениях ст. 2 Конституции Российской Федерации, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Далее указанный принцип находит свое отражение в ст. 18 Конституции Российской Федерации, согласно ч. 1 которой права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В деятельности войск национальной гвардии принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина находит свое отражение в ст. 4.1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», которая имеет следующее наименование «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в деятельности войск национальной гвардии». Согласно ч. 1 указанной статьи при осуществлении полномочий, предусмотренных п. 4, 16, 18, 24, 26, 27 ч. 1 ст. 9 указанного Федерального закона, сотрудник войск национальной гвардии обязан назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего со-

общить причину и цель обращения, а в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина.

При этом данная норма содержит в себе формулировку «сотрудник войск национальной гвардии», однако в п. 3 ч. 2 ст. 6 указанного Федерального закона установлено, что Президент Российской Федерации утверждает штатную численность лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии и имеющих специальные звания полиции (далее — сотрудники). Таким образом, в ч. 1 ст. 4.1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» целесообразно формулировку «сотрудник войск национальной гвардии» заменить на следующую формулировку: «лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии и имеющие специальные звания полиции (далее — сотрудники)», а также изменить склонения соответствующих слов.

Следующим общим принципом, подлежащим рассмотрению, является *принцип единоначалия и централизации управления*. Еще А.В. Суворов единоначалие применял на основе авторитета в войсках, подкрепляя свои действия верой в солдат, отцовской заботой о них, строгостью в справедливых взысканиях за упущения по службе¹. Принцип единоначалия как организационно-правовой принцип деятельности государственных органов, их составных частей или отдельных видов деятельности закреплен во многих нормативных правовых актах.

Единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций предусмотрено в качестве одного из основных принципов противодействия терроризму в п. 8 ст. 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Мы уже указывали,

¹ Не числом, а умением! Военная система А.В. Суворова // Рос. воен. сб. / сост. А.Е. Савинкин [и др.]. М.: Русский путь, 2001.

что Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» закрепляет единоначалие как принцип деятельности войск национальной гвардии (ст. 4). В ряде нормативных правовых актов при закреплении принципа единоначалия указывается на функции и роль конкретного руководителя, который должен действовать в соответствии с этим принципом. Так, в п. 1 ст. 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлено, что командиры являются единоначальниками и отвечают в мирное и военное время за постоянную боевую и мобилизационную готовность, успешное выполнение боевых задач, боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину, правопорядок, морально-политическое и психологическое состояние подчиненного личного состава, безопасность военной службы, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества, материальное, техническое, финансовое, бытовое обеспечение и медицинское обеспечение¹.

Любопытно, что в Положении о Росгвардии принцип единоначалия руководства деятельностью раскрыт в п. 11, где указано, что директор несет персональную ответственность за выполнение задач и реализацию полномочий, возложенных на Росгвардию и войска национальной гвардии, и осуществляет свою деятельность на основе единоначалия.

В соответствии со ст. 33 УВС ВС РФ единоначалие является одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Единоначалие заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего. Единоначалие выража-

ется в праве командира (начальника), исходя из всесторонней оценки обстановки, единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение.

Среди принципов обеспечения деятельности юридической службы войск можно выделить функциональные (структурно-функциональные и процессуально-структурные) принципы.

К *структурно-функциональным принципам* деятельности юридической службы войск национальной гвардии относятся: принцип единства системы обеспечения, обеспечивающий целостность, согласованность и действенность процессов деятельности правовых подразделений; линейно-функциональный принцип, раскрывающий объем и содержание подчиненности и взаимодействия в организационной структуре деятельности подразделений юридической службы; принцип многообразия организационных связей, раскрывающих реальные вертикальные и горизонтальные организационные взаимодействия субъектов деятельности правовых подразделений войск; принципы централизованного руководства и единоначалия, связанные со спецификой организационного строения и порядка деятельности отдельных субъектов деятельности юридической службы войск.

В системе принципов деятельности подразделений юридической службы важное место занимают процессуально-структурные принципы: принцип конкретизации деятельности субъектов и ответственности за ее результаты; принцип ответственности форм, методов и средств деятельности правовых подразделений функциям и организации юридической службы; принцип стимулирования эффективности деятельности юридической службы.

К *специальным принципам* следует отнести: принцип обособленности; принцип подконтрольности; принцип профессионализма и др. Рассмотрим кратко их содержание.

Принцип подконтрольности закреплен в ст. 107 УВС ВС РФ и заключается в праве запрашивать в установленном порядке

¹ См. подробнее: Холиков И. В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

от соответствующих должностных лиц полка (корабля) документы, справки, расчеты, договоры для проверки их законности и сведения, необходимые для исполнения своих обязанностей. Данная норма не нашла своего отражения в полномочиях правовых подразделений, установленных п. 7 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Ростгвардии от 8 декабря 2017 г. № 524. Тем самым, учитывая распространение нормативных предписаний УВС ВС РФ только на военнослужащих, полномочия иных категорий личного состава правовых подразделений (сотрудники войск национальной гвардии, работники, государственные гражданские служащие, работники)¹ запрашивать в установленном порядке от подконтрольных объектов документы, справки, расчеты, договоры для проверки их законности и сведения, необходимые для исполнения своих обязанностей нормативно не закреплены.

Каждая обязанность правового подразделения должна быть обеспечена его правом требовать от подконтрольных объектов (органов управления, должностных лиц) выполнения соответствующих действий. Это тем более актуально, поскольку в ходе проверок (изучений) состояния правовой работы (как одной из форм инспектирования или методического руководства) в первую очередь проверяется законность в издании правовых актов в проверяемом органе управления.

Так, помощник командира (начальника) по правовой работе обязан проводить правовую экспертизу проектов приказов, издаваемых в воинской части. Для этого он имеет право требовать от исполнителей представления ему всех необходимых материалов, а у командира (начальника) должна быть обязанность не подписывать проекты приказов не прошедшие правовую экспертизу, которая должна быть закреплена в его обязанностях, изложенных в УВС ВС РФ (естественно в тех органах

военного управления (воинских частях), где имеется должность должностного лица юридической службы). Кроме того, помощнику командира (начальника) по правовой работе должно быть предоставлено право доклада вышестоящему начальнику подразделения юридической службы о допущенном нарушении законности.

Принцип обособленности характеризуется следующим. В соответствии с п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2001 г. № 528 «О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов» руководителям федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, образованных в соответствии с Конституцией Российской Федерации, или руководителям их аппаратов рекомендуется установить, что юридические службы входят в состав указанных органов (их аппаратов) в качестве самостоятельных подразделений и подчиняются непосредственно руководителям этих органов или их аппаратов. Пунктом 9 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации установлено, что правовые подразделения являются самостоятельными структурными подразделениями, непосредственно подчиняющимися руководителям (командирам, начальникам), организационно-штатное построение и должностной состав которых определяются исходя из необходимости выполнения задач правовой работы. Следовательно, в структуре органа управления выделяется относительно обособленное по своим задачам структурное подразделение, на которое возложена задача по обеспечению законности и активному использованию правовых средств для решения задач повседневной жизни и деятельности этого органа управления. Такова сущность принципа обособленности в деятельности юридической службы.

Принцип профессионализма предполагает, что должностные лица правовых подразделений войск национальной гвардии должны обладать соответствующими профессиональными знаниями, умениями, навыками, образующими их компетентность, необходимым опытом, уровнем об-

¹ Землин А.И., Роцин С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 37—44.

разования и квалификации. При этом для представления интересов войск и воинских частей (органов, организаций, учреждений) в судах различной юрисдикции в настоящее время, как правило (за исключением дел, рассматриваемых районными судами, мировыми судьями и др.), требуется наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. Эти требования прямо вытекают из предписаний, определенных для различных видов судопроизводства (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 61 АПК РФ, ч. 2 и 3 ст. 49, ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, ч. 1 ст. 55, п. 4—5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ). Указанные требования вступили в силу в связи с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с проводимой в 2018 г. процессуальной и судостроительной реформой.

При этом анализ литературы и нормативных правовых актов, применяемых в деятельности юридических служб внутренних войск МВД России и войск национальной гвардии показывает, что во исполнение п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2001 г. № 528 «О некоторых мерах по укреплению юридических служб государственных органов» Правительство Российской Федерации в постановлении от 2 апреля 2002 г. № 207 «Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти» постановило федеральным органам исполнительной власти на основании типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти утвердить положения о своих юридических службах.

В целях приведения нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы правового обеспечения внутренних войск МВД России, в соответствие с нормативными правовыми актами Президента и Правительства Российской Федерации о юридической службе федеральных органов исполнительной власти, а также дальнейшего совершенствования и повышения эффективности правового обеспечения внутренних войск МВД России приказом

главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 14 июля 2004 г. № 260 «Об утверждении нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы деятельности юридической службы внутренних войск МВД России» было утверждено положение о юридических (правовых) подразделениях и помощниках командующих (командиров, начальников) по правовой работе внутренних войск МВД России. Данный приказ не распространяет свое действие на Росгвардию в силу подп. «б» п. 14 Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

Вместе с тем пунктом 6 Наставления по правовой работе в войсках национальной гвардии полномочиями по утверждению положения о правовом подразделении (должностных обязанностей (должностных инструкций, должностных регламентов) наделены руководители (начальники) структурных подразделений Росгвардии, командующие округами войск национальной гвардии, начальники территориальных органов Росгвардии, командиры (начальники) соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии.

В Минобороны России Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации утверждено приказом Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 700. При этом, как справедливо отмечали Дамаскин О.В. и Холиков И.В., постоянное совершенствование правовой работы, предупреждения и пресечения правонарушений является необходимым условием дальнейшего укрепления воинской дисциплины и правопорядка, повышения боевой готовности воинских частей, обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации¹.

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3. С. 27.

В связи с этим, в настоящее время актуален вопрос о разработке и утверждении положения о юридической службе войск национальной гвардии ведомственным приказом (приказом Росгвардии).

Постоянное совершенствование правовой работы, предупреждения и пресечения правонарушений является необходимым условием дальнейшего укрепления воинской дисциплины и правопорядка, повышения боевой готовности воинских частей, обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, принципами деятельности юридической службы войск национальной гвардии являются основополагающие идеи и понятия, на которых строится практическое осуществление всех прав и полномочий, предоставленных Росгвардии нормами закона. Мы классифицируем принципы деятельности юридической службы войск национальной гвардии по их предназначению и источникам на общие или законодательно закрепленные, функциональные и специальные. В своей совокупности и системной взаимосвязи они позволяют выполнять и обеспечить контроль за законностью решений и действий должностных лиц, а также за соблюдением законности при выполнении военными служащими и сотрудниками (работниками, федеральными государственными гражданскими служащими) войск национальной гвардии служебно-боевых, оперативно-служебных, служебных задач, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, обеспечить единоначалие и централизацию управления, а также организовать

деятельность юридической службы по осуществлению комплекса мер правового характера по правовому обеспечению сферы деятельности войск.

Библиография

1. Асеев, А.Г. Установленные сферы деятельности Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: комплексный подход к законодательным пробелам нормативного правового регулирования / А.Г. Асеев, В.М. Большакова, Л.Ю. Наумова [и др.] // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 1 (270). — С. 83—89;
2. Братусь, С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. — М., 1963.
3. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3. — С. 21—28.
4. Землин, А.И. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации / А.И. Землин, С.Р. Рошин // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 37—44.
5. Корякин, В.М. Об обеспечении законности при подготовке граждан к военной службе и призыве на военную службу / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 12 (269). — С. 60—65.
6. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2-х томах / О.А. Красавчиков. — М., 2005.
7. Сигалов, К.Е. Исторические основания среды права / К.Е. Сигалов. — М., 2002. — 194 с.
8. Холиков, И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / И.В. Холиков, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.
9. Явич, Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы / Л.С. Явич. — М., 1978.

Доступность экологической информации и сохранение государственной тайны

© Феоктистова Ольга Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент ФГКВООУ
ВО «Военный университет» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования права граждан на благоприятную окружающую среду, на достоверную, полную и своевременную информацию о ее состоянии, проанализировано новое понятие экологической информации, закрепленное Федеральным законом «Об охране окружающей среды», рассмотрены механизмы реализации прав граждан на получение экологической информации при соблюдении режима государственной тайны в отношении военных и оборонных объектов.

Ключевые слова: экологическая информация, информация о состоянии окружающей среды, права граждан в области охраны окружающей среды, экологическая безопасность, защита государственной тайны, военные и оборонные объекты, оборона и безопасность государства.

Environmental information availability and compliance state secrets

© Feoktistova O.Yu.,
PhD in Law, Associate Professor «Military
University» Ministry of Defense of the Russian
Federation

Resume. The article discusses the issues of legal regulation of the right of citizens to a favorable environment, to reliable, complete and timely information about its state, analyzed a new concept of environmental information, enshrined in the Federal Law of the Russian Federation "On Environmental Protection", considered mechanisms for the implementation of citizens' rights to receive environmental information subject to the regime of state secrets in relation to military and defense facilities.

Key words: environmental information, information about the state of the environment, the rights of citizens in the field of environmental protection, environmental safety, protection of state secrets, military and defense facilities, defense and security of the state.

Проблематика открытости экологической информации и обеспечение доступности сведений о состоянии животного и растительного мира, о решениях, одобряющих деятельность, которая может оказать воздействие на окружающую среду, о заключениях государственной экспертизы является приоритетным направлением государственной политики¹ в реализации конституционно закрепленных экологических прав граждан и иных заинтересованных лиц. Также выбор темы настоящей публикации обусловлен принятием Федерально-

го закона от 9 марта 2021 г. № 39-ФЗ², который впервые нормативно закрепил понятие информации о состоянии окружающей среды (экологической информации), наиболее приближенное к понятию, обозначенному в Орхусской конвенции³, что является знаковым событием в обеспечении доступности и открытости экологической информации. Ст. 1 Закона «Об охране

¹ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30.04.2012 г.).

² Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». Орхус, Дания 23—25 июня 1998 г.

окружающей среды» относит к содержанию экологической информации данные о состоянии окружающей среды, отражающие настоящее время, которые происходили в прошлом и прогнозируются в будущем, о фактах загрязнения окружающей среды, о процессах и явлениях, происходящих в ней, а также о событиях антропогенного характера, которые воздействуют отрицательно на окружающую среду.

Статьей 4.3 Закона «Об охране окружающей среды» нормативно утверждается общедоступность экологической информации и акцентируется возможность ограничения доступа лишь в случае принадлежности ее к государственной тайне. Доступность экологической информации также установлена пунктом 4 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации). Реализовать это право и создать условия для того, чтобы заинтересованные лица могли получить данные о качестве воздуха, состоянии водных объектов, о радиационной обстановке, о выбросах и сбросах, производимых предприятиями, об обращении с отходами, о том какие меры предпринимаются для улучшения состояния окружающей среды возможно, так как п. 1 ст. 8 Закона об информации декларирует возможность каждому искать и получать информацию, в том числе экологическую, любым законным способом из любого ресурса. Одновременно с этим правом закон предусматривает право граждан получать информацию от наделенных государственной и муниципальной властью органов.

Установить пределы права на доступность, открытость и свободное использование информации возможно лишь, подчеркивается в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, в исключительных предусмотренных законом случаях, таких, как охрана интересов государства по защите суверенитета, конституционного строя, территориальных границ, конституционно установленных прав и свобод граждан. Список данных, подлежащих засекречиванию, порядок их засекречивания, определение доступа к ним заинтересо-

ванных лиц определяется федеральным законом.

Закон относит к государственной тайне данные, которые содержат информацию, раскрытие которой может негативно повлиять на независимость, целостность и защищенность государства — Российская Федерация. Эти сведения, перечисленные в ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», относятся к обороне государства, внешнеполитической, экономической, разведывательной и иным закрепленным федеральным законом сферам. Но это лишь общая информация, потому что подробный перечень данных, имеющих ограниченный доступ, разрабатывается главами органов государственной власти — МВД России, МЧС России, ФСБ России, Росгвардии и др., в соответствии с Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне¹.

Анализируя вышеуказанный список данных, имеющих ограниченный доступ, приходим к выводу о том, что необходимо разграничивать информацию о состоянии окружающей среды от иных видов информации, в том числе представляющую собой государственную тайну. А для этого необходимо выявлять и закреплять максимально широкий круг сведений, составляющих экологическую информацию, что должно свести к минимуму возможные отказы в предоставлении сведений, не вошедших в этот перечень со стороны лиц, обязанных предоставлять данную информацию. В приказе Росприроднадзора от 29 мая 2020 г. № 587 «Об утверждении реестра набора открытых данных» утвержден реестр открытых данных, в котором приведен достаточно широкий перечень информации, подлежащей опубликованию: перечень объектов, оказывающих негативное влияние на окружающую среду и на которые выданы комплексные экологические разрешения; информация об обезвреживании, размещении, утилизации, хранении отходов различных классов опасности и др.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Согласно п. 3 ст. 4.3 Закона «Об охране окружающей среды» круг сведений, относящихся к экологической информации, является открытым. Законодатель перечисляет в том числе следующие объекты экологической информации:

- 1) сведения о качественном состоянии различных природных объектов и о качестве окружающей среды в целом;
- 2) сведения об уровне радиации;
- 3) сведения об объёмах и характере загрязняющих веществ в почву, воду, атмосферу;
- 4) об обороте, обезвреживанию, утилизации, захоронению, переработке отходов;
- 5) меры, предпринимаемые для решения экологических проблем.

Но решат ли рассмотренные выше предпринятые законодателем шаги по правому регулированию вопроса общедоступности экологической информации?

Обратимся к анализу судебной практики. Например, Определением Верховного Суда Российской Федерации¹ было отказано в удовлетворении жалобы гражданина о предоставлении возможности ознакомления с генеральным планом города на основании отнесения его к сведениям ограниченного доступа, так как его часть содержит, согласно п. 42.1 Перечня, утвержденного Указом Президента Российской Федерации, государственную тайну (схема водоснабжения городов с населением более 200 тыс. человек). На основании правил отнесения информации к секретной, если хотя бы одна из частей информации содержит гриф ограниченного доступа, то весь объем данных приобретает тоже гриф секретности. В судебном решении был сделан вывод, что отсутствие возможности ознакомиться с генеральным планом города не влечет нарушения прав граждан на благоприятную окружающую среду. Принцип открытости и доступности информации закон предусматривает лишь в отношении сведений о состоянии окружающей среды.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2015 г. № 58-АПГ15-32.

Рассматривая данный случай, мы наблюдаем, что основные принципы экологического и земельного законодательства игнорируются: право на участие граждан и общественных объединений в обсуждении вопросов, касающихся их прав, учет мнения граждан при планировании и строительстве населенных пунктов, на проведение общественных обсуждений и публичных слушаний. Это один из многих примеров судебной практики, иллюстрирующих, что регламентированный список данных, отнесенных законом к сведениям с ограниченным доступом, содержит информацию, затрагивающую права и интересы граждан, в том числе в сфере экологии.

Согласимся с мнением А.А. Смольякова, что доступность и открытость экологической информации зависит от наличия легитимных способов, приемов и механизмов получения в кратчайшие сроки объективной информации о благополучии окружающей среды от субъектов (государственных и частных) ею обладающих². В природоресурсном и природоохранном законодательстве осуществление открытости, актуальности и своевременности информации в области охраны окружающей среды реализуется в формах: проведения общественных обсуждений и публичных слушаний, референдумов, проведения общественной экологической экспертизы, в учете мнения граждан и общественных объединений при проектировании и реализации хозяйственной и иной антропогенной деятельности, которая может негативно отразиться на состоянии окружающей среды и одновременно установление юридической обязанности должностных лиц государственных и муниципальных органов создать условия для ознакомления с данными по окружающей среде. Но в отношении специальных, режимных, военных, оборонных объектов такие способы сбора информации запрещены, что негативно сказывается на соблюдении прав всех заинтересованных лиц. Приведем вы-

² Смольяков А.А. Механизмы реализации права человека на благоприятную окружающую среду // Закон. Право. Государство. 2018. № 1(17). С. 112—121.

сказывание А.П. Анисимова: государственные реестры не раскрывают информацию о специальных и режимных объектах оборонного значения, занимающихся производством, хранением, утилизацией опасных ядерных объектов¹.

Официальным источником экологической информации является фонд данных о состоянии окружающей среды, создаваемых на основе сведений, полученных в ходе государственного экологического мониторинга. Порядок предоставления информации о состоянии окружающей среды из фонда государственных данных всем заинтересованным лицам осуществляется в порядке закона об обеспечении доступа к информации².

Минприроды России как орган государственной исполнительной власти, уполномоченный в сфере охраны окружающей среды, разработал проект постановления Правительства Российской Федерации³, который призван обеспечить обязательную публикацию экологических сведений на официальных интернет-ресурсах. Этот проект не включает часть открытых источников, которые уже публикуются природоохранными органами. Например, государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды, постановление Правительства Российской Федерации от

19 сентября 1997 г. № 1425⁴, в соответствии с которым размещаются данные «в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей среды». Фактически проект содержит только те перечни экологической информации, которые уже доступны.

По-прежнему, сведения, размещаемые в сети интернет на сайтах государственных и муниципальных органов, сохраняют существующую разрозненность и не предоставляют возможности поиска информации на едином или несколько связанных друг с другом ресурсах. Проект фактически регулирует публикацию информации, которой обладают только федеральные органы власти, уполномоченные в сфере охраны окружающей среды (Минприроды России, Росприроднадзор, Росгидромет). То есть органы, являющиеся природопользователями, например, Минобороны России, под это определение не подпадают, хотя информацией о загрязнении окружающей среды располагают. В связи с этим большая ответственность ложится на самих природопользователей, в чьем ведении находятся военные и оборонные объекты и объекты военной инфраструктуры. Сбирать и предоставлять сведения в государственный фонд данных о негативном воздействии опасных военных объектов на окружающую среду, полученные в процессе ведомственного (производственного) экологического контроля лежит в компетенции органов экологической безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации⁵. Минимизирует негативные факторы, в том числе экологические, военной службы, контролирует организацию безопасности военной службы специально созданная комиссия по безопасности военной службы⁶. А в случае отсутствия таких

¹ Анисимов А.П., Кодолова А.В. Правовой режим экологической информации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. №1(16). С. 69.

² Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

³ Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил размещения, обновления федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления или уполномоченными ими организациями информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или с помощью государственных и муниципальных информационных систем, в том числе содержания информации о состоянии окружающей среды (экологической информации) и формы ее размещения» // <https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2021/03/Proekt-postanovleniya-ot-01.03.2021.pdf>.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 1997 г. № 1425 «Об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды».

⁵ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. № 530 «Об утверждении Положения об органах экологической безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁶ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2015 г. № 444.

должностей в штате, командир воинской части назначает наиболее опытных офицеров для контроля хозяйственной деятельности, в том числе соблюдения правил экологической безопасности и охраны окружающей среды.

Важность открытости, достоверности и своевременности информации для охраны окружающей среды и реализации конституционных прав граждан, трудно переоценить. Принятый закон об экологической информации является еще одним шагом в реализации этого права и создания условий для того, чтобы все могли получать информацию о состоянии окружающей среды. Отсутствие достоверной информации об окружающей среде, и ее ограничение в отношении граждан и юридических лиц, в том числе в отношении специальных, режимных, военных, оборонных объектов наносит ущерб интере-

сам нашего государства. Ограничение круга лиц, имеющих доступ к данным, представляющим государственную тайну, не должно умялять, ущемлять, ставить в неравное положение граждан и всех заинтересованных лиц на неотъемлемое право жить в благоприятной и экологически безопасной окружающей среде.

Библиография

1. Анисимов, А.П. Правовой режим экологической информации / А.П. Анисимов, А.В. Кодолова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — № 1(16).
2. Смольяков, А.А. Механизмы реализации права человека на благоприятную окружающую среду / А.А. Смольяков // Закон. Право. Государство. — 2018. — № 1(17). — С. 112—121.
3. Мартиросян, В.С. Актуальные проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях / В.С. Мартиросян // Вестник военного права. — 2020. — № 3. — С. 20—23.

Военная служба, социальные гарантии и статус военнослужащих

О сроках обеспечения военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания

© **Александрова Наталья Геннадьевна**,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

© **Иванов Владимир Юрьевич**,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

© **Кириченко Николай Сергеевич**,
юрист

Аннотация. Одним из важных направлений социального обеспечения военнослужащих государством является реализация их права на получение жилого помещения для постоянного проживания. В статье рассмотрен вопрос нормативной регламентации сроков реализации такого права, а также сделаны рекомендации по совершенствованию законодательства Российской Федерации, регламентирующего данный вопрос, в целях повышения социальных гарантий военнослужащих

Ключевые слова: военная служба, обеспечение жильем военнослужащих, жилое помещение, социальные гарантии

About the terms of providing military personnel with living quarters for permanent provision

© **Alexandrova N.G.**,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Personnel, Legal and Psychological
Support of the Academy of the State Fire Service of
the Ministry of Emergency Situations of Russia

© **Ivanov V.Yu.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the Department Military University of the Ministry
of Defense Of the Russian Federation

© **Kirichenko N.S.**,
Lawyer

Abstract. One of the important directions of social security of military personnel by the state is the realization of their right to receive residential premises for permanent residence. The article considers the issue of regulatory regulation of the terms of implementation of such a right, and also makes recommendations for improving the legislation of the Russian Federation regulating this issue in order to increase social guarantees for military personnel

Keywords: military service, provision of housing for military personnel, living quarters, social guarantees

Одной из составляющей для счастья и успешности многих людей является наличие своего собственного жилья. Ведь не-

даром известная народная поговорка гласит, что в жизни нужно построить дом, вырастить сына и посадить дерево. То есть

наличие собственного дома (жилья) — это, как минимум, третья часть от того, что должно быть для чувства счастливой жизни.

Такое же важное значение жилью имеет и для военнослужащего, как служебное жилое помещение (предоставляемое на период прохождения военной службы), так и жилое помещение для постоянного проживания. Считаем важным отметить, что для многих военнослужащих возможность получения жилого помещения для постоянного проживания является основным стимулирующим фактором для длительного, добросовестного прохождения военной службы.

Вопросам реализации права военнослужащих на жилье посвящено большое количество научных работ российских ученых¹. При этом актуальность данной темы, как одной из составляющих военного права, не снижается².

¹ См. напр.: Кинашенко И.А., Корякин В.М. Правительство Российской Федерации уточнило порядок признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 12 (281). С. 44—50; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Иванов В.Ю. Об изменениях в федеральном законе «О статусе военнослужащих» в части порядка обеспечения жильем военнослужащих, ранее обеспеченных жилым помещением в качестве члена семьи другого военнослужащего // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 3 (272). С. 50—53; Свининных Е.А. О погашении регистрационной записи об ипотеке объекта недвижимости, приобретенного в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 45—51; Харитонов С.С., Миронов В.С. Об актуальности трактовки правовых предписаний в сфере жилищного обеспечения военнослужащих применительно к материалам военно-судебной практики // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 94—100; Харитонов С.С., Миронов В.С. О постановке военнослужащих на учет в качестве нуждающихся в получении жилых помещений: современные тенденции военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 9 (290). С. 76—91.

² См. напр.: Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М., 2021. Холиков И.В. История и теория военного права:

Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Пунктом 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Ведя речь о реализации права военнослужащих на получение жилья для постоянного проживания, можно условно выделить две формы реализации такого права, выбор которой зависит от определенных оснований, предусмотренных законодательством:

1) предоставление жилых помещений в порядке и на условиях, установленных Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (далее — Закон о статусе военнослужащих);

2) предоставление денежных средств средства на приобретение или строительство жилых помещений в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Установлены ли указанными законодательными актами сроки реализации пра-

первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222—228.

ва на жилище с момента волеизъявления военнослужащего о его предоставлении?

Например, согласно п. 3 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» выплата денежных средств для жилищного обеспечения, предусмотренные указанным Законом, производится в трехмесячный срок начиная со дня поступления в соответствующий федеральный орган исполнительной власти или федеральный государственный орган заявления в письменной форме от участника накопительно-ипотечной системы или членов его семьи с просьбой о получении выплаты.

А какой срок реализации права на получение жилого помещения для постоянного проживания в порядке, определенном Федеральным законом «О статусе военнослужащих»?

В соответствии с абз. третьим п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим-гражданам, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются субсидия для приобретения или строительства жилого помещения либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом по месту военной службы, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более — по избранному

месту жительства в соответствии с нормами предоставления площади жилого помещения, предусмотренными ст. 15.1 Закона о статусе военнослужащих.

Абзацем 17 п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих предусмотрено, что военнослужащие-граждане, проходящие военную службу по контракту, в период прохождения ими военной службы имеют право на улучшение жилищных условий с учетом норм, очередности и социальных гарантий, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с п. 17 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений либо жилые помещения в соответствии с указанным Федеральным законом вне очереди предоставляются военнослужащим-гражданам и гражданам, уволенным с военной службы, имеющим трех и более детей, а также военнослужащим-гражданам и гражданам, уволенным с военной службы, относящимся к иным категориям граждан, которым в соответствии с другими федеральными законами жилые помещения предоставляются вне очереди.

Таким образом, Законом о статусе военнослужащих определено, что военнослужащие и члены их семей обеспечиваются жилыми помещениями (денежной субсидией для его приобретения) для постоянного проживания в порядке очередности.

Касаемо срока предоставления жилых помещений следует указать, что Законом о статусе военнослужащих (абз. второй п. 1 ст. 15) определен срок предоставления служебных жилых помещений военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей, который составляет не более трех месяцев со дня прибытия на новое место военной службы. Однако предельный срок реализации права на получение жилого помещения для постоянного проживания законодательством не установлен. А есть ли необходимость установления такого срока?

Вопросы необходимости установления такого срока неоднократно рассматрива-

лись российскими учеными¹. Во всех работах мнение ученых сводится к одному — о необходимости его установления.

Например, до принятия действующего в настоящее время Закона о статусе военнослужащих п. 1 ст. 15 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. № 4338-1 «О статусе военнослужащих» (утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ) гарантировал военнослужащим и совместно проживающим с ними членам семей предоставление жилых помещений не позднее трехмесячного срока со дня прибытия к новому месту военной службы за счет государственного, муниципального и ведомственного жилищных фондов, переданных в пользование Министерству обороны Российской Федерации и другим министерствам и ведомствам Российской Федерации, в войсках которых они проходят военную службу. Причем в приведенной правовой норме шла речь как о служебных жилых помещениях, так и о жилых помещениях по договору социального найма. Разница состояла в том, что служебные жилые помещения полагались тем военнослужащим, которые прослужили менее пяти лет (не считая времени обучения в военных вузах), а жилые помещения по договору социального найма — прослужившим более пяти лет. Но в обоих случаях срок обеспечения военнослужащих жильем устанавливался следующий: не позднее трех месяцев с момента прибытия к новому месту военной службы. Обеспечение жильем в трехмесячный срок гарантировалось и гражданам, уволенным с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с органи-

зационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более. Указанный трехмесячный срок обеспечения жильем исчислялся со дня подачи командованием их заявления для включения в списки нуждающихся в улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, а реализация данного права возлагалась на органы местного самоуправления по избранному военнослужащему постоянному месту жительства (п. 6 ст. 15 Закона Российской Федерации 1993 г. «О статусе военнослужащих»).

Практика показывает, что срок ожидания в очереди для реализации права военнослужащего и членов его семьи на получение жилого помещения для постоянного проживания может длиться годами. К сожалению, некоторые граждане, уволенные с военной службы, стоящие в очереди на получение такого жилья (субсидии), умирают, так и не дождавшись желаемой жилой площади. Долгое ожидание наступления такой очереди со стороны как военнослужащих, так и уже уволенных с военной службы, воспринимается ими очень отрицательно. На большой срок такого ожидания прежде всего влияют трудности с финансированием.

По расчетным оценкам Минобороны России к 1 января 2019 г. на учете нуждающихся в постоянном жилье с формой обеспечения «жилищная субсидия» состояли свыше 23 тыс. военнослужащих. При этом количество военнослужащих, изъявивших желание получить жилищную субсидию, увеличивается и по прогнозным данным Департамента жилищного обеспечения Минобороны России к 1 января 2022 г. достигнет свыше 37 тыс. военнослужащих.

Аналогичная ситуация складывается в Росгвардии. По состоянию на 1 июня 2019 г. на учете нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания состоит 3 240 военнослужащих, из которых 1 648 необходимо предоставить жилищную субсидию на сумму 10,0 млрд руб. Недофинансирование Росгвардии в период 2019—2021 годов на выплату жи-

¹ См. напр.: Пантюхина Л.А. Страхование как один из возможных путей разрешения проблемы предоставления жилого помещения по договору социального найма // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 62—64.; Глухов Е.А., Шеншин В.М., Иванов В.Ю. Некоторые предложения по приведению структуры военной организации государства в соответствие с возлагаемыми задачами (или о военной службе в противопожарных формированиях) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 6. С. 82—88.

личной субсидии в период составляет 4,8 млрд. руб. (по 1,6 млрд руб. ежегодно).

Комитет Государственной Думы по обороне отмечает, что недофинансирование данных статей расходов ведет к ежегодному нарастающему увеличению роста очереди на обеспечение жильем и увеличению срока реализации военнотружущими своих жилищных прав и, как следствие, росту социальной напряженности, а также росту расходов на содержание военнотружущих, находящихся в распоряжении, которые подлежат увольнению, но не могут быть уволены без предоставления жилья (жилищной субсидии). Также, по мнению С.А. Нидер, несвоевременное предоставление военнотружущим, указанным в п. 1 ст. 15 Закона о статусе военнотружущих, государственных гарантий в сфере жилищного обеспечения в форме предоставления им жилищной субсидии (жилого помещения в собственность или по договору социального найма) ограничивает их конституционное право на жилище, приводит к социальной напряженности в семьях таких военнотружущих (Нидер С.А. Дифференциация жилищных прав военнотружущих в зависимости от доступной им в соответствии с законодательством формы их реализации // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2020. № 4. С. 23—29).

По мнению авторов, солидарному с другими учеными, необходимо законодательно установить предельный и разумный срок (например, не более одного года) обеспечения военнотружущих жилыми помещениями (денежной субсидией) с момента волеизъявления на реализацию такого права. Такие изменения, на наш взгляд, позволят повысить меры социальной защиты военнотружущих и соответственно будут являться дополнительным стимулирующим фактором.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Некоторые предложения по приведению структуры военной организации государства в соответствие с возлагаемыми задачами

(или о военной службе в противопожарных формированиях) / Е.А. Глухов, В.М. Шеншин, В.Ю. Иванов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 82—88.

2. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: Кнорус, 2021. — 228 с.

3. Кинашенко, И.А. Правительство Российской Федерации уточнило порядок признания военнотружущих нуждающимися в жилых помещениях / И.А. Кинашенко, В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 12 (281). — С. 44—50.

4. Кириченко, Н.С. Об изменениях в федеральном законе «О статусе военнотружущих» в части порядка обеспечения жильем военнотружущих, ранее обеспеченных жилым помещением в качестве члена семьи другого военнотружущего / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, В.Ю. Иванов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 3 (272). — С. 50—53.

5. Пантюхина, Л.А. Страхование как один из возможных путей разрешения проблемы предоставления жилого помещения по договору социального найма / Л.А. Пантюхина // *Российская юстиция*. — 2021. — № 2. — С. 62—64.

6. Свининых, Е.А. О погашении регистрационной записи об ипотеке объекта недвижимости, приобретенного в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнотружущих / Е.А. Свининых // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 45—51.

7. Нидер, С.А. Дифференциация жилищных прав военнотружущих в зависимости от доступной им в соответствии с законодательством формы их реализации / С.А. Нидер // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 4. — С. 23—29.

8. Харитонов, С.С. Об актуальности трактовки правовых предписаний в сфере жилищного обеспечения военнотружущих применительно к материалам военно-судебной практики / С.С. Харитонов, В.С. Миронов // *Военное право*. — 2021. — № 5 (69). — С. 94—100.

9. Харитонов, С.С. О постановке военнотружущих на учет в качестве нуждающихся в получении жилых помещений: современные тенденции военно-судебной практики // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение / С.С. Харитонов, В.С. Миронов. — 2021. — № 9 (290). — С. 76—91.

10. Холиков, И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование / И.В. Холиков // *Военное право*. — 2021. — № 5 (69). — С. 222—228.

Взыскание с военнослужащих денежных средств (по материалам судебной практики)

© Малаханов Александр Викторович,
юрист, подполковник запаса

© Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса, кандидат
юридических наук, профессор

Аннотация. В статье по материалам судебной практики военных судов рассмотрены вопросы взыскания с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, в качестве неосновательного обогащения необоснованно выплаченных сумм денежного довольствия.

Ключевые слова: военный суд, военнослужащие, денежное довольствие, взыскание, неосновательное обогащение, выплаты

Collection of monetary funds from military personnel (based on the materials of judicial practice)

© Malakhanov A.V.,
lawyer, reserve lieutenant colonel

© Kharitonov S.S.,
Colonel of Justice of the Reserve, Candidate of
Legal Sciences, Professor

Annotation. The article on the materials of the judicial practice of military courts considers the issues of recovery from military personnel and persons dismissed from military service, as unjust enrichment of unjustifiably paid amounts of monetary allowance.

Keywords: military court, military personnel, salary, collection, unjust enrichment, payments

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (далее — Закон о денежном довольствии) денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. С учетом законодательных ограничений на занятие военнослужащими иной деятельностью есть понимание необходимости исключения ошибок в деятельности воинских должностных лиц по практической реализации правовых норм в сфере финансового обеспечения военнослужащих. Однако на практике зачастую возникают ситуации, когда военнослужащему по тем или иным

причинам выплатили «лишние» (по мнению тех же представителей довольствующих органов) деньги и их необходимо вернуть, в том числе и с уже уволенных с военной службы. И тут начинает проявляться разночтение, различие в понимании и трактовке соответствующих правовых норм, что отражено и в научных публикациях¹.

¹ Зайков Д.Е. Взыскание с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных им денежных средств // Военное право. 2020. № 4 (68). С. 166—170; Корякин В.М. Гражданско-правовой институт «неосновательное обогащение» и специфика его применения в отношении военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7(288). С. 47—57; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях // Военно-юридический журнал. 2019. № 2. С. 7—10; Фатеев К.В. Увольнение с военной

Не вдаваясь в подробности теоретических споров о тождестве денежного довольствия военнослужащих и заработной платы, возможности их признания аналогичными по своему правовому значению, отметим, что подвел черту под дискуссиями Конституционный Суд России, который, руководствуясь принципом равенства и принимая во внимание как нормативное регулирование порядка осуществления дополнительного материального стимулирования, так и источника его финансирования, пришел к следующему выводу: «Дополнительное материальное стимулирование является периодической выплатой, предоставляемой военнослужащим за счет бюджетных средств, выделенных на денежное довольствие военнослужащих, и непосредственно обусловленной надлежащим исполнением ими своих служебных обязанностей. Несмотря на то, что Законом о денежном довольствии дополнительное материальное стимулирование к денежному довольствию военнослужащих непосредственно не отнесено, основания и условия предоставления указанной выплаты, характеризующие ее правовую природу, позволяют признать ее составным элементом системы оплаты воинского труда, входящим в состав денежного довольствия военнослужащих. Следовательно, денежное довольствие военнослужащих (соответственно, и все составные его части, включая дополнительное материальное стимулирование), являясь формой оплаты их труда, по смыслу подп. 3 ст. 1109 ГК РФ представляет собой платеж, приравненный к заработной плате»¹.

службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2002. № 7.; Феофанов О. Необоснованно выплаченное денежное довольствие. К вопросу о возмещении сумм ущерба // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 4. С. 13—15.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2021 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Носаева».

Приведенные далее судебные примеры подтверждают актуальность формирования единой судебной практики по взысканию с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных денежных средств.

1. *Денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, являясь формой оплаты их труда, представляет собой платеж, приравненный к заработной плате, который в случае неосновательного получения не подлежит возврату, за исключением случаев недобросовестности со стороны получателя и счетной ошибки.*

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, удовлетворено исковое заявление федерального казенного учреждения «Единый расчетный центр Минобороны России» (далее — ФКУ «ЕРЦ МО РФ») о взыскании с М. излишне выплаченной ежемесячной надбавки за выслугу лет за период с 11 по 16 ноября 2013 г. в размере 25 процентов оклада денежного содержания и за период с 17 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. в размере 30 процентов оклада денежного содержания, а всего на сумму 85 530 руб. 23 коп.

Определением Кассационного военного суда постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе М., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные решения отменила, а дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что М. проходил военную службу по призыву с декабря 1992 г. по июнь 1994 г. и по контракту — с мая 2003 г. по декабрь 2008 г., после чего был уволен в запас по истечении срока контракта. В октябре 2013 г. М. вновь поступил на военную службу по контракту. Приказом статсекретаря-заместителя Министра обороны Российской Федерации от 24 октября

2013 г. он был назначен командиром взвода воинской части, дислоцированной в г. Улан-Удэ Республики Бурятия, с указанием, что ответчик проходил военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации с декабря 1992 г. по декабрь 2012 г. На основании приказа статс-секретаря — заместителя Министра обороны Российской Федерации М. приказом командующего войсками военного округа от 1 февраля 2014 г. зачислен в списки личного состава воинской части с 11 ноября 2013 г. и ему установлена ежемесячная надбавка за выслугу лет в размере 30 процентов оклада денежного содержания. Приказом уполномоченного воинского должностного лица от 19 февраля 2015 г. М. уволен с военной службы по собственному желанию и на основании приказа командира воинской части от 10 марта 2015 г. исключен из списков части с 13 марта 2015 г.

Исходя из указанной в приказе от 24 октября 2013 г. выслуги лет ответчика, ему была выплачена ежемесячная надбавка за выслугу лет: за период с 11 по 16 ноября 2013 г. — в размере 25 процентов оклада денежного содержания; за период с 17 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. — в размере 30 процентов оклада денежного содержания. После внесения сотрудниками кадровых органов в систему программного обеспечения «Алушта» в феврале 2017 г. сведений о фактической выслуге лет М. в период с 11 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. финансовым органом была установлена переплата ежемесячной надбавки за выслугу лет в размере 85 530 руб. 23 коп.

После этого ФКУ «ЕРЦ МО РФ» обратилось в суд с исковым заявлением о взыскании с ответчика излишне выплаченной ежемесячной надбавки за выслугу лет.

Разрешая спор и удовлетворяя исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что выплата М. излишних денежных средств произошла вследствие счетной ошибки, обусловленной непреднамеренным отклонением должностных лиц Минобороны России от

правил внесения сведений о выслуге лет в систему программного обеспечения «Алушта». При этом суд указал в решении, что данных о недобросовестных действиях ответчика при получении надбавки не установлено.

С данным выводом согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. Однако такие выводы судов не соответствуют обстоятельствам дела.

В суде установлено, что ежемесячная надбавка за выслугу лет начислялась и выплачивалась М. в период с 11 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. на основании приказа командующего войсками военного округа от 1 февраля 2014 г.

В соответствии с ч. 2, п. 13 ч. 10 ст. 2 Закона о денежном довольствии военнослужащих ежемесячная надбавка за выслугу лет входит в состав денежного довольствия, которое в силу ч. 1 ст. 2 названного Закона является для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. Поскольку денежное довольствие представляет собой оплату воинского труда, то по своей правовой природе оно сопоставимо с заработной платой, которая в соответствии со ст. 129 ТК РФ представляет собой вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты. В соответствии с подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Следовательно, денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, являясь формой оплаты их труда представляет собой

платеж, приравненный к заработной плате, который в случае неосновательного получения не подлежит возврату, за исключением случаев недобросовестности со стороны получателя и счетной ошибки.

Таким образом, по данному делу юридически значимым являлось установление следующих обстоятельств: имела ли место со стороны М. недобросовестность в получении в период с 11 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. ежемесячной надбавки за выслугу лет в составе денежного довольствия и (или) имела ли место счетная ошибка.

Между тем суд первой инстанции, установив по результатам исследования доказательств отсутствие в действиях М. недобросовестности при получении ежемесячной надбавки за выслугу лет, вывод о счетной ошибке обосновал непреднамеренным отклонением должностных лиц от правил внесения сведений о выслуге лет в систему программного обеспечения «Алушта».

При этом суд оставил без внимания, что внесение сведений о выслуге лет ответчика произведено на основании приказа командующего войсками военного округа от 1 февраля 2014 г., которым М. установлена ежемесячная надбавка за выслугу лет в размере 30 процентов оклада денежного содержания. При таких обстоятельствах вывод судов о правомерности требований истца по возврату неосновательно полученной М. в период с 11 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. ежемесячной надбавки за выслугу лет в размере 30 процентов оклада денежного содержания нельзя признать обоснованным¹.

2. Неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, повлияло на расчет подлежащих возмещению денежных средств военнослужащим, окончившим военное

образовательное учреждение и уволенным с военной службы ранее срока, установленного контрактом о прохождении военной службы.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворено исковое заявление военного прокурора гарнизона, поданного в интересах Военной академии, в котором он просил взыскать с бывшего военнослужащего П. денежные средства, затраченные в период обучения на его военную и специальную подготовку в сумме 233 331 руб. 30 коп.

Апелляционным определением флотского военного суда решение в части размера взыскания денежных средств изменено по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что с 1 августа 2015 г. П. зачислен курсантом на первый курс филиала Военной академии, а 24 сентября 2016 г. заключил контракт о прохождении военной службы на период обучения и на пять лет после получения среднего профессионального образования. Заключая контракт о прохождении военной службы, ответчик взял на себя обязательство в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», возместить средства федерального бюджета, затраченные на его военную и специальную подготовку. После окончания названного филиала П. с 25 июня 2018 г. назначен на воинскую должность с присвоением воинского звания «мичман» и направлен для прохождения военной службы в воинскую часть, дислоцированную в г. Северодвинске Архангельской области. Однако 17 января 2019 г. П. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с невыполнением условий контракта и с 12 февраля 2019 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Таким образом, после окончания названной военной образовательной организации П. проходил военную службу в течение полных восьми месяцев.

Обязанность по возмещению средств федерального бюджета гражданами, обучавшимися в военных образовательных организациях и уволенными с военной

¹ Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 8 июня 2021 г. № 226 КГ21-1-К10 по исковому заявлению командира воинской части к М. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08062021-n-226-kg21-1-k10/> (дата обращения 10.11.2021).

службы ранее срока, установленного контрактом о прохождении военной службы, в том числе в связи с невыполнением условий контракта, установлена п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Согласно данной норме порядок исчисления размера возмещаемых средств этими гражданами определяется Правительством Российской Федерации. Соответственно, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2007 г. № 402 утверждена Методика исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку граждан Российской Федерации в военных профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования (далее — Методика).

Судом установлено, что расчет текущего значения суммы, подлежащей взысканию с П., был произведен в соответствии с подп. «а» п. 7 Методики как в отношении гражданина, отчисленного из военной образовательной организации за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться либо отказавшегося заключить контракт. Согласно решению гарнизонного военного суда с ответчика было взыскано 233 331 руб. 30 коп. — вся сумма, затраченная на его военную и специальную подготовку за 2 года и 8 месяцев обучения в филиале Военной академии, исходя из размера 87 390 руб. за каждый год обучения. При этом суд согласился с расчетом цены иска, которая была произведена должностными лицами филиала Военной академии.

Однако П. из указанной военной образовательной организации не отчислялся и после ее окончания в течение полных восьми месяцев проходил военную службу по контракту. Уволен он был с военной службы ранее срока, установленного контрактом, то есть до истечения пяти лет после получения им в филиале Военной академии среднего профессионального образования.

В соответствии с подп. «б» п. 7 данной Методики для граждан, окончивших военные образовательные организации и уволенных с военной службы ранее срока, установленного контрактом, текущее значение суммы подлежащих возмещению средств рассчитывается по иной формуле. При этом из значения суммы, определенной в случае отчисления из военной образовательной организации и рассчитанной на день выпуска из военной образовательной организации, которая и была взыскана гарнизонным военным судом с П., должна вычитаться определенная сумма, зависящая от времени, которое военнослужащий после окончания военной образовательной организации проходил военную службу.

Произведя соответствующие расчеты, флотский военный суд установил, что с П. в возмещение денежных средств, затраченных на его военную и специальную подготовку, надлежало взыскать 202 220 руб. 46 коп. Именно на эту сумму был удовлетворен иск военного прокурора судом апелляционной инстанции¹.

3. Течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

Решением гарнизонного военного суда отказано в связи с пропуском срока обращения в суд в удовлетворении искового заявления ФКУ «ЕРЦ МО РФ» о взыскании с М. излишне выплаченных в период с 11 ноября 2013 г. по 13 марта 2015 г. денежных средств в размере 75 330 руб. 23 коп.

¹ См.: Обзор практики применения военными судами в 2020 г. законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 09.06.2021. URL: http://severynfvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=330 (дата обращения: 09.11.2021); Обзор судебной практики военных судов Балтийского флота по рассмотрению административных и гражданских дел и материалов за первое полугодие 2020 г. (извлечение) URL: http://baltovs.kln.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=112 (дата обращения 09.11.2021).

Апелляционным определением окружного военного суда решение отменено, а дело направлено в этот же суд на новое рассмотрение исходя из следующего.

Отказывая в удовлетворении исковых требований в связи с пропуском срока обращения в суд, суд первой инстанции исходил из того, что о возникшей задолженности ФКУ «ЕРЦ МО РФ» должно было стать известно не позднее 1 января 2016 г., поскольку в соответствии с нормативными предписаниями финансовый контроль в ФКУ «ЕРЦ МО РФ» в 2016 г. должен осуществляться ежемесячно.

Согласно п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ. В силу п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. 20, 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга (ст. 203 ГК РФ). К действиям, свидетельствующим о признании долга в целях перерыва течения срока исковой давности, в частности, могут относиться: признание претензии; изменение договора уполномоченным лицом, из которого следует, что должник признает наличие долга, равно как и просьба должника о таком изменении договора (например, об отсрочке или о рассрочке платежа). Признание части долга, в том числе путем уплаты его части, не свидетельствует о признании долга в целом, если иное не оговорено должником. Перерыв течения срока исковой давности в связи с

совершением действий, свидетельствующих о признании долга, может иметь место лишь в пределах срока давности. По истечении срока исковой давности течение исковой давности начинается заново, если должник или иное обязанное лицо признает свой долг в письменной форме (п. 2 ст. 206 ГК РФ).

Как следует из материалов дела, М. подавал соответствующие рапорта, в которых выразил согласие на удержание из денежного довольствия указанных выше излишне выплаченных денежных средств: 28 марта 2017 г. — по 50 руб. ежемесячно, а 31 октября 2018 г. — по 1 000 руб. ежемесячно до погашения задолженности в сумме 80 830 руб. Такие удержания производятся ежемесячно с июня 2017 г.

В силу ст. 203 ГК РФ течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга. Такими действиями суд апелляционной инстанции признал обращения М. с рапортами, в которых он выразил согласие с удержанием излишне выплаченных денежных средств в сумме, превышающей оставшуюся часть задолженности на момент подачи иска. При изложенных обстоятельствах истец не пропустил предусмотренный ст. 196 ГК РФ срок исковой давности, поскольку совершение М. действий, свидетельствующих о признании им долга, имело место 31 октября 2018 г., то есть в пределах трехлетнего срока исковой давности (после 1 января 2016 г., когда финансовый орган должен был узнать об образовавшейся задолженности)¹.

¹ См.: Обзор практики применения военными судами в 2020 году законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 09.06.2021. URL: http://severnyfvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=330 (дата обращения: 11.11.2021); Обзор судебной практики 2-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке за первое полугодие 2020 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=394 (дата обращения 11.11.2021).

Библиография

1. Зайков Д. Е. Взыскание с военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, необоснованно выплаченных им денежных средств / Д. Е. Зайков // Военное право. — 2020. — № 4 (68). — С. 166—170.

2. Корякин В.М. Гражданско-правовой институт «неосновательное обогащение» и специфика его применения в отношении военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7(288). — С. 47—57.

3. Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О судебной практике в сфере материального обеспечения

подготовки граждан по основам военной службы в образовательных организациях / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 7—10.

4. Фатеев К.В. Увольнение с военной службы / К. В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2002. — № 4.

5. Феофанов О. Необоснованно выплаченное денежное довольствие. К вопросу о возмещении сумм ущерба / О. Феофанов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 4. — С. 13—15.

Проблемы гражданско-правовых ограничений и запретов в статусе военнослужащего

© **Потапов Михаил Григорьевич**,
профессор кафедры гражданского, доцент,
Новосибирский военный институт имени генера-
ла армии И.К. Яковлева войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье обозначены проблемы гражданско-правовых ограничений и запретов в статусе военнослужащего. Эти проблемы обусловлены научно-теоретическими и нормативно-правовыми вопросами понимания, видами, содержанием правового статуса физического лица и его правовых ограничений и запретов. Обращено внимание на неопределённость терминологического аппарата, касающегося правового статуса субъекта, гражданско-правовых ограничений и запретов в правах военнослужащих. Сделан вывод о необходимости внесения соответствующих дополнений и уточнений в Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» с целью исключения неоднозначного толкования ограничений и запретов в статусе военнослужащих.

Ключевые слова: гражданско-правовые ограничения и запреты, статус военнослужащих, научная деятельность, предпринимательская деятельность, научная и нормативная неопределённость, юридическая ответственность.

Problems of civil restrictions and prohibitions in the status of a soldier

© **Potapov M.G.**,
Professor of the Civil Department, Associate Profes-
sor, Novosibirsk Military Institute named after Gen-
eral of the Army I.K. Yakovlev of the troops of the
National Guard of the Russian Federation

Annotation. The article outlines the problems of civil law restrictions and prohibitions in the status of a serviceman. These problems are due to scientific, theoretical and regulatory issues of understanding, types, content of the legal status of an individual and his legal restrictions and prohibitions. Attention is drawn to the ambiguity of the terminological apparatus concerning the legal status of the subject, civil-legal restrictions and prohibitions in the rights of military personnel. It is concluded that it is necessary to make appropriate additions and clarifications to the Federal Law of 27.05.1998 N 76-FZ "On the status of military personnel" in order to avoid ambiguous interpretation of restrictions and prohibitions in the status of military personnel.

Keywords: civil law restrictions and prohibitions, the status of military personnel, scientific activity, entrepreneurial activity, scientific and regulatory uncertainty, legal responsibility.

Проблемы гражданско-правовых ограничений и запретов в статусе военнослужащих обусловлены научно-теоретическими и нормативно-правовыми вопросами понимания и содержания этих самых ограничений и запретов, а также пониманием, видами, содержанием правового статуса физического лица и военнослужащего. Поскольку ограничения и запреты применимы к правовому статусу субъекта, постольку прежде всего необходимо обозначить понимание последнего.

Правовой статус субъекта определяется как:

1) «... состояние, положение, ... совокупность общих прав, определяющих правоспособность, и основных прав и обязанностей, неотделимых от лиц, органов, организаций, юридических лиц»¹;

2) «... состояние, положение, ... правовое положение (совокупность предусмотренных законодательством прав и обязан-

¹ Ковалёв А.М. Статус // Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юрист, 2001. С. 1042

ностей) гражданина или юридического лица»¹;

3) «... состояние, положение — правовое положение гражданина либо юридического лица»²;

4) «... установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей»³;

5) «... система прав и обязанностей, законодательно закрепляемая государством в конституциях и иных нормативно-юридических актах»⁴;

6) «совокупность прав и обязанностей субъектов»⁵.

В приведённых трактовках понимания правового статуса субъекта просматривается три точки зрения. В одной из них правовой статус субъекта определяется как его правовое положение, в другой как его совокупность прав и обязанностей, в третьей как его правовое положение и совокупность прав и обязанностей.

По нашему мнению, в этих точках зрения нет принципиальных различий, поскольку правовое положение субъекта включает в себя его права и обязанности, а последние характеризуют его правовое положение. При этом необходимо учитывать, что, во-первых, и правовое положение субъекта, и его права и обязанности определяют конкретный вид правового статуса субъекта, и, во-вторых, к правам относятся возможности субъекта иметь льготы, компенсации и «стимулы», а к обязанностям субъекта в его статусе наряду с прочим относится также соблюдение ограничений и запретов, установленных соответствующими нормативными правовыми актами. В этой связи нельзя согласиться с мнением

исследователей о том, что существуют различия между правовым положением субъекта и его правовым статусом. В частности, исследователь К.Г. Шветова полагает, что «... понятие «правового статуса военнослужащего» не является идентичным понятию «правовое положение военнослужащего» и утверждает, что: «Понятие «правовое положение» шире, чем понятие «правовой статус»⁶. В чем же правовое положение субъекта объёмнее, чем его правовой статус? Правовой статус субъекта — это его юридическое положение и состояние, включающие права и обязанности соответственно в своей статике и динамике. Можно полагать, что есть формально-юридический статус субъекта, определяемый соответствующими нормативными правовыми актами, и есть реально-юридический статус субъекта, определяемый правовыми действиями субъекта по реализации соответствующих юридических норм.

Статика правового статуса субъекта устанавливается соответствующими нормативными правовыми актами, что позволяет говорить о формально-юридических его видах. Например, правовой или конституционно-правовой статус гражданина, его права и обязанности установлены Конституцией Российской Федерации, или правовой статус работника, сотрудника, работодателя, государственного, муниципального служащего, военнослужащего определяются соответствующими федеральными законами о труде и службе; правовой статус кредитора и должника, потребителя, заказчика, исполнителя, подрядчика установлен нормами гражданского законодательства. Определяющим является конституционный статус субъекта, поскольку он составляет правовую основу для иных видов правового статуса субъекта.

Динамика же правового статуса субъекта проявляется в реализации физическим лицом соответствующих законодательных норм, регламентирующих его юридические права и обязанности, что позволяет говорить о реально-юридическом статусе

¹ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: 1997. С. 426.

² Юридический энциклопедический словарь. Гл. ред. А.Я. Сухарев; Ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1984.

³ Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. Большой юридический словарь. М.: Издательство: Инфра-М. 2001. С. 525

⁴ Палехин М.В. К вопросу о гражданско-правовом статусе военнослужащего // Журнал «International scientific review». 2015. № 2.

⁵ Редких С.В. Понятие правового статуса: формально-правовой контекст // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 42—44.

⁶ Шветова К.Г. Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих // Военное право. 2014. № 3. С. 9.

субъекта. В частности, один и тот же субъект права в течение дня, недели, месяца или года может вступать в различные виды правовых отношений — конституционные, служебные, трудовые, семейные, гражданские, имущественные, неимущественные, финансовые, административные и т.д., реализуя при этом соответствующие нормы права. В этих видах правоотношений одно и то же физическое лицо может иметь и реализовывать различные виды правового статуса: избирателя, сотрудника или работника, служащего или военнослужащего, покупателя или продавца, заказчика, подрядчика, пассажира, перевозчика, должника, кредитора, нанимателя, наймодателя и др. При этом есть определённая последовательность в этих видах правовых статусов субъектов в зависимости от времени и места (пространства, территории) фактического нахождения, пребывания, физического существования.

Правовой статус военнослужащего возникает с началом военной службы, которое для граждан считается днём:

- 1) присвоения воинского звания рядового при призыве на военную службу;
- 2) вступления в силу контракта о прохождении военной службы;
- 3) зачисления граждан в списки военно-учебных заведений¹.

Правовой статус военнослужащего прекращается днём исключения его из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы, гибелью (смертью), признанием безвестно отсутствующим или объявлением умершим.

Под правовым статусом военнослужащего законодатель понимает совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными федеральными

ми конституционными законами и федеральными законами².

Правовые ограничения прав и свобод человека и гражданина предусмотрены п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, где говорится, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»³. Однако, во-первых, смысловая нагрузка слов в этом предложении нуждается в уточнении, поскольку необходимо понимать, что представляет собой цель обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе? Здесь термины: «цель обеспечения»; «должное признание и уважение прав и свобод других»; «удовлетворение справедливых требований морали»; «общественный порядок»; «общее благосостояние»; «демократическое общество» в научных источниках трактуются весьма абстрактно и неоднозначно, и потому официально не определяются в нормативных правовых актах. И, во-вторых, этот документ не ратифицирован и потому возникает вопрос о его действии на территории России.

Между тем можно полагать, что отдельные положения названной Всеобщей декларации прав человека имплементированы соответствующих статьях Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17); права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституци-

¹ Ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

² П. 1 и 2 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета от 05.04.1995. № 67.

онного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Приведённые конституционные нормы также нуждаются, во-первых, в официальном, законодательном определении терминов основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства, во-вторых, в уточнении пределов и критериев таких ограничений прав и свобод человека и гражданина, и, в-третьих, в правовом механизме их реализации.

Под ограничениями прав и свобод в правовом статусе субъекта можно понимать юридические пределы или границы возможностей субъекта, за которые он не вправе выходить, действовать. Очевидно, что, во-первых, жить в обществе и быть свободным от него невозможно, и, во-вторых, права и свободы человека, получаемые им «... по рождению, а не в силу его соответствующего воспитания, нравственной зрелости и моральной устойчивости, является одним из эффективных средств развития в нем сил стихийных, инстинктивных, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Очень точно выразили эту мысль американские писатели Д. Несбитт и П. Эбурдин: что сделают сумасшедшие и террористы, маньяки и властолюбцы, получив биотехнологические средства манипулирования? Нельзя давать знания и власть необученному этике»¹. Можно согласиться с мнением проф. А.И. Осипова в том, что:

1) свобода воли проявляется «... в нравственном самоопределении личности перед лицом добра и зла. Свобода воли является тем свойством, утрата которого приводит к полной деградации личности»²;

2) «... свобода духовная ... означает власть человека над своим эгоизмом, своими страстями, греховными чувствами, желаниями — над самим собой. Такая свобода приобретает только при правиль-

ной духовной жизни. Что это за жизнь, какие существуют в ней законы, по каким критериям можно судить о правильности или неверности ее, наконец, какие ступени проходит в ней человек, достигая такой свободы, — эти важные вопросы требуют, естественно, специального рассмотрения;

3) «... к категории свободы могут быть отнесены только те права, которые, с одной стороны, несут в себе высокие нравственные и духовные нормы жизни; с другой — максимально исключают возможность использовать их для причинения какого-либо морального, психического, физического или иного вреда кому или чему-либо: человеку, обществу, государству, природе, вещам, всякого рода деятельности»³;

4) «свободы и права — это лишь средства и условия создания такой нравственной и правовой атмосферы в обществе, которая способствовала бы духовному росту человека, а не опустошала его, не стимулировала страсти, убивающие душу и тело ...»⁴.

Права и свободы человека могут быть ограничены также и при введении в стране военного или чрезвычайного положения, а также в иных случаях, установленных законом. Так, согласно п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий вправе заниматься педагогической, научной и иной творческой деятельностью, однако далее в этой юридической норме обозначены ограничения, если эта деятельность не препятствует исполнению обязанностей военной службы и не финансируется исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства. Таким образом, военнослужащий имеет обозначенное право, но не в полном объёме, поскольку оно ограничено и имеет правовые пределы, границы.

Под запретами в юридическом статусе субъекта можно понимать отсутствие у него правовой возможности совершать какие-либо действия. Так, согласно п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий не вправе

¹ Цит. по: Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 250; Несбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждёт в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992.

² Осипов А.И. Указ. соч. С. 238.

³ Там же. С. 247—248.

⁴ Там же. С. 248.

заниматься предпринимательской деятельностью. Таким образом, военнослужащий не может быть предпринимателем, и соответственно не может иметь не только его прав, но и обязанностей и ответственности. В противном случае, для военнослужащего могут наступить неблагоприятные правовые последствия.

Перечень гражданско-правовых ограничений и запретов в статусе военнослужащего установлен в п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих». В частности, о чём уже говорилось, военнослужащий не вправе:

1) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы и не финансируется исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства;

2) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями, за исключением случаев, когда непосредственное участие в управлении указанными организациями входит в должностные обязанности военнослужащего, а также оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение.

В этом перечне ограничений обращает на себя внимание ряд терминов, в частности, финансирование научной деятельности военнослужащего исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства; предпринимательская деятельность. Следовательно, если научная деятельность военнослужащего не препятствует исполнению обязанностей военной службы и финансируется не исключительно или не только за счет средств иностранных государств, но и за счёт средств российского государства (вопрос также о процентном соотношении одних и других таких средств?), то в этом случае такая дея-

тельность военнослужащего будет правомерной и соответствующей закону.

Что касается понимания предпринимательской деятельности, которой военнослужащий не вправе заниматься, то она определяется в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, и под которой понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Ключевыми словами здесь являются слова: «деятельность, направленная на систематическое получение прибыли», или иначе «система действий, направленная на получение прибыли». При этом необходимо также учитывать виды прибыли: валовая; от продаж; чистая и т.д. Однако, что можно понимать под этими терминами, в том числе и под системой действий, направленной на получение прибыли, и есть ли ответ на данный вопрос в источниках права? По нашему мнению, система действий человека — это его неоднократные, повторяемые поступки, направленные на решение определённых задач для достижения конкретных материальных, духовных, профессиональных, служебных и прочих потребностей и целей. Прибыль представляет собой финансовые доходы за минусом расходов в процессе деятельности человека. Однако, если нет исчерпывающих, внятных и понятных ответов на эти вопросы в официальных нормативных регуляторах, то военнослужащий, совершая ряд действий, связанных с покупкой и продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг во внеслужебное время и систематически получая доход (прибыль), может стать нарушителем правовой нормы о запрете на предпринимательскую деятельность. Например, военнослужащий купил транспортное средство, затем продал его дороже, и в последующем совершил ещё ряд подобного рода действий в течение месяца, полугода, года или нескольких лет. Какой же период времени необходимо учитывать при совершении таких действий, где пределы и критерии по периоду такого времени, чтобы можно было бы говорить о системе действий? Или ещё один пример: военнослужащий передал своё жилое по-

мещение по договору найма за плату другому субъекту в силу того, что убыл в служебную командировку на длительный срок и нуждается в финансовых средствах. Будут ли в этом примере признаки предпринимательской деятельности?

Таким образом, гражданско-правовые ограничения и запреты в статусе военнослужащего весьма абстрактны, «размыты», и смысловое содержание их законодательно не определено. В условиях такого рода правовой неопределённости ограничений и запретов, привлечение военнослужащего к юридической ответственности за их нарушения может быть необъективным, неверным, ошибочным, произвольным, незаконным, по субъективному усмотрению управомоченного субъекта. Следовательно, законодателю необходимо внести соответ-

ствующие дополнения и уточнения в п. 7 ст. 10 Федеральный закон «О статусе военнослужащих» с целью исключения неоднозначного толкования ограничений и запретов в статусе военнослужащих.

Библиография

1. Осипов, А.И. Путь разума в поисках истины / А.И. Осипов. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
2. Палехин, М.В. К вопросу о гражданско-правовом статусе военнослужащего / М.В. Палехин // Журнал «International scientific review». — 2015. — № 2.
3. Редких, С.В. Понятие правового статуса: формально-правовой контекст / С.В. Редких // Проблемы в российском законодательстве. — 2009. — № 3. С. 42—44.
4. Шветова, К.Г. Ограничения и запреты в структуре правового статуса военнослужащих / К.Г. Шветова // Военное право. — 2014. — № 3.

Безопасность военной службы в аспекте реализации социальных гарантий на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья военнослужащих

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник ФГБУ «ГНИИИ ВМ» МО
РФ, Санкт-Петербург

Аннотация. В настоящей статье показано, что декларированные военнослужащим на федеральном уровне гарантии на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья в настоящее время в Вооруженных силах Российской Федерации не могут быть реализованы в полной мере по причине несовершенства как концепции безопасности военной службы, так и механизма ее реализации. Для устранения дискриминации социальных гарантий военнослужащих, по мнению авторов статьи, необходима гармонизация ведомственных документов Министерства обороны Российской Федерации с нормативными правовыми и иными актами, регламентирующими вопросы гигиены и безопасности труда.

Ключевые слова: безопасность, военная служба, труд, факторы военной службы, факторы производственной среды: вредный, опасный, охрана жизни и здоровья, социальные гарантии, гигиена.

Security of military service in the aspect of the implementation of social guarantees for safe work, for the protection of life and health of military personnel

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medical Sciences, retired Colonel of the
Medical Service, Senior Researcher at the FSBI
"GNII VM" of the Ministry of Defense of the
Russian Federation, St. Petersburg

Annotation. This article shows that the guarantees declared to military personnel at the federal level for safe work, for the protection of life and health currently in the Armed Forces of the Russian Federation cannot be fully implemented due to the imperfection of both the concept of security of military service and the mechanism of its implementation. In order to eliminate discrimination against social guarantees of military personnel, according to the authors of the article, it is necessary to harmonize departmental documents of the Ministry of Defense of the Russian Federation with regulatory legal and other acts regulating occupational health and safety.

Keywords: safety, military service, labor, factors of military service, factors of the production environment: harmful, dangerous, protection of life and health, social guarantees, hygiene

Военная служба представляет собой особый вид федеральной государственной службы, предполагающей исполнение военнослужащими обязанностей либо по подготовке, либо непосредственно по вооруженной защите Российской Федерации.

Характерными особенностями этого вида деятельности являются:

— необходимость беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях (в любое время суток, в любое время года, при любых обстоятельствах и пр.);

— высокая вероятность действовать с риском для собственной жизни;

— необходимость выполнения

обязанностей в военное время, в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах¹.

В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии, в том числе дополнительные — при исполнении воинского долга в военное время, в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах.

Социальная защита военнослужащих предусматривает, в частности, охрану жизни и здоровья, но при условии обязательности знания и соблюдения ими требований безопасности военной службы, заботы о сохранении своего здоровья. Помимо этого, военнослужащие, исходя из специфики возложенных обязанностей, обладают правами и свободами человека и гражданина, но с некоторыми ограничениями, установленными федеральными законами. Так, например, право военнослужащих на труд реализуется посредством прохождения ими военной службы, время пребывания на которой (как по контракту, так и по призыву) засчитывается в общий трудовой стаж и в стаж работы по специальности. Время прохождения военной службы на должностях, связанных с повышенной опасностью для жизни и здоровья, засчитывается в специальный трудовой стаж при установлении пенсии по старости в связи с особыми условиями труда или пенсии за выслугу лет, если эти должности включены в соответствующие перечни, утвержденные Правительством Российской Федерации

Итак, каждый военнослужащий, несмотря на специфику военной службы, о чем говорилось выше, имеет право, хоть и с большими ограничениями, на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья, которые реализуются посредством организации безопасности военной службы.

Целью проведенного исследования явилось установление доказательств реализации в полном объеме декларированных военнослужащим на федеральном уровне социальных гарантий на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья. Нами был изучен и проанализирован пакет документов, находящихся в открытом до-

студе, регламентирующих требования безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, требования гигиены и безопасности труда. Установлено, что военнослужащие Вооруженных Сил в период прохождения военной службы ущемлены в социальных гарантиях, регламентированных на федеральном уровне: права на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья не могут быть реализованы во всей полноте по причине несовершенства механизма реализации (безопасности военной службы).

Полагаем, что логично приступить к изучению настоящего вопроса с рассмотрения понятийного аппарата. Оказалось, что ситуация с этим вопросом совсем непростая, скорее даже сложная: по состоянию на сегодняшний день одновременно легитимны два определения понятия «безопасность военной службы», введенных в действие разными документами с разницей в одиннадцать лет: это Указ Президента Российской Федерации 2007 г. и указание первого заместителя Министра обороны Российской Федерации 2018 г.¹ Итак, по состоянию на сегодняшний день безопасность военной службы определяется как:

— поддержание в полку (подразделении) условий военной службы и порядка ее несения, обеспечивающих защищенность личного состава и каждого военнослужащего в отдельности, а также местного населения, его имущества и окружающей среды от воздействия опасных факторов военной службы, возникающих в ходе повседневной деятельности полка (подразделения);

— условия военной службы, при которых воздействие на осуществляющего профессиональную служебную деятельность военнослужащего вредных и (или) опасных факторов военной службы ис-

¹ Методические рекомендации по организации и выполнению мероприятий повседневной деятельности в соединениях и воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации. Служба войск и обеспечение безопасности военной службы. Для изучения и применения в соответствии с указанием первого заместителя Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 205/2/585.

ключено, либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов.

Легко обнаружить, что со временем представление о рассматриваемом виде деятельности сильно изменилось, что само по себе уже вызывает противоречивые чувства¹, но это не самое главное. Озабоченность должна вызывать, на наш взгляд, «неизменная величина» этого понятия: в обоих определениях речь идет не об охране жизни и здоровья военнослужащих (как это декларируется на федеральном уровне), а только о защите от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы, что, согласитесь, не одно и то же. Такая неожиданная и необычная стратегия руководства Минобороны России имеет, на наш взгляд, определяющее как теоретическое, так и прикладное значение с далеко идущими негативными последствиями априори неадекватно протекающего процесса: цель и смысл всей деятельности по обеспечению безопасности военной службы заключаются не в сохранении здоровья исходно призванного здорового военнослужащего, а в контроле за уровнем вредных и (или) опасных факторов военной службы. Военнослужащий с его жизнью и здоровьем остался за форматом декларированных социальных гарантий. Закономерно, что эта стратегия нашла свое отражение в механизме реализации безопасности военной службы.

Рассмотрим эту гипотезу.

Как известно, военная служба начинается с контракта, заключаемого между гражданином (иностранным гражданином) и Минобороны России (иным федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом) по типовой форме. Этот документ, помимо всего прочего, содержит раздел «Условия контракта», в котором, в частности, фиксируется право военнослужащего «... на соблюдение его прав, установленных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации,

определяющими статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы, включая получение социальных гарантий»². Формулировка стандартная, но весьма расплывчатая, так как не раскрывает сути проблемы: кандидат в военнослужащие, поступая на военную службу, представляющей собой особый вид деятельности, в конкретной должности, не получает хоть сколько-нибудь исчерпывающую информацию по следующим важным вопросам, волнующим как его самого, так и его родственников:

1) какие конкретно вредные и (или) опасные факторы военной службы будут присутствовать на его рабочем месте;

2) какой в случае наличия обстоятельств, названных выше, будет нанесен ущерб его здоровью (а возможно и жизни);

3) какие мероприятия по безопасности военной службы будут проводиться на его рабочем месте с целью приведения условий военной службы в соответствие с требованиями нормативных правовых и иных актов (конкретные социальные гарантии).

Как известно, именно эти вопросы раскрываются работодателем в трудовом договоре в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ), что и реализуется в отношении лиц гражданского персонала. Принимая во внимание тот факт, что прохождение в Российской Федерации военной службы осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в области военной службы и статуса военнослужащих, а также с международными договорами Российской Федерации в указанной области, можно предположить, что многие положения ТК РФ не только могут, но и должны распространяться (конечно, с учетом специфики военной службы) и на военнослужащих. Но пока вся информация по безопасности военной службы применительно к конкретному рабочему месту

¹ Юдин А.Б., Цуциев С.А. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // Вестник Академии военных наук. 2021. № 1(74). С. 95—102.

² Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

(воинской должности) для кандидата в военнослужащие остается «tetra incognita». Впрочем, есть исключение из правила: согласно законодательству о военной службе Министр обороны Российской Федерации, руководитель федерального органа исполнительной власти или федерального государственного органа, в котором предусмотрена военная служба, вправе указать в типовой форме контракта конкретные права военнослужащих, предусмотренные законодательством Российской Федерации, обусловленные особенностями их военной службы. Однако на практике данное право не реализуется.

Таким образом, кандидат в военнослужащие (военнослужащий) при заключении контракта не получает необходимой информации об условиях и характере предстоящей военной службы (вредных и опасных факторах), профессиональных рисках, об установленных в этой связи социальных гарантиях. Этим самым он (даже не приступив к исполнению воинских обязанностей) уже оказывается ущемленным в правах на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья.

А как дела обстоят с реализацией социальных гарантий, с безопасностью военной службы уже после заключения контракта по месту исполнения воинского долга? Оказалось, что несмотря на тщательную проработку этого вопроса как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, есть еще вопросы, требующие своего незамедлительного разрешения.

На первый взгляд, все обстоит весьма достойно: имеются необходимые руководящие документы¹ и исследования², отрабатывается достаточно большое количе-

ство планирующих документов, записей данных по результатам проделанной работы, задействованы практически все начальники и должностные лица всех уровней в полку (учреждении). Изучение и детальный анализ многочисленных мероприятий по планированию и проведению мероприятий по безопасности военной службы подтвердили ранее озвученную гипотезу: смысл всей этой деятельности сводится к выявлению (уточнению), анализу и прогнозу *вредных и (или) опасных факторов военной службы*. На основании полученных результатов разрабатываются (уточняются) меры по их ограничению (нейтрализации). К сожалению, охрана жизни и здоровья военнослужащих по-прежнему остаётся «в тени».

Тем не менее, продолжим далее анализ определений основных понятий.

Установлено, что:

— *вредный фактор военной службы* — фактор, воздействие которого на осуществляющего профессиональную служебную деятельность военнослужащего может привести к его заболеванию;

— *опасный фактор военной службы* — фактор, воздействие которого на осуществляющего профессиональную служебную деятельность военнослужащего может привести к травме, либо иному причинению вреда здоровью военнослужащего, в том числе повлекшему его гибель, а также к катастрофе, аварии или поломке вооружения, военной и специальной техники.

Сразу возникает масса вопросов, на которые мало кто в воинской части из должностных и начальствующих лиц даст вразумительный ответ: Где взять перечень вредных и (или) опасных факторов военной службы (не путать с трудовым процессом)? Как определить: вредный или опасный? Почему такие разные критерии: для вредных факторов — возникновение заболевания у военнослужащего, а у опасного — помимо травм, отравлений и гибели военнослужащих, еще и аварии, поломки и пр. вооружения, военной и специальной техники? И т.д., и т.п. Но согласитесь, такое положение дел — не вина, а беда командиров и начальников. Дело в том, что

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2015 г. № 444 «Об утверждении Руководства по обеспечению безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

² См., например: Фатеев К.В. Правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03. М.: Воен. ун-т, 2005; Фатеев К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2005. № 1.

понятия «вредный» и «опасный» фактор являются производными величинами от гигиенического нормирования: они характеризуют степень воздействия фактического уровня фактора внешней среды на состояние здоровья (работоспособность, жизнь). Гигиенические нормативы условий труда, как известно, представляют собой уровни факторов рабочей среды, которые при ежедневной (кроме выходных дней) работе в течение 8 ч, но не более 40 ч в неделю, в течение всего рабочего стажа не должны вызывать заболеваний или отклонений в состоянии здоровья, обнаруживаемых современными методами исследований, в процессе работы или в отдаленные сроки жизни настоящего и последующих поколений¹. Совершенно очевидно, что идентификация фактора в качестве вредного и (или) опасного предполагает проведение соответствующих инструментальных (лабораторных) измерений (исследований). А это возможно только с помощью испытательной лаборатории, имеющей соответствующие оборудование, персонал, методики и пр., которой в полку (учреждении), как известно, нет, да и не было. У должностных лиц, реализующих мероприятия безопасности военной службы в воинской части, имеется самый простой диагностический аппарат — визуальный, в основе которого заложена деятельность органов чувств проверяющего. Однако, не все можно увидеть, услышать, обонять, осязать и пр. Еще более трудная задача — дифференциация факторов на вредные и опасные, что, в принципе, при помощи такого «инструмента» невозможно. В результате мы приходим к малоутешительному выводу: основное содержание безопасности военной службы — защита от воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы не может быть выполнена в полку (учреждении) во всей полноте по причине отсутствия соответствующих ресурсов: имеются в наличии только визуальные методы исследований, а требуются — инструментальные (лабораторные).

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда».

Таким образом, декларированные военнослужащему социальные гарантии на безопасный труд, на защиту жизни и здоровья априори не могут быть реализованы, так как это не является непосредственно целью безопасности военной службы, а механизм реализации не предполагает проведения в полку (учреждении) каких-либо серьезных исследований. Предпочтение отдается исключительно визуальным методам. Есть все основания полагать, что это не случайно, а «цепь» последовательно реализуемых мероприятий. Например, документально определено: общими условиями обеспечения безопасности военной службы в воинской части являются, в частности,

- а) поддержание воинской дисциплины;
- б) обеспечение удовлетворительного морально-психологического состояния и состояния здоровья военнослужащих;
- в) обеспечение пожарной безопасности;
- г) соблюдение, определенных УВС ВС РФ правил внутреннего порядка;
- д) обеспечение социальной защиты военнослужащих в соответствии с требованиями федеральных законов и иных нормативных правовых актов;
- ж) обеспечение удовлетворительного санитарно-эпидемического состояния полка.

Очевидно, изучение и анализ состояния перечисленных выше видов деятельности не предполагает с целью объективизации чувственных ощущений контролирующего лица проведения инструментальных (лабораторных) исследований. Тем более, что в качестве количественных показателей анализа состояния безопасности военной службы приняты:

- а) гибель (смерть) военнослужащих при исполнении обязанностей военной службы;
- б) получение военнослужащими увечий (ранений, травм, контузий) с трудовыми потерями при исполнении обязанностей военной службы;
- в) причинение вреда жизни, здоровью, имуществу местного населения и окружающей среде в ходе повседневной деятельности воинской части (организации).

Эти показатели не предполагают никаких дополнительных подтверждений их состоятельности, так как они свидетельствуют о завершенности процесса. Не случайно нарушение требований безопасности военной службы рассматривается как нарушение требований, установленных законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, нормативно-технической документацией к образцам вооружения, военной и специальной техники, в результате которого военнослужащий погиб или получил увечье (ранение, травму, контузию). Иными словами, если в воинской части (учреждении) в отчетном периоде нет случаев гибели военнослужащих, травм, отравлений, аварий, поломок техники и пр., то, соответственно, нет и нарушений требований безопасности военной службы, а для военнослужащих созданы безопасные условия военной службы. Все очень легко и понятно. А как быть, если в процессе планового медицинского освидетельствования, например, у военнослужащего — оператора радиолокационной станции выявлены нарушения состояния здоровья, но пока еще не явные (нет нарушений ни структуры, ни функций организма), а только на уровне биохимических и клинических исследований. Этот случай не вписывается в классическое представление о соблюдении (несоблюдении) требований безопасности военной службы. Возьмем другой пример: на рабочем месте военнослужащего — водителя автомобиля инструментальным методом обнаружены небольшие превышение предельно-допустимой концентрации содержания отработавших (выхлопных) газов (по СО, СО₂). Визуальный осмотр рабочего места никаких несоответствий не выявил; со стороны водителя жалоб на загазованность в кабине автомобиля не поступало; случаев аварий, отказов и пр. не зафиксировано. Как быть в этой ситуации? Исчерпывающего ответ пока мы не найдем.

Предлагаемая в действующих нормативных правовых и иных актах Минобороны России к реализации модель безопасности военной службы является устаревшей, не соответствует потребностями со-

временных армии и флота: даже в условиях мирного времени имеет место большое количество травм, отравлений и даже гибели военнослужащих. Она не может в полной мере гарантировать военнослужащим ни права на безопасный труд, ни права на охрану жизни и здоровья. Полагаем, что сложившуюся ситуацию можно расценивать как ущемление социальных гарантий военнослужащих. Кроме того, считаем, что решение рассматриваемого вопроса в официально установленном формате, мягко говоря, не соответствует требованиям современных систем управления организационными процессами (качеством, охраной труда, экологической безопасностью).

Считаем, что современная организационная модель безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации должна основываться на системном и процессном подходах, а акцент должен быть сделан на выявлении опасностей и оценке профессиональных рисков, на разработке на этой основе предупреждающих и корректирующих действий, исключающих недопустимые риски. Для этих целей уже давно разработаны и апробированы, в частности, специальная оценка условий труда на рабочих местах (СО-УТ; до 1 января 2014 г. — аттестация рабочих мест по условиям труда)¹ и производственный контроль за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий², которые позволяют профессионально на системной основе выявлять вредные и опасные факторы трудового процесса и контролировать их дина-

¹ Приказ Минтруда России от 24 января 2014 г. № 33н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении СОУТ».

² Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; СП 1.1.1058-01 «Организация и проведение производственного контроля за соблюдением санитарных правил и выполнением санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 13 июля 2001 г. № 18.

мику. В целом, результаты проведения СОУТ могут применяться для:

- разработки и реализации мероприятий, направленных на улучшение условий труда работников;

- информирования работников об условиях труда на рабочих местах, о существующем риске повреждения их здоровья, о мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов и о полагающихся работникам, занятым на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, гарантиях и компенсациях;

- обеспечения работников средствами индивидуальной защиты, а также оснащения рабочих мест средствами коллективной защиты;

- осуществления контроля за состоянием условий труда на рабочих местах;

- установления работникам предусмотренных ТК РФ гарантий и компенсаций;

- решения вопроса о связи возникших у работников заболеваний с воздействием на работников на их рабочих местах вредных и (или) опасных производственных факторов, а также расследования несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

По результатам проведения СОУТ устанавливаются классы (подклассы) условий труда на рабочих местах. В качестве контрольной группы можно рассматривать лиц гражданского персонала воинской части (учреждения), находящихся под юрисдикцией трудового законодательства, для которых проведение и СОУТ, и производственного контроля является строго обязательным.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно положение Федерального закона «О статусе военнослужащих», имеющее, на наш взгляд, важное прикладное значение: военнослужащим, проходящим военную службу на воинских должностях, связанных с повышенной опасностью для

жизни и здоровья, федеральными законами устанавливаются дополнительные социальные гарантии и компенсации. Перечни указанных воинских должностей определяются Минобороны России (иным федеральным органом исполнительной власти). Иными словами, в Вооруженных Силах назначение этих «бонусов» до сих пор осуществляется автоматически по ранее разработанным и утвержденным спискам, без какого-либо документального подтверждения актуальности повышенной опасности для жизни и здоровья военнослужащего. Федеральный закон еще в 2014 г. установил назначение (отмену) социальных гарантий и компенсация в зависимости от результатов СОУТ. Списки являются лишь основанием для проведения инструментальных исследований.

Полагаем, что только при таком подходе органы военного управления смогут реализовать социальные гарантии военнослужащих на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья в полном объеме. А пока все это остается за форматом безопасности военной службы и, соответственно, есть все основания считать военнослужащих ущемленными в названных выше социальных правах, что, априори, недопустимо.

Проведенное исследование показало, что военнослужащие, выполняющие свой воинский долг в силу всем известных причин в непростых условиях, ущемлены в своих социальных правах: декларированные на федеральном уровне гарантии на безопасный труд, на охрану жизни и здоровья, даже с ограничениями, не могут быть реализованы на ведомственном уровне в полном объеме. Основная причина создавшейся ситуации — несовершенство системы безопасности военной службы ни в методологическом, ни в прикладном отношении. Как результат, объектом изучения и оценки в этой системе является не здоровье исходно призванного здорового военнослужащего, а вредные и (или) опасные факторы военной службы. К сожалению, в воинской части (учреждении) органы военного управления в настоящее время не располагают необходимыми ресурсами для идентификации вредных и

(или) опасных факторов (законодательно не предусмотрено), сводя эту деятельность к обычной формальности. Кроме того, в основе действующей системы безопасности военной службы заложен «реактивный» метод управления (устранение недостатков неадекватно протекающего процесса), не позволяющий работать на «опережение», прогнозировать конечный результат.

Полагаем, пришло время гармонизировать систему безопасности военной службы в Вооруженных Силах, с учетом ее специфики, с нормативными правовыми и иными актами Российской Федерации в сфере гигиены и безопасности труда. Современная модель безопасности военной службы должна основываться на системном и процессном подходах, а акцент должен быть сделан на выявлении опасностей и оценке профессиональных рисков, на разработке на этой основе предупреждающих и корректирующих действий, исключая недопустимые риски («проактивный» метод управления, позволяющий прогнозировать конечный результат). Целью всей деятельности по организации безопасности военной службы должно стать сохранение здоровья здорового во-

еннослужащего, а не «практически здорового», способного еще исполнять служебные обязанности, но уже под контролем и с помощью разнообразных медицинских мероприятий.

Библиография

1. Григорьев, С.М. Актуальные вопросы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации / С.М. Григорьев // Человеческий капитал. — 2016. — № 5 (89). — С. 32—33.
2. Доценко, С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы / С.А. Доценко // Человеческий капитал. — 2016. — № 11 (95). — С. 16—17.
3. Марков, А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы / А.В. Марков // Научный резерв. — 2018. — № 3. — С. 103—107.
4. Фатеев, К.В. Правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / К.В. Фатеев. — М.: Воен. ун-т, 2005.
5. Фатеев К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации / К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. — 2005. — № 1.
6. Юдин, А.Б. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // А.Б. Юдин, С.А. Цуциев / Вестник Академии военных наук. — 2021. — № 1(74). — С. 95—102.

Правовое обеспечение обучения и воспитания военнослужащих

Правовое обучение личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации: новое правовое регулирование

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук доцент кафедры «Гражданское право, международное частное право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Развитие правовой грамотности и правосознания граждан является важной задачей проводимой государственной политики, направленной на формирование высокой правовой культуры, обеспечивающей реализацию важнейших ценностей и принципов жизни общества, прав, свобод и законных интересов граждан. В статье автор рассматривает новое правовое регулирование института правового обучения, имеющего своей целью формирование теоретической основы правового сознания и повышения правовой культуры личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое обучение, правовая культура, военнослужащие, правовой минимум, проверка правовых знаний.

Legal training of personnel of the Armed Forces of the Russian Federation: new legal regulation

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Private International Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. The development of legal literacy and legal awareness of citizens is an important task of the state policy aimed at the formation of a high legal culture that ensures the implementation of the most important values and principles of society, rights, freedoms and legitimate interests of citizens. In the article, the author examines the new legal regulation of the institute of legal education, which aims to form the theoretical basis of legal consciousness and improve the legal culture of the personnel of the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: legal training, legal culture, military personnel, legal minimum, verification of legal knowledge.

Одной из актуальных проблем современного общества и государства является низкий уровень правосознания граждан, что оказывает крайне негативное влияние на все сферы их деятельности.

Отсутствие должной правовой культуры, надлежащего правового воспитания, правовых традиций, обеспечиваемых не только и не столько силой, сколько пониманием необходимости поддержания и утверждения складывающихся веками правил поведения, обусловленных не

только целесообразностью и справедливостью, но моралью, законами человеческого и природного бытия, создает вакуум, который успешно заполняется правовым инфантилизмом, нигилизмом, дилетантизмом¹. В указанных условиях недопущение

¹ Зайков Д.Е. Юрико-технические недостатки правовых актов // Законодательство. 2014. № 1. С. 68; Корякин В.М. Военное право и правосознание военнослужащих // Военное право. 2021. № 4. С. 49—55.

развития такой ситуации, ее предупреждение является важнейшей задачей государства.

Основами государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденными Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. Пр-1168 (далее — Основы), предусмотрено, что государство создаёт условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан, их осведомлённость о характере, способах и пределах осуществления и защиты их прав, охраняемых законом интересов в административном и судебном порядке, а также доступ граждан к квалифицированной юридической помощи. Важнейшей задачей государства является также пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств.

При этом в ст. 17 Основ в качестве одной из мер государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан названо дополнительное обучение государственных служащих, направленное на совершенствование правовой культуры.

В Вооруженных Силах указанные отношения урегулированы Инструкцией по правовому обучению в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2021 г. № 250 (далее — Инструкция 2021 г.). Указанный правовой акт заменил ранее действовавшую Инструкцию по правовому обучению в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденную приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 декабря 2013 г. № 878 (далее — Инструкция 2013 г.).

Необходимость в новом регулировании правового обучения в Вооруженных Силах Российской Федерации обусловлена проведенными организационно-штатными

изменениями в Минобороны России¹, потребностью в совершенствовании регламентации правового обучения, а также введением института военно-политической подготовки² взамен общественно-государственной подготовки³.

Важнейшим отличием Инструкции 2021 г. является изменение подхода к определению содержания правового обучения.

Согласно п. 2 указанного правового акта правовое обучение представляет собой целенаправленный, планомерный и организованный процесс информационно-ознакомительного воздействия в целях формирования теоретической основы правового сознания, повышения правовой культуры, а также совершенствования правовых знаний личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации⁴.

Сравнение правового обучения с военно-политической подготовкой приводит к выводу о их соотношении как частного и общего.

Так, правовое обучение является неотъемлемой составной частью подготовки личного состава Вооруженных Сил, на изучение тем правовой направленности отводится не менее 20 процентов от общего числа часов, предусматриваемых для военно-политической подготовки.

При этом если правовое обучение является основной формой правового воспитания

¹ Создание в 2018 г. Главного военно-политического управления Вооруженных Сил Российской Федерации.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 95 «Об организации военно-политической подготовки в Вооруженных Сил Российской Федерации».

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 170 «Об организации общественно-государственной подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁴ Инструкция 2013 г. под правовым обучением понимала систему мероприятий по правовой культуре и правовому воспитанию военнослужащих и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил.

Согласно ст. 77 УВС ВС РФ правовое обучение (правовое воспитание) направлено на усвоение военнослужащими установленного правового минимума и норм международного гуманитарного права.

тания личного состава Вооруженных Сил¹, то военно-политическая подготовка — важнейшей формой его правового воспитания².

Правовоспитательная деятельность в первую очередь призвана содействовать формированию духовного фундамента в сознании людей, который предопределил бы необходимое и четкое соблюдение правовых норм в обществе, обеспечил бы основу сознательной реализации права³.

В Инструкции 2021 г. нашел отражение более методически проработанный подход к теоретическим основам правового обучения.

Так, основными задачами правового обучения определены:

— развитие в Вооруженных Силах системы нравственно-правовых ценностей и принципов;

— передача, усвоение и накопление теоретического материала правовой направленности;

— формирование у личного состава Вооруженных Сил правосознания, способствующего умению использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности;

— укрепление законности и правопорядка в Вооруженных Силах.

В качестве основных принципов правового обучения выступают:

— плановость и последовательность процесса правового обучения;

— обеспечение системного и комплексного подхода;

— дифференцированность по категориям личного состава Вооруженных Сил;

— использование правового опыта должностных лиц, занимающихся правоприменительной практикой;

— компетентность руководителей занятий.

Правовое обучение организуется в процессе повседневной деятельности войск (сил), выполнения боевых (учебно-боевых) задач и исполнения служебных (трудовых) обязанностей.

Инструкция 2021 года закрепила три уровня руководства правовым обучением, что позволяет дифференцировать компетенцию и ответственность в указанной сфере отношений между воинскими должностными лицами.

Общее руководство правовым обучением возложено на Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации.

Руководство правовым обучением в подчиненных войсках (силах) осуществляют главнокомандующие видами Вооруженных Сил Российской Федерации, командующие войсками военных округов, Северным флотом, родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации и руководители центральных органов военного управления.

Непосредственное руководство правовым обучением в воинской части возложено на ее командира, который должен обеспечивать:

— возможность использования всех форм правового обучения;

— эффективность руководства и контроля за процессом правового обучения;

— оптимальность планирования и систематическое проведение мероприятий правового обучения;

— высокую подготовленность руководителей занятий;

— объективную оценку правовых знаний личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации;

— воспитание у личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации мотивации к высокой правовой культуре⁴.

¹ П. 2 Инструкции 2021 г.

² П. 1 Руководства по организации военно-политической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 95.

³ Черепанова Е.В. Правовые аспекты предупреждения коррупционных правонарушений // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 90.

⁴ Пунктом 5 Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717, на командира воинской части также возложены обязанности по: организации правового обучения подчиненных военнослужащих и лиц гражданского персонала, направленное на усвоение ими установленных правовых минимумов; внедрению

Необходимо отметить, что одним из отличий действующей регламентации правового обучения явилось отсутствие в нем решений, направленных на обеспечение процесса правового обучения¹. Такой подход, основанный на разделении функций правового регулирования и обеспечения, представляется верным.

Проведение правового обучения включает подготовку руководителей занятий, проведение занятий и факультативных мероприятий правового обучения, взаимодействие между должностными лицами воинской части и с вышестоящими органами военного управления.

В качестве форм занятий по правовому обучению определены лекции, практические занятия, семинары, собеседования, зачеты и самостоятельная работа. При этом акцентировано внимание на использование информационно-коммуникационных технологий (демонстрация учебного материала с помощью презентаций, использование печатных и электронных средств массовой информации, справочно-правовых систем, электронных библиотек, программных тестовых заданий).

С курсантами и слушателями вузов правовое обучение проводится при изучении предусмотренных учебными планами и программами гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Правовое обучение лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации² осуществляется путем прове-

дения отдельных занятий, тематику которых определяют командиры воинских частей.

Факультативные мероприятия правового обучения проводятся со всеми категориями личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации в форме единых дней правовых знаний, правовых информирований, правовых диктантов, юридических консультаций, вечеров вопросов и ответов, а также на курсах подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Подбор, непрерывная теоретическая и методическая подготовка руководителей занятий возложена на должностных лиц военно-политических органов при непосредственном участии специалистов юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно п. 23 Инструкции 2021 года методическое сопровождение правового обучения осуществляется должностными лицами военно-политических органов и специалистами юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации и включает в себя:

— утверждение перечня нормативных правовых актов, которые необходимо знать личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации установленных категорий и которые подлежат изучению в системе правового обучения (правовой минимум)³;

государственные гражданские служащие и работники.

³ Стоит указать, что Инструкция 2021 года примерного перечня тем для изучения законодательных актов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации, международных правовых актов уже не содержит. Отказ от такого перечня видится обоснованным, так как существующие тенденции развития правового регулирования обуславливают его скорую неактуальность. Кроме того, пунктом 5 Инструкции 2021 года установлено, что содержание правового обучения определяется законодательством Российской Федерации в области обороны, о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, нормами международного гуманитарного права, задачами Вооруженных Сил Российской Федерации по предназначению и т.д.

новых, передовых методов, способствующих повышению эффективности правового обучения и воспитания военнослужащих и лиц гражданского персонала.

¹ Например, пунктом 2 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 декабря 2013 г. № 878 на ответственных воинских должностных лиц возлагались обязанности по обеспечению подчиненных органов военного управления, воинских частей и организаций необходимым количеством нормативных правовых актов, справочной литературой, регулярно обновляемыми электронными правовыми системами, периодическими изданиями по правовой тематике.

² Согласно п. 1 ст. 12 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» к лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации относятся федеральные

— разработку методических рекомендаций по осуществлению правового обучения;

— подготовку руководителей занятий;

— обеспечение руководителей занятий справочными и учебно-методическими пособиями;

— оказание помощи руководителям занятий в их проведении;

— организацию и проведение теоретических и методических (учебно-методических) занятий (сборов) с руководителями занятий.

Однако Инструкция 2021 года, за одним исключением¹, не разграничивает компетенцию между указанными должностными лицами по вопросам методического сопровождения правового обучения, что создает предпосылки для возникновения неясностей в распределении зон их ответственности.

Кроме того, Инструкция 2021 года определила новые правила проверки правовых знаний личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, которая проводится в целях оценки качества усвоения теоретического материала и способности юридически грамотно решать задачи в повседневной деятельности войск (сил).

Так, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, проходят проверку правовых знаний в форме зачета по правовому минимуму для соответствующей категории личного состава (один раз в два года, а также перед представлением к назначению на высшие воинские должности), прием которых осуществляет комис-

сия воинской части по проверке правовых знаний².

Зачет по правовому минимуму проводится методом тестирования по 20 контрольным вопросам; сдавшими зачет считаются военнослужащие, ответившие правильно на 18 и более контрольных вопросов теста³.

При наличии в воинской части автоматизированного рабочего места, оснащенного информационно-справочной правовой подсистемой изделия 83т633 «АРМИЮРИСТ», проведение зачета по правовому минимуму осуществляется с ее использованием.

Результаты проверки правовых знаний военнослужащих и их периодичность учитываются в ведомостях и листах учета результатов проверок правовых знаний⁴.

Проверка уровня правовых знаний курсантов и слушателей вузов осуществляется в процессе обучения по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам в ходе текущего контроля, промежуточной и итоговой аттестации.

Проверка правовых знаний военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, проводится в ходе контрольных занятий по военно-политической подготовке в объеме изученных тем правовой направленности в порядке, определенном

¹ Правовой минимум утверждается директором Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации (начальником юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации). При этом решениями главнокомандующих видами Вооруженных Сил Российской Федерации, командующих войсками военных округов, Северным флотом, родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации, руководителей центральных органов военного управления правовые минимумы дополняются перечнем правовых актов с учетом специфики вида (рода войск) Вооруженных Сил Российской Федерации, военного округа (Северного флота), центрального органа военного управления.

² Порядок работы, состав и обязанности комиссии по проверке правовых знаний определяются в приказе командира воинской части.

³ Перечень контрольных вопросов, которые должны быть выражены в простой, доступной форме, охватывать необходимый объем информации и обеспечивать вариантность при проведении зачета по правовому минимуму (не менее пяти вариантов), разрабатывается в главных командованиях видов Вооруженных Сил, объединенных стратегических командованиях военных округов (Северного флота), командованиях родов войск Вооруженных Сил, центральных органах военного управления должностными лицами военно-политических органов совместно со специалистами юридической службы Вооруженных Сил и ежегодно к 1 декабря доводится в установленном порядке до подчиненных воинских частей.

⁴ Лист учета результатов проверок правовых знаний заводится на каждого военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, и хранится в подразделении.

Руководством по военно-политической подготовке.

Уровень правовых знаний лиц гражданского персонала определяется в ходе собеседования, которое проводится не реже одного раза в три года. Оценки лицам гражданского персонала не выставляются. По результатам собеседования даются характеристика уровню правовых знаний и рекомендации по их совершенствованию. Стоит заметить, что Инструкция 2013 года не регулировала проверку уровня правовых знаний работников воинских частей.

Таким образом, Инструкция 2021 года значительно усовершенствовала регламен-

тацию правового обучения, особое внимание уделив теоретической составляющей указанного института, а также организации процесса правового обучения и проверке правовых знаний личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Библиография

1. Зайков, Д.Е. Юридико-технические недостатки правовых актов / Д.Е. Зайков // Законодательство. — 2014. — № 1. — С. 68—76.
2. Корякин, В.М. Военное право и правосознание военнослужащих / В.М. Корякин // Военное право. — 2021. — № 4. — С. 49—55.
3. Черепанова, Е.В. Правовые аспекты предупреждения коррупционных правонарушений / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. — 2015. — № 10. — С. 86—62.

Нормативно-правовое регулирование образовательной деятельности военных вузов

© Мещангина Елена Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент,
Московский инновационный университет

Аннотация. В статье рассматривается образовательная деятельность военных вузов в рамках действующей нормативно-правовой базы. Подготовка квалифицированных военных кадров является приоритетным направлением на современном этапе развития Вооруженных Сил Российской Федерации. Процесс интеграция военного образования в единое образовательное пространство страны создает новые возможности для более качественной подготовки офицерских кадров. Высокая боеспособность и готовность курсантов выполнять поставленные перед ними задачи требует дальнейшего приведения содержания военного образования в соответствие с новыми запросами общества и государства. Современное развитие нормативно-правовой базы военных вузов способствует обеспечению не только ясности и стабильности в образовательной деятельности, но и повышению профессиональной квалификации военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: военное образование; закон; образование; курсант; общество; приоритет; государство; военная подготовка; нормативно-правовая база, требование, квалификация, развитие.

Legal regulation educational activities of military universities

© Meshchangina E.I.,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Moscow Innovation University

Abstract. The article deals with the educational activities of military universities within the current legal framework. Training of qualified military personnel is a priority in the development of the Armed Forces of the Russian Federation. The integration of military education into the unified educational space of the country creates new opportunities for sustainable recruitment of troops. The combat readiness and ability of future officers to perform combat tasks in modern conditions requires bringing the content and quality of training of cadets in accordance with the new requirements of society and the state. The formation and development of the legal framework of military educational organizations contributes to ensuring not only "clarity and stability" in the educational activities of military universities, but also to improving the skills of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: military education; laws; education; cadet; society; priority; state; military training; legal framework.

На современном этапе развития государства военное образование является неотъемлемой частью системы высшего профессионального образования Российской Федерации. Сегодня подготовка, переподготовка и повышение квалификации военнослужащих осуществляется в соответствии с действующим законодательством в образовательной сфере.

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определились дальнейшие перспективы развития военной высшей школы. Именно на основе

компетентного подхода началось не только формирование новых отношений в образовании, но и включение системы военного образования в единое образовательное пространство страны. Реализация компетентного подхода в военных вузах обеспечила качественную подготовку профессиональных специалистов для Вооруженных Сил Российской Федерации.

На основании вышесказанного необходимо отметить, что современная модель офицера должна не только отвечать всем требованиям со стороны государства и общества, но и соответствовать междуна-

родным стандартам. Сегодня на парадигму военного образования большое влияние оказывает военно-политическая обстановка в мире. Поэтому важно, чтобы система военного образования в России развивалась на основе учета динамизма изменений, которые происходят в военной сфере. Подготовка будущих офицеров в военных вузах является неотъемлемой частью военной организации государства. В связи с вышесказанным необходимо отметить, что сегодня выпускники военных вузов, должны верить в свое высокое призвание и обладать чувством национального достоинства, иметь высокий уровень военно-политического сознания и культуры, качества воина-государственника, патриота, высоконравственной личности, преисполненной сознательного и ответственного отношения к воинскому долгу¹. В современных условиях развития государства очень важно понимать, насколько становится востребованным военное образование. Сегодня подготовка военных кадров направлена на решение задач правового, организационного и ресурсного характера. Поэтому необходимо, чтобы система военного образования в дальнейшем развивалась комплексно и системно.

Основная, базовая подготовка курсанта — это последовательная передача преподавателями знаний, навыков и умений, которая способствует не только решению образовательных задач, но и развитию профессионально-личностных качеств будущих офицеров. Сегодня система военного образования в России отвечает всем национальным интересам государства и направлена на повышение практической направленности в подготовке будущих офицеров. Совершенствование военного образования и повышение качества подготовки в военных вузах являются первоочередными задачами на современном этапе развития Российской Федерации. Реализация положений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в сфере военного образования способствует

осуществлению подготовки военных специалистов различных уровней профессиональной компетенции и повышению уровня мотивации курсантов в образовательной деятельности.

В настоящее время закон об образовании действительно является основополагающим документом, который определяет строительство и развитие Вооруженных Сил Российской Федерации на ближайшие десятилетия. Подготовка военных кадров представляет собой целостный и непрерывный процесс, который направлен не только на переосмысление содержания системы военного образования, но и на практическую целесообразность. Сегодня происходит формирование новой профессиональной военной высшей школы, целью которой является социализацию будущего офицера в обществе. Иными словами, можно сказать, что принятый Закон об образовании не только направлен на дальнейшее совершенствование учебно-воспитательного процесса в военных вузах, но и на высокий уровень фундаментальной подготовки будущих офицеров.

В XXI в. развитие высшей военной школы претерпевает большие изменения. Это связано прежде всего с тем, что современный мир находится на грани вооруженных противоречий, которые по мере развития технологий способны окончательно нарушить существующий миропорядок². Важно, чтобы сегодня образовательный процесс в военных вузах был ориентирован на возрастание роли наукоемких инноваций. Использование современных технологий в подготовке будущих офицеров способно повысить качество образовательного процесса в военных вузах.

Необходимо отметить, что сегодня в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации военным вузам предоставлены гражданская правосубъектность, автономия и академические свободы, которые позволяют самостоятельно осуществлять все виды деятельности на основании специфики и устава вуза.

¹ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3. С. 24.

² См. подробнее: Холиков И.В., Конуров А.И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7—18.

С одной стороны, это способствует свободному выбору методики преподавания, и с другой стороны, позволяет профессорско-преподавательскому составу вести подготовку с учетом индивидуальных способностей и склонностей будущих офицеров. Таким образом, можно сделать вывод, что закон об образовании не только юридически закрепляет правовое положение военных вузов, но и одновременно предоставляет им достаточно широкую компетенцию в реализации образовательных программ в соответствии с современными требованиями.

Фундаментальность и профессиональная направленность являются основными составляющими высшей военной школы. Реализация федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) в условиях возрастающих требований к военно-профессиональной деятельности будущих офицеров способствует формированию профессионально значимых качеств личности. Сегодня, подготовка в военных вузах невозможна без систематической и целенаправленной работы преподавателей по развитию позитивной мотивации к будущей профессии курсантов. Кроме того, эффективное применение полученных знаний в процессе выполнения служебных задач способствует сохранению целостности государства.

В настоящее время, военные вузы реализуют профессиональные образовательные программы и выдают документы государственного образца об уровне образования и квалификации военнослужащим, прошедшим государственную итоговую аттестацию. Однако необходимо отметить, что Правительством Российской Федерации определен порядок разработок и реализации профессиональных образовательных программ для военных вузов. В этих целях издан приказ Министра обороны Российской Федерации «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

На основании вышеизложенного можно сказать, что внесенные поправки в по-

рядок организации и осуществления образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам, а также методической и научной (научно-исследовательской) деятельности, осуществляются на основе интересов обороны государства и способствуют дальнейшему совершенствованию системы военной высшей школы на современном этапе развития Российской Федерации.

В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 сентября 2014 г. № 670 «О внесении изменений в приказ Министра обороны Российской Федерации «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» осуществляется подготовка курсантов в военных вузах. Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, а также постановления Правительства Российской Федерации, квалификационные требования, учебные программы закрепляют принцип единства обучения, воспитания и воинской деятельности. Перечисленные законодательные акты способствуют обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации современными квалифицированными кадрами.

Сегодня Федеральный закон «Об обороне» является одним из основных законодательных актов, который содержит специальные нормы, регулирует отдельные вопросы, связанные с функционированием системы военного образования в Российской Федерации. В нем определены полномочия высших органов государственной власти в сфере обороны и военного образования. Президентом Российской Федерации устанавливается необходимый перечень федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, в которые направляются военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в рамках контрольных (бюджетных) цифр.

В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» содержится значительное число норм о системе военного образования, которые регулируют

вопросы, связанные с поступлением граждан на военную службу и в военные вузы. Также определен порядок заключения контрактов о прохождении военной службы для реализации каждым гражданином Российской Федерации конституционного долга и обязанности по защите Отечества, включая граждан, которые обучаются в военных вузах.

Закон о воинской обязанности и военной службе закрепляет за военнослужащими, которые имеют воинское звание офицера и успешно заканчивают обучение по очной форме в военном вузе, а также в адъюнктуре или военной докторантуре, право на очередное воинское звание до подполковника или капитана 2 ранга включительно, которое присваивается в день истечения срока его военной службы в предыдущем воинском звании независимо от воинской должности, которую он занимал до поступления в образовательное учреждение.

Необходимо отметить, что присвоение воинских званий военнослужащим, обучающимся в военных образовательных учреждениях, и профессорско-преподавательскому составу данных учреждений, также регулируется Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». За особые личные заслуги может быть присвоено воинское звание на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности, но не выше воинского звания майора или капитана 3 ранга, военнослужащему, срок военной службы которого в присвоенном воинском звании истек, и военнослужащим, которые имеют ученую степень и (или) ученое звание и занимают воинскую должность профессорско-преподавательского состава в военном вузе, не выше воинского звания полковника или капитана 1 ранга.

Особенности статуса и социальных гарантий военнослужащих, являющихся слушателями и курсантами военных вузов, а также военнослужащих из числа профессорско-преподавательского состава регулируются Федеральным законом «О статусе военнослужащих». Сегодня законодательно закреплены права, обязанности и

ответственность военнослужащего на получение образования, а также перечислены военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации, в которых военнослужащие могут проходить обучение.

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» определяет правовые полномочия, свободы и возложенные на граждан Российской Федерации, которые имеют статус защитников Отечества, обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, связанные с необходимостью беспрекословно выполнять поставленные задачи в любых условиях, в том числе и с риском для жизни. В связи с тем, что характер этих обязанностей является особенным, для них предоставляются определенные льготы, гарантии и компенсации.

На основании вышесказанного необходимо отметить, что с учетом особого характера обязанностей военнослужащих существуют некоторые ограничения в общегражданских правах и свободах.

Сегодня по Положению о лицензировании образовательной деятельности¹ под режим специальной и ограниченной правоспособности попадают все вузы, которые не получили лицензию на образовательную деятельность. Соблюдение всех нормативных требований к учебно-материальной базе и образовательному цензу профессорско-педагогических кадров со стороны соискателя лицензии является одним из условий для осуществления образовательного процесса по образовательным программам различного уровня и направленности.

Также, необходимо отметить, что лицензирование образовательных учреждений, реализующих военные профессиональные образовательные программы, относится к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти в сфере образования. Порядок лицензирования образовательной деятельности военных вузов, подведомственных фе-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2013 г. № 966 «О лицензировании образовательной деятельности».

деральным органам исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, определяется на основании Положения о лицензировании образовательной деятельности в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

Действующее Положение об экспертизе условий для проведения образовательной деятельности военными образовательными учреждениями регламентирует участие государственных органов исполнительной власти или органов местного самоуправления, в ведении которых они находятся.

Федеральные органы исполнительной власти осуществляют контроль за деятельностью находящихся в их ведении военных образовательных учреждений высшего и (или) дополнительного профессионального образования. Также в соответствии с установленными полномочиями они информируют федеральный лицензирующий орган о результатах проверки условий образовательного процесса в данных образовательных учреждениях (организациях)

Необходимо отметить, что важное место в системе нормативно-правовых актов, которые регулируют организацию деятельности военных вузов, занимает Инструкция о порядке проведения проверок военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации, утвержденная приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2000 г. № 277. Цель, элементы проверок военно-учебных заведений, виды проверок, порядок оценки элементов проверки вуза и его структурных подразделений осуществляются в соответствии с данной инструкцией. Одним словом, вносится определенный порядок в регламент организации и проведения проверок военных вузов, способствующих как вскрытию недостатков, так и распространению положительного опыта.

Таким образом, можно сказать, что сегодня образовательная деятельность военных вузов осуществляется на основании

юридической базы, которую составляют нормы права в области высшего образования. Нормативно-правовые акты не только вносят ясность и стабильность в отношения между органами управления высшим образованием, учебными заведениями и гражданами, но и способствуют достижению поставленных целей молодого поколения.

Регулирование образовательной деятельности военных вузов является важным направлением в подготовке офицеров. Обеспечение гарантированного и устойчивого комплектования Вооруженных Сил современными квалифицированными военными кадрами является главным требованием со стороны общества и государства. Сложившаяся система подготовки военных кадров представляет собой достаточно стройную систему высшего военного профессионального образования, которая способна обеспечить армию высококвалифицированными специалистами в служебно-боевой деятельности

Масштабное переоснащение Вооруженных Сил Российской Федерации ставит перед военными вузами новые задачи, которые выдвигают новые требования к подготовке офицерских кадров. Современные военные вузы становятся все более многообразными по своей внутренней структуре, в них входят учебно-научные, учебно-методические и научные подразделения, учебные подразделения слушателей и курсантов, подразделения послевузовского образования (докторантура и адъюнктура), подразделения дополнительного профессионального образования и т.д.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3. — С. 21—28.
2. Холиков, И.В. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства / И.В. Холиков, А.И. Конуров // Вестник Академии военных наук. — 2015. — № 4 (53). — С. 7—18.

Актуальные вопросы военной акмеологии

© Юмкина Екатерина Анатольевна,
кандидат психологических наук, старший
преподаватель кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургского государственного
университета

© Волков Вячеслав Викторович,
доктор экономических наук, кандидат
философских наук, профессор кафедры
гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Военного института (Железнодорож-
ных войск и военных сообщений) Военной
академии материально-технического обеспече-
ния имени генерала армии А.В. Хрулева

Аннотация. В статье представлен обзор и анализ современных актуальных вопросов военной акмеологии. Предложена попытка реализовать логическую преемственность понятий и закономерностей общей акмеологии к специфике военной деятельности. Установлено, что акме и кате для военнослужащего сопряжено с выделением двух аспектов: объективного и субъективного, на каждом из которых выделены пары противоположных категорий: победа и поражение, героизм и предательство. Особое значение принадлежит формированию перечня и разработки системы диагностики качеств личности военнослужащего, позволяющих ему проявлять героизм на субъективном уровне и побеждать противника в реалиях боевых действий. Эти качества уже становились предметом анализа психологов и интегрированы в собирательный образ выдающегося полководца. Законы, отражающие сущность движения к акме, вооружают, с одной стороны, убежденностью в том, что высшее акме (победа) достижимо, а с другой – дают ясный взгляд на ситуацию и отсутствие иллюзий относительно того, что путь к победе линеен и лишен трудностей. Преодоление катаболе — это важная часть на пути к акме. Оба этих состояния находятся в связке, и без знания точки старта, а также точки предельного разрушения невозможно четко выстроить идеал конечного акме. На основании закономерности постановки и достижения высшего идеала и принципа акмеологического подхода в воспитании предложена методика воспитания военнослужащих.

Ключевые слова: фундаментальная акмеология, военная акмеология, акме военнослужащего, воспитательный идеал.

Topical issues of military acmeology

© Yumkina E.A.,
PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of
Social Psychology, St. Petersburg State University

© Volkov V.V.,
Doctor of Economics, Candidate of Philosophy, Pro-
fessor of the Department of Humanitarian and So-
cio-Economic Disciplines of the Military Institute
(Railway Troops and Military Communications) of
the Military Academy of Logistics named after Gen-
eral of the Army A.V. Khruleva

Resume. The article provides an overview and analysis of current topical issues of military acmeology. An attempt is presented to realize the logical continuity of the concepts and laws of general acmeology to the specifics of military activity. It has been established that acme and kate for a serviceman is associated with the allocation of two aspects: objective and subjective, on each of which pairs of opposite categories are

distinguished: victory and defeat, heroism and betrayal. Of particular importance is the formation of a list and the development of a system for diagnosing the qualities of a soldier's personality, allowing him to show heroism at a subjective level and defeat the enemy in the realities of hostilities. These qualities have already become the subject of analysis of psychologists and are integrated into the collective image of an outstanding commander. The laws, reflecting the essence of the movement towards Acme, arm, on the one hand, with the conviction that the highest Acme (victory) is achievable, and on the other, give a clear view of the situation and the absence of illusions that the path to victory is linear and devoid of difficulties. Overcoming katabole is an important part on the road to acma. Both of these states are linked, and without knowing the starting point, as well as the point of ultimate destruction, it is impossible to clearly build the ideal of the final acme. Based on the regularity of setting and achieving the highest ideal and the principle of the acmeological approach in education, a methodology for educating military personnel is proposed.

Key words: fundamental acmeology, military acmeology, military acme, educational ideal

Современные тенденции развития человеческой практики делают актуальным обращение к накопленному наукой знанию о закономерностях и механизмах достижения успеха. Особенно остро звучат эти вопросы в условиях социальной нестабильности, в чрезвычайных ситуациях, требующих встать на защиту Родины. Деятельность военнослужащего относится как раз к разряду подобных и стоит отметить, что до сегодняшнего времени в силу специфики военной службы в науке не выработано единства относительно того, каковы критерии совершенства профессионального воина. В связи с этим, цель настоящей статьи — очертить круг актуальных вопросов, которые возникают на стыке военной психологии и акмеологии с тем, чтоб наметить пути исследований и практической реализации акмеологического восхождения военнослужащих.

Научная традиция акмеологических исследований берет начало с работ Б.Г. Ананьева, проводившего масштабное изучение возрастной динамики различных свойств человека: как индивида, личности и субъекта деятельности¹. Отталкиваясь от этого, с одной стороны, Н.В. Кузьмина сделала акцент на противоречия личностного роста², а с другой, — А.А. Деркач и В.Г. Зызыкин в основу акмеологии положили закономерности и пути оптимальной

самореализации человека³. В итоге акмеология чаще всего стала трактоваться как антропологическая научная дисциплина. Хотя системный подход и теория самоорганизации обязывают нас показать и ее более широкое понимание, то есть как науки о закономерностях достижения максимального совершенства системами любой природы. В свою очередь, закономерным дополнением акмеологии является катобология — наука о закономерностях преодоления упадка системами любой природы.

Из приведенных определений предмета акмеологии и ее дополнения (катобологии) следует группа их фундаментальных категорий: акме, кате, результат, совершенство. *Акме* — это состояние максимального совершенства в развитии системы. Применительно человеку акме есть максимальная продуктивность, воплощаемая в созданных им общезначимых материальных или духовных ценностей. *Кате* — это состояние максимального упадка в развитии системы. В отношении человека кате — это также отрицательная продуктивность, воплощенная в антиценностях, то есть совершение саморазрушительных, антисоциальных и, в пределе, противоположных действий.

Специфика предмета военной акмеологии охватывает закономерности, механизмы, условия и факторы продуктивного развития и самореализации индивидуальных и групповых субъектов военной службы при выполнении военно-профессиональных задач в мирное и воен-

¹ Ананьев Б.Г. Очерки русской психологии XVIII и XIX веков. СПб.: ОГИЗ Госполитиздат, 1947. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/ananyev_ocherki-istorii-russkoy-psihologii_1947 / (дата обращения 10.10.2020)

² Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. СПб.: Политехника, 2002. С. 33.

³ Деркач А.А., Зызыкин В.Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003. С. 21.

ное время¹. Военная акмеология не только переносит задачи и инструментарий общей акмеологии в военную сферу, но и существенно дополняет ее. Это обусловлено характером деятельности военного человека. Он, по сравнению с представителями других социальных групп, должен больше ориентироваться на альтруизм, самопожертвование, героическое действие, исполнение гражданского долга, быстрое решение поставленных задач, активную жизненную позицию. В результате в военной акмеологии меняются не закономерности акмеологического процесса, а его характер и направленность. В силу этого к военной деятельности в полной мере возможно приложить общие понятия, принципы и методологические положения фундаментальной акмеологии.

В первую очередь возникает вопрос, какое конкретное выражение могут иметь понятия акмеологии для субъектов военной деятельности? Общая схема такого приложения представлена в табл. 1.

Сущность человека такова, что любой его поступок, в том числе воплощенный и в конкретном материальном продукте, должен быть рассмотрен в двух планах: объективном (каков смысл этого поступка, выражаясь философски, «сам по себе») и субъективном (каков смысл этого поступка для самого деятельного субъекта, т.е. «для себя»). В объективном плане высшим выражением акме для военнослужащего является *победа над противником*, а высшим выражением кате — это *поражение в бою*. Если посмотреть на определение слова «победа» («успех в битве, войне при полном поражении противника»²), то видно его отождествление с понятием «успех» (как «удача в каком-либо деле, удачное достижение поставленной цели», «признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-либо или чьих-либо достижений»³). Нам бы хоте-

лось подчеркнуть, что победа в смысле высшего акме офицера или армии глубже такого понимания и не может быть сведена к удачным стечениям обстоятельств, позволившим решить какую-то задачу. При военно-акмеологическом анализе объективный план включает: (1) специфику поставленной цели/задачи; (2) объективные ресурсы, которыми располагает офицер/воинский коллектив для ее решения; (3) субъектные качества офицера (или внутригрупповые характеристики отношений воинского коллектива), которые способствуют достижению цели.

Говоря о субъектных качествах, актуально обращение к фундаментальному труду Б.М. Теплова «Ум полководца»⁴, в котором он на обширном историческом материале провел исследование универсальных свойств личности военачальника, не теряющих своей актуальности и сегодня. К таким качествам он отнес, например, особый практический склад ума; гибкость мышления; способность проникать в замыслы противника; умение прогнозировать ход событий; «моральное мужество»; терпение и выдержку; осторожность; умение мобилизоваться и принимать решения в ситуации опасности; способность идентифицироваться с чувствами воинского коллектива и народа.

В приведенном списке можно видеть когнитивную, эмоциональную и поведенческую стороны личности, интегрированные в случае полководца его направленностью на высшую профессиональную и гражданскую цель.

Помимо этого, важную роль при осмыслении акме как победы играет то, в какое время — мирное или военное — действует субъект воинской деятельности. Каждый из трех перечисленных параметров объективного анализа будет существенно отличаться в зависимости от наличия/отсутствия реальной угрозы государственной безопасности и жизням людей.

¹ Михайловский В.Г. Военная акмеология: состояние, пути развития // Акмеология. 2004. № 3. С. 25—26.

² Победа // Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949—1992.

³ Успех // Толковый словарь Ефремовой / Т.Ф. Ефремова. 2000.

⁴ Теплов Б.М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990.

Соотношение категорий фундаментальной и военной акмеологии

Аспект анализа	Категории акмеологии	Выражения в военной акмеологии
Объективный план	Акме	Победа
	Кате	Поражение
Субъективный план	Акме	Героизм
	Кате	Предательство

В субъективном плане акме и кате выражаются в таких моральных категориях, как героизм («героическое, совершение выдающихся по своему общественному значению действий, отвечающих интересам нар. масс, передовых классов и требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию»¹) и предательство (вероломство, поступок², где вероломный — это «коварный, действующий путём обмана, измены»³). Здесь особое значение приобретает система нравственных свойств личности, сформированная как различными институтами социализации (семья, школа, система военного обучения и воспитания), так и являющаяся результатом внутренней работы самого человека. В ситуации коллективного субъекта сюда относится забота командира о моральном климате своего подразделения.

Опираясь на базовые категории акмеологии и их выражения для субъекта воинской деятельности, мы можем представить и ее основные законы, подойдя к сущности того, что составляет акме офицера или воинского коллектива (табл. 2).

Ретроспективный анализ биографий выдающихся полководцев позволяет выделить на их жизненном пути далеко не одну пиковую точку, когда достигали значительного напряжения все их силы. Но есть среди них и такие, которые сами военачальники квалифицировали как кульминационный этап, на повторение которого они бы решились лишь при очень серьезных

обстоятельствах. Для Суворова это было взятие Измаила⁴, для Кутузова — решение оставить Москву⁵, для Фемистокла — битва при Саламине⁶. С точки зрения первого закона акмеологии важно отметить, что каждая такая триумфальная победа (акме) высшего военного чина — это интеграл от тысяч индивидуальных побед (акме) тех солдат, офицеров, которые составляли армию. В условиях боя для многих такая победа могла оказаться единственной в жизни.

Другое существенное пояснение касается того, что в мирное время квалификация побед и поражений для субъектов военной деятельности не отличается особыми требованиями от гражданских лиц.

Второй закон акмеологии, как может показаться на первый взгляд, несет себе некий фатальный смысл — неизбежности поражения (кате). Важно учитывать, что в современной фундаментальной акмеологии кате не имеет негативных коннотаций. Суть этого временного состояния — в обновлении системы и выборе новых более совершенных способов самоструктурирования. В развитии человека временное скатывание в кате позволяет четче осознать ориентир для движения к акме⁷. Анализ биографий выдающихся полководцев показывает, что у каждого были временные неудачи, критический анализ которых позволял сделать более продуманный следующий шаг.

¹ Героизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

² Предательство // Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949—1992.

³ Там же.

⁴ Теплов Б.М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990. С. 89—100.

⁵ Там же. С. 91—92.

⁶ Там же. С. 90—91

⁷ Пожарский С.Д. Акмеология и катабология (теория совершенствования человека). СПб: ЛЕМА, 2013. С. 165.

Таблица 2

Закономерности акмеологии и их приложение к субъектам военной деятельности

Закономерности акмеологии	Формулировка	Приложение к военной акмеологии
1. Закон вершинности (2010 ¹)	Любая система в своем развитии хотя бы однажды проходит через точку акме.	Любой военнослужащий (или воинский коллектив) в своем развитии стремится достигнуть состояния полной <i>победы</i> над противником.
2. Закон временного катаболе (2002 ²)	Любая система в своем движении к акме проходит через временное катаболе.	Стремление к состоянию победы (в ее абсолютном смысле) предполагает прохождение через локальные поражения.
3. Закон совершенствования как единой сущности развития (2013 ³)	Процесс развития системы представляет собой непрерывное ее совершенствование, в котором происходит чередование состояний акме и кате.	Траектория совершенствования офицера или воинского коллектива представляет собой единство череды побед и поражений.
4. Закон взаимодействия акме и кате в системе (2013 ⁴)	Состояния акме и кате, будучи интервалами устойчивости системы в данной конкретной форме, задают спектр ее возможных состояний, свойств и тенденций.	Идеальные состояния полной победы и полного поражения образуют диапазон возможных состояний совершенствующего индивидуального или коллективного субъекта военной деятельности.
5. Закон постановки и достижения	Регулирующую и корректирующую	Реализация конкретной возможности определяет

высшего идеала (как сущности совершенства в социальных системах)	шую роль в определении направленности траектории совершенствования играет высший идеал.	ся высшим нравственным идеалом субъекта воинской деятельности.
--	---	--

Серьезные же провалы и поражения случались тогда, когда полководец терял такую осмотрительность и, как отметил Б.М. Теплов в отношении Наполеона — у которого здоровая вера в себя трансформировалась в самоуверенность⁵.

Третий закон подчеркивает особое понимание развития в акмеологии как постоянное совершенствование системы, в ходе которого образуются гармонические структуры между ней и окружающей ее средой⁶. Ситуация боя — это тоже своего рода гармоническая структура, в которой между двумя сторонами образуется «контакт противостояния», требующий хотя и весьма специфических, но согласованных в конечном итоге действий. Среди качеств полководцев было такое, как «умение проникать в замыслы противника». Оно демонстрирует, что военачальнику важно постоянно соотносить свои ходы с противоположной стороной, а пренебрежение этим становилось причиной многих досадных поражений⁷.

Четвертый закон — закон взаимодействия акме и кате в системе⁸ обращает внимание на важность предвидения, т.е. способности военнослужащего увидеть четкую картину победы и поражения и рассчитать, какие его действия приведут к одному, а какие — к другому полюсу. На основании этого уже сделать выбор наилучшего варианта в данных условиях.

Пятый закон был сформулирован в 2019 г., опираясь на концепцию зоны ближайшего развития Л.В. Выготского⁹, од-

¹ Пожарский С.Д. Акмеология — философия успеха. Рязань: Копи-Принт, 2010.

² Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума. 2-е изд. СПб.: Политехника, 2002.

³ Пожарский С.Д. Акмеология и катабология (теория совершенствования человека). СПб.: ЛЕМА. 2013.

⁴ Там же.

⁵ Теплов Б.М. Указ. соч. С. 101—102.

⁶ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Указ. соч.

⁷ Теплов Б.М. Указ. соч. С. 103—105.

⁸ Пожарский С.Д. Акмеология и катабология. С. 228—230.

⁹ Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. С. 247.

ним из авторов данной статьи применительно к военной педагогике: закон постановки и достижения высшего идеала¹. Понятие идеал является сущностным в понимании природы совершенствования человека и социальных систем. Если в живой природе основной базой для роста и развития организма является генетическая программа, то у человека над ней надстраивается особая социальная программа, которую некоторые называют «культургенем», «социальным кодом», но мы используем более простое название — идеал — предельное представление о желаемом результате, построение которого возможно благодаря развитию высших психических функций человека.

Закон постановки и достижения идеала обуславливается тем, что личностное развитие воина происходит благодаря овладению им воинским мастерством в ходе постоянного увеличения требований к нему и побуждения его стремления к идеалу, который может варьироваться военными педагогами в процессе всей жизнедеятельности отдельного воина и его подразделения. В военном деле в качестве идеалов выступают фигуры выдающихся полководцев, отличившихся предельным напряжением своих физических, умственных и волевых сил в судьбоносных для России сражений². Можно отметить ряд методологических требований к достижению идеала.

Во-первых, идеал должен быть *высшим и авторитетным*. Его высота обуславливается важнейшей закономерностью синергетики — диалектической взаимосвязью самоорганизации системы и ее хаотизации как под воздействием внутренних, так и внешних факторов. Планка идеала должна быть всегда чуть выше заданного курса, чтобы противостоять естественным флуктуациям.

¹ Волков В.В., Костюк А. А., Марюгин В.А. Акмеологический подход в воспитании военнослужащих // Современный ученый. 2019. № 1. С. 57—62.

² Ликсунова А.С. Философские основания акмеологии успеха современного военнослужащего // Система ценностей современного общества. 2016. № 47. С. 6—11.

Во-вторых, идеал должен быть *адекватным*. Военнослужащему необходимо представлять реальные события, реальных людей, которые достигли того «акме», к которому необходимо стремиться на протяжении всей службы. Непосильных задач или идеалов ставить не следует, так как это может привести к износу психики, срыву и деградации личности.

В-третьих, идеал должен быть *подвижным* и соответствовать духу времени. В зависимости от выполнения специальных задач в мирное время, либо при ведении боевых действий идеал может варьироваться; он не статичен, а наоборот — динамичен. Исходя из общей обстановки, он принимает ту или иную форму, которая способствует достижению поставленных задач. В контексте этого примечательны слова Б.М. Теплова: «... и если полководец живет одними чувствами с народом и армией — чувствами любви к Родине, самопожертвования, ненависти к врагу, готовности бороться до конца — он может знать то, что скрыто от постороннего, прежде всего реальную силу войска, которая не определяется простым арифметическим подсчетом...»³.

Особенность протекания закономерности постановки высшего идеала в сфере воспитания военнослужащих состоит в том, что она проявляется как закон статистического типа, как тенденция, что не только обязывает педагога постоянно отслеживать процесс акмеологического восхождения, но и дает основание для творческого учета этой специфики в практической работе с личным составом воинских частей.

Таким образом, выявленная закономерность воспитания — *закономерность постановки и достижения высшего идеала* в воспитании военнослужащего — является неотъемлемой стороной педагогического процесса и позволяет сформулировать соответствующий принцип акмеологического подхода в воспитании.

Главными следствиями из рассмотренных закономерностей является форму-

³ Теплов Б.М. Указ. соч. С. 146.

лирование ряда практических приложений. Первыми в этом ряду являются требования к постановке индивидуального идеала¹: 1) ясное и четкое представление высшего идеала командирами и подчиненными; 2) целенаправленное формирование адекватного высшего идеала, отвечающего современным требованиям; 3) управление движением, как самого идеала, так и восхождения к нему; 4) формирование у личного состава заинтересованного и активного отношения к соревновательному процессу, направленному на достижение высшего идеала; 5) формирование у военнослужащих положительного отношения к высшей цели воспитания; 6) главным методом акмеологического подхода должен стать диалог; 7) знание руководителями условий выполнения задач подчиненным личным составом, а также их психологического состояния; 8) объективный анализ деятельности каждого военнослужащего в процессе его акмеологического восхождения; 9) выход подчиненного на траекторию саморазвития и самостоятельного моделирования своего нравственного восхождения.

Если мы рассматриваем деятельность человека, то состояние акме включает не только результат воплощения содержания внутреннего плана субъекта во вне, но и обратную связь, получаемую от внешнего мира, его реакцию на произведенное изменение. Иными словами, важно утверждение (в какой-либо форме) результатов деятельности, признание заслуг субъекта (к примеру, офицер может получить премию или орден). В этом смысле произведенное человеком действие или созданный продукт приобретает подлинное бытие, становясь общественным достоянием. При этом необходимо учитывать: кто создатель; что признается — реальный результат (его качественно-количественные характеристики); когда признается — дата этого события; кто признает — сообщество; какова обратная связь. Отмеченная последова-

тельность критериев укладывается в схему анализа коммуникативного процесса, предложенную Г. Лассуэлом². И действительно, создание материальной или духовной ценности есть не что иное, как форма общения между создателем и потребителями этой ценности. В этом аспекте находится область взаимодействия акмеологии и социальной психологии.

Например, анализируется акме офицера. Сначала учитывается, кто он по военной специальности (артиллерист, ракетчик, летчик и т.п.), какую военную или научную школу и направление в военной деятельности он представляет. Каков его путь и карьера. Далее, что подвергается оценке — какая именно деятельность (командная, инженерная, военно-политическая и пр.) или какой-либо конкретный результат (участие в боевых действиях, в мероприятиях по основному предназначению, защита диссертации и т.д.). Какой смысл они несут. В какое время были созданы или осуществлены. Кому доступно восприятие и понимание результатов их деятельности. Каков отклик людей и какова оценка командования.

Акмеологическое восхождение является специфическим *интегративным методом воспитания*. Суть его состоит в том, чтобы путем убеждения, диалога, соревнования, критики побудить взять какой-либо пример за идеал, превратив его в свою ценность, и начать на этой основе саморазвитие в направлении данного идеала. Исходя из этого, методика воспитания военнослужащих с использованием акмеологического подхода включает следующие действия:

1) *побуждение к идеалу*. Оно происходит через убеждение, диалог, соревнование, критику:

2) *принятие идеала*. Оно идет через внутренний диалектический конфликт. В связи с этим можно привести очень характерный пример из героики/антигероики нашей страны. Это история двух девушек, ровесниц —

¹ Волков В.В., Костюк А.А., Марютин В.А. Акмеологический подход в воспитании военнослужащих // Современный ученый. 2019. № 1. С. 57—62.

² Андреева Г.М. Социальная психология : учебник для вузов / Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 67.

героини Зои Космодемьянской и изменницы и преступницы Тоньки-пулеметчицы¹. Данный пример наглядно показывает, что принятие идеала само по себе не дает нужного социально значимого результата. Требуется воля и действия по его воплощению;

3) *движение к вершине*. Восхождение по каждому направлению подчиненный должен совершать самостоятельно, командир может лишь корректировать этот процесс. Смысл слова «самовоспитание», подразумевает автономность — подчиненный воспитывает себя сам²;

4) *помощь и корректировка*. Сущностью воспитания является то, что командир (воспитатель) намеренно стремится повлиять на подчиненного (воспитуемого). Так как наш подход больше направлен на самовоспитание, главной задачей командира является достижение ожидаемых изменений в подчиненном (или взводе), осуществленные под воздействием побуждающих действий самого командира, с помощью специально подготовленных и планомерно проводимых воспитательных мероприятий.

Таким образом, отличительной чертой данной методики является то, что командир обязан побудить подчиненного к правильному выбору пути и обеспечить «комфортное» достижение поставленной цели самим подчиненным. Роль командира в этом случае — помогать и направлять.

Таким образом, в ходе развития акмеологии как науки сформирована система ее основополагающих категорий, законов, принципов и методов. Вся их совокупность описывает логику развития системы любой природы, дает основания для вскрытия причинно-следственных связей и указывает ориентиры для построения прогноза.

В сфере военной акмеологии применимость этих понятий и закономерностей предполагает учет специфики целей, задач и условий военной деятельности. В ходе

критического анализа и осмысления было установлено, что акме и кате для военнослужащего сопряжено с выделением двух аспектов: объективного и субъективного, на каждом из которых выделены пары противоположных категорий: победа и поражение, героизм и предательство. Особое значение принадлежит формированию перечня и разработки системы диагностики качеств личности военнослужащего, позволяющих ему проявлять героизм на субъективном уровне и побеждать противника в реалиях боевых действий. Эти качества уже становились предметом анализа психологов и интегрированы в собирательный образ выдающегося полководца.

Законы, отражающие сущность движения к акме, вооружают, с одной стороны, убежденностью в том, что высшее акме (победа) достижимо, а с другой — дают ясный взгляд на ситуацию и отсутствие иллюзий относительно того, что путь к победе линеен и лишен трудностей. Преодоление катаболе — это важная часть на пути к акме. Оба этих состояния находятся в связке, и без знания точки старта, а также точки предельного разрушения невозможно четко выстроить идеал конечного акме.

Выстроенность образов победы и поражения позволяют моделировать различные траектории достижения акме и преодоления катаболе. Знание о том, что является кризисом, какие решения и поступки приведут к необратимым последствиям и катастрофам — важные результаты акмеологического моделирования воинской деятельности.

Исходя из закономерности постановки и достижения высшего идеала, был сформулирован новый принцип воспитания военнослужащих — принцип акмеологического подхода, который реализуется в ряде практических требований.

На основании закономерности постановки и достижения высшего идеала и принципа акмеологического подхода в воспитании предложена методика воспитания военнослужащих. В ее основе лежит понимание того, что акмеологическое восхождение является специфическим интегративным методом воспитания. Суть его состоит в том, чтобы путем убеждения,

¹ Сидорчик А. Зоя и Тоня. Как становятся героями и предателями // Аргументы и факты. 02.10.2013.

² Реан А.А., Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. СПб.: Питер, 2004. С. 239—240.

диалога, соревнования, критики побудить взять какой-либо пример за идеал, превратив его в свою ценность, и начать на этой основе саморазвитие в направлении данного идеала. Сама методика воспитания военнослужащих с использованием акмеологического подхода включает следующие действия: побуждение к идеалу, принятие идеала, движение к вершине, помощь и корректировка. Дальнейшие исследования предполагается продолжить в русле разработки методов диагностики акмеологических свойств личности военнослужащих, отработки методики по прояснению и реализации индивидуального идеала военнослужащего в жизнь.

Библиография

1. Ананьев, Б.Г. Очерки русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. — СПб.: ОГИЗ Госполитиздат, 1947. — 166 с.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология : учебник для вузов; изд. 5-е, испр. и доп. / Г.М. Андреева. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 362 с.
3. Бранский, В.П. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума; 2-е изд. / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский. — СПб.: Политехника, 2002. — 476 с.
4. Волков, В.В. Акмеологический подход в воспитании военнослужащих / В.В. Волков, А.А. Костюк, В.А. Марютин // Современный ученый. — 2019. — № 1. — С. 57—62.
5. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
7. Деркач, А.А. Акмеология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин. — СПб: Питер, 2003. — 252 с.
8. Кузьмина, Н.В. Предмет акмеологии / Н.В. Кузьмина. — СПб.: Политехника, 2002. — 189 с.
9. Ликсунова, А.С. Философские основания акмеологии успеха современного военнослужащего / А.С. Ликсунова // Система ценностей современного общества. — 2016. — № 47. — С. 6—11.
10. Михайловский, В.Г. Военная акмеология: состояние, пути развития / В.Г. Михайловский // Акмеология. — 2004. — № 3. — С. 23—26.
12. Пожарский, С.Д. Акмеология — философия успеха / С.Д. Пожарский. — Рязань: Копи-Принт, 2010. — 263 с.
13. Пожарский С.Д. Акмеология и катабология (теория совершенствования человека) / С.Д. Пожарский. — СПб.: ЛЕМА. 2013. — 266 с.
15. Реан, А.А. Психология и педагогика / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. — СПб.: Питер, 2004. — 432 с.
17. Теплов, Б.М. Ум полководца / Б.М. Теплов. — М.: Педагогика, 1990. — 208 с.

Судебная и прокурорская деятельность

Опыт правовых и организационных решений в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 по обеспечению в кассационном производстве конституционных гарантий судебной защиты прав, свобод и законных интересов военнослужащих и членов их семей

© **Бабошкин Павел Иванович**, кандидат юридических наук, заместитель председателя Кассационного военного суда, слушатель программы Doctor of Public Administration Института государственной службы и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Автор приводит в контексте анализа руководящих разъяснений высших судебных инстанций и органов судейского сообщества информацию о внедрённых в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 отдельных управленческих решениях в организации работы по пересмотру в порядке кассационного производства судебных актов по гражданским и административным делам, связанным с защитой прав, свобод и законных интересов военнослужащих и членов их семей. Особое внимание уделяется гарантиям доступности правосудия в сфере защиты прав человека и основных свобод и сокращении сроков судопроизводства в кассационной инстанции при соблюдении Кассационным военным судом процессуальных требований в отношении обеспечения баланса прав сторон.

Ключевые слова: защита прав человека и основных свобод; правосудие; доступ к правосудию; баланс прав сторон в судопроизводстве; суд кассационной инстанции.

Review of legal and organizational decisions adopted within the period of the new COVID-19 coronavirus infection in order to secure observation in the course of cassation proceedings of constitutional guarantees of judicial protection of rights, freedoms and lawful interests of military personnel and their family members

© **Baboshkin P.I.**, deputy Chairman of the Military Court of Cassation, candidate of law, Doctor of Public Administration Program listener, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. Within the context of the analysis of the directions of supreme legal instances and bodies of the judiciary, the author provides information about specific managerial decisions adopted within the pandemic period of the new COVID-19 coronavirus infection regarding the arrangement of reviewing under cassation procedure of judicial acts in civil and administrative cases related to the protection of rights, freedoms and lawful interests of military personnel and their family members. Special attention is paid to guarantees of justice access in the field of the protection of human rights and basic freedoms and reduction of the duration of court proceedings in cassation instances with observation of procedural requirements for maintaining the balance of rights of the parties by Cassation Courts Martial.

Key words: protection of human rights and basic freedoms; justice; access to justice; balance of rights of the parties in proceedings; cassation court.

В широком разнообразии теоретических и практических подходов к государственной власти, её происхождению и функциям, а также механизмам ее осуществления, которые предлагает история развития человеческого общества, не подвергалась сама по себе сомнению государственная обязанность обеспечить доступ граждан к правосудию или, как в начале XX в. указывал видный отечественный теоретик права И.Я. Фойницкий, «доставить правосудие населению»¹. В это понятие стандартами современной демократии, как они закреплены в ст. 18 и 46 Конституции Российской Федерации, включается, среди прочего, обязанность публичной власти обеспечить гражданину возможность реализовать своё право на обжалование действий и решений государственных органов и их должностных лиц в рамках национальной юрисдикции, а затем и в межгосударственные органы. Ограничение указанных конституционных прав граждан недопустимо в силу ч. 3 ст. 56 Основного закона, и объективная необходимость введения органами публичной власти на федеральном и местном уровнях ряда ограничений в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, на деятельности по осуществлению правосудия отразилась лишь повышением общественного внимания к суду и судьям в условиях, когда надлежало действовать в сложившихся реалиях при отсутствии соответствующего опыта.

Первичные ограничительные меры на территории России, в основе своей носившие тогда ещё характер рекомендаций, совпали с окончанием первого месяца 2020 г. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1912. С. 157. (Репринтное изд. СПб.: Альфа. 1996).

состоялся за № 239 2 апреля 2020 г., а уже 21 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации, определяя соответствующие ориентиры, утвердил Обзор № 1 по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Следующий обзорный документ с разъяснениями высшей судебной инстанции издан 30 апреля 2020 г., и вплоть до настоящего момента можно констатировать особый контроль за подготовкой актуализированных разъяснений по указанным вопросам и их направлением в нижестоящие суды.

В контексте анализа ряда значимых событий 2020 г., начиная с пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин указал, что «дееспособность власти проверяется в общенациональной беде». «Ответ на ... вызовы неизбежно влечёт за собой существенную трансформацию национальных правовых систем и деятельности государства. Интересы личности — это и есть интересы государства. "Не лица — для учреждений, а учреждения — для лиц". В этом суть правового государства»².

Незадолго до событий, которые послужили основаниями для введения вышеуказанных ограничительных мер, к деятельности по отправлению правосудия приступили апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, в задачи которых входило, среди прочего, введение в отечественный процесс новых судебных процедур, включая институт сплошной кассации.

В выступлении 21 мая 2019 г. на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации Председатель Верховного Суда России В.М. Лебедев отметил, что именно институт сплошной кассации, яв-

² Зорькин В.Д. Возвращение государства // Российская газета — Федеральный выпуск. 2021. № 105 (8456).

ляющийся новой судебной процедурой, определяет смысл проводимой реформы¹.

Процессуальные нововведения вполне закономерно были восприняты не только в профессиональном сообществе, но и в общественном сознании в целом, в качестве наполнения новыми смыслами, отвечающими современным потребностям общества и соответствующими достигнутому уровню организационно-технического обеспечения судов, таких понятий, как доступ заинтересованных лиц к правосудию, гласность и открытость состязательного судебного процесса в условиях, обеспечивающих равноправие всех его участников, наиболее оперативное устранение нарушений их прав и законных интересов, если такие нарушения допущены нижестоящими судебными инстанциями.

Как отметил председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов, «одним из последних ключевых решений в вопросе повышения эффективности стало создание по экстерриториальному принципу кассационных и апелляционных судов ... Высокие показатели работы свидетельствуют о том, что новые суды стали эффективным институтом внутреннего контроля качества судебных решений, что позитивно сказывается на работе всей судебной системы»².

Исходя из общих начал и задач состоявшихся нововведений, судьи Кассационного военного суда с первого дня осуществления деятельности ввели в практику, хотя и не установленную напрямую в нормах процессуального права, не возвращать заявителям те кассационные жалобы по гражданским и административным делам, которые соответствуют предъявляемым процессуальным требованиям, и в отношении принятия которых к производству суда единственным препятствием

явилась подача их с нарушением установленного порядка непосредственно в суд кассационной инстанции, а направлять такие жалобы в суд первой инстанции с извещением об этом заинтересованных лиц, тем самым фактически оказывая последним содействие в доступе к правосудию. Предварительно были проведены обсуждения, по итогам которых судьи пришли к заключению о том, что оказание содействия одной из сторон судопроизводства в такой форме не должно вызывать сомнения в объективности и беспристрастности суда кассационной инстанции, в том числе и в связи с тем, что переадресация жалобы может осуществляться вне рамок принятия процессуальных решений относительно её приемлемости и наличия оснований для передачи к рассмотрению в судебном заседании, а сама по себе ошибка заинтересованного лица в верном определении инстанции при подаче жалобы в суд служит уважительной причиной для восстановления срока в контексте разрешения соответствующего вопроса в процессуальном порядке. Препятствием для отзыва жалобы заинтересованным лицом такая переадресация не является.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судам норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» даны разъяснения, позволяющие констатировать правильность понимания в данном конкретном вопросе целей введения института сплошной кассации и формирования соответствующих судебных органов по экстерриториальному признаку, что особо актуальный характер имеет применительно к деятельности расположенного в г. Новосибирске Кассационного военного суда при том, что к его подсудности в территориальном смысле отнесены дела, связанные с реализацией права на судебную защиту военнослужащих (включая членов их семей), проходящих службу в воинских формированиях, которые дислоцированы на всей территории России и вне границ нашего государства.

¹ Лебедев В.М. Выступление на Пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 21.05.2019. [электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: URL: https://vsrf.ru/press_center/news/27903/ (дата обращения: 27.06.2021).

² Момотов В.В. Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность // Судья. 2021. № 1. С. 7.

В качестве ещё одного практического решения, ориентированного на выполнение поставленных перед Кассационным военным судом задач, можно отметить массив мероприятий, осуществлённых совместно с Управлением по обеспечению деятельности арбитражных и специализированных судов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, следствием которых стала актуализация согласно приказу Генерального директора Судебного департамента от 11 января 2021 г. № 1¹ требований Инструкции по делопроизводству в военных судах в части, связанной с кассационным судопроизводством, и адаптация возможностей государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие». Благодаря этой системе онлайн доступ через личный кабинет участника судопроизводства к актуализированной в режиме реального времени информации о движении, дела, об осуществлённых по нему процессуальных действиях и решениях, включая тексты судебных постановлений, является ситуацией обыденной, к которой все уже привыкли. Изменения в названную Инструкцию дали возможность в рамках того же сервиса без регистрации в личном кабинете, но также вне зависимости от степени своей удалённости относительно места расположения Кассационного военного суда, буквально в день вынесения мотивированного судебного постановления как ознакомиться с его текстом, так и получить в суде первой инстанции, то есть, как правило, по месту своего нахождения, копию кассационного определения, изготовленную на бумажном носителе.

Такие решения, выполняя задачи обеспечения доступа к правосудию и сокращая процессуальные сроки при дальнейшем обжаловании, попутно снижают государственные расходы на почтово-телеграфные отправления. Существенно уменьшить в Кассационном военном суде трудозатраты на обработку поступающих с кассационными жалобами судебных дел и

материалов позволила разработка и внедрение в деятельность судов первой инстанции унифицированной формы сопроводительного письма с тем объёмом актуальной на день подачи кассационной жалобы информации в отношении участников судопроизводства, который позволяет оперативно осуществить первичную регистрацию жалобы и передать её с делом судье для осуществления необходимых процессуальных действий, в то время как весь объём сведений, занесённых в ГАС «Правосудие» ранее стадии кассационного производства, поступает на диск с электронным образом дела, что позволяет сотрудникам аппарата Кассационного военного суда учитывать эти сведения в автоматизированном режиме, осуществляя лишь их проверку и актуализацию. На дальнейшее снижение таких затрат и расходов ориентировано предполагаемое расширение функционала ГАС «Правосудие» до возможности передачи указанной информации по каналам единой системы или даже непосредственного её получения через соответствующий доступ авторизованными пользователями системы, над чем активно работают сотрудники Информационно-аналитического центра Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Организационное взаимодействие сотрудников Информационно-аналитического центра с Управлением по обеспечению деятельности арбитражных и специализированных судов, которым готовились необходимые изменения в Инструкцию по делопроизводству в военных судах, позволило Кассационному военному суду достаточно оперативно внедрить адаптационные изменения в программном обеспечении ГАС «Правосудие» для выполнения требований процессуального закона к формированию коллегиального состава суда. Наиболее эффективно работу с использованием программного изделия ГАС «Правосудие» «Модуль распределения дел» в таком формате, которым обеспечивается рассмотрение 100 % гражданских и административных дел в пределах установленных в законе сроков, удалось организовать исходя из отсутствия процессуальных препятствий к разреше-

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 1 «О внесении изменений в Инструкцию по делопроизводству в военных судах».

нию вопросов о приемлемости поступившей кассационной жалобы и передаче её для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции как судьей-докладчиком в судебном заседании, так и другим из числа судей сформированного коллегиально состава суда.

Заметно активизировалось стремление заинтересованных лиц реализовать своё право на участие в судебном заседании суда кассационной инстанции с использованием систем видеоконференц-связи. Заместитель начальника Главного управления организационно-правового обеспечения деятельности судов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Б.И. Минкин констатировал, что «не осталось ни одного федерального суда, не использовавшего непосредственно на практике в период пандемии информационные технологии»¹.

Именно эти обстоятельства на статистических данных Кассационного военного суда отразились незначительно, поскольку особенности широкой в территориальном смысле подсудности уже сами по себе предполагают активное использование средств видеоконференц-связи в ходе судебного разбирательства. Как следствие, в период действия ограничений согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 количество гражданских и административных дел, при рассмотрении которых Кассационным военным судом осуществлялась видеоконференц-связь с иными судами, увеличилось, согласно имеющейся в ГАС «Правосудие» информации, менее чем на 2 %.

Однако следует отметить, что все имеющиеся по данному вопросу статистические данные практически полностью соответствуют числу обращений заинтересованных лиц с просьбами об обеспечении им возможности участвовать в рассмотрении кассационной жалобы с использованием средств видеоконференц-связи, поскольку в практике Кассационного военно-

го суда отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства возможен лишь как исключительный случай, обусловленный, как правило, отсутствием технической возможности при явном отсутствии оснований к отложению судебного разбирательства на более поздний срок или невозможностью использования систем видеоконференц-связи ввиду разбирательства дела в закрытом судебном заседании.

Вне зависимости от наличия либо отсутствия такого ходатайства на день принятия кассационной жалобы к производству суда дата и время судебного заседания по ней определяется в каждом конкретном случае Кассационным военным судом, осуществляющим правосудие на территориях, отнесённых к девяти различным часовым поясам, с учётом рабочего времени в часовом поясе как по месту расположения суда, так и в часовых поясах территорий, где заинтересованные лица находятся либо проживают. Это позволяет обеспечить соблюдение требований к законности и разумности сроков судопроизводства, исключив при этом даже потенциальную возможность нарушения прав сторон на участие в судебном заседании избранным ими способом.

Одним из итогов накопления опыта по данному направлению стало решение об обязательном, наравне с информированием о времени и месте судебного разбирательства по делу, извещении об организации видеоконференц-связи судом кассационной инстанции как заявившего ходатайство лица, так и иных участников судопроизводства. Этим обеспечивается равенство сторон в выборе ими способа реализации своих прав, соблюдаются процессуальные требования в отношении состязательности судебного процесса.

В целях эпидемиологической безопасности посетителей, сотрудников суда и самих участников судопроизводства, многие из которых также и в период пандемии продолжили прибывать из различных регионов для личного своего участия в рассмотрении дела Кассационным военным судом, введено в практику зонирование пространства присутственных мест, а также использование в рамках одного судеб-

¹ Материалы дискуссионной площадки. Клуб имени Замятнина. Судебная власть во время пандемии // Судья. 2021. № 1. С. 64.

ного процесса средств видеоконференц-связи, расположенных хотя и в пределах здания суда, но в различных помещениях, в одном из которых могут находиться судьи и секретарь судебного заседания, а в другом (других) – прибывшие участники. Реализовывались иные меры общего, а при необходимости и частного характера, исходя из смысла ограничений, которые были установлены на федеральном и местном уровнях. При этом судьи, сотрудники аппарата суда и судебные приставы были ориентированы на выполнение всех необходимых действий по формированию у участников процесса не только понимания необходимости следовать правилам, но и осознания, что правила обязательны и едины для всех, без исключения. Х.И. Гаджиевым отмечено, что судебный «контроль является ключевым средством предотвращения злоупотреблений и одновременного укрепления доверия общества к применяемым временным ограничениям»¹.

Как следствие, за истекший с начала деятельности Кассационного военного суда период времени не поступило ни одного внепроцессуального обращения в отношении действий (бездействия) его сотрудников, содержащиеся в котором доводы были бы признаны обоснованными по итогам самого досконального разбирательства.

Данная констатация приведена в качестве дополнительной иллюстрации к тому, чтобы акцентировать внимание на синергетическом эффекте возможностей сочетания достижений цифровизации в рамках осуществления публичной властью функции по доставке населению правосудия с подходом судей и сотрудников аппарата суда к реализации его социально значимых функций по разрешению конфликтов в обществе и государстве. Особую актуальность рассуждения на эту тему приобретают в свете ожиданий от предстоящего уже в текущем году запуска суперсервиса «Правосудие онлайн», исходя из соответ-

ствующих анонсов в официальных средствах массовой информации².

При этом уместно уже на сегодняшнем этапе противодействовать смешению в общественном сознании понятия применение цифровых технологий в целях обеспечения доступности государственной услуги с отправлением правосудия в порядке реализации тех задач, которые решаются при рассмотрении судебных дел в каждом виде судопроизводства. Обеспечить в каждом конкретном случае возможность правильного восприятия судебного процесса и его результатов всеми, кто в этом заинтересован, по силам лишь судье-человеку, осознающему свои социально значимые обязанности и несущему перед обществом ответственность за законность и обоснованность принимаемых судебных актов, который столь высокими статусом и полномочиями наделён именно с целью выполнения функции по отправлению правосудия именем Российской Федерации.

Библиография

1. Зорькин, В.Д. Возвращение государства / В.Д. Зорькин // Российская газета — Федеральный выпуск. — 2021. — № 105 (8456).
2. Момотов, В.В. Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность / В.В. Момотов // Судья. — 2021. — № 1. — С. 4—9.
3. Организация работы аппаратов судов общей юрисдикции по обеспечению судебной деятельности : научно-практическое пособие / Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Российская акад. Правосудия / Ершов В.В. (отв. ред.). — 2-е изд., доп. и испр. — М.: РАП, 2011. — 286 с.
4. Судебная практика в правовой системе России / ред. Хабриева Т.Я., Лазарев В.В. — М.: Норма, 2020. — 432 с.
5. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб.: Сенатская типография. Репринт. изд. : Альфа, 1996. — 552 с.
6. Хабриева, Т.Я. Тематический комментарий к закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. — М.: Норма, 2020. — 240 с.

¹ Гаджиев Х.И. Информационные технологии и судебный контроль за вмешательством публичной власти в права человека // Судья. 2021. № 1. С. 25.

² См. напр.: Судимся в сети. Разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн» // Российская газета — Федеральный выпуск. 2020. № 105 (8456). Судимся на диване. Сервис «Правосудие онлайн» позволит судиться дистанционно // Российская газета — Федеральный выпуск. 2021. № 3 (8354).

7. Чепурнова, Н.М. Конституционные основы, формы и методы государственного управления : научное издание / Н.М. Чепурнова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 887 с.

8. Чепурнова, Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.М. Чепурнова. — Ростов-на-Дону, 1999. — 484 с.

Проблемы реализации и основные направления совершенствования судебной защиты имущественных прав военных организаций в Российской Федерации

© Мамонова Марина Васильевна,
преподаватель кафедры «Транспортное право»
Юридического института Российского универси-
тета транспорта, главный юрисконсульт ФГКУ
«Центральное территориальное управление
имущественных отношений» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В настоящей статье рассматривается современное состояние правового положения имущества и гражданских прав военных организаций, анализируются проблемы реализации и основные направления совершенствования защиты имущественных прав военных организаций в Российской Федерации.

Ключевые слова: военная организация, военное право, воинская часть, Вооруженные Силы Российской Федерации, государственный режим, имущественные права, Министерство обороны Российской Федерации, органы военного управления.

Problems of implementation and the main directions of improving the protection of property rights of military organizations in the Russian Federation

© Mamonova M.V.,
lecturer of Law Institute of the Russian University of
Transport, general counsel of the State-owned Fed-
eral State Institution "Central territorial administra-
tion of property relations" of the Ministry of defence
of the Russian Federation

Abstract. This article examines the current state of the legal status of property and civil rights of military organizations, analyzes the problems of implementation and the main directions of improving the protection of property rights of military organizations in the Russian Federation.

Keywords: military organization, military law, military unit, Armed Forces of the Russian Federation, state regime, property rights, Ministry of Defense of the Russian Federation, military administration bodies.

Как известно, воинские части, относящиеся к системе органов военного управления в Российской Федерации, при регистрации их в качестве юридических лиц могут выступать участниками как гражданского, так и арбитражного судопроизводства.

Между тем далеко не все военные организации обладают статусом юридического лица, прежде всего, это относится к воинским частям, которые формально отвечают многим признакам юридического лица, однако официально в качестве тако-

вых не зарегистрированы. Данное положение неопределенности материально-правового статуса воинских частей зачастую затрудняет определение их статуса в судебном процессе. При возникновении споров по поводу имущественных отношений с их участием, в первую очередь, возникают вопросы о правовом положении последних, правовом положении находящегося в их пользовании имущества и наличии у таких воинских частей права на судебную или внесудебную защиту имущества.

Рассматривая ситуацию с точки зрения военного законодательства, отметим, что, в соответствии с п. 71 п. 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Минобороны России осуществляет в пределах своей компетенции правомочия собственника имущества, закрепленного за Вооруженными Силами Российской Федерации, а также правомочия в отношении земель, лесов, вод и других природных ресурсов, предоставленных в пользование Вооруженным Силам Российской Федерации.

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» Минобороны России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, находящимся у Вооруженных Сил Российской Федерации на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, земельными участками, находящимися на праве постоянного (бессрочного) пользования, имуществом подведомственных ему федеральных государственных унитарных предприятий и государственных учреждений.

Согласно п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» имущество Вооруженных Сил Российской Федерации является федеральной собственностью. Военные организации пользуются, распоряжаются предоставленным им имуществом на правах хозяйственного ведения или на правах оперативного управления. Ст. 6 указанного закона устанавливает, что Правительство Российской Федерации организует оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации вооружением и военной техникой по их заказам и организует обеспечение материальными средствами, энергетическими и другими ресурсами и услугами, определяет условия их хозяйственно-экономической деятельности, устанавливает порядок предоставления и использования для нужд Вооруженных Сил Россий-

ской Федерации земель и других природных ресурсов.

Из вышеизложенного следует, что при отсутствии у воинских частей государственной регистрации в качестве юридических лиц миссия защиты спорных имущественных прав возлагается на Правительство Российской Федерации. В то же время закон не уточняет, представители какого именно органа исполнительной власти обязаны защищать оспоримые имущественные права военных организаций, не являющихся юридическими лицами, в судебном процессе. Так, до 2004 г. полномочия по сдаче в установленном порядке в аренду высвобождаемых нежилых помещений, находящихся на балансе Минобороны России, были предоставлены территориальным органам Министерства государственного имущества Российской Федерации. 8 апреля 2004 г. постановлением Правительства Российской Федерации № 200 указанные полномочия были переданы Федеральному агентству по управлению федеральным имуществом¹. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1624 «О некоторых мерах по организации управления федеральным имуществом» Федеральное агентство по управлению государственным имуществом уполномочено с 2008 г. решать вопросы реализации высвобождаемого военного имущества, за исключением имущества, не подлежащего приватизации, имущества Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций.

Таким образом, на законодательном уровне установлено, что представители различных органов исполнительной власти Федерального агентства по управлению государственным имуществом и Министерства обороны Российской Федерации, которые не связаны между собой ни договорными обязательствами по поводу военного имущества, ни отношениями подчиненности, обязаны защищать имуществен-

¹ Вопросы Федерального агентства по управлению федеральным имуществом : постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2004 г. № 200 (ныне утратило силу).

ные права военных организаций, не зарегистрированных в качестве юридических лиц.

Обозначенная двойственность правового положения создает вокруг имущества военных организаций — не юридических лиц — весьма нестабильную обстановку. Отсутствие характерной для гражданско-правового государственного режима равноправной правовой позиции законодателя включает риск субъективной ведомственной заинтересованности, которая может разрушить единый общегосударственный порядок защиты гражданских прав субъектов.

Несогласованность военного и гражданского законодательства и практики его применения при защите гражданских прав военных организаций усугубляется сложившейся противоречивой судебной практикой, не содержащей однозначной позиции в данном вопросе. При этом изучение практики пересмотра судебных решений подтверждает, что причиной пересмотра нередко является бессистемность и некорректность положений законодательства, вводящих в заблуждение как судей, которые впоследствии выносят некорректные решения, так и представителей сторон.

Так, например, решением Арбитражного суда Воронежской области от 7 июня 2018 г. по делу № А14-7467/2017 частично удовлетворены иски требования ТСЖ «Павловский 56». Суд обязал федеральное государственное казенное учреждение «Центральное территориальное управление имущественных отношений» Министерства обороны Российской Федерации в течение 6 месяцев с момента вступления в законную силу решения суда произвести ремонт входных групп подъездов № 1—7 жилого многоквартирного дома № 56 по пер. Павловский в г. Воронеже с устройствами фундамента должного заложения, а именно не менее 1,06 м под строительными конструкциями входных групп жилого многоквартирного дома № 56 по пер. Павловский в г. Воронеже в соответ-

ствии с проектно-сметной документацией¹.

Признавая ФГКУ «Центральное территориальное управление имущественных отношений» Минобороны России надлежащим ответчиком по делу об обязанности устранения недостатков, суд исходил из того, что решением Реутовского городского суда Московской области по делу № 2-808/2012 от 4 октября 2012 г. установлено, права и обязанности войсковой части № 48699 перешли к войсковой части № 44823 в порядке правопреемства (во исполнение директив Министра обороны Российской Федерации и Главного штаба ВВС), данные о правопреемстве, установленные решением Реутовского городского суда Московской области, в силу ст. 69 АПК РФ имеют преюдициальное значение для рассмотрения настоящего дела, и имеют отношение к лицам, участвующим в настоящем деле.

Исходя из информации предоставленной Департаментом претензионной и судебно-правовой работы Минобороны России, войсковые части № 48699, № 44823 входили в состав Военно-воздушных сил и дислоцировались в г. Москве. К 1 декабря 2013 г. условное наименование «войсковая часть № 48699» было аннулировано. Войсковая часть № 44823 расформирована к 1 июня 2008 г. Информации о регистрации указанных войсковых частей как юридических лиц не имелось (письмо исх. № 314/7/1631 от 28.04.2018).

Актами приема-передачи квартир ЗАО СМП «Электронжилсоцстрой» сдало 90 квартир войсковой части № 48699, 107 квартир Орловской КЭЧ района (федеральное государственное квартирно-эксплуатационное учреждение «Орловская квартирно-эксплуатационная часть района» Министерства обороны Российской

¹ Решение Арбитражного суда Воронежской области от 07.06.2018 по делу № А14-7467/2017 // Электронное правосудие: система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/849534c8-0a52-417b-b9cc-55d7a515f421/e6c5b992-3ec5-44ee-b72e-df46767545f7/A14-7467-2017_20180607_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30 октября 2021 г.).

Федерации). Согласно контрольным талонам к ордерам на жилое помещение, ордерам на жилое помещение, Комитетом по управлению жилищным фондом жилья площадь была предоставлена Воронежской КЭЧ (федеральное государственное квартирно-эксплуатационное учреждение «Воронежская квартирно-эксплуатационная часть района» Министерства обороны Российской Федерации). Однако Орловская КЭЧ и Воронежская КЭЧ прекратили деятельность в качестве юридических лиц путем реорганизации в форме присоединения 01.09.2011 к ФГКУ «Центральное ТУИО» Минобороны России.

В соответствии с п. 2 ст. 58 ГК РФ при присоединении юридического лица к другому юридическому лицу к последнему переходят права и обязанности присоединенного юридического лица.

При изложенных обстоятельствах, в силу п. 2 ст. 58 ГК РФ к ФГКУ «Центральное ТУИО» Минобороны России перешли права и обязанности присоединенных юридических лиц, то есть Орловской КЭЧ и Воронежской КЭЧ.

В то же время Двенадцатый арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 24 июня 2015 г. по делу № А57-3062/2014, рассматривая довод стороны в аналогичном споре, возложил на Министерство обороны Российской Федерации обязанность по устранению недостатков¹.

В рассматриваемом деле суд исходил из следующего.

Администрацией города Саратова 9 октября 2008 г. войсковой части № 32487 было выдано разрешение на строительство № RU 64304000-210, в соответствии с которым было разрешено строительство объекта капитального строительства — жило-

го дома № 1 (А, Б, В), расположенного по адресу: г. Саратов, Ленинский район, 3-й Московский проезд.

Впоследствии Администрацией города Саратова застройщику — войсковой части № 32487 31 декабря 2008 г. было выдано разрешение на ввод объекта в эксплуатацию № RU 64304000-118, в соответствии с которым Администрация города Саратова, руководствуясь ст. 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации, разрешила ввод в эксплуатацию построенного объекта капитального строительства: жилой дом № 1 (А, Б, В), расположенный по адресу: г. Саратов, Ленинский район, 3-й Московский проезд.

Решением Ленинского районного суда г. Саратова от 18 ноября 2011 г. по делу № 2-2926/2011 по иску Волковой Веры Анатольевны, Волковой Олеси Александровны, Волкова Максима Александровича к ООО «Электронстрой-1», Министерству обороны Российской Федерации, войсковой части № 32487, с последней взыскано в пользу Волковой В.А. 40 000 руб. неустойки, 30 000 руб. компенсации морального вреда, 10 000 руб. в возмещение судебных расходов на оплату услуг представителя, в пользу Волковой О.А. — 40 000 неустойки, 30 000 руб. компенсации морального вреда, в пользу Волкова М.А. — 40000 руб. неустойки, 30 000 руб. компенсации морального вреда, в доход муниципального бюджета взыскано 3 800 руб. государственной пошлины, в удовлетворении исковых требований к Министерству обороны Российской Федерации и ООО «Электронстрой-1» отказано. Судом общей юрисдикции установлено, что войсковая часть № 32487 должна нести ответственность за нарушение условий договора, поскольку именно она приняла на себя обязательства по осуществлению строительства и ввода в эксплуатацию спорного жилого дома.

Определением Ленинского районного суда г. Саратова от 29 августа 2012 г. по данному делу разрешен вопрос о процессуальном правопреемстве ввиду того, что в списках Федерального казначейства и Минобороны России войсковая часть № 32487 не значится. Согласно сведениям Межрай-

¹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. по делу № А40-76221/2017 // Электронное правосудие: система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3d6b4509-2332-4817-8ef8-974ddfaf88cf/64b211d0-8633-4a0a-bc41-cb304a4a7d14/A57-3062-2014_20150624_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30 октября 2021 г.).

онной инспекции ФНС России № 49 по г. Москва у войсковой части № 32487 отсутствует расчетный счет. Из письма организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 29 мая 2012 г. войсковая часть № 32487 расформирована 1 июня 2008 г. Согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц единственным учредителем учреждения — войсковая часть № 32487 является Минобороны России.

Таким образом, в аналогичном споре судом была произведена замена войсковой части в порядке универсального правопреемства уже на Минобороны России, что в сущности подтверждает достаточно сложную и неоднозначную схему перехода имущественных прав и обязанностей различных органов военного управления между собой.

Разделение властных полномочий, несогласованность положений законодательства, отсутствие единой практики его применения наглядно демонстрируют значительность влияния в России ключевых составляющих административного государственного режима. Для этого режима характерно использование административно-привилегированного, внесудебного или внутриведомственного порядка разрешения имущественных споров субъектов. Подобная ситуация чревата сохранением и развитием пресекаемых Правительством Российской Федерации коррупционных проявлений. Вследствие чего, во избежание злоупотреблений со стороны должностных

лиц военных организаций, на современном этапе необходимо:

— детально регламентировать порядок защиты гражданских (имущественных) прав военных организаций;

— устранить двойственность правового положения имущества военных организаций;

— минимизировать диапазон вариантов возможных решений должностных лиц (принимаемых в пределах их компетенции);

— организовать эффективную систему вневедомственного контроля деятельности представителей органов исполнительной власти (Федосюк А.П. Особенности современной защиты имущественных прав военных организаций в России // Военное право. 2012. № 3. С. 89).

Указанные положения, в случае нарушения имущественных прав воинских частей и соединений (как являющихся, так и не являющихся юридическими лицами), должны помочь их представителям установить пределы компетенции при защите гражданских (имущественных) прав военных организаций и соответствующую уполномоченную организацию, к которой следует обращаться с требованием о судебной или внесудебной защите нарушенных гражданских прав или привлечении к субсидиарной ответственности.

Библиография

Федосюк, А.П. Особенности современной защиты имущественных прав военных организаций в России / А.П. Федосюк // Военное право. — 2012. — № 3. — С. 83—94.

Соотношений понятий «тактика» и «методика» в прокурорском надзоре

© Махьянова Римма Мубараковна,
преподаватель 25 каф. Военного университета

Аннотация. В статье раскрыты содержание и взаимосвязь понятий тактика и методика прокурорского надзора, даны авторские определения указанным понятиям.

Ключевые слова: органы прокуратуры; прокурорский надзор; тактика прокурорского надзора; методика прокурорского надзора.

Correlations of the concepts of "tactics" and "methodology" in professional supervision

© Makhyanova R.M.,
teacher of the 25th Department of the Military University

Annotation. The article reveals the content and interrelation of the concepts of tactics and methods of prosecutorial supervision, author's definitions of these concepts are given.

Keywords: prosecutorial bodies; prosecutorial supervision; tactics of prosecutorial supervision; methods of prosecutorial supervision.

По устоявшейся традиции в теории прокурорского надзора его такие основные понятия как «тактика» и «методика» употребляются во взаимной связи. Исходя из обобщенного опыта прокурорской деятельности такое совместное употребление вышеупомянутых терминов является вполне обоснованным применительно к вопросам, связанным с организацией и проведением проверок, и реализацией их результатов.

Хотя «тактика» и «методика» — взаимосвязанные понятия, тактика существенно отличается от методики и, является, по сути своей, базовой основой для ее разработки. Иными словами, разработка наиболее действенных способов в конкретных надзорных ситуациях посредством тактики служит в дальнейшем основой для составления определенной методики (или методических рекомендаций) проведения проверки.

В настоящее время в органах прокуратуры отсутствует единый образец такого документа. Исходя из этого, составление методик во многом носит творческий характер, а их использование в надзорной практике востребовано в особенности мо-

лодыми специалистами, не имеющими достаточного опыта профессиональной деятельности.

В теории прокурорского надзора тактика и методика разграничены как основные понятия прокурорского надзора. Однако, ввиду недостаточной разработанности теоретических основ тактики и методики прокурорского надзора, указанные понятия зачастую смешиваются и (или) подменяются¹.

Так, некоторыми учеными под методикой прокурорской проверки понимается совокупность рекомендаций, а также методов и приемов, которые применяются прокурорами в целях выявления, пресечения, устранения и предупреждения нарушений законодательства². Методика про-

¹ Коробейников Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора // Социалистическая законность. 1986. № 1; Коршунова О.Н. Методика и тактика проведения прокурорской проверки. СПб., 2014; Ломовский В.Д. Курс прокурорского надзора в Российской Федерации : монография. Тверь, 2004; Маркелов Т.Л. Тактика общего надзора прокуратуры и ее соотношение с методикой // Советская прокуратура на страже законности. Саратов, 1973.

² Коршунова О.Н. Указ. соч. С. 77.

курорской проверки исполнения законодательства — это совокупность рекомендаций, а также методов и приемов, которые применяются прокурорами в целях выявления, пресечения, устранения и предупреждения нарушений законодательства¹.

Позднее в теории прокурорского надзора появилось уточненное понятие методики прокурорского надзора, под которой понимается совокупность методов и приемов, применяемых прокурорами в целях выявления нарушений законов и способствующих им обстоятельств, установления лиц, совершивших правонарушения и способствовавших им, причиненного противоправными деяниями вреда, а также устранения и предупреждения нарушений законов в будущем, привлечения к ответственности виновных лиц и возмещения вреда².

В толковых словарях русского языка под методикой понимается совокупность методов практического выполнения чего-нибудь. В свою очередь толкования термина «метод» разнятся³. В одном из значений — это способ достижения цели или осуществления чего-нибудь, в другом — совокупность приёмов. Прием — способ в осуществлении чего-нибудь⁴.

Таким образом, в одном случае понятия терминов «метод» и «прием» отождествляются, а в другом — метод трактуется как совокупность приемов, т.е. прием является составной частью метода. Из этого следует, что понятия «метод» и «прием» соотносятся между собой как общее и частное.

Методы широко используются в профессиональной деятельности. Так, различают методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент); методы теоретического исследования (абстрагирование, анализ и синтез, идеализация, индукция и дедукция, мысленное моделирование, восхождение

от абстрактного к конкретному и др.); методы лечения различных заболеваний; методы обработки металла и т.п.

В прокурорском надзоре используются различные методики (методические рекомендации) по организации и проведению проверок.

В толковых словарях русского языка «методический» означает — строго последовательный, систематичный, точно следующий плану. Из этого следует, что методические рекомендации — это совокупность последовательных методов и приемов, применяемых прокурорами при организации и осуществлении проверок.

Надзорная функция прокурора или прокурорский надзор реализуется в целях обеспечения верховенства закона, восстановления законности⁵. Для этого прокурорами применяются правовые средства по выявлению, устранению нарушений закона, причин и условий им способствующих, предупреждению правонарушений, контролю за выполнением требований прокурора. Эта деятельность прокуроров, на наш взгляд, подлежит систематизации в самостоятельные взаимосвязанные этапы, каждый из которых имеет свои промежуточные цели и задачи, достигаемые путем реализации наиболее целесообразных способов действий. Иными словами, каждый этап можно охарактеризовать, как самостоятельный метод, представляющий собой совокупность целенаправленных действий.

Совокупность последовательных методов и приемов, используемых прокурорами, составляют собой единую целостную систему этапов прокурорского надзора, которая раскрывается в методиках и методических рекомендациях об организации и проведении прокурорских проверок по направлениям надзора. Наряду с этим, в методических рекомендациях в обязательном порядке присутствуют результаты анализа состояния законности в конкретном периоде времени и надзорной практики (положительного опыта прокуроров), нормативное регулирование предмета

¹ Там же.

² Прокурорский надзор : учебник. Т. 1. Общая часть. М.: ЮРАЙТ, 2017. С. 114, 115.

³ Большой энциклопедический словарь. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1991; Толковый словарь русского языка. М.: Изд. «АЗЪ», 1992.

⁴ Толковый словарь русского языка.

⁵ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 1.

надзора с указанием основных объектов и субъектов надзора.

Однако, как нами уже замечено, методические рекомендации являются продуктом разработанной тактики применительно к условиям и обстоятельствам складывающейся конкретной ситуации.

Вместе с тем в методиках, как правило, не учитываются факторы, влияющие на динамику ситуации, которые заранее невозможно предусмотреть. Прокурор лишь может прогнозировать дальнейшее развитие ситуации с учетом имеющихся объективных данных. Здесь речь идет о надзорной ситуации, понятие которой не ограничивается наличием данных о состоянии законности на поднадзорном объекте¹, а включает и факторы объективного и субъективного характера, оказывающие на нее влияние. Поэтому употребление термина «надзорная ситуация» наиболее целесообразно при разработке тактики прокурорского надзора.

С учетом изложенного, определение понятия методики прокурорского надзора нуждается в уточнении.

Как уже отмечалось, основы теории тактики прокурорского надзора до настоящего времени не исследованы. Советские ученые, проводившие теоретические исследования по прокурорскому надзору, полагали, что теория прокурорской тактики состоит из двух частей. В общей части должно содержаться понятие тактики прокурорского надзора, ее основные положения, охватывающие вопросы планирования прокурорских мероприятий, учение о надзорных версиях и организационные принципы надзорной деятельности.

Особенная же часть должна содержать тактику проведения отдельных прокурорских действий по отраслям прокурорского надзора. Применительно к общенадзорной деятельности тактика выражается в следующем:

а) планирование прокурорских мероприятий (оно включает выбор объектов,

где они должны проводиться; определение задач намечаемых мероприятий и подлежащих выявлению вопросов; выбор приемов проведения мероприятий; определение оптимальных сроков выполнения намеченных мероприятий, участников работы и их задач; разработка рациональных форм реализации результатов);

б) разработка версии, которая может выдвигаться не только по уголовному делу, но и в надзорной деятельности прокурора;

в) организационные принципы деятельности по проведению надзорных мероприятий, в частности, привлечение к участию в мероприятиях представителей общественности, специалистов, осуществление координации действий органов прокуратуры и других органов (по цели, месту, времени, программе); решение ряда вопросов по обеспечению контактов с различными лицами, условий для работы, полноты и всесторонности информации, своевременности ее анализа².

С данной позицией нельзя не согласиться. На наш взгляд, основы теории тактики прокурорского надзора должны состоять из двух частей:

1) теоретические основы содержания тактики прокурорского надзора и методология ее разработки и реализации;

2) разработка и реализация тактики на каждом из этапов прокурорского надзора и подготовка методических рекомендаций.

Здесь уместно отметить, что методика вбирает в себя и тактический опыт прокуроров, т.е. разработанные ими посредством тактики индивидуальные действенные способы, позволяющие достичь намеченной цели при наименьших затратах времени и сил.

Начиная с советского периода времени, учеными и практиками предложены различные трактовки понятий «прокурорская тактика», «тактика прокурорского надзора» и т.п.

¹ Маликов С.В., Махьянова Р.М. Надзорная ситуация как один из главных компонентов разработки и реализации прокурорской тактики // Военное право. 2021. № 5. С. 161—167.

² Маркелов Т.Л. Тактика общего надзора прокуратуры и ее соотношение с методикой // Советская прокуратура на страже законности. Саратов: Изд. Саратовского университета, 1973. С. 27.

Более двадцати лет тому назад было дано понятие тактики прокурорского надзора, как «определение и реализация прокурором путей (методов и приемов) наилучшей организации и осуществления прокурорского надзора и иной деятельности с учетом сложившейся обстановки (жизненной ситуации) в целях достижения наилучших конечных результатов»¹.

Некоторые советские ученые полагали, что тактика прокурорского надзора заключается в искусстве организации и проведения надзорных мероприятий и отдельных проверочных действий².

Тактику прокурорской проверки можно определить как совокупность научно обоснованных приемов и средств реализации полномочий прокурора при подготовке, проведении и оценке результатов прокурорской проверки³. По нашему мнению, тактика прокурорского надзора, учитывая ее элементы, методологию разработки и реализации, кроме состояния законности в конкретном периоде времени включает и все динамические процессы, связанные с предметами и объектами проверок объективного и субъективного характера.

Процессы организации и проведения проверок являются достаточно сложными по структуре, и при разработке тактики прокурору, учитывая состояние законности при различных условиях, возникающих при этом, необходимо избрать наиболее оптимальные пути для достижения цели проверок. Поэтому, надзорная ситуация — это элемент тактики, который включает, кроме данных о состоянии законности, все остальные обстоятельства, возникающие в процессе организации и осуществления прокурорского надзора.

Также следует подчеркнуть, что роль тактики не ограничивается разработкой способов действий в целях подготовки методических рекомендаций. Тактика учитывает все стороны и условия надзорной си-

туации этапов надзорной деятельности. В отличие от методики, она подвижна и динамична, и ее разработка обусловливается возникшей необходимостью поиска и реализации рационального решения в конкретной надзорной ситуации.

Методика же является продуктом разработанной тактики (определенными правилами) и применяется при конкретных обстоятельствах состояния законности, без учета динамических процессов надзорной ситуации.

Таким образом, применение методик, по нашему мнению, в любых обстоятельствах, должно сочетаться с тактической корректировкой изложенных в них способов действий.

Подводя итог сказанному, под *тактикой прокурорского надзора* нами понимается поиск и реализация рациональных решений в ситуациях, требующих разработки и реализации наиболее целесообразных способов действий при организации и осуществлении надзорных мероприятий.

Под *методикой прокурорского надзора* следует понимать совокупность методов и приемов, реализуемых и разработанных прокурорами посредством тактики с учетом данных о состоянии законности в конкретном периоде времени в ходе организации и осуществления надзорных мероприятий.

Библиография

1. Коробейников, Б.В. Методика, тактика и организация общего надзора / Б.В. Коробейников // Социалистическая законность. — 1986. — № 1.
2. Коршунова, О.Н. Методика и тактика проведения прокурорской проверки / О.Н. Коршунова. — СПб. 2014.
3. Ломовский, В.Д. Курс прокурорского надзора в Российской Федерации : монография / В.Д. Ломовский. — Тверь, 2004.
4. Маликов, С.В. Надзорная ситуация как один из главных компонентов разработки и реализации прокурорской тактики / С.В. Маликов, Р.М. Махьянова // Военное право. — 2021. — № 5.
5. Маркелов Т.Л. О взаимосвязи органов прокуратуры с общественностью в работе по укреплению законности и борьбе с преступностью / Т.Л. Маркелов // Вопросы прокурорского надзора : сборник научных трудов. — М., 1972.
6. Маркелов, Т.Л. Тактика общего надзора прокуратуры и ее соотношение с методикой / Т.Л. Маркелова // Советская прокуратура на страже законности. — Саратов, 1973.

¹ Прокурорский надзор : учебник. С. 114, 115.

² Маркелов Т.Л. О взаимосвязи органов прокуратуры с общественностью в работе по укреплению законности и борьбе с преступностью // Вопросы прокурорского надзора : сборник научных трудов. М., 1972. С. 96.

³ Коршунова О.Н. Указ. соч. С. 17.

Юридическая ответственность военнослужащих

Дисциплинарная ответственность военнослужащих за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны: вопросы теории и практики

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор 25 кафедры ФГВКОУ ВО
«Военный университет» Министерства обороны
Российской Федерации

© Кравцов Виталий Владимирович,
соискатель 25 кафедры ФГВКОУ ВО «Военный
университет» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются отдельные аспекты привлечения военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации к дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны, имеющие, по мнению авторов, высокую степень актуальности и практической значимости. На основе применения методологии системно-правового подхода рассматриваются теоретические проблемы, связанные с пониманием сущности, особенностей и оснований применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны. Формально-логический анализ приводит к умозаключению о наличии, несмотря на достаточно значимый пласт научных работ по исследуемой и сопоставимой с предметной составляющей проблематике, целого ряда нерешённых теоретических вопросов принципиального характера. Применение инструментария формально-догматического подхода приводит к выводу о наличии пробелов и противоречий правового регулирования, влекущих за собой проблемы правоприменения. По результатам исследования авторами указывается на неотложную необходимость и настоятельную потребность в обеспечении органов военного управления, командиров и начальников научно-обоснованными методическими рекомендациями по осуществлению административно-процессуальной деятельности в целях принятия законных и обоснованных решений по фактам правонарушений, недопущения нарушений прав и законных интересов военнослужащих и военных организаций. В выводной части статьи резюмируется необходимость дальнейшей научной проработки вопросов, связанных с привлечением военнослужащих, виновных в нарушении законодательства Российской Федерации о государственной тайне к дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: военное право, военнослужащие, ответственность, государственная тайна, дисциплинарная ответственность.

Disciplinary responsibility of military personnel for violations of legislation in the field of protection of state secrets: issues of theory and practice

© Zemlin A.I.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the
Russian Federation, Professor of the 25th Department
Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation

© Kravtsov V.V.,

candidate of the 25th Department of Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes certain aspects of bringing servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation to disciplinary responsibility for violations of legislation in the field of protection of state secrets, which, according to the authors, have a high degree of relevance and practical significance. Based on the application of the methodology of the system-legal approach, theoretical problems related to understanding the essence, features and grounds for applying disciplinary liability to military personnel for violations of legislation in the field of protection of state secrets are considered. The formal logical analysis leads to the conclusion that, despite a sufficiently significant layer of scientific papers on the studied and comparable to the subject component of the problem, there are a number of unresolved theoretical issues of a fundamental nature. The use of the tools of the formal-dogmatic approach leads to the conclusion that there are gaps and contradictions of legal regulation, entailing problems of law enforcement. According to the results of the study, the authors indicate the urgent need and urgent need to provide military administration bodies, commanders and chiefs with scientifically sound methodological recommendations for the implementation of administrative procedural activities in order to make legitimate and informed decisions on the facts of offenses, to prevent violations of the rights and legitimate interests of military personnel and military organizations. The concluding part of the article summarizes the need for further scientific study of issues related to the involvement of military personnel guilty of violating the legislation of the Russian Federation on state secrets to disciplinary responsibility.

Keywords: military law, military personnel, responsibility, state secret, disciplinary responsibility.

Как следует из названия статьи и аннотации, исследовательской целью, поставленной перед собой авторами, является системно-правовой анализ проблем привлечения военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации к дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны.

Актуальность и практическая значимость научной проработки данной проблематики предопределена необходимостью выработки научно обоснованных мер, включая средства организационно-правового характера, обеспечивающих защиту государственной тайны в Вооружённых Силах Российской Федерации. Понимание значимости поставленной цели научного исследования подтверждается анализом правовых актов.

Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) декларирует, что «быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности воз-

никновения угроз безопасности граждан, общества и государства». В частности, отмечается, что расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что представляет угрозу международному миру и безопасности, активизируется деятельность специальных служб иностранных государств по проведению разведывательных и иных операций в российском информационном пространстве. Вооруженные силы таких государств отрабатывают действия по выведению из строя объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Согласно цитируемому документу, достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной, в частности, на формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования; снижение до мини-

мально возможного уровня количества утечек информации ограниченного доступа и персональных данных, а также уменьшение количества нарушений установленных российским законодательством требований по защите такой информации и персональных данных; укрепление информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, а также разработчиков и изготовителей вооружения, военной и специальной техники и др.

Изложенное подтверждается авторитетным мнением специалистов в области военно-правовой науки, отмечающих, в частности, что «главная цель обеспечения военной безопасности России — парирование и адекватное реагирование на военные угрозы национальным интересам Российской Федерации»¹. При этом в качестве основных задач в области обеспечения военной безопасности определено «принятие эффективных мер по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной деятельности иностранных государств против Российской Федерации»².

Исходя из поставленной цели, авторами решаются конкретные исследовательские задачи. В частности, на основе применения методологии системно-правового подхода, являющегося традиционно наиболее применимым в военно-правовой науке³, рассматриваются теоретические проблемы, связанные с пониманием сущности, особенностей и оснований применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны.

Помимо того, формально-логический анализ приводит к умозаключению о наличии, несмотря на достаточно значимый пласт научных работ по исследуемой и сопоставимой с предметной составляющей проблематике, целого ряда нерешенных

теоретических вопросов принципиального характера.

Применение инструментария формально-догматического подхода приводит к выводу о наличии пробелов и противоречий правового регулирования, влекущих за собой проблемы правоприменения. Как основательно отмечается, именно формально-догматический (специально-юридический) метод позволяет осуществить «юридическую обработку правового материала, т.е. в первую очередь правовых норм, выступающих в совокупности как субстратная составляющая системы обеспечения военной безопасности государства. Этот метод включает такие приемы, как описание и анализ правовых норм и правоотношений, их толкование, классификацию»⁴.

По результатам исследования авторами указывается на неотложную необходимость и настоятельную потребность в обеспечении органов военного управления, командиров и начальников научно-обоснованными методическими рекомендациями по осуществлению административно-процессуальной деятельности в целях принятия законных и обоснованных решений по фактам правонарушений, недопущения нарушений прав и законных интересов военнослужащих и военных организаций. В выводной части статьи резюмируется необходимость дальнейшей научной проработки вопросов, связанных с привлечением военнослужащих, виновных в нарушении законодательства Российской Федерации о государственной тайне к дисциплинарной ответственности. Необходимость такого рода рекомендаций отмечается специалистами в области военного права достаточно длительное время⁵.

⁴ Там же.

⁵ Землин А.И., Докучаев О.В., Емельянова А.И., Мишуткин И.В., Овчаров О.А., Щукина В.В., Прокофьева И.В. Правовая работа в Вооруженных Силах / под ред. А.И. Землина. М.: Военный университет, 2011. С. 48; Землин А.И., Рошин С.Р. Актуальные вопросы правового положения Юридической службы войск Национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1(59). С. 40.

¹ Военное право : монография : в 3-х т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М.: КНОРУС, 2021. С. 46.

Что касается методологической основы исследования, то по результатам анализа научной литературы авторами констатируется, что вопросы, связанные с обеспечением высокой воинской дисциплины участников правоотношений, возникающих в процессе исполнения обязанностей военной службы, вполне закономерно интересовали представителей военно-правовой науки с момента ее оформления в качестве отрасли советского права и продолжают оставаться актуальными в настоящее время.

При этом для понимания многозначности исследовательской проблемы следует выделить ряд аспектов предметной области настоящего исследования, привлекавших внимание военных ученых-юристов в разные годы.

В частности, А.Н. Поздняков, чьи труды относятся к началу 50-х годов прошлого века, проанализировал сущностные признаки, особенности и основания дисциплинарной ответственности военнослужащих Советской армии, заложив тем самым основу дальнейшего исследования указанных проблем¹. В докторской диссертации И.Ф. Побежимова воинская дисциплина рассматривается в диалектической взаимосвязи с обеспечением единоначалия и законности в Советской Армии². Проблемы воинской дисциплины в ракурсе анализа правовых основ развития и укрепления единоначалия в Советских Вооруженных Силах достаточно пристально рассматривает в своих работах Н.И. Павлов³. В.Г. Белявский исследовал вполне соотносимые с темой нашей работы правовые вопросы дисциплинарной практики и предупреждения дисциплинарных проступков в

Вооруженных Силах⁴. Г.Д. Тихонов, анализируя процессы и результаты воздействия правовых и моральных норм на поведение советских военнослужащих, вполне закономерно видит их связь с воинской дисциплиной и дисциплинарной ответственностью⁵. Основания дисциплинарной ответственности военнослужащих в дальнейшем подробно исследует И.Л. Жаданов⁶. Меры дисциплинарного пересечения, применяемые к военнослужащим, стали предметом научной проработки, осуществленной А.С. Ковалевым⁷, полученные в результате чего выводы и умозаключения имеют прямое и непосредственное отношение к настоящему исследованию, существенное значение для нашей работы.

Наиболее полно и подробно вопросы правового регулирования дисциплинарной ответственности военнослужащих и теоретические проблемы правового обеспечения воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации изложены в трудах Ю.Н. Туганова⁸. Методологические основы исследования проблем воинской дисциплины и принципиальные подходы к построению и функционированию системы дисциплинарной ответственности, предложенные поименованным автором, верифицированы и апробированы в многочисленных

¹ Поздняков А.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Советской армии : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1953.

² Побежимов И.Ф. Единоначалие, воинская дисциплина и законность в Советской Армии (опыт правового исследования) : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1955.

³ Павлов Н.И. Правовые основы развития и укрепления единоначалия в Советских Вооруженных Силах : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1972.

⁴ Белявский В.Г. Правовые вопросы дисциплинарной практики и предупреждения дисциплинарных проступков в Вооруженных Силах СССР : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1976.

⁵ Тихонов Г.Д. Воздействие правовых и моральных норм на поведение советских военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979.

⁶ Жаданов И.Л. Основания дисциплинарной ответственности военнослужащих по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВКИ, 1991.

⁷ Ковалев А.С. Меры дисциплинарного пересечения, применяемые к военнослужащим : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2008.

⁸ Туганов Ю.Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих при переходе Вооруженных Сил Российской Федерации на контрактную систему комплектования : дис. ... канд. юрид. наук. М.: МПИ ФСБ, 2004. Он же. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2009.

научных трудах, как самого автора, так и его учеников и научных оппонентов, представляются основательными, в силу чего будут в большей части положены в основу настоящего исследования.

Следует отметить, что вопросы дисциплинарной ответственности военнослужащих, имеющие особое значение для обеспечения законности и дисциплины в различных сферах военно-служебных отношений, вполне логично и основательно становились в разные годы предметом научного интереса целого ряда военных исследователей, в прямой постановке не рассматривавших указанные проблемы. В частности, представителями военно-правовой науки, анализирующими проблемы привлечения военнослужащих к различным видам ответственности, обеспечения воинского правопорядка, в числе которых Н.И. Баженов, П.А. Дубик, Н.А. Климентьева, К.С. Лиховидов, С.В. Тарадонов, В.Н. Хропанюк, О.В. Шарькина¹, затрагивались вопросы соотношения исследуемых видов юридической ответственности с интересующей нас особо дисциплинарной ответственностью. Нам это представляется вполне обоснованным и закономерным в

¹ Баженов Н.И. Ответственность военнослужащих за административные проступки : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980; Дубик П.А. Административная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2008; Климентьева Н.А. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; Лиховидов К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 1997; Он же. Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2005; Тарадонов С.В. Воинский правопорядок как необходимое условие боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2005; Хропанюк В.Н. Социальные нормы и их воздействие на укрепление советского воинского правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973; Шарькина О.В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М.: РАГС, 2002.

силу необходимости разграничения различных видов ответственности, применяемых к военнослужащим. Более того, указанное обстоятельство позволяет нам на основе критического анализа результатов трудов наших предшественников существенно минимизировать необходимые затраты на решение исследовательской задачи того же рода.

Помимо того, несомненный интерес в рамках настоящего исследования вызывают работы А.Н. Савенкова, посвященные проблемам конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации², А.И. Землина, в которых в качестве средства формирования правовой культуры военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации рассматривается дисциплинарная ответственность³, О.В. Дамаскина, содержащие результаты криминологической характеристики правосознания армейской молодежи⁴ и других авторов, соотносимых в определенной части с предметом и целевой установкой настоящего исследования.

Естественно, существует значительное число научных публикаций по проблемам правового регулирования дисциплинарной ответственности, принадлежащих перу специалистов в области правового регулирования государственной службы, не затронутых авторами в процессе анализа, однако, предудеждая упреки в некоторой поверхности исследования, хотелось бы отметить, что в соответствии с направленностью и предметом исследования, в первую очередь нами были проанализированы труды представителей именно военно-правовой научной школы.

² Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

³ Землин А.И. Формирование правовой культуры военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВУ, 2002.

⁴ Дамаскин О.В. Криминологическая характеристика правосознания армейской молодежи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

Итак, исходя из понимания того, что одним из значимых направлений деятельности Вооруженных Сил в Российской Федерации является совершенствование системы защиты государственной тайны в Вооружённых Силах Российской Федерации, можно утверждать, что это предполагает необходимость оформления и совершенствования совокупности правовых норм, устанавливающих основания и порядок привлечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации к ответственности за нарушения в области защиты государственной тайны. Это обусловлено тем, что государственная измена, разглашение или передача сведений, содержащих государственную тайну, шпионаж в пользу иностранных государств, утеря документов, содержащих государственную тайну, нарушение порядка выезда из Российской Федерации, нарушение правил и требований, устанавливающих порядок ведения секретного делопроизводства, размещение информации военнослужащими в ходе исполнения обязанностей военной службы, распространение сведений о себе и других военнослужащих в сети Интернет и другое, представляли и представляют в настоящее время угрозу безопасности Вооружённых Сил Российской Федерации.

С принятием в 2006 г. Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам ответственности военнослужащих» установлено, что в отношении военнослужащих, совершивших дисциплинарный проступок, осуществляется производство по материалам о дисциплинарном проступке.

Основания и порядок привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности, устанавливается гл. III Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», а также общевоинскими уставами.

Статьёй 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и приложением

№ 7 к ДУ ВС РФ¹, определен Перечень грубых дисциплинарных проступков, в котором отражены и проступки в области защиты государственной тайны.

За последние 5 лет в законодательство Российской Федерации был внесён ряд изменений, регламентирующих дисциплинарную ответственность военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации за нарушения законодательства в области защиты государственной тайны. Так, Федеральным законом от 15 февраля 2016 г. № 20-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в части отнесения нарушений правил и требований, устанавливающих порядок ведения секретного делопроизводства и порядка выезда из Российской Федерации к грубым дисциплинарным проступкам.

В целях реализации указанных федеральных законов Указом Президента Российской Федерации от 2 января 2017 г. № 5 внесены аналогичные изменения в Положение о порядке прохождения военной службы, а также в ДУ ВС РФ. В 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 6 марта 2019 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих»».

Основанием для привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности является совершенный ими дисциплинарный проступок (в области защиты государственной тайны), который в соответствии с п. 1 ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определяется как противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

Известным специалистом в области военного права Ю.Н. Тугановым отмечает-

¹ Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 № 1495.

ся необходимость рассмотрения дисциплинарной ответственности военнослужащих в нескольких ракурсах:

— во-первых, как установление законами, общевоинскими уставами, приказами командиров (начальников) порядка и правил соблюдения военнослужащими как членами организационно оформленных воинских коллективов, государственными гражданскими служащими, в подчинении которых находятся военнослужащие, требований воинской дисциплины, норм военного и международного гуманитарного права;

— во-вторых, как претерпевание (восприятие) военнослужащими неблагоприятных последствий своего противоправного поведения в случае нарушения этих требований и норм (совершение воинского дисциплинарного проступка) через правовые средства дисциплинарной ответственности (меры обеспечения, дисциплинарные взыскания), применяемые в порядке служебного подчинения компетентными лицами органов военного управления (командирами и начальниками) по правилам ДУ ВС РФ или судом при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста;

— в-третьих, как применение профилактических правовых средств, в рамках воинского коллектива, к нарушителю воинской дисциплины, а также к внутривойсковым отношениям подразделения¹.

Далее поименованный автор указывает на то, что «воинской дисциплиной с точки зрения ее онтологической основы и сущности является экзистенциальная совокупность ощущений, представлений и условий, выражающих внутренние характеристики личности, представленные в виде системы правовых ценностей и установок и определяющие взаимные отношения как между командирами (начальниками) и их подчиненными, так и между всеми военнослужащими»².

По мнению Ю.Н. Туганова, «воинская дисциплина как правовая категория представляет собой урегулированную правовыми нормами совокупность общественных отношений, складывающихся между субъектами обеспечения военной безопасности государства в процессе исполнения военной службы (прохождения военных сборов), обеспечиваемых правовыми средствами и методами, направленных на реализацию задач, связанных с подготовкой и вооруженной защитой государства в любых условиях, в том числе с риском для жизни»³. По его мнению, предлагаемое определение учитывает, что обеспечение воинской дисциплины зависит и от исполнения военнослужащими различных обязанностей по военной службе, из патриотического и правового воспитания, оптимизации к современным условиям систем поощрения, взыскания и профилактики правонарушений.

С учётом содержания понятия воинской дисциплины, содержащегося в ДУ ВС РФ, воинский дисциплинарный проступок можно определить, как «противоправное и виновное нарушение (не выполнение или ненадлежащее выполнение) военнослужащими установленных законами, воинскими уставами и другими нормативными актами возложенных на него обязанностей по службе, если содеянное не образует преступления либо административного правонарушения». На отмеченное обстоятельство обращают внимание специалисты в области военного права⁴.

Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил предусмотрено, что «воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего: быть бдительным, строго хранить государственную тайну» (ст. 3).

Законодательство предусматривает определение понятия государственная тайна: это защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведыватель-

¹ Туганов Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2009. С. 12.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих. М.: За права военнослужащих, 2007.

ной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации¹.

Должностные лица и граждане, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации о государственной тайне, несут уголовную, административную, гражданско-правовую или дисциплинарную ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Соответствующие органы государственной власти и их должностные лица основываются на подготовленных в установленном порядке экспертных заключениях об отнесении незаконно распространенных сведений к сведениям, составляющим государственную тайну.

Защита прав и законных интересов граждан, органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций осуществляется в судебном или ином порядке, предусмотренном законом².

К военнослужащему, совершившему грубый дисциплинарный проступок в области защиты государственной тайны, применяются дисциплинарные взыскания, которые определены ДУ ВС РФ.

Необходимо отметить, что п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» установлено, что невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать лишь значительные (существенные) отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые могут выражаться в совершении одного из грубых дисциплинарных проступков.

Весьма распространенным грубым дисциплинарным проступком, совершаемым военнослужащим, является нарушение порядка разработки сведений, составляющих государственную тайну, на не-

учтенных установленным порядком машинных носителях информации, обращения с носителями сведений, составляющих государственную тайну, в условиях, не гарантирующих их сохранность. С этой точки зрения представляется небезынтересным Решение 224-го гарнизонного военного суда (г. Санкт-Петербург) по делу военнослужащего Рачкова А.С.³

Как следует из заключения по материалам служебного разбирательства, Рачков А.С., будучи ответственным за жесткий диск, допустил хранение на нем секретной информации и создал предпосылки к разглашению и утрате сведений, составляющих государственную тайну, чем нарушил требования Инструкции по режиму секретности в Вооруженных Силах Российской Федерации (утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 апреля 2018 г.) (далее — Инструкция) и Руководства по защите информации от несанкционированного доступа в Вооруженных Силах Российской Федерации (утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 9 февраля 2013 г.) (далее — Руководство).

Из копий листов журнала учета машинных носителей информации следует, что жесткий диск, имеющий гриф секретности «ДСП», т.е. жесткий диск, на котором службой ЗГТ 21 января 2020 г. были обнаружены сведения, составляющие государственную тайну, закреплен за Рачковым А.С. В судебном заседании административный истец указанного факта (закрепления за ним указанного жесткого диска) не оспаривал. Согласно п. 11 Инструкции военнослужащие, допущенные к сведениям, составляющим государственную тайну, в т.ч. обязаны при обработке сведений (информации), составляющих государственную тайну, на средствах вычислительной техники или других технических средствах, предназначенных для обработки и хранения секретной информации, использовать носители сведений,

¹ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

² Там же.

³ Решение 224-го гарнизонного военного суда (г. Санкт-Петербург) № 2А-102/2020 2А-102/2020-М-77/2020 М-77/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 2А-102/2020.

предварительно учтенные в подразделении секретного делопроизводства. Кроме того, как следует из п. 12 вышеуказанной Инструкции, лицам, допущенным к сведениям, составляющим государственную тайну, запрещено в т.ч. выполнять секретные работы вне установленных рабочих мест и режимных помещений, а также с использованием технических средств, не введенных в эксплуатацию в установленном порядке.

При этом согласно п. 18 Руководства все лица, допущенные в установленном порядке к защищаемым ресурсам объекта информатизации, самостоятельно обрабатывающие информацию на средствах вычислительной техники или в чьих интересах производится ее автоматизированная обработка, являются пользователями этого объекта. При этом пользователи в т.ч. обязаны знать степень секретности выполняемых работ, правильно устанавливать гриф секретности машинных носителей информации и создаваемых информационных ресурсов. Кроме того, пользователям в т.ч. запрещено обрабатывать информацию и выполнять другие работы, не предусмотренные перечнем защищаемых ресурсов и инструкцией по защите информации, а также записывать, хранить, распечатывать пароли и секретную информацию на неучтенных машинных и бумажных носителях информации. Согласно заключению о наличии сведений, составляющих государственную тайну, на указанном выше жестком диске, ответственным за который являлся административный истец, был обнаружен документ, имеющий степень секретности «секретно».

Кроме того, как следует из справки и показаний допрошенного в судебном заседании в качестве свидетеля, вышеуказанный документ, имеющий гриф секретности «секретно» был обнаружен на жестком диске, закрепленном за административным истцом, в нескольких копиях, размещенных в различных файловых папках. При этом, как показал свидетель в судебном заседании, автором, т.е. лицом, разработавшим вышеуказанный документ, являлся непосредственно Рачков А.С.

При этом из справки следует, что жесткий диск, закреплённый за административным истцом и на котором в различных файловых папках обнаружены копии секретного документа, предназначен для работы со сведениями, имеющими гриф «ДСП», однако он не предназначен для работы со сведениями, составляющими государственную тайну.

При таких данных суд пришел к выводу о том, что именно Рачков А.С., будучи ответственным за жесткий диск, не предназначенный для обработки секретной информации, допустил хранение на нем таковой, не организовав должного контроля над информацией, размещенной на нем.

Суд исходит из того, что в соответствии со ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности.

В силу положений ст. 28.2 и 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих» дисциплинарное взыскание является установленной государством мерой ответственности за дисциплинарный проступок, то есть противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины.

Согласно ст. 1 и 3 ДУ ВС РФ воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных законами Российской Федерации, общевойсковыми уставами Вооруженных Сил Российской Федерации и приказами командиров.

Поскольку определение вида совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка и меры ответственности за его совершение входит в компетенцию командира воинской части (начальника органа военного управления), по результатам изучения материалов служебного разбирательства в отношении Рачкова А.С. и протокола о грубом дисциплинарном проступке от 17 марта 2020 г., самостоятельно квалифицировал его действия и правомерно принял решение о применении к Рачко-

ву А.С. дисциплинарного взыскания в пределах сроков и полномочий, установленных ст. 60, 72—73 и 81 ДУ ВС РФ и ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Согласно ст. 81 ДУ ВС РФ, определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности, а как следует из положений ст. 50 того же Устава, командир (начальник), рассматривающий материалы о дисциплинарном проступке, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств совершения дисциплинарного проступка в их совокупности.

При этом суд принимает во внимание, что в соответствии со ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» нарушение правил и требований, устанавливающих порядок ведения секретного делопроизводства является грубым дисциплинарным проступком, который по своему характеру является соразмерным дисциплинарному взысканию в виде предупреждения о неполном служебном соответствии.

Суд пришел к выводу о том, что примененное к административному истцу дисциплинарное взыскание, в соответствии с требованиями ст. 82 ДУ ВС РФ, как это было указано выше, соразмерно с тяжестью совершенного им дисциплинарного проступка.

Приказ о прекращении административному истцу допуска к работе со сведениями, составляющими государственную тайну, издан полномочным должностным лицом, в пределах предоставленных ему полномочий и в соответствии с требованиями п. 14 Инструкции о порядке допуска к государственной тайне военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе и поступающих на военную службу

по контракту либо подлежащих призыву на военную службу (в том числе по мобилизации), на военные сборы, а также граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе и подлежащих призыву для прохождения военной службы, которым требуется допуск к государственной тайне для исполнения служебных обязанностей (утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 октября 2010 г. № 1313).

При этом прекращение административному истцу выплаты надбавок к денежному довольствию за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, соответствует требованиям п. 48 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат (утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727).

Изложенная в кратком варианте позиция суда свидетельствует о наличии отдельных проблемных вопросов правового регулирования, детерминирующих необходимость научной проработки ряда аспектов, связанных с привлечением военнослужащих к дисциплинарной ответственности за нарушения законодательства области обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

В заключении хотелось бы отметить, что в настоящее время в рамках работы межведомственной рабочей группы при Межведомственной комиссии по защите государственной тайны проводится работа по внесению изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (ст. 28.5) и в ДУ ВС РФ, в части изменения формулировки «нарушение правил и требований, устанавливающих порядок ведения секретного делопроизводства» на «нарушение установленных требований, правил, организационных, технических и иных мер, направленных на сохранность сведений, составляющих государственную тайну». Данная норма обяжет командиров воинских частей проводить разбирательства по всем фактам нарушений законода-

тельства Российской Федерации в области защиты государственной тайны с письменным оформлением их результатов.

Таким образом, авторами делается вывод о том, что совершенствование правовых норм, устанавливающих основания и порядок привлечения военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации к ответственности за нарушения в области защиты государственной тайны, имеет теоретическую и практическую значимость.

Необходимость обеспечения органов военного управления, командиров (начальников) научно-обоснованными методическими рекомендациями по осуществлению административно-процессуальной деятельности в целях принятия законных и обоснованных решений по фактам правонарушений, недопущения нарушений прав и законных интересов военнослужащих и военных организаций представляется в настоящее время весьма значимой.

Библиография

1. Баженов, Н.И. Ответственность военнослужащих за административные проступки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н.И. Баженов. — М., 1980.
2. Белявский, В.Г. Правовые вопросы дисциплинарной практики и предупреждения дисциплинарных проступков в Вооружённых Силах СССР : дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Белявский. — М.: ВПА, 1976.
3. Военное право: монография : в 3-х т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.
4. Дамаскин, О. В. Криминологическая характеристика правосознания армейской молодежи : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Дамаскин. — М., 1980.
5. Дубик, П.А. Административная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / П.А. Дубик. — М.: ВУ, 2008.
6. Жаданов, И.Л. Основания дисциплинарной ответственности военнослужащих по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / И.Л. Жаданов. — М.: ВКИ, 1991.
7. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: КНОРУС, 2021. (Адьюнктура). Научная школа Военного университета Минобороны России.
8. Землин, А.И. Формирование правовой культуры военнослужащего Вооружённых Сил Российской Федерации (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А.И. Землин. — М.: ВУ, 2002.
9. Землин, А.И. Актуальные вопросы правового положения Юрической службы войск Национальной гвардии Российской Федерации / А.И. Землин, С.Р. Роцин // Военное право. — 2020. — № 1(59). — С. 37—44.
10. Климентьева, Н.А. Юридическая ответственность как элемент правового статуса военнослужащих (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н.А. Климентьева. — Саратов, 2003.
11. Ковалев, А.С. Меры дисциплинарного пресечения, применяемые к военнослужащим : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А.С. Ковалев. — М.: ВУ, 2008.
12. Корякин, В.М. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих, 2007.
13. Лиховидов, К.С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / К.С. Лиховидов. — М.: ВУ, 1997.
14. Лиховидов, К.С. Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / К.С. Лиховидов. — М.: ВУ, 2005.
15. Павлов, Н.И. Правовые основы развития и укрепления единоначалия в Советских Вооружённых Силах : дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Павлов. — М.: ВПА, 1972.
16. Побежимов, И.Ф. Единоначалие, воинская дисциплина и законность в Советской Армии (опыт правового исследования) : дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: ВЮА, 1955.
17. Поздняков, А.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Советской армии : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Поздняков. — М.: ВЮА, 1953.
18. Правовая работа в Вооружённых Силах / под ред. А.И. Землина; [Землин А.И., Докучаев О.В., Емельянова А.И., Мишуткин И.В., Овчаров О.А., Щукина В.В., Прокофьева И.В.]. — М.: Военный университет, 2011.
19. Савенков, А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооружённых Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. — М., 2002.
20. Тарадонов, С.В. Воинский правопорядок как необходимое условие боеспособности и боеспособности Вооружённых Сил Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / С.В. Тарадонов. — М.: ВУ, 2005.
21. Тихонов, Г.Д. Воздействие правовых и моральных норм на поведение советских военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук / Г.Д. Тихонов. — М., 1979.

22. Туганов, Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / Ю.Н. Туганов. — М.: ВУ, 2009.

23. Туганов, Ю.Н. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности военнослужащих при переходе Вооруженных Сил Российской Федерации на контрактную систему комплектования : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / Ю.Н. Туганов. — М.: МПИ ФСБ, 2004.

24. Хропанюк, В.Н. Социальные нормы и их воздействие на укрепление советского воинского правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Хропанюк. — М.: ВПА, 1973.

25. Шарыкина, О.В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Шарыкина. — М.: РАГС, 2002.

Привлечение военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный другому военному ведомству

© Калашников Валерий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, начальник кафедры военно-юридической подготовки военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы привлечения военнослужащих к материальной ответственности за причинение реального ущерба имуществу, закрепленному за воинской частью (организацией) иного военного ведомства, например, в период совместного выполнения задач.

Ключевые слова: материальная ответственность военнослужащих, материальный ущерб, воинская часть.

Bringing military personnel to financial responsibility for damage caused to another military department

© Kalashnikov V.V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Colonel of Justice, Head of the Department of Military Legal Training of the Military Training Center at the Russian State University of Justice

Abstract. The article considers the issues of bringing military personnel to material responsibility for causing real damage to property assigned to a military unit (organization) of another military department, for example, during the joint performance of tasks.

Keywords: material liability of military personnel, material damage, military unit.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба представляет собой особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, — в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, в Службе внешней разведки Российской Федерации, органах фе-

деральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях; гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, и иностранными гражданами — в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

Воинские части и организации каждой из перечисленных военных организаций (воинских формирований) выполняет свои задачи, определенные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В процессе выполнения таких задач за определенные нарушения военнослужащие могут быть привлечены к различным видам юридической ответственности, например, — к материальной.

Рассмотрению данного правового института посвящено большое количество научных работ¹.

Материальная ответственность — это один из правовых механизмов, направленных на обеспечение имущественной безопасности государства в лице Вооруженных Сил Российской Федерации (иных войск и воинских формирований). Без существования института материальной ответственности военнослужащих крайне сложно представить надлежащее функционирование воинских отношений, наличие условий для реализации правового положения военнослужащих и охрану военного имущества.

Основной характеристикой материальной ответственности военнослужащих является её неразрывная связь с государством, то есть она возможна только лишь на основании закона, других норм права и может быть осуществлена только компетентными государственными органами. Во всех случаях материальная ответственность военнослужащих наступает лишь в

результате особой деятельности уполномоченных государственных органов военного управления, их должностных лиц, то есть деятельности по выявлению, разбирательству и разрешению дел о фактах причинения материального ущерба государству в лице конкретной военной организации.

Важными и обязательными элементами материальной ответственности военнослужащих являются причинение виновным военнослужащим ущерба только при исполнении обязанностей военной службы, а также причинение ущерба имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями (органами, организациями), в которых военнослужащие проходят военную службу.

Материальная ответственность военнослужащих представляет собой особенное звено в структуре правовой системы, которое выступает важным фактором, обеспечивающим правомерное поведение военнослужащих в повседневной деятельности, связанной с использованием имущества воинской части. Государство, возлагая на военнослужащих определённые обязанности и предоставляя им соответствующие права, устанавливает соответствующую ответственность за невыполнение этих обязанностей и незаконное использование предоставленных им прав.

Материальная ответственность имеет некоторые общие черты с другими видами юридической ответственности военнослужащих. Как и гражданско-правовая ответственность, материальная связана с необходимостью возмещения военнослужащим вреда, однако, в последнем случае, стороны не имеют равного положения, как в первом.

Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, а также порядок возмещения причиненного ущерба определены Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

Опыт выполнения задач в условиях вооруженного конфликта на территории

¹ См. напр.: Глухов Е.А., Харитонов С.С. Денежные санкции за отказ от дальнейшего обучения в военном вузе: вопросы правового регулирования, законности и справедливости // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1 (282). С. 2—11; Корякин В.М., Кириченко Н.С. Новації законодательного регулювання матеріальної відповідальності військовослужбовців // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 17—25; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Судебная деятельность: новеллы и перспективы законодательства о материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 11—17; Кириченко Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 161—164.

Чеченской Республики и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации, отнесенных к зоне вооруженного конфликта с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г., а также выполнения задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона с августа 1999 г. показал, что воинские части (организации) многих перечисленных военных ведомств могут выполнять задачи совместно.

Совместное выполнение специальных задач также имеет место и на территории Сирийской Арабской Республики.

При этом опыт выполнения совместных задач на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации показал, что иногда военнослужащими одного военного ведомства причинялся материальный ущерб другому военному ведомству (например, военнослужащими внутренних войск МВД России повреждалось имущество Вооруженных Сил Российской Федерации) в период временного использования имущества. При этом привлечение виновного военнослужащего должно регламентироваться единым для всех военных ведомств Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих», так как для этого имеются все обязательные условия (ущерб причинен военнослужащим при исполнении обязанностей военной службы имуществу Российской Федерации).

Исходя из анализа положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», можно сделать вывод о том, что данный закон регламентирует вопросы привлечения военнослужащего к соответствующему виду ответственности за причинение реального ущерба воинской части, в которой он проходит либо ранее проходил военную службу.

Однако рассматриваемым Федеральным законом не определен механизм привлечения военнослужащего к материальной ответственности в случае причинения им материального ущерба имуществу дру-

гого военного ведомства. Как мы отметили, такие факты уже имели место.

Например, в соответствии с абз. четвертым п. 3 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» если решение о привлечении причинившего ущерб военнослужащего, проходящего военную службу по призыву или по контракту, к материальной ответственности не было принято до его перевода к новому месту военной службы, взыскание с него ущерба производится в соответствии с решением суда по иску, предъявленному командиром (начальником) воинской части, имуществу которой нанесен ущерб, в размере, установленном данным Федеральным законом.

Мы считаем, что в случае причинения военнослужащим одной воинской части (организации) имуществу другой, в том числе воинской части (организации) другого военного ведомства, должен применяться аналогичный механизм возмещения ущерба, то есть в судебном порядке. Тем не менее, для этого необходимо внести соответствующие уточнения в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих».

Библиография

1. Глухов, Е.А. Денежные санкции за отказ от дальнейшего обучения в военном вузе: вопросы правового регулирования, законности и справедливости / Е.А. Глухов, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 1 (282). — С. 2—11.
2. Кириченко, Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции / Н.С. Кириченко // *Военное право.* — 2020. — № 1 (59). — С. 161—164.
3. Корякин, В.М. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих / В.М. Корякин, Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 6 (275). — С. 17—25.
4. Туганов, Ю.Н. Судебная деятельность: новеллы и перспективы законодательства о материальной ответственности военнослужащих / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 7 (276). — С. 11—17.

Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики

© **Миронов Владимир Сергеевич**,
кандидат юридических наук, начальник учебной
части — заместитель начальника кафедры
военно-юридической подготовки Военного
учебного центра при Российском
государственном университете правосудия
© **Харитонов Станислав Станиславович**,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на примерах судебных решений военных судов рассмотрены некоторые проблемные вопросы правоприменительной практики при привлечении военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, к материальной ответственности.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, материальная ответственность военнослужащих, военные суды, военно-судебная практика

Material liability military personnel: practical questions from the analysis military judicial practice

© **Mironov V.S.**,
candidate of legal sciences, head of the educational
unit — deputy head of the department of military-
legal training at the Military Training Center at the
Russian State University of Justice
© **Kharitonov S.S.**,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Resume. Using the examples of court decisions of military courts, the article examines some problematic issues of law enforcement practice when bringing military personnel and persons dismissed from military service to financial responsibility.

Keywords: military service, serviceman, material responsibility of servicemen, military courts, military judicial practice

Традиционно одним из направлений обеспечения сохранности вооружения и военной техники является непреложность привлечения виновных лиц в причинении ущерба имуществу воинской части к материальной ответственности, условия и порядок которой закреплена нормами Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее — Закон о материальной ответственности военнослужащих). Данный нормативный акт, небольшой по объему, но имеющий важное значение как

для государственных интересов обеспечения сохранности имущества, так и для обеспечения прав привлекаемых к ответственности по этому закону военнослужащих, военными юристами неоднократно подвергался критическому анализу¹, что,

¹ См., например: Корякин В.М. Военно-административное право : учеб. М.: Юстиция, 2019; Гусейнова Н.Ч., Титов А.В., Тюрин А.И. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный). М.: За права военнослужащих, 2010; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам

хочется верить, наряду с иными факторами привело к принятию ряда поправок в данный Закон, наиболее существенных за время его действия.

Не углубляясь в подробности¹, заметим, что поправки направлены на совершенствование законодательства, регулирующего вопросы привлечения военнослужащих, а также граждан, пребывающих в мобилизационном людском резерве, граждан, призванных на военные сборы, лиц, уволенных с военной службы, к материальной ответственности за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части. Принятые правовые предписания совершенствуют понятийный аппарат, конкретизируют сроки, основания и порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности, размеры материальной ответственности за ущерб, причиненный, в том числе по неосторожности, при исполнении обязанностей военной службы и порядок производства денежных удержаний. В новой редакции закона предусматривается возможность для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, производить возмещение ущерба с рассрочкой платежа, а также раскрыты основания для уменьшения судом размера денежных средств, подлежащих взысканию с военнослужащего для возмещения причиненного им ущерба.

С учетом высказанного далее изложим на примерах судебной практики ключевые позиции понимания, трактовки и применения правовых норм о привлечении военно-

служащих к материальной ответственности.

1. Военнослужащий, которому имущество передано под отчет для хранения, выдачи, пользования и других целей, в случае виновного причинения ущерба несет полную материальную ответственность.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, удовлетворено исковое заявление командира воинской части, в котором он указал, что в связи с проведением организационно-штатных мероприятий М. в ноябре 2018 г. был освобожден от воинской должности командира инженерно-дорожной роты инженерного батальона (усиления армии) воинской части и переведен к новому месту службы в другую воинскую часть. При этом имущество продовольственной и вещевой служб, службы горючего и смазочных материалов (далее — ГСМ) и квартирно-эксплуатационной службы (далее — КЭС), закрепленное за ним как за материально ответственным лицом, в установленном порядке не сдал и впоследствии, несмотря на уведомление командованием по прежнему месту службы, для передачи имущества в часть не прибыл. Проведенной инвентаризацией в 2019 г. выявлена недостача материальных средств, числящихся за М. по продовольственной, вещевой, ГСМ и КЭС службам на общую сумму 159 192 руб. 89 коп., которую истец просил взыскать с него.

В обоснование принятого решения суд указал следующее.

Из материалов дела следует, что М. проходил военную службу на должности командира инженерно-дорожной роты инженерного батальона (усиления армии) воинской части. С 14 августа 2018 г. он находился в командировке, после чего убыл в другую воинскую часть в связи с назначением 21 ноября 2018 г. на новую воинскую должность. Приказ об исключении М. из списков личного состава воинской части издан 18 декабря 2018 г.

Являясь материально ответственным лицом, М. принятое им по акту и закрепленное за ним имущество по продовольственной, вещевой, ГСМ и КЭС службам

судебной практики) // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 127—132; Глухов Е.А., Барков С.В., Чукин Д.С. Неопределенность некоторых положений законодательства о материальной ответственности военнослужащих может привести к произвольным решениям со стороны командования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 9. С. 11—19; Кириченко Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 161—164, и др.

¹ См. подробнее: Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? // Военно-юридический журнал. 2020. № 7. С. 7—12.

на общую сумму 159 192 руб. 89 коп. кому-либо из военнослужащих или в соответствующую службу воинской части под отчет для хранения и пользования не передал, в том числе при убытии в командировку и к новому месту службы.

Заключением по материалам административного расследования по факту недостачи имущества установлена вина М. в недостаче материальных средств, явившаяся следствием невыполнения им должностных обязанностей.

В силу ст. 84, 144, 145 УВС ВС РФ командир роты в мирное и военное время отвечает в том числе за состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества роты, за ведение ротного хозяйства и обязан организовывать своевременное получение, правильную эксплуатацию и ремонт вооружения, военной техники и другого военного имущества роты; проверять не реже одного раза в месяц их наличие, состояние и учет; сличать один раз в месяц данные ротного учета материальных средств с учетными данными полка; руководить ротным хозяйством. Согласно п. 242 Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству должностные лица соединения (воинской части), осуществляющие хозяйственную деятельность, выполняют обязанности в соответствии с Уставом и, кроме того, обязаны организовывать хранение, сбережение и освежение запасов материальных ценностей, а также эксплуатацию, ремонт и техническое обслуживание ВВСТ; принимать меры по предотвращению утрат материальных ценностей; организовывать ведение учета имущества; организовывать и своевременно осуществлять проверки наличия и состояния материальных ценностей воинских частей (подразделений) по закрепленной номенклатуре.

Приведенные обстоятельства свидетельствовали о том, что М. при исполнении обязанностей командира роты был обязан организовать хранение и сбережение имущества, принять меры по предотвращению утрат материальных ценностей, организовать ведение учета имущества. Однако он этого не сделал, что привело к

утрате материальных ценностей. При убытии в командировку, а также после назначения на новую воинскую должность, являясь материально ответственным лицом, и в силу занимаемой воинской должности, ответчик был обязан знать о необходимости передачи иному должностному лицу вверенного ему имущества под отчет для хранения и пользования.

Доказательств того, что ответчик предпринял какие-либо действия, направленные на это, материалы дела не содержат¹.

2. Недоказанность вины военнослужащего в утрате имущества службы вооружения повлекла отказ в удовлетворении заявленных к нему требований.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворен иск командира воинской части к бывшему военнослужащему К. о привлечении к материальной ответственности в размере 112 763 руб. 57 коп.

Апелляционным определением флотского военного суда решение отменено, и по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении заявленного требования по следующим основаниям.

Судом установлено, что в ходе проведенной в воинской части в октябре 2018 г. инвентаризации в одной из рот выявлена недостача имущества по службе ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ).

В ходе административного расследования командир роты дал объяснения, согласно которым К., находясь на полевом выходе, получил во временное пользование по раздаточной ведомости имущество службы РАВ стоимостью 112 763 руб. 57 коп., которое не сдал.

Статьей 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» определено, что военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине ущерб. Следовательно, основанием для привлечения военнослужащего к материальной от-

¹ См.: Обзор судебной практики 2 Западного окружного военного суда по административным и гражданским делам за второе полугодие 2020 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_ud&id=68 (дата обращения: 08.11.2021).

ветственности наряду с наличием ущерба является его вина в данном ущербе и наличие причинной связи между действием (бездействием) и причиненным ущербом.

В силу положений ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Исходя из характера спора обязанность доказать обстоятельства, являющиеся основанием для привлечения ответчика к полной материальной ответственности, возлагалась на командование. При этом в соответствии с положениями ст. 59, 60 и 71 ГПК РФ суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела (относимые доказательства). Обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (допустимые доказательства). Письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии. Подлинники документов представляются, когда обстоятельства дела согласно законам или иным нормативным правовым актам подлежат подтверждению только такими документами, когда дело невозможно разрешить без подлинных документов.

Вопреки выводу суда первой инстанции, стороной истца не предъявлено достаточных относимых и допустимых доказательств в подтверждение заявленных исковых требований к К.

Так, в обоснование вывода о передаче в пользование К. утраченного имущества РАВ суд в решении сослался на копию раздаточной ведомости и показания свидетелей — бывших сослуживцев ответчика. Между тем представленная в суд копия ведомости по форме и содержанию противоречила требованиям приложения № 1 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 28 марта 2008 г. № 139 «О формах документов, используемых в финансово-хозяйственной деятельности Во-

оруженных Сил Российской Федерации». В частности, в этом документе не отображено существо оформленной операции (то есть раздаточная или сдаточная ведомость), за какой датой она составлена и по какую дату действительна. В копии ведомости отсутствуют сведения о ее передаче в финансовый орган воинской части и дата ее утверждения командиром воинской части.

Ответчик в суде последовательно отрицал получение им под отчет вмененного имущества РАВ, указывал, что подпись в ведомости ему не принадлежит, ходатайствовал о назначении судом почерковедческой экспертизы.

Отказывая в удовлетворении данного ходатайства, суд первой инстанции в соответствующем определении указал на достаточность имеющихся в деле доказательств и сослался при этом на объяснения и показания вышеупомянутых сослуживцев ответчика. Однако эти показания с достоверностью не подтверждают факт получения К. утраченного имущества. Кроме того, почерковедческая экспертиза не могла быть назначена, поскольку истцом не представлен в суд подлинник ведомости.

Не устранены в ходе судебного разбирательства и другие противоречия относительно обстоятельств утраты имущества РАВ, свидетельствующие о причастности к хищению имущества иных лиц.

Отступление от правил оформления первичных документов и проведения административного расследования в данном случае влечет невозможность с достоверностью установить факт наступления ущерба, определить, кто именно виноват в его возникновении, имеется ли вина К. в причинении ущерба.

С учетом изложенного флотский военный суд пришел к выводу о том, что командованием не представлены доказательства, свидетельствующие о том, что ответчик может быть привлечен к полной материальной ответственности¹.

¹ См.: Обзор судебной практики рассмотрения административных и гражданских дел гарнизонными военными судами, подведомственными Северному флотскому

3. Если решение о привлечении командира воинской части к материальной ответственности не было принято до его перевода к новому месту военной службы, взыскание с него ущерба производится в соответствии с решением суда по иску, предъявленному командиром воинской части, имуществу которой нанесен ущерб.

Определением судьи гарнизонного военного суда иск начальника федерального государственного казенного учреждения «830 Центр обеспечения медицинской техникой и имуществом» Министерства обороны Российской Федерации (далее — ФГКУ «830 ЦОМТИ» МО РФ) к бывшему начальнику названного центра А. в порядке привлечения к ограниченной материальной ответственности возвращен.

Апелляционным определением окружного военного суда определение отменено, а исковое заявление направлено в тот же гарнизонный военный суд для выполнения требований гл. 12 ГПК РФ.

В обоснование принятого решения суд апелляционной инстанции привел следующие доводы.

Вынося определение о возвращении искового заявления, судья гарнизонного военного суда исходил из того, что предъявление иска к А. о возмещении причиненного ущерба является исключительно обязанностью командира по новому месту службы ответчика, а у начальника ФГКУ «830 ЦОМТИ» МО РФ отсутствуют полномочия на подписание и предъявление этого иска в суд. При этом судья не учел, что на дату вынесения определения Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» действовал в редакции Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 176-ФЗ. Согласно п. 3 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», если решение о привлечении причинившего ущерб военнослужащего к материальной ответственности не было принято до его перевода к новому месту военной службы, взыскание с него ущерба производится в

соответствии с решением суда по иску, предъявленному командиром (начальником) воинской части, имуществу которой нанесен ущерб. Из новой редакции п. 3 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» отсылочная норма о возмещении ущерба военнослужащим по новому месту службы в порядке, предусмотренном ст. 8 названного закона, исключена. Таким образом, ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» является специальной нормой, регулирующей правоотношения, связанные с привлечением к материальной ответственности военнослужащих после перевода к новому месту службы, независимо от должностей, которые они занимали по прежнему месту службы. Данной нормой не предусмотрена возможность привлечения военнослужащих, которые не были привлечены до перевода к новому месту службы к материальной ответственности, путем издания приказов, а также не предусмотрено предъявление иска каким-либо командованием, помимо командира воинской части, имуществу которой нанесен ущерб.

В настоящее время основания для применения положений ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности» о предъявлении иска к командиру воинской части вышестоящим в порядке подчиненности командиром к правоотношениям, связанным с привлечением к материальной ответственности военнослужащих, переведенных к новому месту службы, отсутствуют.

Исходя из изложенного, начальник ФГКУ «830 ЦОМТИ» МО РФ вправе предъявить иск к А., переведенному к новому месту службы до привлечения его к материальной ответственности во время прохождения военной службы в должности командира воинской части, имуществу которой причинен ущерб¹.

¹ См.: Обзор практики применения военными судами в 2020 году законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 09.06.2021. URL: http://severnfyvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=323 (дата обращения: 07.11.2021).

военному суду, в первом полугодии 2020 г. URL: http://severnfyvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=323 (дата обращения: 07.11.2021).

4. *Вопрос о возмещении ущерба, размер которого превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, решается судом по иску командира воинской части.*

Решением гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении административного искового заявления Г., в котором он оспорил приказ командира воинской части о привлечении к полной материальной ответственности.

Апелляционным определением окружного военного суда решение отменено, и по делу принято новое решение об удовлетворении требований Г. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что приказом командира воинской части Г. привлечен к полной материальной ответственности в размере 388 309 руб. 06 коп. Данный приказ издан по итогам инвентаризации в службе ракетно-артиллерийского вооружения воинской части, согласно которой у Г. выявлена недостача вверенного ему имущества (бронежилеты, шлемы, комплекты защиты, лопаты, рюкзаки, укрытие универсальное). В ходе досудебного разбирательства Г. признал вину и размер причиненного ущерба, а также просил в случае привлечения его к материальной ответственности ежемесячно удерживать с него денежные средства из денежного довольствия равными долями (не более 6 000 руб. в месяц). На основании оспариваемого приказа довольствующим финансовым органом из денежного довольствия Г. вплоть до его исключения из списков личного состава воинской части удержано 211 199 руб. 31 коп.

Признавая оспоренный приказ в указанной части законным, суд первой инстанции пришел к выводу, что ответчик действовал правомерно, а сам приказ издан на основании п. 6 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», согласно которому военнослужащий может добровольно полностью или частично возместить причиненный ущерб в денежной форме.

Однако с данным выводом суд апелляционной инстанции не согласился и указал следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» (в редакции, действовавшей в период спорных отношений) возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части путем удержаний из денежного довольствия военнослужащего, причинившего ущерб. Аналогичные ограничения для воинского должностного лица установлены и в действующей редакции п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих». При этом вопрос о возмещении ущерба, размер которого превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет решается судом по иску командира воинской части. Из изложенного следует, что административный ответчик имел право привлечь ответчика к полной материальной ответственности лишь в судебном порядке, поскольку установленный в ходе разбирательства размер материального ущерба превышал один оклад месячного денежного содержания и одну месячную надбавку за выслугу лет. Более того, по смыслу п. 6 ст. 8 и ст. 12 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» (в редакции, действовавшей в период спорных отношений) военнослужащий мог добровольно возместить причиненный ущерб в денежной форме лишь в полном объеме, а не по частям.

В связи с этим согласие Г. на добровольное возмещение материального ущерба по частям не освобождало командование от обязанности обратиться в суд с соответствующим иском.

Внесенные впоследствии изменения в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» относительно порядка привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности в добровольном порядке не

могли быть применены судом, так как эти изменения не имеют обратной силы. К тому же данные изменения допускают добровольное возмещение ущерба с рассрочкой платежа на основании письменного заявления военнослужащего, представленного командованию до издания приказа о возмещении ущерба или до принятия к судебному производству искового заявления о возмещении ущерба (Обзор практики применения военными судами в 2020 году законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 9 июня 2021 г.).

В заключении отметим, что знание, осмысление и понимание судебных решений о привлечении военнослужащих к материальной ответственности, изучение судебной практики в виде обзоров и информационных справок, которые регулярно размещаются на сайтах военных судов, тем самым демонстрируя и открытость судебной системы, важно прежде всего для командиров (начальников). Ведь это не только повышает их (командиров) правовую подготовку, помогает уяснить действительное содержание конкретных норм права, но и, наверное, главное, — дает воз-

можность принимать законные управленческие решения, поддерживая уверенность военнослужащих в основанных на законе решениях командира.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Неопределенность некоторых положений законодательства о материальной ответственности военнослужащих может привести к произвольным решениям со стороны командования / Е.А. Глухов, С.В. Барков, Д.С. Чукин // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 9. — С. 11—19.
2. Гусейнова, Н.Ч. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (постатейный) / Н.Ч. Гусейнова, А.В. Титов, А.И. Тюрин. — М.: За права военнослужащих, 2010. — 208 с.
3. Кириченко, Н.С. Материальная ответственность военнослужащих: ее цели и функции / Н.С. Кириченко // *Военное право*. — 2020. — № 1 (59). — С. 161—164.
4. Корякин, В.М. Военно-административное право : учеб. / В.М. Корякин. — М.: Юстиция, 2019. — 562 с.
5. Корякин, В.М. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Военное право*. — 2020. — № 6 (64). — С. 127—132.
6. Туганов, Ю.Н., Аулов В.К. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // *Военно-юридический журнал*. — 2020. — № 7. — С. 7—12.

Материальная ответственность военнослужащих: о чем должен помнить командир (начальник)

© **Найденов Иван Николаевич,**

доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт Военно-воздушных сил» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных и других нормативных правовых актов Российской Федерации, правоприменительной и судебной практики, а также личного опыта автора, проходившего военную службу на воинской должности начальника гарнизона, главы городского поселения Момино, предложена краткая памятка для командиров (начальников) воинских частей (организаций) по вопросу привлечения к материальной ответственности военнослужащих.

Ключевые слова: командир, начальник, военнослужащий, материальная ответственность, юридическая ответственность, ущерб.

Financial responsibility of military personnel: what the commander (chief) should remember

© **Naydenov I.N.,**

Doctor of Military Sciences, Professor, Honored Scientist, Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution "Central Research Institute of the Air Force" Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. Based on the analysis of legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, law enforcement and judicial practice, as well as the personal experience of the author, who served in the military post of garrison chief, a brief memo for commanders (chiefs) of military units (organizations) on the issue of bringing military personnel to financial responsibility is proposed in the article.

Keywords: commander, chief, soldier, financial responsibility, legal responsibility, damage.

Командир (начальник) воинской части или другой военной организации, исходя из принципа единоначалия, наделен всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и несет персональную ответственность перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

Он является единоначальником, в мирное и военное время отвечает за постоянную боевую и мобилизационную готовность вверенной ему воинской части (подразделения); за успешное выполнение боевых задач; за боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину, правопорядок,

морально-политическое и психологическое состояние подчиненного личного состава, безопасность военной службы; за внутренний порядок, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества; за материальное, техническое, финансовое, медицинское и бытовое обеспечение¹.

Кроме того, командир (начальник) обязан поддерживать в исправном состоянии и сохранности вооружение, военную технику и другое военное имущество, организовывать материальное, техническое, финансовое, медицинское и бытовое обес-

¹ Ст. 82 УВС ВС РФ.

печение, в том числе, организовывать учет и хранение вооружения и военной техники. От него требуется своевременно истребовать и организовывать получение, хранение и учет военного имущества, его подвоз и выдачу подчиненным, предотвращать утрату, недостачу, порчу и хищение военного имущества и привлекать виновных лиц к ответственности.

Пунктом 1 ст. 28 Федерального закона 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом и другими федеральными законами.

К материальной ответственности военнослужащие привлекаются за материальный ущерб, причиненный по их вине государству при исполнении обязанностей военной службы, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Обеспечение сохранности военного имущества и обязательность привлечения виновных лиц к материальной ответственности является одним из важных направлений деятельности должностных лиц военных организаций, которому посвящено большое количество научных работ¹, в том числе как правовому институту, являющемуся элементом отрасли военного права².

¹ См., напр.: Корякин В.М., Кириченко Н.С. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 17—25; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? // Военно-юридический журнал. 2020. № 7. С. 7—12; Харитонов В.С. О совершенствовании системы подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2020. № 1. С. 124—126; Калашников В.В., Наумов П.Ю., Залепукин Р.В. О соотношении норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 40—45.

² См., напр.: Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования.

Штатом многих воинских частей (организаций) предусмотрено наличие должностных лиц, ответственных за правовое обеспечение деятельности соответствующей военной организации. Вместе с тем, независимо от этого, имеется ряд вопросов, которые, по нашему мнению, командир (начальник) должен помнить. Рассмотрим основные из них.

1. *Обязанность командира (начальника) по назначению проведения административного расследования по факту причинения материального ущерба.* Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, а также порядок возмещения причиненного ущерба установлены Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих». Согласно п. 1 ст. 7 указанного Федерального закона командир (начальник) воинской части при обнаружении ущерба обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц. При этом следует помнить, что в соответствии с положениями абз. шестого п. 4 ст. 3 этого Федерального закона командиры (начальники), не принявшие необходимых мер по возмещению виновными лицами причиненного воинской части ущерба, привлекаются к материальной ответственности в соответствии с данным Федеральным законом в течение одного года со дня истечения срока, рассчитанного по правилам, предусмотренным абз. первым — пятым п. 4 ст. 3 Федерального закона (срок составляет три года и в некоторых случаях может быть приостановлен).

2. *За ошибку подчиненного чаще всего отвечает сам командир (начальник).* Согласно п. 3 и 4 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники),

Общая часть : учебник и практикум. М., 2021; Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5 (69); С. 9—21; Холиков И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222—228.

нарушившие своими приказами (распоряжениями) установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения, повреждения, порчи, утраты, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, либо не принявшие необходимых мер к возмещению виновными лицами причиненного воинской части ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет.

Командиры (начальники) воинских частей, виновные в незаконном увольнении военнослужащего (лица гражданского персонала) с военной службы (работы), незаконном переводе лица гражданского персонала на другую работу, незаконном назначении военнослужащего (лица гражданского персонала) на должность, не предусмотренную штатом (штатным расписанием) воинской части, либо на должность, оплачиваемую выше фактически занимаемой должности, несут материальную ответственность за ущерб, причиненный излишними денежными выплатами, произведенными в результате незаконного увольнения военнослужащего (лица гражданского персонала), незаконного перевода лица гражданского персонала на другую работу, незаконного назначения военнослужащего (лица гражданского персонала) на должность, в размере причиненного ущерба, но не более трех окладов месячного денежного содержания и трех ежемесячных надбавок за выслугу лет.

В этой связи даже если командир своевременно организовал проведение административного расследования по факту причинения материального ущерба воинской части, в ходе которого установлены подчиненные должностные лица, действия (бездействия) которых повлекли причинение прямого действительного ущерба, это не означает, что командир лично не будет за это отвечать. Речь идет даже не о дисциплинарной ответственности за ненадлежащую организацию деятельности подчи-

ненных должностных лиц воинской части, а именно о материальной ответственности.

Дело в том, что, исходя из сложившейся судебной практики по вопросам материальной ответственности военнослужащих, в случае причинения материального ущерба воинской части в результате издания незаконного приказа (например, об увольнении военнослужащего (работника), о незаконной выплате) материальную ответственность за это несет командир (начальник) воинской части (организации), издавший незаконный приказ. И на это не повлияют результаты административного расследования, которым будет установлена вина подчиненных.

Конечно, справедливость наказания командира (начальника) воинской части (организации) за противоправное деяние, совершенное его подчиненным, порождает много вопросов¹, но сложившаяся правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации является приоритетной. Например, исходя из судебной практики, должностное лицо, ответственное за подготовку документов об увольнении военнослужащего, не может привлекаться к материальной ответственности, поскольку именно на командира (начальника) возложена обязанность своевременно осуществлять увольнение военнослужащих с военной службы².

Аналогичный подход применяется судами в спорах о привлечении к материаль-

¹ Тараненко В.В., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 194—197; Харитонов С.С. О некоторых подходах к материальной ответственности военнослужащих (по материалам судебных решений) // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2020. № 10. С. 4—21; Глухов Е.А. Наказание воинских руководителей за проступки подчиненных: социально-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 24—31.

² Обзор практики рассмотрения военными судами дел о материальной ответственности военнослужащих и взыскании с них денежных средств, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 декабря 2020 г. URL: http://gvs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=103 (дата обращения 04.10.2021).

ной ответственности за причинение ущерба в результате издания незаконного приказа. Таким образом, командир (начальник) перед подписанием своего приказа должен быть полностью уверен в его законности и проверить все документы, которые легли в его основу.

3. *Увольнение командира (начальника) воинской части (организации) с военной службы не является препятствием для привлечения его к материальной ответственности.*

После увольнения с военной службы бывший командир (начальник), как и любой другой военнослужащий, может быть привлечен к материальной ответственности в судебном порядке. Исходя из положений ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», возмещение ущерба, причиненного командиром (начальником) воинской части, осуществляется вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части. Однако иск к уволенному с военной службы командиру (начальнику) может быть предъявлен в суд действующим командиром (начальником) этой же воинской части (организации).

Такая правовая позиция закреплена определением Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 222-КГ21-4-К10, вынесенному по итогам рассмотрения гражданского дела № 2-8/2021 по исковому заявлению командира войсковой части 22830 о привлечении к материальной ответственности бывшего военнослужащего этой же воинской части Менькова Ф.В. В этой связи взыскать материальный ущерб с бывшего командира (начальника) стало значительно проще.

Надеемся, что знание перечисленных, на наш взгляд, наиболее важных вопросов,

связанных с материальной ответственностью военнослужащих, помогут командирам (начальникам) избежать привлечения их к данному виду ответственности.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Наказание воинских руководителей за проступки подчиненных: социально-правовой аспект / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 24—31.
2. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М., 2021.
3. Калашников, В.В. О соотношении норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы / В.В. Калашников, П.Ю. Наумов, Р.В. Залепукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 10 (291). — С. 40—45.
4. Корякин, В.М. Военное право как наука / В.М. Корякин // Военное право. — 2021. — № 5 (69). — С. 9—21.
5. Корякин, В.М. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих / В.М. Корякин, Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 6 (275). — С. 17—25.
6. Тараненко, В.В. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности / В. В. Тараненко, С. С. Харитонов // Военное право. — 2019. — № 2 (54). — С. 194—197.
7. Туганов, Ю.Н. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 7. — С. 7—12.
8. Харитонов, В.С. О совершенствовании системы подготовки граждан к военной службе / В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 1. — С. 124—126.
9. Харитонов, С.С. О некоторых подходах к материальной ответственности военнослужащих (по материалам судебных решений) / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. — 2020. — № 10. — С. 4—21.
10. Холиков, И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование / И.В. Холиков // Военное право. — 2021. — № 5 (69). — С. 222—228.

О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих из числа летного состава авиационных воинских частей (подразделений)

© **Найденов Иван Николаевич**,
доктор военных наук, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации, ведущий
научный сотрудник ФГБУ «Центральный
научно-исследовательский институт Военно-
воздушных сил» Минобороны России
© **Майстренко Вадим Сергеевич**,
юрист

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных и других нормативных правовых актов Российской Федерации, правоприменительной и судебной практики, а также личного опыта авторов рассмотрены вопросы привлечения к материальной ответственности военнослужащих, проходящих военную службу на должностях летного состава. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что очень часто в деятельности авиационных частей возникает вопрос – является ли авиационная техника переданной «под отчет». Большая стоимость авиационной техники еще более актуализирует проблематику рассматриваемой темы.

Ключевые слова: военнослужащий, материальная ответственность, юридическая ответственность, ущерб, авиация, летный состав.

On some issues of material responsibility of military personnel from among the flight personnel of aviation military units (divisions)

© **Naidenov I.N.**,
Leading Researcher at the Federal State Budgetary
Institution "Central Research Institute of the Air
Force" of the Ministry of Defense of the Russian
Federation, Doctor of Military Sciences, Professor,
Honored Scientist
© **Maistrenko V.S.**,
lawyer

Abstract. Based on the analysis of legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, law enforcement and judicial practice, as well as the personal experience of the author, the article considers the issues of bringing military personnel undergoing military service in flight personnel positions to financial responsibility. The relevance of the topic under consideration is due to the fact that the question often arises whether aviation equipment is transferred "under the report". The high cost of aviation equipment further actualizes the problems of the topic under consideration.

Keywords: serviceman, material liability, legal liability, damage, aviation, flight personnel.

Одной из составляющей военного права является правовой институт юридической ответственности военнослужащих, которому посвящено большое количество работ российских ученых¹.

¹ Напр.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения //

Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34; Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах— военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10; Харитонов С.С. О необходимости совершенствования правового обеспечения военного строительства в современных условиях // Актуальные проблемы

Военнослужащий или гражданин, призванный на военные сборы, в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения, привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой или уголовной ответственности в соответствии с законодательством. К материальной ответственности военнослужащие привлекаются за материальный ущерб, причиненный по их вине государству при исполнении обязанностей военной службы, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Тема материальной ответственности военнослужащих широко освещена в научных изданиях¹, однако в процессе правоприменительной практики возникают неурегулированные вопросы, требующие их разрешения. Условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, а также порядок возмещения причиненного ущерба установлены Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи). М., 2020. С. 257—259; Холиков И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222—228.

¹ Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? // Военно-юридический журнал. 2020. № 7. С. 7—12; Глухов Е.А., Харитонов С.С. Денежные санкции за отказ от дальнейшего обучения в военном ВУЗе: вопросы правового регулирования, законности и справедливости // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2021. № 1 (282). С. 2—11; Калашников В.В., Наумов П.Ю., Залепукин Р.В. О соотношении норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 40—45; Тараненко В.В., Харитонов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 194—197.

Применительно к данному Федеральному закону под воинскими частями подразумеваются органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, воинские формирования, воинские подразделения, специальные формирования, органы военной прокуратуры, военные следственные органы СК России, иные органы и организации, в которых военнослужащие проходят (проходили) военную службу, военные сборы.

Одним из оснований для привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности, то есть в полном размере ущерба, предусмотренного ст. 5 указанного Федерального закона, является причинение ущерба по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения, перевозки и (или) выдачи этого имущества либо производства финансовых расчетов. В предшествующей редакции Федерального закона, действующей до 8 июня 2020 г., такое имущество называлось «переданное под отчет». Для упрощения мы будем использовать такую формулировку и в настоящей статье.

Случаи, когда военнослужащими в повседневной деятельности в результате повреждения (уничтожения) различного имущества воинской части причиняется материальный ущерб, не являются редкостью. Если стоимость поврежденного имущества невелика, то трудностей с возмещением ущерба не возникает, но если ущерб причинен дорогостоящей технике, например, авиационной, то такие трудности могут возникнуть. Также возникает вопрос является ли авиационная техника имуществом, переданным под отчет? Ведь если она является таковой, то в случае причинения ущерба в результате ее повреждения по неосторожности военнослужащий будет привлечен к полной материальной ответственности.

На взгляд авторов статьи, осознание военнослужащим возможности наступления полной материальной ответственности за причинение по неосторожности ущерба

авиационной технике (ее составным частям) может оказать негативное влияние на качество выполняемых задач, особенно в боевых условиях. Возможно, в какой-то момент, военный служащий не станет прибегать, например, к служебному риску или крайней необходимости, значимость которых в такой момент может быть очень велика.

По мнению Н.С. Кириченко, участие военнотружущих в боевых действиях, выполнение ими задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, целесообразно считать смягчающим обстоятельством для случаев причинения ущерба воинской части (организации) в период участия в указанных специальных мероприятиях, в том числе предусмотрев исключительно ограниченную материальную ответственность за причинение ущерба в указанных обстоятельствах, за исключением случаев причинения ущерба в результате деяния, признанного преступлением вступившим в законную силу приговором суда¹.

Можно считать, что позиция указанного автора вполне обоснована, в том числе применительно к военнотружущим авиационных воинских частей (подразделений). Но следует учитывать, что в случае привлечения военнотружущих к ограниченной материальной ответственности за причинение ущерба в результате повреждения дорогостоящей техники разница между размером причиненного ущерба и определенным приказом командира (начальника) воинской части (организации) или решением суда размером удержаний из денежного довольствия военнотружущего, относящаяся за счет средств, выделенных из федерального бюджета соответствующему федеральному органу ис-

полнительной власти (федеральному государственному органу), в ведении которого находится воинская часть, может составить большую сумму.

Авторы статьи считают, что в целях снижения размера такой разницы, подлежащей списанию, целесообразно разработать правовой механизм страхования такой авиационной или иной дорогостоящей техники либо ответственности лиц, ее эксплуатирующих, по аналогии с обязательным страхованием автогражданской ответственности.

Следует отметить, что согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации² факт закрепления за военнотружущим, проходящим военную службу по призыву, транспортного средства не свидетельствует о его передаче под отчет для хранения, перевозки, выдачи, пользования и других целей, то есть о наличии основания для привлечения такого военнотружущего к материальной ответственности в полном размере причиненного ущерба.

Указанная позиция применяется только в отношении военнотружущих, проходящих военную службу по призыву. Вероятно, она обоснована значительной разницей в размере денежного довольствия военнотружущих, проходящих военную службу по призыву и проходящих ее по контракту, а также тем, что военнотружущие, проходящие военную службу по контракту, в большей степени добровольно и осознанно принимают на себя обязательства, обусловленные их должностными обязанностями.

Вместе с тем, по нашему мнению, при наличии упомянутого ранее правового механизма страхования, такую судебную практику было бы целесообразно распространить и на военнотружущих, проходящих военную службу по контракту. Но с

¹ Кириченко Н.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнотружущих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 17—22.

² П. 10 Обзора практики рассмотрения военными судами дел о материальной ответственности военнотружущих и взыскании с них денежных средств, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2 декабря 2020 г. URL: http://gvs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=103 (дата обращения 04.10.2021).

учетом того, что судебная практика очень часто изменяется, авторы считают, что указанные вопросы необходимо разрешать путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих».

Главная цель таких изменений, как отмечено ранее, — недопущение возникновения такого фактора, как негативное влияние на качество выполняемых военнослужащими служебно-боевых задач осознания ими возможного привлечения их к полной материальной ответственности за повреждение по неосторожности дорогостоящей техники (например, авиационной). Ведь от успешного выполнения служебно-боевых задач, зачастую, зависит сохранение жизни и здоровья людей, а также безопасности нашего государства.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Денежные санкции за отказ от дальнейшего обучения в военном ВУЗе: вопросы правового регулирования, законности и справедливости / Е.А. Глухов, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 1 (282). — С. 2—11.
2. Калашников, В.В. О соотношении норм о материальной ответственности военнослужащих и исполнения ими обязанностей военной службы / В.В. Калашников, П.Ю. Наумов, Р.В. Залепукин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 10 (291). — С. 40—45.
3. Кириченко, Н.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2020. — № 5 (274). — С. 17—22.
4. Корякин, В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права / В.М. Корякин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2021. — № 10 (291). — С. 2—10.
5. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // *Государство и право.* — 2021. — № 4. С. 7—34.
6. Тараненко, В.В., Харитонов, С.С. Материальная ответственность военнослужащих: вопросы практики и законности / В. В. Тараненко, С. С. Харитонов // *Военное право.* — 2019. — № 2 (54). — С. 194—197.
7. Туганов, Ю.Н. Материальная ответственность военнослужащих: что нового? / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // *Военно-юридический журнал.* — 2020. — № 7. — С. 7—12.
8. Харитонов, С.С. О необходимости совершенствования правового обеспечения военного строительства в современных условиях / С.С. Харитонов // *Актуальные проблемы военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи).* — М., 2020. — С. 257—259.
9. Холиков, И.В., История и теория военного права: первое фундаментальное исследование / И.В. Холиков // *Военное право.* — 2021. — № 5 (69). — С. 222—228.

Административная ответственность военнослужащих в Республике Беларусь

© Чешко Владимир Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета. Республика Беларусь, г. Минск

Аннотация. В статье анализируются правовые нормы, регулирующие основания привлечения военнослужащих к административной ответственности в Республике Беларусь. Определяются административные взыскания, которые могут применяться к военнослужащим, а также рассматриваются ограничения по применению отдельных взысканий и порядок освобождения военнослужащих от административной ответственности. Определяются некоторые правовые проблемы в этой сфере и предлагаются возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, административная ответственность.

Administrative responsibility of military personnel in the Republic of Belarus

© Cheshko V.Yu.,

PhD in Law, Docent associate professor of the Department of Constitutional Law Faculty of Law, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk

Annotation. The article analyses the legal rules governing the grounds for bringing military personnel to administrative responsibility in the Republic of Belarus. Administrative penalties that can be applied to military personnel are determined, as well as restrictions on the application of individual penalties and the procedure for exempting military personnel from administrative responsibility are considered. Some legal problems in this area are identified and possible ways to overcome them are suggested.

Key words: military service, military personnel, administrative responsibility.

Административная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, которая выражается в применении к совершившему административное правонарушение виновному лицу административного взыскания уполномоченным на то органом или должностным лицом.

Административная ответственность обладает следующими признаками:

— основанием административной ответственности является совершение административного правонарушения;

— субъектами административной ответственности могут быть физические и юридические лица;

— санкциями, предусмотренными за административные правонарушения, являются административные взыскания;

— административные взыскания применяются широким кругом уполномоченных органов и должностных лиц исполнительной власти, местного управления и самоуправления, а также судами (судьями);

— административные взыскания налагаются уполномоченными органами и должностными лицами на неподчиненных им правонарушителей;

— применение административного взыскания не влечет за собой судимости и увольнения с работы, а лицо, к которому оно применено, считается имеющим адми-

нистративное взыскание только в течение установленного срока;

— дела об административной ответственности рассматриваются, а административные взыскания налагаются в соответствии с законодательством, регламентирующим производство по делам об административных правонарушениях.

Административная ответственность в Республике Беларусь устанавливается Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП). Так, в ч. 2 ст. 1.1 КоАП указано, что данный кодекс является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь. Нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, являются составной частью законодательства об административных правонарушениях, подлежат применению с учетом положений КоАП и включению в него. Вместе с тем, в законодательстве имеются отдельные случаи применения административных взысканий не за административное правонарушение. Так, в соответствии со ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при соблюдении определенных условий с привлечением к административной ответственности. При этом в ч. 2 вышеназванной статьи указываются виды и размеры административных взысканий: штраф в пределах от пяти до тридцати базовых величин; административный арест на срок до пятнадцати суток; лишение специального права на срок от трех месяцев до трех лет.

Однако в КоАП данные положения не нашли полного отражения, законодатель ограничился только закреплением в ст. 6.4 нормы, указывающей на размер штрафа при освобождении от уголовной ответственности. Таким образом, остался неурегулированным вопрос о соотношении общих положений КоАП и ст. 86 УК в части применения таких административных взысканий, как административный арест и лишение специального права.

Административное правонарушение, как основание административной ответ-

ственности, — это противоправное виновное деяние (действие или бездействие) физического лица, а равно противоправное деяние юридического лица, за совершение которого установлена административная ответственность.

Административным правонарушением может быть деяние как в виде окончательного административного правонарушения, так и в виде попытки совершения административного правонарушения. При этом следует помнить, что административная ответственность за правонарушения, предусмотренные статьями Особенной части КоАП, наступает, если эти правонарушения по своему характеру не влекут за собой уголовной ответственности, и состоит в применении к военнослужащим административных взысканий. В данном случае административное взыскание является мерой административной ответственности, применяется в целях воспитания военнослужащего, совершившего административное правонарушение, а также предупреждения совершения новых правонарушений им самим и другими военнослужащими. А поскольку административные проступки менее общественно опасны, чем преступления, то административные взыскания менее суровы, чем уголовные наказания.

Административные взыскания, которые могут быть применены к лицу, совершившему административное правонарушение, закреплены в гл. 6 КоАП:

- 1) штраф;
- 2) общественные работы;
- 3) административный арест;
- 4) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- 5) депортация;
- 6) конфискация;
- 7) взыскание стоимости;
- 8) запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Кроме того, к лицу могут быть применены профилактические меры воздействия, по логике КоАП не являющиеся административными взысканиями.

К таким мерам относятся:

- 1) устное замечание;
- 2) предупреждение;

3) меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних).

Переходя к рассмотрению особенностей административной ответственности военнослужащих, обратим внимание на норму ст. 4.5 КоАП, согласно которой военнослужащие несут административную ответственность на общих основаниях, за исключением ряда ограничений. Так, к ним не могут применяться административные взыскания в виде общественных работ и административного ареста, а к военнослужащим срочной военной службы — штраф. При этом если в санкции предусмотрено только административное взыскание в виде штрафа, то военнослужащие срочной службы освобождаются от административной ответственности. Данный порядок не применяется в случае совершения правонарушения с административной преюдицией. Это обусловлено тем, что Вооруженные Силы, другие войска и вооруженные формирования — это специфические организации государства, где отношения военнослужащих регулируются воинскими уставами, а важнейшим принципом военного управления является единоначалие, законодательством предусмотрен несколько иной порядок ответственности военнослужащих за административные правонарушения по сравнению с другими гражданами.

Говоря об особом статусе военнослужащих при привлечении к административной ответственности справедливо возникает вопрос о соблюдении принципа равенства перед законом. По этому поводу солидаризуемся с мнением Е.Ю. Шатской и А.А. Шмидтом: «предоставление некоторых привилегий и иммунитетов при привлечении военнослужащих к административной ответственности ... не нарушает принцип правового равенства, поскольку военнослужащие за совершенные административные правонарушения не освобождаются от юридической ответственности вообще»¹.

¹ Шатская Е.Ю., Шмидт А.А. К вопросу об административной ответственности военнослужащих // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 43. С. 95.

Следует отметить, что данная норма не учитывает особенностей отдельных категорий военнослужащих. К такой категории следует отнести курсантов. Правовой статус курсанта носит фрагментарный характер и не дает четкого ответа, к какой категории он относится: срочной военной службе или военнослужащим, проходящим службу по контракту. Так, в соответствии со ст. 43 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХІІ «О воинской обязанности и воинской службе» курсантами являются военнослужащие, обучающиеся в военных учебных заведениях, не имеющие офицерских званий. Определено, что с ними заключаются контракты о прохождении военной службы со дня их зачисления на период обучения и на пять лет прохождения ими военной службы. Однако на практике в силу не всегда имеется возможность заключить контракт именно в день зачисления. Кроме того, при анализе норм общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 (далее — Общевоинские уставы), возникают сомнения в четкости разграничения их статуса с военнослужащими срочной военной службы. Например, в п. 146 Общевоинских уставов правовой статус курсантов смешивается со статусом военнослужащих срочной военной службы. Отдельной нормы, закрепляющей такой статус, не имеется.

В.М. Корякин в ходе описания особенностей административной ответственности военнослужащих в Российской Федерации обращает внимание на наличие специальных норм в КоАП РФ по поводу применения к ним мер административной ответственности². Согласно ч. 6 ст. 3.9 КоАП РФ «административный штраф не может применяться к сержантам, старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по призыву, а также к курсантам военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о

² Корякин В.М. Военная администрация : учебник. М: «За права военнослужащих», 2015. С. 149.

прохождении военной службы». Полагаем, что данную норму необходимо включить в законодательство об административной ответственности Республики Беларусь, поскольку, на наш взгляд, именно к категории срочной военной службы следует отнести курсантов, не заключивших контракт о прохождении службы.

Далее обратим внимание на невозможность привлечения военнослужащих к административным взысканиям согласно ст. 4.5 КоАП, но также и на взыскание в виде депортации, поскольку это взыскание применяется только к иностранным гражданам и лицам без гражданства, а обязательным условием для поступления на военную службу согласно положениям Закона Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» является наличие гражданства Республики Беларусь.

Еще одной немаловажной особенностью административной ответственности военнослужащих в Республике Беларусь является возможность их освобождения от данного вида ответственности. Так, согласно ст. 8.6 КоАП военнослужащие, совершившие административное правонарушение, могут быть освобождены от административной ответственности с передачей материалов соответствующим органам для решения вопроса о привлечении их к дисциплинарной ответственности, за исключением случаев, когда:

— в санкции за совершенное правонарушение предусмотрены лишение права заниматься определенной деятельностью или конфискация;

— повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность.

Из данной нормы видно, что законодатель в определенных случаях рассматривает дисциплинарную ответственность взамен административной, но только если отсутствует административная преюдиция и не предусмотрены определенные виды санкций.

Полагаем наличие такой возможности более чем оправданным, поскольку командир (начальник) виновного военнослужа-

щего отвечает за его обучение и воспитание и может найти именно ту меру дисциплинарного воздействия, которая наиболее справедливо будет соотноситься с совершенным проступком, а также сможет выстроить соответствующую модель поведения с данным военнослужащим, что позволит усилить профилактический эффект.

Однако обратим внимание на то, что в данной статье КоАП отсутствует обязанность должностного лица воинской части, в которую придут материалы дела об административном правонарушении, по привлечению военнослужащего к дисциплинарной ответственности. По нашему мнению, такой порядок хоть и направлен на реализацию властных полномочий командирами (начальниками), но не застрахован от необоснованного освобождения военнослужащего от применения к нему мер реагирования. Представляется, что целесообразно внести в данную норму изменения в части включения обязанности по информированию о примененных мерах воздействия взамен освобождения от административной ответственности. В случае если примененных мер по мнению органа, ведущего административный процесс, недостаточно, то такое решение может быть отменено и военнослужащего привлекут к административной ответственности в общем порядке. Поручительство командования воинской части, на наш взгляд, будет выступать действенной мерой по недопущению противоправного поведения военнослужащими своей части.

Таким образом, военнослужащие в Республике Беларусь привлекаются к административной ответственности в соответствии с КоАП в общем порядке. Их особый правовой статус заключается в неприменении к ним взысканий в виде административного ареста и общественных работ (военнослужащие срочной службы не могут быть привлечены к штрафу). При соблюдении определенных условий (отсутствие в санкции конфискации и лишения специального права, а также не при административной преюдиции) военнослужащий может быть освобожден от административной ответственности с

направлением материалов в воинскую часть.

Аспектами, которые могут устранить определенные правовые пробелы и повысить эффективность применения мер воздействия, выступают:

— проведение сопряжения норм КоАП и ст. 86 УК, в части установления порядка применения административного ареста и лишения специального права в КоАП при освобождении от уголовной ответственности;

— определение правового статуса курсантов, с которыми не заключен контракт, как военнослужащих срочной военной службы;

— установление порядка обязательного информирования органа, ведущего административный процесс, о принятых мерах дисциплинарного воздействия при освобождении военнослужащего от административной ответственности в порядке ст. 8.6 КоАП.

Библиография

1. Корякин, В.М. Военная администрация : учебник / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2015. — 416 с.
2. Шатская, Е.Ю. К вопросу об административной ответственности военнослужащих / Е.Ю. Шатская, А.А. Шмидт // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 43. — С. 95—96.

О проверке Конституционным Судом Российской Федерации положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих»

© **Яткевич Ольга Григорьевна**,
полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

© **Александрова Наталья Геннадьевна**,
кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. В статье представлен краткий обзор постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенных по итогам проведенных проверок отдельных положений Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации, а также изменений в указанный федеральный закон, принятых по итогам вынесения соответствующих постановлений.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, материальная ответственность военнослужащих, законность, соответствие Конституции Российской Федерации

On verification by the Constitutional Court of the Russian Federation of the provisions of the Federal Law "On Financial Responsibility of Military Personnel"

© **Yatkevich O.G.**,
Colonel of Justice, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty (command) St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

© **Alexandrova N.G.**,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. The article presents a brief overview of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation issued following the results of the audit of certain provisions of Federal Law No. 161-FZ dated July 12, 1999 "On the Material Liability of military personnel" for their compliance with the Constitution of the Russian Federation, as well as amendments made to the said federal law following the issuance of relevant rulings.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, financial responsibility of military personnel, legality, compliance with the Constitution of the Russian Federation

Приоритетное значение в обеспечении единства правового пространства и конституционной законности имеют акты конституционного правосудия, направленные на совершенствование правовой системы в соответствии с конституционными принципами и нормами.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. К полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации относится проверка конституционности федеральных законов по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод, а также по запросам судебных органов.

Свои выводы Конституционный Суд формулирует в правовых позициях, которые «являются нормативно-интерпретационными установлениями, отражающими правопонимание Конституционным Судом конституционных принципов и норм и в этом контексте — должного конституционного содержания оспоренного законоположения; данные установления также имеют общий и обязательный характер, как и решения Конституционного Суда»¹. Правовые позиции высшего органа конституционного контроля оказывают воздействие на все элементы правовой системы Российской Федерации, включая сферу обороны страны и военной безопасности государства. В.М. Корякин выделяет следующие способы воздействия правовых позиций Конституционного Суда на развитие военного права:

— во-первых, через конституционное истолкование правовых норм, содержащихся в военном законодательстве, что является специфической формой правотворческой деятельности Конституционного Суда, направленное на разрешение противоречий в сфере обороны и безопасности государства;

— во-вторых, посредством конституционной корректировки сложившейся правоприменительной практики в военной сфере, которая придала или может придать неконституционный смысл нормам текущего военного законодательства, и на этой основе возможно возникновение различного рода противоречий и конфликтов социального и (или) правового характера;

— в-третьих, путем выработки на основе разрешенных конкретных дел рекомендаций законодателю по совершенствованию правового регулирования в сфере обороны и военной безопасности государства².

Наряду с иными законодательными актами Конституционным Судом Российской Федерации проводилась проверка конституционности отдельных положений Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих», устанавливающего условия и размеры материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части, а также определяющего порядок возмещения причиненного ущерба. За историю существования Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» Конституционным Судом Российской Федерации проведено две такие проверки.

1. *Постановление от 10 апреля 2001 г. № 5-П по делу о проверке конституционности части первой пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с запросом Находкинского гарнизонного военного суда.*

¹ Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 74—75.

² Корякин В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права. М.: За права военнослужащих, 2005. С. 28.

Конституционным Судом Российской Федерации установлено, что в производстве Находкинского гарнизонного военного суда находятся дела по жалобам военнослужащих В.Н. Косыгина и П.В. Позднякова на действия командиров воинских частей, по приказам которых они были привлечены к материальной ответственности за ущерб, причиненный при исполнении обязанностей военной службы имуществу воинской части.

Придя к выводу о том, что подлежащая применению в этих делах ч. 1 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствует ст. 35 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, суд, приостановив производство по данным делам, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности содержащегося в ней положения, устанавливающего, что возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части путем удержаний из денежного довольствия военнослужащего, причинившего ущерб.

По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Российской Федерации постановил признать положение ч. 1 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», устанавливающее, что возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части путем удержаний из денежного довольствия военнослужащего, причинившего ущерб, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не препятствует реализации конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты имущественных прав военнослужащего, возникающих в связи с получением им денежного довольствия в качестве вознаграждения за службу.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что с учетом специфики военной службы, характера воинской дисциплины и обусловленных этим особого рода публично-правовых по своему существу обязанностей военнослужащего, скрепленных Военной присягой (в данном случае — обязанности сохранять закрепленное за воинскими частями имущество, находящееся в федеральной собственности, т.е. обязанности, которая непосредственно связана с необходимостью обеспечения обороны страны и безопасности государства), положение ч. 1 п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» — во взаимосвязи со ст. 3, 7, 8, 11 и 12 названного Федерального закона, ст. 4 Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» и ст. 239.6, 239.7 и 239.8 ГПК РСФСР¹, обеспечивающими механизм судебной защиты имущественных прав военнослужащего, возникающих в связи с получением денежного довольствия в качестве вознаграждения за службу, — не нарушает справедливый баланс между правами военнослужащего и правомерными интересами общества и государства, основанный на конституционно значимых целях и ценностях, защищаемых Конституцией Российской Федерации, в том числе ее ст. 8, 35, 37, 45, 46, 55 и 59, и потому, как не препятствующее реализации конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав военнослужащего, не противоречит Конституции Российской Федерации.

2. Постановление от 8 ноября 2016 г. № 22-П по делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 федерального Закона «О материальной ответственности военнослужащих» в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Д.В. Батарагина. Ос-

¹ Закон Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» и ГПК РСФСР к настоящему времени утратили силу.

нованием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Конституционным Судом Российской Федерации установлено, что в соответствии с Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность за ущерб, причиненный ими при исполнении обязанностей военной службы имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в полном размере ущерба в случае, когда ущерб причинен действиями (бездействием) военнослужащего, содержащими признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (абз. 3 ст. 5); возмещение ущерба производится независимо от привлечения военнослужащего к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности за действия (бездействие), которыми причинен ущерб (п. 5 ст. 8).

Постановлением следователя уголовное дело в отношении заявителя по данному делу — бывшего командира войсковой части 52361 полковника Д.В. Батарагина и бывшего техника отдела эксплуатации специальных систем той же войсковой части старшего лейтенанта К.А. Ходулина, подозревавшихся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 «Халатность» УК РФ, было прекращено с их согласия на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. В ходе предварительного следствия было установлено, что в результате небрежного отношения Д.В. Батарагина и К.А. Ходулина к службе государству в лице Министерства обороны Российской Федерации причинен материальный ущерб в размере 2,4 млн. руб.

Решением Краснознаменского гарнизонного военного суда от 31 марта 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам 3 окружного военного

суда от 29 июня 2015 г., иск Министерства обороны Российской Федерации к Д.В. Батарагину и К.А. Ходулину о возмещении ущерба, причиненного преступлением, удовлетворен частично: с Д.В. Батарагина взысканы денежные средства в размере 1 млн руб., а с К.А. Ходулина — 300 тыс. руб. Принимая такое решение, суды исходили из того, что вина этих лиц в совершении преступления установлена и доказана органом предварительного расследования и что, давая согласие на прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, т.е. по нереабилитирующему основанию, они полностью признали свою вину как в совершении преступления, так и в причинении материального ущерба, а потому должны нести материальную ответственность в полном размере причиненного ущерба; однако с учетом отсутствия у ответчиков умысла на причинение ущерба, их материального положения и нахождения на иждивении Д.В. Батарагина двоих детей, размер возмещаемого ущерба подлежит уменьшению. В передаче кассационной жалобы Д.В. Батарагина на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано (определение судьи 3 окружного военного суда от 9 декабря 2015 г.).

По итогам рассмотрения дела Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

— признать взаимосвязанные положения абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в закон-

ную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенно п. 4 ст. 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо — при наличии иных перечисленных в его ст. 5 оснований — в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности;

— признать взаимосвязанные положения абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 19 (ч. 1 и 2), 46 (ч. 1 и 2), 47 (ч. 1), 49 (ч. 1), 55 (ч. 3) и 118 (ч. 2), в той мере, в какой эти положения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — допускают возможность привлечения военнослужащего, уголовное дело в отношении которого прекращено на стадии досудебного производства в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым — фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением, включая постановление суда, принятое в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом;

— правоприменительные решения по делу гражданина Батарагина Д.В., основанные на положениях абз. 3 ст. 5 и п. 5 ст. 8 Федерального закона «О материаль-

ной ответственности военнослужащих» в той мере, в какой эти положения признаны рассматриваемым Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

В целях реализации указанного Постановления был принят Федеральный закон от 18 июля 2017 г. № 170-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», которым внесены изменения в абз. 3 ст. 5 Закона о материальной ответственности, в результате которых полная материальная ответственность в отношении военнослужащих стала наступать не в результате причинения ущерба действиями (бездействием), содержащими признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, а в результате преступных действий (бездействия), установленных вступившим в законную силу приговором суда.

Из этого следует, что вступивший в законную силу приговор суда стал обязательным условием для привлечения военнослужащего к полной материальной ответственности в случае причинения ущерба в результате преступных действий. При этом военнослужащий будет привлечен к полной материальной ответственности за причинение ущерба в результате хищения, умышленных уничтожения, повреждения, порчи, незаконных расходования или использования имущества либо иных умышленных действий (бездействия) независимо от того, содержат ли они признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации и соответственно независимо от наличия вступившего в силу приговора суда.

Таким образом, Конституционным Судом Российской Федерации рассмотрено два дела о конституционности положений Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», по итогам которых одно постановление признает нормы Закона не противоречащими Конституции Российской Федерации, второе — противоречащими, что в последу-

ющем стало основанием для внесения изменений в Закон.

Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Закон о материальной ответственности были внесены существенные изменения и возможно в скором времени Конституционным Судом Российской Федерации будет проведены но-

вые проверки конституционности положений указанного Закона.

Библиография

1. Лазарев, Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. — М.: Издательский дом "Городец"; "Формула права", 2003. — 528 с.

2. Корякин, В.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам военного права / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2005. — 208 с.

Уголовное право, криминология, уголовный процесс, и криминалистика

К вопросу о санкциях за транспортные преступления

© Борисов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы видов и размеров наказаний, назначаемых за совершение транспортных преступлений, закрепленных главой 27 УК РФ. Рассмотрены проблемы назначения такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

Ключевые слова: санкция уголовно-правовой нормы, транспортные преступления, санкции за транспортные преступления.

On the issue of sanctions for transport crimes

© Borisov A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department "Criminal law, criminal procedure and criminology" Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article discusses the types and sizes of punishments imposed for the commission of transport crimes, enshrined in Chapter 27 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of assigning such a type of punishment as deprivation of the right to hold certain positions and engage in certain activities are considered.

Keywords: sanction of the criminal law norm, transport crimes, sanctions for transport crimes.

Для обеспечения транспортной безопасности используются различные правовые средства, в том числе положения уголовного законодательства. Ученые разных стран озабочены состоянием преступности в транспортной сфере. Одни обращают внимание на необходимость обеспечения безопасности на отдельных видах транспорта, например, железнодорожном или общественном, другие — на вопросы безопасности отдельных категорий лиц на транспорте, третьи — на предпринимаемые меры в этой области. Обеспечение транспортной безопасности средствами уголовного закона не ограничивается нормами Особенной части УК РФ.

При назначении наказания за транспортные преступления суд должен учитывать цели общего и специального предупреждения, законодательной базой которых является санкция статьи. При этом следует согласиться с Б.А. Куриновым, который указывает на то, что «санкция любой уголовно-правовой нормы должна содержать такие виды и пределы наказания, которые достаточно эффективно способствовали бы осуществлению задач общего и специального предупреждения»¹.

¹ Куринов Б.А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание). М.: Юридическая литература, 2010. С. 181.

В разрезе статей гл. 27 УК РФ, можно наглядно увидеть все предусмотренные санкции.

Так, например, по ч. 1 ст. 263 УК РФ за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена применяются следующие санкции:

— штраф в размере от 100 000 до 300 000 тыс. руб. или в размере заработной платы на 1—2 года;

— ограничение передвижения гражданина до 4 лет;

— принудительные работы на 2 года с запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;

— заключение в тюрьму на срок до 2 лет с применением вышеуказанной санкции (по усмотрению судьи);

— арест на полгода.

Согласно ст. 263 УК РФ отвечают перед судом должностные лица, которые нарушили правила по управлению каким-либо видом транспорта, включая метрополитен, если деяние лица по неосторожности повлекло причинение тяжкого вреда здоровью либо причинение крупного ущерба либо повлекшее по неосторожности смерть человека, если они в это время находились непосредственно на рабочем месте, или находился в состоянии опьянения на рабочем месте, в последствии который было совершено преступление по ст. 263 УК РФ.

При этом, крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает 1 млн. руб.

В ч. 2 ст. 263 УК РФ предусмотрена санкция в виде принудительных работ на срок до 5 лет либо лишение свободы на срок до 5 лет.

В ч. 3 ст. 263 УК РФ предусмотрена санкция в виде принудительных работ на срок до 5 лет либо лишение свободы на срок до 7 лет.

В ч. 4 ст. 263 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

Далее приведены санкции ст. 263.1 за нарушения в области транспортной безопасности. Так, ч. 1 ст. 263.1 УК РФ предусматривает следующие санкции:

— штраф от 80 000 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за полгода;

— ограничение свободы до 1 года.

В ч. 2 ст. 263.1 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

— ограничение свободы до 4 лет;

— принудительные работы до 5 лет с лишением права занимать определенные должности;

— заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового;

— лишение свободы на срок до 5 лет.

В ч. 3 ст. 263.1 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

— принудительных работ до 5 лет с лишением права занимать определенные должности;

— запрет заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового;

— лишение свободы на срок до 7 лет с лишением права занимать определенные должности;

— запрет заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

В ч. 4 ст. 263.1 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

— лишения свободы на срок от 5 до 8 лет со штрафом в размере до 1 000 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода за период до 3 лет;

— лишения занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

Такой вид наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, по анализируемым приговорам приводят к выводу о бесспорном лидерстве среди всех видов транспортных преступлений. Удельный данной санкции вес среди рассматриваемых 90 приговоров по всех категориях транспортных преступлений составляет 66 %.

Санкции по ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения и эксплу-

атации транспортных средств также весьма разнообразны.

Так, ч. 1 ст. 264 УК РФ предусматривает следующие виды наказания:

- ограничение свободы до 3 лет;
- принудительные работы на срок до 2 лет;
- арест до 6 месяцев;
- лишение свободы до 2 лет;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В ч. 2 ст. 264 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- принудительных работ до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;
- лишения свободы от 3 до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В ч. 3 ст. 264 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- принудительных работ до 4 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;
- лишения свободы до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В ч. 4 ст. 264 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы от 5 до 12 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В ч. 5 ст. 264 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- принудительных работ до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет;
- лишения свободы до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В ч. 6 ст. 264 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы от 8 до 15 лет с лишением права занимать опреде-

ленные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В то же время, лишение права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного наказания даже в тех случаях, когда это не предусмотрено санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Это приводит в действие принцип индивидуализации уголовного наказания.

В санкциях ст. 264 УК РФ до изменений, внесенных 31 декабря 2014 г.¹, встречался такой вид наказания, как лишение права управлять транспортным средством. При этом в научной литературе обоснованно отмечалось, что такое наказание не соответствует требованиям общей части УК РФ.

Тем не менее проведенный нами анализ судебной практики показывает, что такое наказание, как лишение права занимать определенную деятельность применительно к преступлениям, связанным с транспортной безопасностью, наиболее часто судами назначается в виде «лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами»² либо «лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами».

Несмотря на внешнюю схожесть данных формулировок, вторая гораздо шире по смыслу, поскольку включает не только деятельность по управлению транспортными средствами, но и иную (например, деятельность диспетчеров, штурманов, шкиперов). Поэтому при назначении наказания в виде лишения права необходимо обращать особое внимание на его формулировку.

В отдельных случаях судами назначалось наказание в виде «лишения права заниматься деятельностью, связанной с эксплуатацией транспортных средств».

¹ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения».

На наш взгляд, такое наказание целесообразно назначать лишь в случае, когда совершенное преступление связано с нарушением правил эксплуатации транспортных средств.

На сегодняшний день в судебной практике однозначно решен вопрос о том, что лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами назначается вне зависимости от того, имеется ли у лица полученное в установленном законом порядке удостоверение на право управления каким-либо транспортным средством. Такой подход представляется вполне уместным, поскольку позволяет не допускать к управлению транспортом лиц, допустивших нарушения, повлекшие преступные последствия.

Тем самым данное наказание направлено на обеспечение транспортной безопасности.

Проведенный нами анализ 90 судебных приговоров по уголовным делам о преступлениях, совершенных при управлении транспортным средством, показал, что только в 8 % случаев судами обсуждался вопрос о назначении дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортным средством. Так, например, рассматривая уголовное дело в отношении гражданина В., который, управляя маломерным судном, не обеспечил безопасность его пассажиров при следовании на данном судне, что повлекло смерть пассажира, суд при вынесении приговора даже не обсудил вопрос о назначении дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортным средством¹.

Такая ситуация, на наш взгляд, не отвечает задачам обеспечения транспортной безопасности, а также не соответствует такой цели уголовного наказания, как предупреждение преступлений. Сохранение за такими лицами права управления транспортными средствами может повлечь за собой совершение повторного аналогично-

го преступления. Поэтому в каждом случае совершения преступления при управлении транспортным средством суду следует рассматривать вопрос о целесообразности назначения наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством на определенный срок.

Считаем, что в целях обеспечения транспортной безопасности необходимо на уровне постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации закрепить санкцию в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством на определенный срок вне зависимости от вынесенного решения судом при рассмотрении дела о совершенном транспортном преступлении.

Однако, одним из сложных вопросов относительно лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами является определение круга транспортных средств, в отношении которых действует запрет. В судебной практике нет единства по этому вопросу. Так, апелляционным постановлением Вологодского областного суда разъяснено, что приговор суда первой инстанции «в части лишения права заниматься определенной деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на срок 2 года 6 месяцев, не распространяется на лишение осужденного Кудрявцева И.А. занимать должность помощника машиниста и лишение права управления электровозом на указанный срок»².

Вместе с тем Верховный Суд Российской Федерации занял иную позицию, указав, что наказание в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами касается всех видов транспорта³.

Некоторые авторы критикуют такой подход высшей судебной инстанции со ссылкой на нарушение принципа справедливости. Представляется, что далеко не во

¹ Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам суда Ненецкого автономного округа от 31 марта 2014 г. по уголовному делу 22-14/2014.

² Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 18 апреля 2016 г. по делу № 10-25/16.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2017 г. № 56-КГ16-46.

всех случаях необходимо лишать права управлять абсолютно всеми видами транспорта. Существенную роль здесь могут сыграть обстоятельства совершения преступления и причины совершения преступления. Так, например, если пилот самолета в силу малого опыта вождения автомобиля совершит преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, то нет никаких оснований лишать его права управления воздушным транспортом.

Иное касается управления транспортом в состоянии опьянения. В последнем случае целесообразно лишать права управления всеми видами транспортных средств.

Еще одна сложность, возникающая на практике и требующая разрешения на законодательном уровне, связана с тем, что в случае освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и прекращении уголовного дела лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние, не лишается права управления транспортным средством, поскольку наказание ему не назначается. Как правило, такие лица не могут быть привлечены и к административной ответственности, как минимум, из-за истечения сроков давности. Складывается парадоксальная ситуация: лица, совершившие преступления и освобожденные от уголовной ответственности, оказываются в более привилегированном положении, чем лица, совершившие административные правонарушения. В таких случаях налицо нарушение закрепленного в ст. 6 УК РФ принципа справедливости и создание угрозы транспортной безопасности.

При назначении наказания за транспортные преступления суд должен учитывать цели общего и специального предупреждения, законодательной базой которых является санкция ст. 264 УК РФ. При этом следует согласиться с Б.А. Куриновым, который указывает на то, что «санкция любой уголовно-правовой нормы должна содержать такие виды и пределы наказания, которые достаточно эффективно способствовали бы осуществлению за-

дач общего и специального предупреждения»¹.

В соответствии с введенной в действие ст. 264.1 УК РФ за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию предусмотрены следующие санкции:

— штраф от 200 000 до 300 000 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного от 1 года до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет;

— обязательные работы до 480 часов с лишением права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет;

— принудительные работы до 2 лет с лишением свободы до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

На наш взгляд, санкции, предусмотренные ст. 264.1. УК РФ в полной мере обеспечивают принцип справедливого наказания виновных лиц.

В ходе рассмотрения санкций ст. 266 УК РФ за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями было отмечено значительное количество лишений свободы от 2 до 7 лет.

В ч. 1 ст. 266 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

— штрафа в размере от 100 000 до 300 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от года до двух лет;

— ограничение свободы до 3 лет;

— принудительные работы до 2 лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет;

— арест на срок до шести месяцев;

— лишение свободы до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

¹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 181.

В судебной практике по данной статье имеется множество приговоров. Так, приговором Московского районного суда г. Казани от июля 2017 г. гражданин К. был осужден по ч. 3 ст. 266 УК РФ в виде лишения свободы на 7 лет за то, что он, работая контролером технического состояния автотранспортных средств, по должности обязанный осуществлять технический надзор за выходящими на линию автомашинами, проявив преступное легкомыслие, допустил выезд из гаража в рейс автомобиля ГАЗ с неисправностью тормозной системы. Водитель гражданин А., управляя данным автомобилем, нарушив Правила дорожного движения, выехал на полосу встречного движения и совершил столкновение с автомобилем ВАЗ, в результате чего водитель и пассажир автомобиля ВАЗ скончались¹.

Далее приведены санкции в рамках рассмотрения ст. 267 УК РФ за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения.

В ч. 1 ст. 267 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- штрафа в размере от 100 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от года до двух лет;

- обязательные работы до 300 часов;
- принудительные работы до 1 года;
- лишение свободы до 1 года.

В ч. 2 ст. 267 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- штрафа в размере от 200 000 до 500 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух лет до двух лет шести месяцев;

- обязательные работы до 300 часов;
- принудительные работы до 2 лет;
- лишение свободы до 2 лет.

В ч. 3 ст. 267 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- штрафа в размере от 300 000 до 600 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за

период от двух лет шести месяцев до трех лет;

- обязательные работы до 400 часов;
- принудительные работы до 3 лет;
- лишение свободы до 3 лет.

В ч. 4 ст. 267 УК РФ предусмотрены санкции в виде:

- штрафа в размере от 400 000 до 700 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех лет до четырех лет;

- обязательные работы до 450 часов;
- принудительные работы до 4 лет;
- лишение свободы до 4 лет.

В ч. 5 ст. 267 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы до 8 лет. В ч. 6 ст. 267 УК РФ предусмотрена санкция в виде лишения свободы до 10 лет.

Стоит отметить, что в соответствии со ст. 267 УК РФ объектами преступления являются отношения по обеспечению безопасности движения и эксплуатации транспорта. При этом максимальное наказание в виде лишения свободы до 10 лет, по указанной статье предусмотрено при совершении преступления, повлекшего смерть двух или более лиц.

В рамках рассмотренной нами ст. 267.1 УК РФ за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, законодательством установлены следующие санкции:

- штраф от 150 000 до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного до 2 лет;

- ограничение свободы до 2 лет;
- лишение свободы до 2 лет.

В ходе рассмотренной ст. 268 УК РФ за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, установлены следующие санкции:

в ч. 1 ст. 268 УК РФ предусмотрены санкции в виде: ограничения свободы до 3 лет; принудительных работ до 2 лет; ареста до 4 месяцев; лишения свободы до 2 лет;

в ч. 2 ст. 268 УК РФ предусмотрены санкции в виде: ограничения свободы до 4 лет; принудительных работ до 4 лет; лишения свободы до 4 лет;

¹ Приговор Казанского районного суда по делу № 1-4/2020 от 6 июля 2017 г.

в ч. 3 ст. 268 УК РФ предусмотрены санкции в виде: принудительных работ до 5 лет; лишения свободы до 7 лет.

В ходе рассмотрения судебной практики по ст. 268 УК РФ нами был отмечен приговор в отношении несовершеннолетнего лица, который управляя скутером без номеров, не соблюдая правила ПДД, вечером во дворе, превысив положенную скорость 20 км/ч и, не увидев выбоину в асфальте, наехал на нее и потерял управление. В результате падения пассажир, который с ним ехал, получил травмы, несовместимые с жизнью, и скончался. Преступление квалифицировали по ст. 268 ч. 2 и присудили 1 год и 6 месяцев лишения свободы. Однако, на основании ст. 73 УК РФ наказание было условным, учитывая несовершеннолетие лица, нарушившего правила обеспечивающие безопасную работу транспорта (Шиян В.И., Борисов А.В., Новиков В.А., Афанасьева О.Р. Уголовное право. Общая часть : учебник. М., 2020).

Далее рассмотрим санкции ст. 270 УК РФ за неказание капитаном судна помощи терпящим бедствие. Санкции по указанной статье определены в виде:

— штрафа от 200 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного до 1,5 года;

— принудительных работ до 2 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет;

— лишения свободы до 2 лет с лишением права занимать определенные долж-

ности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

Предусмотренные ст. 271 УК РФ санкции за нарушение правил международных полетов включают в себя:

— штраф до 200 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного до 1,5 года;

— арест до 6 месяцев с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

Санкции, указанные в ст. 271.1 УК РФ за нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации, предусматривают в ч. 1 лишение свободы до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет, а в ч. 2 — лишение свободы до 7 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 3 лет.

Стоит отметить, что судебная практика в части нарушения правил международных полетов и использования воздушного пространства Российской Федерации за последние 5 лет отсутствует.

Библиография

1. Куринов, Б.А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание) / Б.А. Куринов. — М.: Юридическая литература, 2010.
2. Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие / Б.А. Куринов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
3. Шиян, В.И. Уголовное право. Общая часть : учебник / В.И. Шиян, А.В. Борисов, В.А. Новиков, О.Р. Афанасьева. — М., 2020.

Особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств бесконтактным способом (с использованием сети Интернет)

© Исхаков Айдар Назипович,
специалист юридического отдела центра исследования проблем российского права «Эквитас»

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы борьбы с незаконным сбытом наркотических средств, осуществляемым бесконтактным способом (с использованием сети Интернет). Анализируются формы и методы осуществления противоправной деятельности по незаконному сбыту наркотических средств. Раскрываются особенности распространения наркотических средств бесконтактным способом. Дается криминалистическая характеристика незаконного сбыта наркотических средств, осуществляемого бесконтактным способом.

Ключевые слова. Наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, бесконтактный способ сбыта наркотических средств, борьба с незаконным оборотом наркотических средств.

Features of the criminalistics characteristics of crimes, related to the illegal sale of narcotic drugs by contactless the method (using the internet)

© Iskhakov A.N.,
Specialist of the Legal Department of the Center for Problem Research Russian Law «Equitas»

Annotation. The article deals with the theoretical and practical-problems of combating the illegal sale of narcotic drugs, carried out in a contactless way (using the network internet). The forms and methods of carrying out illegal activities related to the illegal sale of narcotic drugs. They are revealed features of the distribution of narcotic drugs in a contactless way. The criminalistics characteristics of illegal sale is given narcotic drugs, carried out in a contactless way.

Keywords. Narcotic drugs, illegal traffic narcotic drugs, a non-contact method for the production of narcotic drugs, the fight against illicit drug trafficking.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ приобрёл значительные масштабы и представляет одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России¹. Изменение способов распространения наркотических средств, реструктуризация российского наркорынка в сторону увеличения в общей массе наркотиков доли синтетических наркотических средств, стремительное омоложение контингента потребителей наркотических средств ведут к дальней-

шему обострению этой проблемы, решение которой требует полного соответствия целям и принципам российского и международного законодательства.

Наркобизнес является одним из наиболее прибыльных видов преступной деятельности, привлекательных для организованных преступных групп и сообществ. Многие преступные группы, специализирующиеся на незаконном обороте наркотиков, используют бесконтактный способ. Современные технологии позволяют организовывать незаконный оборот наркотиков на международном, федеральном и межрегиональном уровнях. В связи с

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

этим преступная деятельность в данной сфере, как правило, осуществляется, в формах транснациональных преступных организаций и межрегиональных преступных сообществ¹.

В настоящее время незаконный оборот наркотиков посредством сети Интернет совершается по хорошо организованным схемам преступной деятельности. Уровень профессионализма участников растет с каждым днем. Современные технологии позволяют полностью исключить встречу фигурантов сделки, обеспечив тем самым бесконтактный способ распространения наркотиков. В связи с этим усложняется процесс проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на выявление фактов незаконного оборота наркотиков. Как правило, при таких схемах удается поймать и привлечь к уголовной ответственности лишь рядовых участников преступных групп — курьеров и закладчиков, а выявить организаторов на сегодняшний день практически невозможно, что обусловлено использованием участниками современных телекоммуникационных технологий и соблюдением мер конспирации, использования зашифрованных сетевых ресурсов, псевдонимов и кодовых слов.

Преступные сообщества, создаваемые с целью сбыта наркотических средств, посредством сети Интернет отличаются следующими ролями его участников:

— *организатор* — осуществляет руководство (координирующие функции)

¹ Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2016. № 4 (226). С. 85—89; Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Туганов Ю.Н., Курсанова А.С. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 4 (45). С. 23—25; Туганов Ю.Н., Петров И.В. Некоторые аспекты правового регулирования международного сотрудничества в борьбе с коррупцией // Публичное и частное право. 2014. № 2 (22). С. 57—66.

преступным сообществом по приобретению, производству, фасовке, сбыту наркотических средств, распределяет доходы, обеспечивает функционирование сетевых ресурсов сбыта, платежных инструментов;

— *диспетчер* — осуществляет функции приема заказов, передает информацию закладчикам и курьерам, информирует заказчиков о местонахождении тайников (закладок);

— *специалист (хакер)* — осуществляет функции по технической организации деятельности сетевых ресурсов преступного сообщества;

— *вербовщик* — осуществляет функции по поиску и вовлечению в преступную деятельность сообщества новых участников, как правило, курьеров и закладчиков;

— *курьер* — осуществляет функции по фасовке, транспортировке наркотических средств и передачи их закладчику небольшими партиями;

— *закладчик* — осуществляет функции по созданию тайников «закладок» для заказчика и передает информацию диспетчеру.

Все условия приобретения обсуждаются с помощью технических средств связи, оплата приобретателем производится посредством электронных платежных систем, а его получение — в заранее оговоренном скрытом от посторонних лиц месте (тайнике). Принято различать следующие виды бесконтактного сбыта:

— рассылку информации с предложением о приобретении опасных психоактивных веществ с применением компьютерных программ обмена короткими сообщениями (Viber, WhatsApp, Telegram и т.п.);

— рассылку информации в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook, Instagram, Twitter и т. д.);

— предложение о покупке в онлайн-играх за условные расчетные единицы («золото», «ресурсы», «жизни», «щиты» и др.);

— реализацию через различные форумы;

— размещение информации на специально созданных для этих целей сайтах¹.

Специфика иерархического построения данных преступных сообществ в большинстве случаев исключает личное знакомство его участников, а именно низших звеньев (курьер и закладчик) с организаторами преступной деятельности. Использование сетевых ресурсов позволяет членам сообщества находиться на больших расстояниях друг от друга, в том числе и в разных странах, что, усложняет деятельность оперативных подразделений пограничных органов по установлению высших звеньев преступных сообществ в данной сфере².

Ввиду сложившейся сложной ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств необходимо предпринимать меры по контролю за деятельностью интернет-сервисов в сфере телекоммуникаций (Viber, WhatsApp, Telegram, Jabber и т.д.). Во всем мире разработчики мобильных приложений в сфере телекоммуникаций следуют современным тенденциям защиты передаваемой информации, сохранения приватности и невозможности попадания информации в публичный доступ. Оперативные подразделения пограничных органов не имеют возможности отслеживать координационные указания организаторов незаконного оборота, в свою очередь это затрудняет получение информации, которая на стадии предварительного и судебного следствия могла бы стать ключевым доказательством причастности лиц к преступной деятельности. Например, разработчики мессенджера WhatsApp используют технологию сквозного шифрования, которая не позволяет никому другому, включая компанию WhatsApp, прочитать отправленные сообщения. Еще более

мощные алгоритмы защиты информации используются в мессенджере Telegram. Кроме шифрования мессенджер Telegram имеет функцию «секретного чата», сообщения в котором удаляются автоматически в зависимости от времени, установленного пользователем, на серверах Telegram переписка тоже не сохраняется. Таким образом, информация, передаваемая между участниками незаконного оборота наркотиков надежно защищена и недоступна для оперативных подразделений³.

Существует множество сайтов и страниц в социальных сетях, занимающихся продажей курительных смесей «Спайсов», синтетических наркотиков, так называемых «Соль», «Шоколад», различных реагентов и т.д., оборот которых запрещен на территории России. Оперативными подразделениями предпринимаются меры по борьбе с такой формой сбыта, но зачастую возникает множество трудностей. Основной из них является контроль за Интернет-ресурсами, занимающимися распространением наркотиков.

В первую очередь, в России необходимо изменить процедуры по созданию Интернет-ресурсов, а именно исключить такую возможность без регистрации достоверных персональных данных, что позволило бы оперативным сотрудникам идентифицировать личности преступников. Это позволит исключить возможность создания анонимных сайтов, соединений, чатов и т.д., которые могут использоваться с целью незаконного оборота наркотиков.

Кроме этого, на международном уровне необходимо упростить процедуры межгосударственного сотрудничества, так как зачастую в преступных целях используются Интернет-ресурсы, находящиеся на территории других государств (страны бывшего СССР, США, страны Европы, Китай и т.д.). Крупные преступные организации по незаконному обороту наркотиков с использованием телекоммуникационных сетей в своем большинстве носят

¹ Решняк О.А. О некоторых вопросах расследования незаконного сбыта синтетических наркотиков, совершенного бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 45—50.

² Решняк О.А., Шувалов Д.Н. О некоторых вопросах предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современной России // Наркоконтроль. 2016. № 2 (43). С. 31—33.

³ Чистанов Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №12. С. 29—31.

трансграничный характер, вследствие этого возникают проблемы территориальной юрисдикции государств, по расследованию преступлений данной категории.

Кроме этого, необходимо использование международного опыта борьбы по подрыву экономических основ наркопреступности, а именно осуществление кибератак на Интернет-ресурсы, осуществляющие незаконный оборот наркотиков, арест электронных счетов преступников, блокировка их серверов и т.д.

Таким образом, проблема незаконного сбыта наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств, требует деликатного и оперативного решения на законодательном уровне, разработки специальных методик выявления преступных организаций в данной сфере. Кроме этого, необходимо развивать международное сотрудничество по борьбе с трансграничными преступными организациями.

Библиография

1. Аулов, В.К. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 4 (226). — С. 85—89.
2. Нигматуллин, Р.В., Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 45 с.
3. Решняк, О.А. О некоторых вопросах расследования незаконного сбыта синтетических наркотиков, совершенного бесконтактным способом / О.А. Решняк // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. — 2019. — № 2 (49). — С. 45—50.
4. Решняк, О.А. О некоторых вопросах предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в современной России / Д.Н. Шувалов, О.А. Решняк // *Наркоконтроль*. — 2016. — № 2 (43). — С. 31—33.
5. Решняк, О.А. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ, совершенных организованной преступной группой / С.А. Ковалев, О.А. Решняк // *Проблемы социальногуманитарных наук : матер. межвуз. науч.-практ. конф. (март 2015 г., Волгоград)* / под ред. В.Н. Игнатова. — Волгоград : Сфера, 2015. — С. 37—42.
6. Решняк, О.А. Проблемы расследования преступлений, совершенных с использованием современных компьютерных технологий / О.А. Решняк, С.А. Ковалев // *Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сб. ст. межвед. кругл. стола (19 октября 2017 г., Орел)* / редкол.: А.В. Бульжкин [и др.]. — Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2017. — С. 206—208.
7. Туганов, Ю.Н. Организованные формы терроризма: новое в УК РФ и необходимость учета этих новелл в оперативно-розыскной деятельности / Ю.Н. Туганов, А.С. Курсанова // *Оперативник (сыщик)*. — 2015. — № 4 (45). — С. 23—25.
8. Туганов, Ю.Н. Некоторые аспекты правового регулирования международного сотрудничества в борьбе с коррупцией / Ю.Н. Туганов, И.В. Петров // *Публичное и частное право*. — 2014. — № 2 (22). — С. 57—66.
9. Чистанов, Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / Т.О. Чистанов // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2016. — №12. — 29—31.

О некоторых проблемах квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (по материалам военно-судебной практики)

© Моргуленко Евгений Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье приведены примеры из военно-судебной практики по проблемам квалификации сбыта наркотических средств, в том числе как единого преступного деяния или как совокупности преступлений.

Ключевые слова: военная служба, военные суды, военно-судебная практика, наркотические средства, психотропные вещества, сбыт наркотических средств.

On some problems of qualification of crimes in the sphere of illicit drug trafficking (based on materials of military court practice)

© Morgulenko E.A.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

© Kharitonov S.S.,

Candidate of Legal Sciences, Professor

Resume. The article provides examples from military judicial practice on the problems of qualifying the sale of narcotic drugs, including as a single criminal act or as a combination of crimes.

Key words: military service, military courts, military judicial practice, narcotic drugs, psychotropic substances, sale of narcotic drugs.

Известно, что армия не может быть изолирована от пороков, которые есть в «гражданской» жизни. И употребление наркотиков, этих запрещенных средств, разрушительно изменяющих психическое и физическое состояние человека, вызывающее зависимость от них со всеми вытекающими негативными исходами, стало, к сожалению, не редкостью среди военнослужащих. Наверное, не стоит аргументировать тезис, что употребление дурмана теми, у кого в руках оружие, во сто крат опаснее по возможным последствиям. Эта реальность несет угрозу и военной безопасности нашей страны¹. Поэтому борьба

с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств ведется, как говорится, по всем направлениям.

Не остаются в стороне от поиска результативных правовых способов борьбы со смертоносным зельем в армейской среде и военные юристы, которые освещали вопросы уголовной ответственности военнослужащих за преступления, связанные с оборотом наркотиков². Здесь, конечно, нельзя от-

безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 1.

² См. подробнее: Воробьев А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 117—118; Зюбанов Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография. М.: Юрлитинформ, 2020; Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Зарождение принципов уголовного

¹ См. подробнее: Фатеев К.В. О некоторых проблемах обеспечения военно-социальной безопасности и их влиянии на национальную безопасность Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2004. № 12; Фатеев К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной

дельно не упомянуть о значительном вкладе в теорию и практику противодействия наркотизму в войсках, внесшем К.В. Харабетом¹.

Вместе с тем трудно оспорить утверждение, что судебные решения дают возможность увидеть пробельность правовых предписаний, неточное или ошибочное толкование содержания правовой нормы правоприменителями, а сообразно рассматриваемой теме, — показать различные подходы к квалификации сбыта наркотических средств.

Итак, обратимся к обзорам судебной практики военных судов, размещенных на их сайтах.

Передача наркотического средства лицу, участвующему в его реализации, необоснованно признана незаконным сбытом наркотического средства.

По приговору гарнизонного военного суда П. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием Интернета, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере и осужден по п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к 11 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

правосудия // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 5—11; Мелешко П.Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 1 (175). С. 107—109; Моргуленко Е.А., Бударин Р.В. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 11 (50). С. 117—121; Смирнов Д.В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда // Военное право. 2020. № 3. С. 261—270; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13; Шаратов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 26—33, и др.

¹ Харабет К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в военной организации государства : монография. М.: За права военнослужащих, 2010.

Согласно приговору, П. с целью получения незаконной материальной выгоды посредством Интернета договорился с неустановленным следствия лицом (далее — оператор) о приобретении у него наркотического средства для осуществления сбыта. Реализуя задуманное, П. перевел оператору по безналичному расчету денежные средства и получил сведения о месте нахождения наркотического средства, которое намеревался сбыть. После этого, как указано в приговоре, П. сбыв наркотическое средство в крупном размере путем сообщения иному лицу, действовавшему под контролем сотрудников ФСБ России, сведений о месте нахождения наркотического средства.

При этом в приговоре также указано, что между П. и данным лицом (действовавшим под контролем сотрудников ФСБ России) состоялся предварительный сговор, согласно которому это лицо, получив от П. информацию о местонахождении наркотического средства, должно было расфасовать его на равные части по 0,5 г, заложить их в тайники-закладки, информацию о которых передать П. для последующего сбыта.

Таким образом, лицо, действовавшее под контролем сотрудников ФСБ России, не являлось приобретателем наркотического средства по смыслу уголовного закона, а участвовало в его сбыте, в связи с чем действия П. по сообщению ему местонахождения наркотического средства ошибочно квалифицированы как его сбыт. То обстоятельство, что П. сообщил указанную информацию после перечисления ему денег, на правильность данного вывода не влияет, т.к. из приговора следует, что указанные денежные средства перечислялись в качестве залога, т.е. подлежали возвращению владельцу в случае выполнения им взятых на себя обязательств.

Апелляционным определением окружного военного суда содеянное П. квалифицировано как неоконченное преступление, предусмотренное п. «г» ч. 4

ст. 228¹ УК РФ, размер назначенного наказания снижен¹.

Покушение на сбыт различных наркотических средств в значительном и крупном размере в рамках единого умысла, направленного на их реализацию в целом, образует одно преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ. При этом размер предмета преступления должен определяться с учётом постановления Правительства Российской Федерации о крупном размере наркотических средств применительно для цели ст. 228¹ УК РФ.

По приговору гарнизонного военного суда М. признан виновным в покушении на незаконный сбыт различных наркотических средств в значительном и крупном размере и осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к 8 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Суд апелляционной инстанции внёс изменения в приговор в части квалификации содеянного М., указав следующее.

По смыслу закона одновременный сбыт различных наркотических средств в рамках единого умысла, направленного на их реализацию в целом, образует одно преступление, подлежащее квалификации в зависимости от количества того средства или вещества, для которого установлен наименьший показатель для определения размера как значительного, крупного или особо крупного.

Размер предмета преступления определяется с учётом постановления Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические

средства или психотропные вещества, для целей ст. 228, 228¹, 229 и 229¹ УК РФ».

Суд первой инстанции при квалификации деяния М. как покушения на сбыт наркотических средств в значительном (гашиша) и крупном (МДМА и метамfetаминa) размерах не учёл, что действия М. были совершены в рамках единого умысла, направленного на сбыт наркотиков в целом, независимо от их вида. Поэтому его преступные действия должны охватываться одним признаком, характеризующим размер наркотических средств, в данном случае — крупным размером.

На основании изложенного окружной военный суд приговор изменил, исключив из приговора об осуждении М. излишне вменённый квалифицирующий признак — в значительном размере, а также снизив назначенное наказание².

Действия посредника в сбыте или в приобретении наркотических средств подлежат квалификации как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник.

По приговору гарнизонного военного суда З. осужден по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к 2 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

З. признан виновным в незаконном сбыте наркотического средства — каннабис (марихуаны) общей массой 3,4 г иному лицу, действовавшему в качестве покупателя в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее — ОРМ).

Согласно показаниям свидетеля, под псевдонимом «И.» он позвонил З., который пообещал «достать» марихуану. Из справки о результатах ОРМ «Наблюдение» следовало, что в ходе задокументированной с использованием видеозаписи передачи «И.» наркотического средства З., последний сообщил, что данное наркотическое

¹ Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2020 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15 июля 2020 г. № 21.

² Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за второе полугодие 2020 г.

средство он «не перепродает, за что взял, за то отдал».

Изложенные обстоятельства, подтвержденные З. как в ходе предварительного следствия, так и в судебном заседании, свидетельствовали о том, что, выполняя просьбу «И.» найти наркотическое средство, З. действовал по инициативе последнего и в его интересах, не имея умысла на распространение наркотического средства, которого в распоряжении З. на момент обращения к нему «И.» не имелось. Из материалов уголовного дела также не усматривалось, располагал ли З. достоверными сведениями об источнике приобретения наркотических средств, имел ли самостоятельные налаженные контакты с продавцом наркотиков. Не выявлено таких его связей и в ходе проведения сотрудниками правоохранительных органов в указанных целях ОРМ «Проверочная закупка».

В то же время, по смыслу закона под сбытом наркотических средств понимаются любые способы (продажу, дарение, обмен, уплату долга и т.д.) их возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам, которым они не принадлежат, при этом умысел виновного должен быть направлен на распространение наркотических средств.

В данном случае, когда виновный по просьбе другого лица приобрел наркотическое средство и передал его лицу, которое его попросило об этом, что и было зафиксировано в ходе вышеуказанных ОРМ и следовало из показаний свидетеля под псевдонимом «И.», действия виновного образовывали не сбыт наркотического средства, а пособничество в его приобретении независимо от того, на каких условиях он это делал, и получал ли за это вознаграждение.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, действия З. переквалифицированы с ч. 1 ст. 228¹ УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 228 УК РФ и назначено более мягкое наказание¹.

Аналогичная правовая позиция содержится в решении другого военного суда.

Отсутствие доказательств, подтверждающих умысел виновного на сбыт наркотического средства, привело к переквалификации действий осуждённого с п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ.

По приговору гарнизонного военного суда Г. признан виновным в незаконном сбыте наркотического средства, совершённом в крупном размере и осужден по п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к лишению свободы на срок 10 лет 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима.

Согласно приговору, в помещении казармы Г. по ранее достигнутой договорённости со своим сослуживцем сбыл последнему наркотическое средство — производное метилового эфира 3-метил-2-(1-бензил-1Н-индазол-3-карбоксамидо) бутановой кислоты, массой 0,506 грамма, то есть в крупном размере.

Окружной военный суд приговор изменил в части правовой оценки содеянного осуждённым по следующим основаниям.

По смыслу закона, под сбытом наркотических средств следует понимать любые способы их возмездной или безвозмездной передачи лицу, которому они не принадлежат. При этом умысел виновного должен быть направлен на распространение наркотических средств.

По данному делу такие обстоятельства не установлены.

Как видно из материалов дела, Г., приобретая наркотическое средство для личного потребления своему сослуживцу, по просьбе и на деньги последнего, и впоследствии передав тому наркотик, действовал не с целью сбыта и не совершал сбыта, а являлся лишь соисполнителем в приобретении этим сослуживцем наркотического средства для личного потребления. Владельцем наркотического средства являлось неустановленное следствием лицо, у которого Г. по просьбе и на деньги сослуживца приобрёл заказанный последним для себя наркотик.

¹ Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за 2020 г.,

утвержденный постановлением президиума Южно-го окружного военного суда.

Несмотря на это, суд первой инстанции сделал необоснованный вывод о том, что наркотическое средство заказчиком приобреталось непосредственно у Г., признав его, таким образом, владельцем наркотического средства.

Между тем, понятие «сбыт», которое содержится в диспозиции ст. 228¹ УК РФ, обозначает продажу наркотиков (реализацию), поэтому, когда виновный по просьбе другого лица и за его деньги незаконно приобретает наркотическое средство, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в приобретении указанного средства, поскольку эти его действия и действия заказчика взаимообусловлены и взаимосвязаны.

С учётом изложенного суд апелляционной инстанции приговор изменил, переqualифицировав действия Г. с п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства, совершённое в крупном размере).

В заключении отметим, что квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых военнослужащими, является, как это описано в приведенных примерах, достаточно непростой в процессе судебного разбирательства. И важно в процессе квалификации этих очень опасных по последствиям для боеготовности воинских частей преступлений определить уголовно-правовую норму, как верный результат по итогам сопоставления фактических обстоятельств преступного деяния с существующими признаками состава преступления.

Библиография

1. Воробьев, А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов / А. Г. Воробьев // Право в

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 117—118.

2. Зюбанов, Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 440 с.

3. Загорский, Г.И. Зарождение принципов уголовного правосудия / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2020. — № 2. — С. 5—11.

4. Мелешко, П.Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона / П.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1 (175). — С. 107—109.

5. Моргуленко, Е.А. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы / Е.А. Моргуленко, Р.В. Бударин // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. — 2016. — № 11 (50). — С. 117—121.

6. Смирнов, Д.В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда / Д. В. Смирнов // Военное право. — 2020. — № 3. — С. 261—270.

7. Туганов, Ю.Н. О трактовке норм права военными судами / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.

8. Фатеев, К.В. О некоторых проблемах обеспечения военно-социальной безопасности и их влиянии на национальную безопасность Российской Федерации / К.В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 12.

9. Фатеев, К.В. О правовых аспектах безопасности военной службы как составной части обеспечения военной безопасности Российской Федерации / К. В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 1.

10. Харабет, К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в военной организации государства : монография / К.В. Харабет. — М.: За права военнослужащих, 2010.

11. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7 (288). — С. 26—33.

Основные направления розыска имущества, похищенного на объектах военного строительства

© **Никонович Сергей Леонидович**,
доктор юридических наук, доцент, ФГКВБОУ ВО
«Военный университет»

© **Юрин Владимир Михайлович**,
кандидат юридических наук, профессор, ФГБОУ
ВО «Саратовский национальный исследователь-
ский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского»

© **Нурушев Арстангали Амангалиевич**,
кандидат юридических наук, Волгоградская
академия МВД России

Аннотация. В статье рассматривается розыск похищенного как тактическая операция, включающая в себя комплекс оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий, направленных на установление местонахождения, обнаружение и изъятие искомого имущества. Авторы утверждают, что конкретные методы розыска, используемые в ходе такой операции, определяются не только свойствами похищенных вещей и возможными способами их сокрытия и реализации, но и следственной ситуацией, сложившейся по уголовному делу.

Ключевые слова: похищенное имущество, возмещение ущерба, розыск, методы розыска, следственные ситуации.

The main directions of the search for property stolen at military construction sites

© **Nikonovich S.L.**,
Doctor of Law, Associate Professor FSPI «Military
University»

© **Yurin V.M.**,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Saratov National Research University named after
N.G. Chernyshevsky

© **Nurushev A.A.**,
Candidate of Legal Sciences, Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: The article considers the search for the stolen person as a tactical operation that includes a set of operational search measures, investigative and other actions aimed at establishing the location, detection and seizure of the property sought. The authors argue that the specific search methods used in such an operation are determined not only by the properties of the stolen items and possible ways to hide and implement them, but also by the investigative situation in the criminal case.

Keywords: stolen property, compensation for damage, search, search methods, investigative situations.

Уголовно-правовая защита потерпевших по делам о преступлениях против собственности предполагает не только раскрытие преступлений и изобличение виновных, но и принятие мер,

обеспечивающих возмещение причиненного преступлением ущерба.

По данным статистики МВД России в 2020 г. выявлено более 104 тыс. экономических преступлений. Ущерб от

них превысил 440 млрд. руб. Общая сумма ущерба от преступности в стране за этот период составила 627,7 млрд. руб. Указывается, что этот показатель на 11,5 % выше уровня 2019 г. Более половины зарегистрированных преступлений (53,5 %) составили хищения чужого имущества¹.

Отмечается и рост преступлений, связанных с оборонно-промышленным комплексом. В 2020 г. здесь выявлено 923 преступления, что на 17,7 % больше, чем в 2019 г.²

В данной статье речь идет о розыске похищенного имущества на объектах военного строительства, т.е. деятельности поисково-познавательной направленности, имеющей своей целью обнаружение и изъятие материальных ценностей, похищенных виновными. Решение данной задачи способствует установлению способа совершения преступления, личности виновного, мотива и цели преступления и других обстоятельств, подлежащих доказыванию³.

Но главное состоит в том, что обнаружение и изъятие похищенного имущества обеспечивает возмещение материального ущерба, причиненного преступлением. Важно отметить, что иногда этот ущерб исчисляется сотнями тысяч и даже миллиардами рублей. Так, в октябре 2020 г. Черемушкинский суд Москвы признал соучредителей ООО «Русальянсстрой» Алексея Эккерта и Дмитрия Бушманова виновными в хищении 2,9 млрд. руб. из федерального бюджета при строительстве объектов Минобороны России в Арктике. Они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 (мошенничество в особом крупном

размере) и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств». Путем частичного сложения назначенных наказаний они получили по девять лет колонии общего режима с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций исполнительного органа, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий в коммерческих организациях сроком на 4 года.

При этом суд взыскал с подсудимых солидарно в счет причиненного ущерба потерпевшей стороне — ФГУП «ГУИР № 2 при Спецстрое России» — более 2,9 млрд. руб.⁴

Отмечая значение розыска, важно указать также и то, что он обеспечивает порой фактический возврат похищенной вещи, что особенно существенно в тех случаях, когда вещь незаменима, уникальна или имеет для потерпевшей стороны особый смысл.

В криминалистической литературе проблема розыска похищенного исследована недостаточно полно. Этот пробел в типовой методике расследования самым негативным образом сказывается на розыске похищенных ценностей и возмещении материального ущерба потерпевшим.

Сложность розыска похищенного порождается рядом факторов: несвоевременностью заявлений потерпевших о преступлении; режимностью отдельных объектов; многообразием способов реализации и сокрытия похищенного; хорошей оснащенностью преступников транспортом, средствами связи и другой техникой, обеспечивающей скорый вывоз похищенных ценностей в другие районы и области с целью реализации⁵; групповым характером

¹ См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23456450/> (дата обращения 09.09.2021).

² См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/02/december.pdf> / (дата обращения 19.10.2021).

³ Юрин В.М. Выявление и раскрытие хищений грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : учебное пособие. Саратов, 1990. С. 77.

⁴ См.: Суд в Москве приговорил руководителей "Русальянсстрой" к девяти годам колонии. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9850461/> (дата обращения 19.10.2021).

⁵ За 2020 г. зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или на 68,5 % больше, чем за аналогичный период 2019 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,8 %

подготовки и совершения преступлений; нехваткой необходимых сил и средств у правоохранительных органов для работы в местах возможного сбыта похищенного (рынки, магазины и т.п.) и т.д.

В этих условиях эффективным средством розыска похищенного имущества является одноименная тактическая операция, сочетающая в себе определенный комплекс оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий, направленных на установление местонахождения, обнаружение и изъятие имущества. При этом конкретные методы розыска в ходе такой операции во многом будут обусловлены свойствами похищенных ценностей и способами их сокрытия и реализации.

Способы сокрытия похищенного имущества можно подразделить на временные и постоянные. К временным способам сокрытия, как правило, прибегают виновные из-за невозможности выноса (вывоза) похищенного сразу за пределы места совершения преступления. Временное сокрытие используют около одной трети преступников. В качестве такого места сокрытия они выбирают служебные здания, подсобные и другие помещения, камеры хранения, ближайшие лесопосадки, овраги, заросли, заброшенные строения, колодцы подземных коммуникаций и иные места.

Постоянным местом сокрытия похищенного служат жилые помещения, надворные постройки, приусадебные участки преступников или их родственников, близких знакомых, сослуживцев, гаражи, погреб, сараи и другие строения,

расположенные за пределами проживания виновного, в том числе дачи родственников и знакомых.

Способы реализации похищенного весьма разнообразны. Классификация их возможна по ряду оснований.

В зависимости от преследуемой материальной выгоды реализация может быть возмездной и безвозмездной.

По наличию маскировки реализация подразделяется на легальную и нелегальную. К последней относится: реализация товаров, изъятых из гражданского оборота, приобретенных по специальным разрешениям, добытых преступным путем, сбыт похищенного подростками.

По длительности сбыта похищенной продукции реализация дифференцируется на одномоментную (в один прием) и дящуюся (в несколько приемов на протяжении определенного отрезка времени).

По механизму реализации похищенных ценностей различаются сбыт путем подыскания клиента и сбыт через торговые точки, и другие прямо-реализующие организации.

Знание отмеченных способов сокрытия и реализации похищенного — безусловно, важное, но не единственное условие для определения наиболее эффективной системы оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий по розыску похищенного имущества. Большое значение в этом плане имеет знание и учет ситуационных особенностей, которые значительно корректируют основные направления и методы розыска.

Анализ практики позволяет выделить следующие типичные ситуации, складывающиеся при розыске похищенного имущества: а) известны место, время совершения хищения и личность преступника; б) известны место и время совершения хищения, но неизвестна личность преступника; в) неизвестны личность преступника, время, и место совершения хищения (эта ситуация характерна для хищений на транспорте, хищений, совершаемых при почтовых отправлениях и т.п.).

В любой из названных следственных ситуаций усматривается несколько направлений поиска похищенного имуще-

в январе — декабре 2019 г. до 15,7 %. Практически все такие преступления (98,4 %) выявляются органами внутренних дел. Почти половина таких преступлений (48,5 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0 %); половина (53,3 %) совершается с использованием сети «Интернет»: 157,0 тыс. (+45,4 %), более трети (39,5 %) — средств мобильной связи: 116,2 тыс. (+89,5 %). Четыре таких преступления (80,0 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (+83,2 %) // Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23456450/> (дата обращения 09.09.2021).

ства. По сути дела, анализ каждого установленного элемента (признака) преступления, как правило, дает возможность сформировать самостоятельное направление розыска похищенного. Для первой из указанных следственных ситуаций характерны следующие направления розыска: «от места совершения хищения — к месту сокрытия похищенной продукции», «от времени совершения хищения — к месту сокрытия похищенной продукции»; «от личности преступника — к месту сокрытия похищенной продукции»; «от качественных и количественных свойств похищенных ценностей — к их обнаружению».

Во второй следственной ситуации розыск осуществляется с учетом особенностей места, времени совершения преступления и похищенного имущества.

В третьей ситуации — розыск идет от похищенной продукции.

При этом в двух последних ситуациях, наряду с прямыми, существуют еще и косвенные направления розыска похищенного. Они связаны с установлением неизвестных обстоятельств преступления. Познание этих обстоятельств также служит условием обнаружения похищенных ценностей. Для второй и третьей следственной ситуации общим направлением будет установление лица, совершившего хищение, т.к. одновременно с задержанием преступника нередко обнаруживаются и ценности, им похищенные.

Третья следственная ситуация (наряду с указанным) формирует еще два косвенных направления розыска. Одно из них сопряжено с установлением места, другое — времени совершения преступления.

Важное теоретическое и практическое значение имеет характеристика основных направлений розыска, общих для нескольких следственных ситуаций.

Направление розыска может обуславливаться местом совершения хищения уже потому, что оно является, как правило, центром сосредоточения самых разнообразных следов преступления, составляющих основу поисково-познавательной деятельности оперативного работника и следователя.

Практика свидетельствует о важности обнаружения в целях установления места сокрытия похищенного таких материальных следов, как следы ног преступника, следы транспортных средств, следы животных, следы в виде предметов, выброшенных или случайно оброненных преступником, следы волочения.

В последнее время особое внимание обращается на запаховые и некоторые другие микроследы. Необходимо учитывать, что в силу различных форм взаимодействия преступника с материальной средой к месту сокрытия похищенного может вести не единичный след, а цепочка следов. Поэтому следует вывод: если использование одних следов не привело к успеху, то не исключается возможность обнаружения и использования других.

Знание места совершения преступления позволяет выявить инсценировку, а в дальнейшем обнаружить и «похищенные» ценности. В практике известны случаи, когда материально-ответственные лица, совершив присвоение или растрату, инсценируют затем кражу¹. Инсценировка кражи обычно характеризуется наличием тех или иных так называемых негативных обстоятельств. К ним, в частности, отнесены: слишком малый размер пролома в стене, через который преступники якобы проникли в помещение для совершения кражи, для того, чтобы через него мог пролезть человек; следы, указывающие на то, что пролом произведен не снаружи, а изнутри помещения; отсутствие следов проникновения вора в помещение через окно (на нем имеется нетронутая паутина, а на подоконнике — слой пыли без отображений следов рук и обуви); излишние разрушения предметов обстановки места происшествия. Как правило, инсценировщики хищения занимают определенное должностное положение и в связи с этим имеют свободный доступ к месту хранения материальных ценностей. Эти

¹ Закатов А.А. Розыскная деятельность: учеб. пособие. Волгоград, 1988. С. 20.

обстоятельства дают им возможность производить те или иные инсценирующие действия в более спокойной обстановке. В связи с этим они нередко производят такие не вызванные необходимостью действия, которые не будет производить лицо, совершающее кражу.

Значение места совершения хищения для розыска состоит также и в том, что в непосредственной близости от него может находиться и место сокрытия похищенных вещей и предметов¹. Все это, в конечном счете, определяет выбор оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий. Типичными из них являются следующие: осмотр места происшествия; обследование прилегающих к месту совершения хищения строений, иных объектов, окружающей местности; розыск похищенного по следам, в том числе с помощью служебно-розыскной собаки; организация заградительных мероприятий; проверка лиц, работавших в районе совершения хищения с целью обнаружения у них похищенного имущества².

Когда известно время совершения хищения, розыск осуществляется с учетом этого обстоятельства. Его значение проявляется по-разному.

В одном случае сведения о времени совершения преступления способствуют установлению свидетелей и других источников доказательств (например, это могут быть видеозаписи с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов и т.п.).

В другом, учитывая время, прошедшее с момента совершения хищения, делают вывод о том, где следует искать похищенное имущество.

Розыск в условиях, когда известно лицо, совершившее хищение, основывается на всестороннем изучении личности, включая и прослушивание его перегово-

ров³. При этом особое внимание оперативные работники и следователи должны обратить на черты характера, профессиональные и иные навыки, физическое состояние, образ жизни, привычки, преступные и иные связи лица. Познание указанных факторов позволяет определить наиболее вероятные каналы и способы реализации похищенного, вероятные места и способы сокрытия материальных ценностей.

Одно из основных направлений розыска определяется свойствами похищенных ценностей. В этой связи важное значение имеют выявление признаков, позволяющих индивидуализировать продукцию, а также знание таких факторов, как направление ее использования, основное назначение и возможные сферы применения, возможность легального сбыта, срок хранения, возможный вид транспортировки, размер похищенного и др.

Для соответствующего направления розыска характерно проведение следующих оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий: осмотры места происшествия, документов, видеозаписей с целью получения информации о похищенных ценностях; получение образцов похищенной продукции; ориентирование о похищенном имуществе органов внутренних дел, СК России, ориентирование должностных лиц приемо-реализующих организаций на предмет возможного сбыта похищенного; постановка на учет похищенных предметов, а также проверка их по существующим учетам; ориентирование общественности на розыск похищенного; наблюдение за местами возможного сбыта, в том числе через организации интернет-торговли («Авито», «Юла» и т.д.); проверка (с целью обнаружения похищенной продукции) ранее судимых лиц и лиц, подвергнутых иным мерам воздействия за хищения (кражи)⁴.

¹ Гаевой А.И., Кольчугин А.Г., Куницына А.В., Юрин В.М. Расследование преступлений против личности и собственности : курс лекций / Под общей ред. В.М. Юрина. М.: ДГСК МВД России, 2011. С. 89—90.

² Нурушев А.А. Поисково-познавательная деятельность следователя и органов дознания по обеспечению возмещения имущественного вреда (ущерба), причиненного преступлением : дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 129—131.

³ Юрин В.М., Юрина Л.Г. Прослушивание телефонных и иных переговоров при расследовании экономических преступлений // Вестник криминалистики. 2000. № 1. С. 90—93.

⁴ Алферов В.Ю., Барбакадзе Е.Т. и др. Расследование преступлений в сфере экономики. Учебное пособие. Саратов, 2018. С. 49—51.

Конкретная следственная ситуация розыска, относящаяся к одному и тому же виду, всегда по своему содержанию богаче типичной. Поэтому она может обуславливать и иные ориентиры и методы поиска похищенного, в том числе на объектах военного строительства. Такие направления обычно формируются на основе анализа оперативной обстановки, личного опыта раскрытия и расследования преступления и других факторов.

Знание следственных ситуаций и умелое их применение в практике расследования хищений позволяет следователю успешно раскрывать преступления, и осуществлять розыск похищенного имущества.

Библиография

1. Алферов, В.Ю. Расследование преступлений в сфере экономики : учебное пособие / В.Ю. Алферов, Е.Т. Барбакадзе. — Саратов, 2018. — 312 с.
2. Гаевой, А.И. Расследование преступлений против личности и собственности : курс лекций; под общей ред. В.М. Юрина / А.И. Гаевой,

А.Г. Кольчугин, А.В. Куницына, В.М. Юрин. — М.: ДГСК МВД России, 2011. — 156 с.

3. Закатов, А.А. Розыскная деятельность : учеб. пособие / А.А. Закатов. — Волгоград, 1988. — 24 с.

4. Никонович, С.Л. Преступления в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования данных преступлений / С.Л. Никонович // Закон и право. — 2011. — №10. — С. 69—72.

5. Нурушев, А.А. Поисково-познавательная деятельность следователя и органов дознания по обеспечению возмещения имущественного вреда (ущерба), причиненного преступлением : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Нурушев. — Саратов, 2009. — 237 с.

6. Юрин, В.М. Выявление и раскрытие хищений грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта : учебное пособие / В.М. Юрин. — Саратов, 1990. — 88 с.

7. Юрин, В.М. Прослушивание телефонных и иных переговоров при расследовании экономических преступлений / В.М. Юрин, Л.Г. Юрина // Вестник криминалистики. — 2000. — № 1. — С. 90—93.

**Проблемы регламентации и толкования уничтожения
либо повреждения воинских захоронений, а также
памятников, стел, обелисков, других мемориальных
сооружений или объектов, увековечивающих память
погибших при защите отечества или его интересов либо
посвященных дням воинской славы России
(ст. 243⁴ УК РФ)**

© **Пантюхина Инга Владимировна**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой «Уголовное право и криминология»
Юридического института РГУ имени
С.А. Есенина (г. Рязань)

Аннотация. Статья посвящена исследованию признаков состава преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ. Их анализ позволил выявить недостатки в их регламентации, в частности, пропуск одного из предлогов, в результате чего искажен смысл некоторых предметов преступления и неудачность формулировки цели совершения преступления, а также показано несоответствие названия состава преступления его содержанию. На этой основе предложены изменения названия статьи и корректировка ее содержания.

Ключевые слова: состав преступления, предмет преступления, объекты культурно-исторического значения, цель совершения преступления, ущерб.

**Problems of regulation and interpretation of destruction or damage
of military graves, as well as monuments, steles, obelisks, other me-
morial structures or objects, perpetuating the memory of those who
died in the defense of the fatherland or its interests or dedicated to
the days of military glory of Russia (Article 243⁴ of the Criminal
Code of the Russian Federation)**

© **Pantuyuhina I.V.**,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal law and criminology,
Law Institute, Ryazan State University
named S.A. Esenin

Annotation. The article is devoted to the study of the signs of the corpus delicti provided for in Article 243⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation. Their analysis revealed shortcomings in their regulation, in particular, the omission of one of the prepositions, as a result of which the meaning of some subjects of the crime was distorted and the unsuccessful formulation of the purpose of committing the crime, and also the discrepancy between the name of the corpus delicti and its content is shown. On this basis, it is proposed to change the title of the article and adjust its content.

Keywords: the composition of the crime, the subject of the crime, objects of cultural and historical significance, the purpose of the crime, damage.

Каждое государство должно чтить и охранять свою историю. Особое место в ней занимает память о героях отчества,

защищавших его в периоды военных вторжений, а также в иных экстремальных ситуациях. Эта память находит свое увеко-

вечивание в бережной охране и уходе за местами их захоронений, а также в специально созданных в их честь объектов, которым придается статус культурного наследия, историко-культурного значения различной категории (федерального, регионального, местного)¹. Несмотря на это, на протяжении всей истории современной России (то есть после распада СССР) осуществлялись нападки на такие объекты. Наиболее ярким проявлением попыток переписать историю, умалить значение исторических событий и в особенности военных побед и успехов, а также заслуг исторических персон и вычеркнуть их из памяти народа является осквернение захоронений героев, посвященных им объектов, разрушение и осквернение мемориалов, снос памятников и обелисков и т.д. Причем, нередко решения об их сносе принимались российскими властными структурами, а их защитой занималась лишь общественность (стоит лишь заглянуть в Интернет, где шквал сообщений о таких событиях²).

Глядя на такой процесс в России, не удивительно, что он активно подхвачен в странах Европы, и особенно в Украине, Молдове, Эстонии, Польше и других странах. Так, за последние годы власти Польши демонтировали более 420 советских памятников. Если в 1997 г. их было 561, то в 2018-м осталось лишь 134³. Ожесточенная «борьба» с памятниками (и в целом — с историей) идет в Украине, а один из самых грандиозных скандалов разразился в апреле 2020 г. в Праге по поводу сноса па-

мятника маршалу И. Коневу⁴, — одному из маршалов Победы, и это накануне 75-летия со Дня Победы в Великой отечественной войне. Уже в этом году в Единецком районе Молдовы осквернен мемориал Великой Отечественной войны, посвященный воинам-десантникам, а в Кишиневе осквернена памятная надпись времен Великой Отечественной войны, признанная муниципальными властями молдавской столицы памятником истории⁵.

Вполне ожидаемой и обоснованной реакцией российского государства на изложенные события стало включение в 2020 г. в УК РФ нового состава преступления: «Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России», который нашел свое закрепление в ст. 243⁴ УК РФ.

Включение указанного состава преступления в отечественный уголовный закон, безусловно, следует оценить положительно. Вместе с тем, как в теоретическом, так и в практическом аспекте новый состав преступления вызывает нарекания.

Теоретический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, позволяет констатировать недостаточно глубокую проработку законодателем его структурных элементов, что в свою очередь способно привести к серьезным проблемам его правоприменения. Для представления его недостатков следует рассмотреть признаки его элементов.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, следует признать общественные отношения, охраняющие воинские захоронения, объекты, увековечивающие память о защитниках Отечества или его интересов,

¹ Федеральный закон от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

² См., например: подборка публикаций и сообщений: Варварское уничтожение памятников героям ВОВ в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://nezlobnaya.livejournal.com/36314.html> (дата обращения: 12.10.2021).

³ В Совфедере предложили вводить санкции за снос памятников советским воинам (7.02.2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/973653/2020-02-07/v-sovfede-predlozhili-vvodit-sanktcii-za-snos-pamiatnikov-sovetskim-voinam> (дата обращения: 12.10.2021).

⁴ См.: Стешин Д. В Праге снесли памятник маршалу Ивану Коневу. Почему и за что? // Комсомольская правда. 2020. 3 апр.

⁵ См.: МИД осудил осквернение памятников Великой Отечественной войны в Молдавии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210825/pamyatniki-1747167382.html?in=t> (дата обращения: 12.10.2021).

или посвященных дням воинской славы России. Дополнительным объектом преступления необходимо выделить отношения собственности, на том основании, что уничтожаемые или повреждаемые предметы всегда имеют собственника, которому преступлением причиняется имущественный вред. Собственника таких предметов следует признать потерпевшим от совершения преступления. Также обязательным признаком объекта рассматриваемого преступления является его предмет. Таковыми определены:

1) воинские захоронения;

2) памятники, стелы, обелиски, других мемориальных сооружений или объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов;

3) памятники, стелы, обелиски, других мемориальных сооружений или объекты, посвященные дням воинской славы России (в том числе мемориальные музеи или памятные знаки на местах боевых действий);

4) памятники, другие мемориальные сооружения или объекты, посвященные лицам, защищавшим Отечество или его интересы.

Все перечисленные предметы и объекты (исходя из установленной в норме цели) должны обладать историко-культурным значением, которое заключается в их уникальной ценности «для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия»¹. Такая значимость определяется государственной историко-культурной экспертизой и подтверждается особым правовым статусом, который определяется регистрацией таких предметов (объектов) Минкультуры России и их включением в Единый реестр. Содержание всех перечисленных предметов преступления достаточно обстоятельно представлены В.В. Бычковым². Также подчеркнем, что любой из

предметов преступления, о чем прямо указано в рассматриваемой норме, может находиться как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами.

При перечислении предметов рассматриваемого преступления обращает на себя внимание их множество, которое, вероятно, и послужило одной из причин допущения ошибки в их содержании. В частности, речь идет о следующей формулировке: «увековечивающих память погибших». В ней пропущен предлог «о» перед словом «погибших», что искажает смысл содержания предметов. Дословный смысл указанной фразы сводится к тому, что речь идет о памяти тех людей, которые погибли (то есть о том, что это они помнят), тогда как видимо законодатель хотел вложить смысл о памяти живущих, которые помнят о погибших. Считаем, что этот недостаток законодатель должен исправить и представить указанную формулировку так: «увековечивающих память о погибших». Такую же поправку следует внести в п. «б» ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, представлена в форме действий, выражающихся в уничтожении либо повреждении любого из перечисленных в норме предметов. Уничтожение проявляется в приведении предмета в такое состояние, в котором его нельзя использовать по целевому назначению и которое невозможно исправить (это фактически полная утрата предмета, прекращение его существования или просто гибель). Повреждение — это изменение свойств и качеств предмета в сторону их ухудшения, понижающее его стоимость и ценность, в результате которого он частично или полностью становится непригодным для его целевого использования, но которое можно исправить (восстановить).

И те, и другие действия приводят к наступлению вредных последствий. Именно с их наступлением связывается момент окончания рассматриваемого преступления. Иными словами, оно окончено, когда перечисленные в норме предметы либо по-

¹ Преамбула Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

² Бычков В.В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 2

вреждены (испорчены), либо уничтожены (прекратили свое существование), причем размер тех средств, которые потребуются для восстановления или стоимость уничтоженного имущества значения не имеет. Исходя из этого, по законодательной конструкции преступление следует признать материальным. Однако отметим, что в научной литературе встречается иная позиция, согласно которой, преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, является формальным¹, причем ее авторы не дают пояснения своей позиции, они лишь указывают, что окончено преступление с момента повреждения или уничтожения предмета преступления, в связи с чем в их позиции усматривается противоречие, а вывод о конструкции преступлений теоретически ошибочен.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, является любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Его субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом. Статус обязательного признака субъективной стороны придан специальной цели, которой является причинение «ущерба историко-культурному значению» указанных в норме объектов. Несмотря на то, что как отмечено выше, такое значение является оценочным понятием и определяется экспертизой, в каждом случае необходимо установить, что, уничтожая или повреждая перечисленные в норме предметы, виновный, во-первых, понимал и осознавал их историко-культурное значение, и, во-вторых, стремился к причинению ущерба этому их значению. При совершении тех

же действий с иной целью, состав рассматриваемого преступления отсутствует. Так, при их совершении с корыстной целью, когда лицо изымает и использует части предмета (памятника, мемориала и др.) для построек, оформления клумб и т.д., несмотря на то, что историко-культурное значение предметов или объектов, указанных в ст. 243⁴ УК РФ, умаляется (принижается) (так как при изъятии предмета или его части, нарушается целостность, полнота восприятия монумента, памятника, стелы и других сооружений), содеянное должно квалифицироваться по иной статье УК РФ (например, о хищениях). Однако каких-либо последствий от содеянного в норме прямо не установлено, поэтому их наступление не имеет квалификационного значения, а установление у виновного иной цели (несмотря на внешние сходство с рассматриваемым преступлением) будет придавать содеянному иной смысл.

Содержание цели в рассматриваемом преступлении нам представляется крайне неудачным. Обращение к содержанию и толкованию понятия «ущерб» дает основание согласиться с выводами профессора Н.Э. Мартыненко, которая, проведя исследование и дифференциацию этого понятия в уголовном праве, определила, что ущерб причиняется физическому или юридическому лицу, выражается в материальном выражении вреда и как термин должен применяться «только тогда, когда происходит уменьшение имущества и (или) уменьшение нематериального блага»² (такого, как честь, достоинство личности, деловая репутация как физического, так и юридического лица).

В ст. 243⁴ УК РФ определено, что ущерб, причинение которого является целью виновного, обращен к значению предмета преступления, то есть даже не к самому предмету, а его историко-культурному значению, которое является оценочным, что вызывает логичный вопрос о его выражении и измерении. При этом, с учетом того, что цель совершения

¹ См. напр.: Жидулина А.С., Рахвалова Н.А., Рахматулин З.Р. Уголовно-правовой анализ состава уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России // MODERN SCIENCE. 2020. № 6-1. С. 312; Корепанова А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений, памятников и других мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите отечества или посвященных дням воинской славы России // MODERN SCIENCE. 2020. № 7-1. С. 146.

² Мартыненко Н.Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 107—108.

преступления в уголовном праве понимается как тот конечный результат, к достижению которого стремится субъект его совершающий, остается неясным, к чему все же стремится виновный, уничтожая или повреждая предметы, перечисленные в рассматриваемой норме?

Смысл и направленность желания законодателя при конструировании такой цели вполне ясны. Он хотел подчеркнуть значимость предметов, с одной стороны, в историческом аспекте (которая определяется тем, что они удостоверяют конкретные памятные события, даты), и с другой стороны, — в культурном аспекте (которая выражается в специальном создании большинства из перечисленных в норме предметов, с целью увековечивания имен павших героев, памяти о них, исторических событий, и признание этих объектов культурным наследием всего народа, выражение благодарности людям, отдавшим свои жизни за свободу и независимость страны, будущих поколений ее населения, всех ее народов), однако сделал это неудачно, фактически нарушив правила юридической техники построения уголовно-правовых норм. Более логичным было бы сконструировать цель совершения рассматриваемого деяния посредством иных терминов, более соответствующих для определения сущности цели совершения запрещенных ст. 243⁴ УК РФ действий, в частности, таких терминов как «искажение» или «умаление».

«Искажение» в русском языке толкуется как «изменение, искажающее что-л., неправильность, ошибка»¹. Исказить — означает «представить в ложном, неправильном виде; резко ухудшить»². При использовании этого термина в формулировании цели рассматриваемого преступления уничтожение или повреждение указанных объектов будет предполагать

стремление виновного предать их историко-культурному значению неправильный вид (ложный, худший). Такая формулировка цели преступления, предусмотренного в ст. 243⁴ УК РФ, представляется более правильной. Еще в большей степени подошло бы использование термина «умаление», производного от глагола «умалить», который означает «сделать или представить менее значительным, чем есть на самом деле, преуменьшить; умалить значение чего-н.»³. В рассматриваемом нами случае речь идет именно о приумениении (принижении) значения заслуг захороненных лиц, лиц, которым посвящены историко-культурные объекты, или приумениении (принижении) значения дней воинской славы России.

Вместе с тем, при конструировании цели, деяния, регламентированного в ст. 243⁴ УК РФ, представляется логичным использование обоих указанных терминов в виде их альтернативы. В связи с этим предлагаем заменить действующую формулировку цели совершения преступления в указанной статье следующей: «в целях искажения или умаления историко-культурного значения таких объектов».

Еще одним серьезным и наиболее ярким недостатком состава преступления, предусмотренного ст. 243⁴ УК РФ, следует признать его название: «уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, либо посвященных дням воинской славы России». Во-первых, оно является чрезмерно длинным, а, во-вторых, неточно отражающим содержание определяемого состава преступления.

Сопоставив название статьи с диспозицией нормы, регламентирующей содержание состава преступления несложно заметить, что в нем названы два запрещенных действия и лишь частично предметы преступления. В результате усматривается несогласованность предмета преступления в названии и в содержании преступления

¹ Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999;

² Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75566> (дата обращения: 21.10.2021).

³ Там же.

(его суженность в названии и расширение в диспозиции нормы). Поэтому логичен вопрос относительно целесообразности такого названия деяния, которое не охватывает всех предметов, по поводу которых совершается посягательство.

Название преступления должно быть лаконичным, четко и точно отражающим сущность, обозначаемого преступления, чего нельзя сказать о том, которое регламентировано в ст. 243⁴ УК РФ. Вместе с тем, при достаточной теоретической проработке смысла и сущности рассматриваемого состава преступления его название можно было сформировать более лаконично. В данном случае достаточным видится указание запрещенных действий и предметов, на которые они направлены, но не посредством их полного перечисления, а при помощи использования нескольких собирательных понятий, охватывающих все предметы преступления, перечисленные в ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ, а полное их перечисление представить в диспозиции нормы. Выше, при представлении предметов преступления мы разделили их на четыре группы, каждую из которых и следует обозначить собирательным понятием и включить в название.

Используя метод обобщения, все перечисленные предметы можно было бы охватить объединением следующих понятий: *«воинских захоронений, объектов, посвященных защитникам Отечества, его интересов, увековечивающих о них память или посвященных дням воинской славы»*. В результате, преступление, предусмотренное ст. 243⁴ УК РФ, целесообразнее было бы назвать так: *«Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, объектов, посвященных защитникам Отечества, его интересов, увековечивающих о них память или посвященных дням воинской славы России»*.

С учетом предлагаемых изменений, новая редакция ч. 1 ст. 243⁴ УК РФ будет выглядеть следующим образом:

«Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, объектов, посвященных защитникам Отечества, его интересов, увековечивающих о них память или посвященных дням воинской славы России».

1. Уничтожение либо повреждение расположенных на территории Российской Федерации или за ее пределами воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память о погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России (в том числе мемориальных музеев или памятных знаков на местах боевых действий), а равно памятников, других мемориальных сооружений или объектов, посвященных лицам, защищавшим Отечество или его интересы, *в целях искажения или умаления историко-культурного значения таких объектов»*.

Библиография

1. Бычков, В.В. Предмет преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ / В.В. Бычков // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2020. — № 2 (28). — С. 39—42.
2. Жикулина, А.С. Уголовно-правовой анализ состава уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России / А.С. Жикулина, Н.А. Рахвалова, З.Р. Рахматулин // MODERN SCIENCE. — 2020. — № 6-1. — С. 311—314.
3. Корепанова, А. Уголовно-правовая ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений, памятников и других мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите отечества или посвященных дням воинской славы России / А. Корепанова // MODERN SCIENCE. — 2020. — № 7-1. — С. 145—147.
4. Мартыненко, Н.Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка / Н.Э. Мартыненко // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 2 (54). — С. 103—109.

Обоснованный риск в условиях военной службы

© Попов Константин Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), член Российской Академии Юридических Наук, член Ассоциации юристов России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Аннотация. В статье проведен анализ возможности применения уголовно-правового института обоснованного риска для достижения общественно полезной цели в условиях военной службы, выявлены специфические особенности правомерного причинения вреда военнослужащими при обоснованном риске.

Ключевые слова: обоснованный риск; общественно полезная цель; военная служба; права военнослужащих; условия обоснованности риска; обстоятельство, исключающее преступность деяния; правомерное причинение вреда.

Justified risk in the conditions of the military service

© Попов К.И.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology" of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian Academy of Legal Sciences, member of the Russian Bar Association, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the possibility of using the criminal-legal institution of justified risk to achieve a socially useful goal in military service, identifies specific features of lawful infliction of harm by military personnel with justified risk.

Key words: reasonable risk; socially useful purpose; military service; the rights of the military; the conditions for the validity of the risk; a circumstance precluding the criminality of the act; legitimate harm.

Действующий Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ) в ст. 13 впервые предусматривает право военнослужащих в соответствии с законодательством Российской Федерации применять оружие лично, а командиров (начальников) — приказом подчиненным применить оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

Представляется, что указание в Уставе только на два обстоятельства, исключая-

щих преступность деяния, регламентированных гл. 8 УК РФ, неосновательно ограничивает права военнослужащих. По нашему мнению, при исполнении своих служебных обязанностей военнослужащие могут правомерно причинять вред охраняемым уголовным законом интересам и при иных подобных обстоятельствах, в частности, при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели, регламентированном ст. 41 УК РФ.

Действующий УК РФ впервые в российском законодательстве закрепляет ин-

ститут обоснованного риска как обстоятельство, исключающее преступность совершенного деяния. Представляется, что включение данного обстоятельства правомерного причинения вреда в уголовный закон обусловливается тем, что в современных условиях стремительного развития науки и техники, в том числе и в области военного дела, гораздо чаще, чем раньше, возникает необходимость идти на определенный риск для достижения общественно полезной цели, в полной мере соответствует тенденции на развитие самостоятельности и инициативы, профессиональной смелости, принятие нестандартных решений и т.п.

Обоснованный риск представляет собой правомерное поведение (действие или бездействие) лица (в том числе и военнослужащего), направленное на достижение общественно полезной цели, при осуществлении которого имеется вероятность наступления неблагоприятных последствий, в том числе причинения вреда охраняемым уголовным правом интересам и благам¹.

В русском языке термин «риск» определяется как «возможная опасность чего-либо», «действие наудачу, требующее смелости, бесстрашия в надежде на счастливый исход»². Уголовный закон, говоря об обоснованном риске как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, имеет в виду такое поведение лица, когда надежда на счастливый исход имеет под собой достаточные основания.

В процессе разработки и освоения нового вооружения, боевой техники, боеприпасов, снаряжения, обмундирования и т.п. нередко приходится прокладывать путь в неизвестное, что неизбежно связано с риском. Следует заметить, что развитие научно-технического прогресса в военном деле невозможно без риска, поскольку научный поиск, изобретательский процесс могут привести к неудаче, материальному ущербу, а иногда связаны с опасностью

для жизни и здоровья человека, в том числе и военнослужащего.

Обоснованный риск является естественным двигателем прогресса. Опыт, в том числе и боевой, «сын ошибок трудных», приобретает зачастую не в типичных, а в экстремальных условиях и ситуациях исполнения обязанностей военной службы. При этом уточняются существующие нормативы привычной жизнедеятельности войск и готовится стартовая площадка для новых натисков на преграды развития и совершенствования.

Как правило, обоснованный риск связан с профессиональной деятельностью лица, в том числе и военнослужащего. Лишь отдельные ученые допускают немногочисленные случаи, когда обоснованный риск возможен и в бытовых условиях, большинство же утверждают, что риск возможен только в рамках профессиональной деятельности.

В теории уголовного права выделяют несколько видов риска: производственный (связанный с производством товаров), хозяйственный (при осуществлении обычной предпринимателей деятельности), коммерческий (в рамках финансовой, биржевой, банковской, инвестиционной деятельности), научно-технический (сопряженный с испытанием и внедрением новых научных разработок), организационно-управленческий (основанный на невозможности точно предсказать последствия конкретного управленческого решения)³.

Представляется, что обоснованный риск в широком смысле является риском профессиональным, так как возможен в любой сфере профессиональной деятельности, в том числе и в сфере военной службы.

Исполнение обязанностей военной службы, несомненно, связано с многочисленными рисками на различных ее этапах — в стадии проведения испытаний новых образцов оружия, боеприпасов, вооружения и боевой техники, различного военного электрооборудования, машин, механиз-

¹ Уголовное право России : учебник / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2021. С. 179.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2019. С. 591.

³ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 495.

мов и т.п. Кроме того, что особенно актуально, повседневная служебная деятельность военнослужащих при перевозке воинских грузов, личного состава, боевой техники, мероприятия по утилизации отдельных видов боеприпасов также несут в себе постоянную угрозу, являясь источником повышенной опасности.

Ярким примером ситуации, связанной с обоснованным риском, могут быть испытания новых транспортных средств (автомобилей, самолетов и т.д.), направленные на выявление скрытых дефектов проектирования, так как при таких испытаниях всегда существует вероятность аварии данного транспортного средства, результатом которой может стать причинение материального ущерба или даже гибель испытателя, в том числе и военнослужащего.

Проведение различных видов учений, боевых стрельб, маршей, полевых выходов, вождение боевых машин, воздушных, морских и речных военных судов, несение повседневной гарнизонной, караульной и комендантской службы также связано с постоянным определенным риском как для самих военнослужащих, исполняющих обязанности военной службы, так и для иных охраняемых уголовным законом интересов, а также жизни и здоровья граждан.

Проведение различных мероприятий в рамках повседневной служебно-боевой деятельности, боевой подготовки так же зачастую связано с обоснованным риском, вместе с тем это является насущной необходимостью, та как «тяжело в учении — легко в бою».

Обоснованный риск по своему социально-политическому содержанию является общественно полезным и поэтому правомерным деянием, однако по своим внешним признакам он обладает определенным сходством с некоторыми уголовно наказуемыми деяниями. Уголовно-правовое значение социально оправданный риск приобретает лишь в случаях, когда в результате рискованной деятельности при-

чиняется вред охраняемым уголовным законом интересам¹.

Существует несколько условий, которые определяют обоснованность риска и, следовательно, возможность освобождения лица, в том числе и военнослужащего, от уголовной ответственности. Указанные условия правомерного причинения вреда регламентированы ст. 41 УК РФ.

В частности, рискованные действия должны совершаться для достижения общественно-полезной цели, достижение которой иными средствами невозможно, они не должны по своей сути являться правонарушающим (то есть не должны быть запрещенными), а у лица должна иметься реальная возможность предотвратить вред, основанная на его профессиональной подготовке. Отсутствие любого из этих условий исключает признание риска обоснованным.

Так, испытания новых видов боевой техники, вооружения, боеприпасов могут привести к аварии, возможны неудачи, причинение вреда здоровью, а иногда и более тяжкие последствия. Однако стремление развивать военно-технический потенциал заставляет рисковать.

Наличие общественно полезной цели означает, что риск осуществляется не из эгоистических побуждений лица, а направлен на достижение полезного результата для других лиц, государства или общества в целом. Общественно полезная цель должна быть не абстрактной, а конкретной и достижимой. Если вероятность достижения цели ничтожно мала, риск не может быть признан обоснованным.

Так, например, после лабораторных испытаний, проведения опытов на полигонах необходимо испробовать новые образцы вооружения, боеприпасов, боевой и специальной военной техники или иные технические приспособления и агрегаты на практике. Пока новая техника еще не совсем освоена, не выявлены возможные конструктивные дефекты и недостатки, военнослужащие, а также гражданское

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов; 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. С. 179.

население, проживающее в непосредственной близости от района испытаний, несомненно, подвергаются определенному риску¹.

Невозможность достижения запланированного позитивного результата без риска означает отсутствие гарантированных, с заведомо известным позитивным результатом путей решения проблемы. Нередко при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели военнослужащие вынуждены нарушать какие-то по сути устаревшие, но еще не отмененные инструкции и правила².

Кроме того, в военном законодательстве содержатся нормы, допускающие в особых случаях (в боевой обстановке или аварийных ситуациях) нарушение правил эксплуатации отдельных узлов и агрегатов вооружения и боевой техники в целях сохранения их способности выполнить поставленную боевую задачу. В таких случаях сознательно допускается риск гибели личного состава либо наступления иных тяжких последствий.

Как правило, в случае, когда под угрозу ставится жизнь и здоровье конкретного человека (например, летчика-испытателя), для признания риска обоснованным требуется информирование данного лица о возможности причинения таких последствий и получение его добровольного согласия на совершение рискованных действий.

Вместе с тем специфика военной службы требует от военнослужащих выполнения возложенных на них обязанностей беспрекословно в любых условиях, в том числе с риском для жизни. Кроме того, законом закреплена возможность некоторых ограничений общегражданских прав и свобод военнослужащих, вытекающих из особенностей военной службы. При несении боевого дежурства (боевой службы), выполнении боевой задачи военнослужащие не вправе уклониться от исполнения

своих воинских обязанностей, даже если их жизни угрожает опасность.

Рискованные действия лицо всегда совершает умышленно. Спорным является вопрос о форме вины, связанной с превышением пределов обоснованности риска. Одни ученые считают, что такое превышение возможно только умышленно, другие же, напротив, указывают, что обязательное требование принятия всех достаточных мер для предотвращения риска исключает обоснованность риска в ситуации, когда лицо умышленно пошло на риск при отсутствии достаточных оснований полагать, что вред может быть предотвращен, и, следовательно, что превышение пределов обоснованного риска может быть только неосторожным с виной в форме преступного легкомыслия³.

Необходимым условием обоснованности риска является также принятие лицом, допустившим риск, достаточных мер для предотвращения наступления вреда. Риск должен быть расчетливым, осмысленным, хотя и не без ошибок. Обоснованный риск представляет собой единство рискованной ситуации и принятия рискованного решения.

Достаточными мерами следует признавать использование всех возможных на данный момент способов, мер, индивидуальных и коллективных средств защиты и жизнеобеспечения, практических навыков для сведения риска к минимуму, поскольку в ряде случаев полностью исключить риск нельзя. Как было указано выше, в отдельных ситуациях сознательно допускается риск гибели личного состава либо наступления иных тяжких последствий, например, в виде утраты или порчи вооружения и боевой техники.

Возможность реализовывать поставленные цели обычными, не рискованными методами снимает вопрос о правомерности риска и превращает его в общественно опасное и уголовно наказуемое деяние. Невозможность достижения цели не связанными с риском действиями (бездей-

¹ Попов К.И. Обоснованный риск — благородное дело // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2012. № 12 (186). С. 117.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В.М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Изд. Юрайт, 2021. С. 121.

³ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / В.В. Векленко [и др.]; под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. М.: Изд. Юрайт, 2021. С. 138.

ствием) означает, что достижение поставленной цели не вообще невозможно, а лишь в конкретных условиях и обстоятельствах, например, при ограниченности времени и имеющихся ресурсов.

Поэтому вряд ли можно считать обоснованными, например, рискованные действия военного летчика, который в процессе испытаний нового самолета разгоняет его выше допустимой скорости, желая поставить скоростной рекорд и таким образом стать известным, которые приводят к катастрофе и причинении вреда военной технике, жизни и здоровью гражданского населения.

Принятие рискующим достаточных мер для предотвращения вреда предполагает, что он действует не «наудачу», а просчитывает, предвидит возможные потери и пытается их нейтрализовать. Однако понятием «достаточные меры» охватываются не объективно, а субъективно достаточные меры, то есть осуществляются те меры, которые могло предпринять конкретное лицо. Если бы предпринимались объективно достаточные меры, негативные последствия не наступали бы вообще.

Так, в последние годы неоднократно происходили печальные случаи гибели военнослужащих и гражданского населения при проведении утилизации боеприпасов, которые проводились с явными нарушениями действующих норм и правил безопасности. Представляется, что в таких случаях риск явно не был обоснованным.

Значение института обоснованного риска, имеет, в большей степени, важное практическое, а не только теоретическое значение. Прежде всего, нормы ст. 41 УК

РФ создают определенные гарантии от неосновательного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, призван обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью вынужденного правомерного причинения им вреда — с другой.

Представляется необходимым закрепление в УВС ВС РФ права военнослужащих действовать в обстановке обоснованного риска во имя достижения общественно полезной цели в условиях военной службы, что будет способствовать надежной защите законных прав и свобод военнослужащих.

Библиография

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В.М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Издательство Юрайт, 2021.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1 : Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М.: Зерцало, 2002.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В.В. Векленко [и др.]; под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. — М.: Изд. Юрайт, 2021.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2021.
5. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В.И. Гладких, М.Г. Решняк. — М.: Изд. Юрайт, 2021.
6. Уголовное право России: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. — М.: Проспект, 2021.

Проблемные вопросы уголовно-правовой науки

© Суденко Владимир Егорович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
Юридического института Российского
университета транспорта (МИИТ), почётный
работник сферы образования Российской
Федерации

Аннотация. В качестве объекта исследования данной статьи стали положения уголовного законодательства, которые определяют единственное основание уголовной ответственности, а именно, наличие в содеянном того основания, благодаря которому правоприменитель называет преступным деяние, запрещённое конкретной статьёй Особенной части УК РФ, то есть то, что является преступлением. Кроме того, рассматриваются методологические требования по определению понятия и содержания состава преступления, что предназначено для глубокого познания социальных явлений, к которым относятся и преступления. Цель статьи выражается в том, чтобы на основе теории уголовного права и осмысления имеющейся практики разработать и попытаться внести научно-обоснованные предложения и практические решения, направленные как на дальнейшее совершенствование законотворческой деятельности в сфере уголовного права, так и на решение имеющихся проблемных задач применительно к области действия уголовного права в практической действительности. Автор сделал попытку раскрыть закономерности причинения вреда правам и законным отдельного человека как биологического существа, обществу, государству в результате преступного посягательства. В определённой степени исследуются имеющиеся в уголовном законодательстве недостатки, негативно сказывающиеся на квалификации преступлений, а далее на борьбе с преступностью, предлагаются обоснованные пути их решения.

Ключевые слова: уголовное право; преступление; состав преступления; законный интерес как объект преступления.

Problematic issues of criminal law science

© Sudenko V.E.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Law Institute of the Russian Uni-
versity of Transport (MIIT), Honorary Worker of
Education of the Russian Federation

Annotation. The object of the study of this article is the provisions of criminal legislation that define the only basis for criminal liability, namely, the presence in the deed of the reason for which the law enforcement officer calls a criminal act prohibited by a specific article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, that is, what is a crime. In addition, methodological requirements for the definition of the concept and content of the corpus delicti are considered, which is intended for a deep knowledge of social phenomena, which include crimes. The purpose of the article is to develop and try to make scientifically sound proposals and practical solutions based on the theory of criminal law and understanding of existing practice, aimed both at further improving legislative activity in the field of criminal law and at solving existing problematic problems in relation to the scope of criminal law in practical reality. The author made an attempt to reveal the patterns of harming the rights and legitimate rights of an individual as a biological being, society, and the state as a result of criminal encroachment. To a certain extent, the shortcomings existing in criminal legislation that negatively affect the qualification of crimes, and further on the fight against crime, are investigated, reasonable ways of solving them are proposed.

Keywords: criminal law; crime; corpus delicti; legitimate interest as an object of crime.

Борьба с преступностью — важнейшее направление деятельности любого государства, независимо от политического и экономического режима. Для современной России эта проблема относится к одной из наиболее актуальных. В её решении важное место принадлежит уголовно-правовой науке, которая, используя все научные достижения этой отрасли права и передовые методы практической деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью и преступлениями, решает задачи предупреждения преступлений и преступности, её локализации путём раскрытия и расследования и последовательного сокращения. Немаловажное значение принадлежит исследованию проблем того, что же является основанием уголовной ответственности, как наиболее строгого вида ответственности вообще.

Известно, что вопросы борьбы с преступностью входят в сферу деятельности многих отраслей права, в том числе уголовного процесса, криминалистики, криминологии, уголовно-исполнительного права и других, однако определяющая роль в этом комплексе наук, безусловно, остаётся за уголовно-правовой наукой, имеющей первостепенное значение в раскрытии и реализации охранительной функции уголовного права. Исходя из этого, перед наукой уголовного права выдвигается важная задача: разработка методологических проблем, в том числе принципов уголовного права, основания уголовной ответственности, раскрытия сущности состава преступления и его элементов, их значение для квалификации преступного деяния. Одним словом, наука уголовного права решает задачу совершенствования социально-правового обеспечения привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступлений лиц, а далее потенциальной неотвратимости наказания за совершённое преступление.

За последние годы появились работы, так или иначе затрагивающие указанные проблемы, однако ознакомление с ними нередко свидетельствуют об их недостаточно высоком теоретическом уровне. Обратим внимание на то, что во многих публикациях довольно часто игнорируется

проверенное практикой положение о предупредительном свойстве и значении уголовной ответственности и уголовного наказания, об обязательной их неотвратимости за совершённое преступное деяние. В связи со сказанным, из арсенала средств борьбы с преступлениями исключается высокоэффективное предупредительное значение обязательного привлечения к уголовной ответственности за совершённое преступление, что свидетельствует об одновременном исключении социальных функций не только уголовного наказания, но и об исключении социального механизма уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия.

Теоретические исследования названных вопросов основное внимание посвящали, да и в настоящее время нередко посвящают надуманным проблемам Особенной части уголовного права и лишь изредка отдельным правовым вопросам о применении наказания за совершение отдельных преступлений и об освобождении от наказания, а также системе наказаний, предусмотренных в УК РФ.

Безусловно, и в этих работах имеются многие положительные стороны проведённых исследований, но они носят несколько ограниченный характер, поскольку занимаются анализом уголовно-правовых проблем с эмпирических позиций, а их практическая реализация свидетельствует о низкой результативности подобных исследований по приведённым вопросам, что указывает на отсутствие их значительного научного потенциала. Думается, что такое положение сложилось вследствие недостаточного внимания к теории методических разработок.

Во многих подобных работах отсутствуют новые выводы, обобщения и предложения, в которых решались бы не надуманные, а действительные проблемы уголовного права. К примеру, ещё в относительно далёком 1983 г. И.М. Гальперин подготовил очень интересную и современную на то время работу «Наказание: социальные функции, практика применения»¹,

¹ Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983.

посвящённую наказанию как важнейшей категории уголовно-правовой науки. Однако автор в названной работе, к сожалению, не раскрыл понятия наказания и, прежде всего, его социальных функций. В 1983 г. вышла монография В.М. Когана «Социальный механизм уголовно-правового воздействия»¹, в которой автор предпринял попытку решить проблему такого воздействия, но, к сожалению, без раскрытия социальной сущности преступления и специфических принципов уголовного права, имеющих отношение к наказанию.

Указанные недостатки можно отнести к исследованию в области тех наук, которые изучают и исследуют вопросы борьбы с преступностью в целом, и с отдельными их видами, в частности.

За последние десятилетия можно отметить только одну работу, посвящённую вопросам дифференциации наказания, применительно к современному уголовному и уголовно-исполнительному праву². Но и в названной работе автор недостаточно рассматривает вопросы, относящиеся к методологическим социально-правовым проблемам уголовного наказания и его предупредительного значения.

Актуальность затронутой проблемы определяется тем, что, несмотря на имеющиеся отдельные положительные стороны проведённых научных исследований, они не смогли дать сколь-либо исчерпывающего ответа на вопросы, имеющие отношение к проблемам предупредительного значения неизбежности уголовной ответственности за совершённые преступления, её основания, а также содержания состава преступления и его элементов, а значит исключают социальный механизм функций уголовной ответственности, уголовно-правового воздействия из сферы его предупредительного значения.

В некоторых изданиях, иногда называемых учебниками, авторы просто повторяют положения уголовного права, ранее неоднократно рассмотренные в учебниках,

монографиях, статьях, не пытаясь хотя бы кратко показать своё мнение по тем или иным вопросам. Подобное относится к определению объекта преступления, когда лишь ссылаются на мнение того или иного известного учёного, например, профессора А.В. Наумова, обходя стороной свою точку зрения на понятие и содержание объекта преступления, как одного из элементов состава преступления. Можно встретить учебники, в которых не определены цели наказания и его предупредительные функции.

В то же время ждут своего настоящего решения ответы на вопросы: каковы реальные возможности уголовной ответственности в предупреждении преступлений, какие вопросы необходимо решить в целях повышения как эффективности уголовной ответственности, так и её предупредительного значения, каков механизм воздействия ответственности на поведение людей и через людей на уголовно-правовые отношения и каковы закономерности подобного воздействия.

Профессор И.И. Карпец, в своё время, критически оценивая состояние теоретических разработок и практики борьбы с преступностью, отмечал, что активное развитие криминологии за последние десятилетия привело к тому, что в уголовно-правовой науке создалось «тревожное» положение, когда имеется обилие схоластических споров и бесплодных дискуссий, чрезмерное увлечение многих правоведов простыми механическими перенесениями положений других наук (философии, кибернетики, социологии, науки управления) в криминологию и уголовное право. Он справедливо указывает на беспредметное применение в ряде случаев математических методов и методик моделирования³. К сожалению, И.И. Карпец в своих статьях не пошёл дальше постановки задач перед наукой и практикой борьбы с преступностью, их взаимодействия, и указания на необходимость исследования

¹ Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983.

² Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.

³ Карпец И.И. Правовая наука и практика борьбы с преступностью: перспективы укрепления взаимодействия // Сов. гос. и право. 1989. № 12.

некоторых конкретных проблем и их координации.

Развитие криминологии и уголовной социологии в ущерб уголовно-правовой науке создаёт опасность растворить уголовно-правовую науку в бесконечных и бесплодных дискуссиях на тему «О предмете криминологии», «Преступность как система», «Социальные отклонения» и т. п. Более чем наглядным примером этого может служить утверждение криминологов и социологов о том, что «главной задачей криминологии, развивающейся на стыке социологии и права, является объективное описание фактов правонарушений, их объяснение, предсказание тенденций их развития и регулирования социальной действительности в желаемом для общества направлении»¹. В приведённом определении социальной функции криминологической теории как бы исчезает уголовное право, поскольку говорится о праве в целом, но никак не об уголовном праве. Здесь мы даже не видим понятия преступления, оно исчезло, поглотилось общим понятием правонарушения. А потому напрашивается вывод, что речь идёт не о мерах борьбы с такими явлениями, не о предсказании тенденции их локализации, а затем и сокращения, что относится к непосредственной задаче уголовно-правовой науки, а лишь о предсказании тенденций развития этих правонарушений. Кроме того, представляется слишком ограниченной, с точки зрения перспектив борьбы с правонарушениями, задача соответствующего регулирования социальной действительности. Очень часто можно встретить выражение «регулирование преступности», но не борьба с нею. Однако, как понимать такое регулирование, каково его содержание, цель, об этом авторы этих «нововведений» не говорят ни слова.

Отмеченное свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки уголовно-правовой теории, направленной на создание общей теории борьбы с преступлениями и с иными правонарушениями, а не их регулирование.

В уголовном праве, по нашему мнению, не получили достаточно чёткого определения вопросы содержания и значения элементов состава преступления, прежде всего, объекта преступления, по поводу которого весьма длительное время продолжаются дискуссии². Недостаточно полно рассмотрены проблемы основания уголовной ответственности, методологическое предназначение понятия преступления как социального явления, состава преступления, методологические принципы анализа состава преступления. Мало, а вернее практически отсутствуют исследования в части установления состава преступления как узлового момента в процессе реализации в практической деятельности уголовно-правовых принципов, содержащихся в УК РФ (ст. ст. 3—7).

Рассматривая названные проблемы уголовно-правовой науки, мы не пытаемся просто описывать те или иные уголовно-правовые явления и проблемы, относящихся к сфере уголовной ответственности и состава преступления, а главным образом стремимся показать направления теоретического анализа исследуемых явлений, что необходимо для использования в практической деятельности государства и его органов по борьбе с преступностью. В этом ключе произведено краткое, в пределах данной статьи исследование основания уголовной ответственности, а именно состава преступления, а кроме того проанализирован состав преступления, выступающий связующим звеном между преступлением (причиной) и уголовным наказанием (следствием), вытекающим из данной причины и являющимся формой преодоления противоречия между обществом и отдельной личностью; сделана попытка раскрыть сущностную характеристику элементов состава преступления и обосновать особую значимость субъективной стороны состава.

По нашему мнению, при исследовании рассматриваемых уголовно-правовых проблем особое внимание следует направлять

¹ Карпец И. И. Указ. соч.

² См. подр.: Суденко В.Е. Объект преступлений против военной службы // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 11 (221). С. 69—74.

на раскрытие и рассмотрение охранительной функции уголовного права, которая реализуется в результате привлечения виновных в совершении преступления лиц к уголовной ответственности и применение к ним такого института уголовного права, как наказание за совершённое преступление. При этом необходимо раскрывать содержание элементов состава преступления, их значимость для квалификации содеянного, уделяя особое внимание субъективной стороне состава преступления. Безусловно, в качестве методической основы исследования проблемных вопросов уголовного права должны применяться теоретические положения не только теории управления, уголовного и уголовно-процессуального права, но и криминалистики, криминологии, психологии и других, не только правовых знаний, хотя, повторим, их основой являлись и является диалектика как теория и метод познания и преобразования действительности.

Раскрытие и исследование охранительной функции уголовного права возможно только посредством реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, а далее уголовного наказания как последствия уголовной ответственности. В то же время это не означает, что виновное в совершении преступления лицо должно быть *обязательно* осуждено и наказано, поскольку уголовный закон предусматривает и освобождение от уголовной ответственности, и освобождение от наказания или его неприменение. Однако это возможно только после раскрытия содержания всех элементов состава конкретного преступления, что является основой правильной квалификации содеянного общественно опасного деяния, уделяя при этом, повторимся, особое внимание точному установлению признаков субъективной стороны¹.

Как замечено ранее, уголовная ответственность, к которой привлекается совершившее преступление лицо, выступает как форма разрешения тех противоречий,

которые возникают между конкретной личностью и обществом вследствие совершения первым преступления. В то же время, хотя уголовная ответственность и наказание не главные средства в борьбе с преступностью, но они решают важную социальную задачу — не только общего предупреждения преступлений, но и специального, то есть со стороны осуждённого лица, а после осуждения общество надеется на исправление осуждённого. Наказание, как одна из форм реализации уголовной ответственности — ведомое звено уголовно-правового охранительного механизма, являющегося элементом уголовно-правовой системы (не путать с элементом состава преступления).

Уголовное наказание в большинстве случаев в сравнении с другими видами ответственности, административной, гражданско-правовой и др., содержит намного больший объём ограничений прав и интересов, хотя возможно и менее значительное в сравнении с другими их ограничение в уголовном праве.

Итак, по нашему мнению, состав преступления — единственное связующее звено между совершённым преступлением (как причиной) и применённым за совершение данного преступления наказанием (как следствием). Состав преступления решающая ступень в процессе реализации принципов законности, неотвратимости наказания, гуманизма, справедливости, вины и др. Говоря о связи между субъективной и объективной сторонами состава преступления, вряд ли можно согласиться с мнением некоторых юристов-правоведов о равенстве всех элементов состава преступления, поскольку именно содержание субъективной стороны определяет и выбор цели преступления, и выбор места, времени, орудий и средств совершения замысливаемого деяния. Именно это предопределяет основополагающее значение этого элемента состава преступления при его квалификации. И в решении этого и других имеющихся проблемных вопросов, необходимы действия, направленные на упорядочение отдельных уголовно-правовых норм уголовного закона, их более чёткого изложения и исключения их двусмыслен-

¹ Суденко В. Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении // Военное право. 2018. № 4 (50). С. 224—231.

ности, поскольку сущность уголовной ответственности заключается уже в самой деятельности субъекта преступления, в его решении совершить тот или иной поступок, а далее в его совершении. Требуется ввести новое понятие ответственности, осознании того, что совершается, а также осознании неизбежности или возможности социально значимых последствий данного деяния, негативная оценка которых определяется в нормах права и реализуется органами государства. Только через уголовную ответственность, уголовную санкцию и уголовное наказание регулятивное правоотношение уголовного права реализует себя в полном объёме.

Библиография

1. Бриллиантов, А.В. Дифференциация наказания : дис. ... докт. юрид. наук / А.В. Бриллиантов. — М., 1998.
2. Гальперин, И.М. Наказание: социальные функции, практика применения / И.М. Гальперин. — М.: Юрид. лит., 1983.
3. Карпец, И.И. Правовая наука и практика борьбы с преступностью: перспективы укрепления взаимодействия // Сов. гос. и право. — 1989. — № 12.
4. Коган, В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В.М. Коган. — М.: Наука, 1983.
5. Суденко, В.Е. Доминирующее значение субъективной стороны в преступлении / В.Е. Суденко // Военное право. — 2018. — № 4 (50). — С. 224—231.
6. Суденко, В.Е. Объект преступлений против военной службы / В.Е. Суденко // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 11 (221). — С. 69—74.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых военнослужащими Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта (1992—1997 гг.)

© Шарипов Малик Темурович,
адъюнкт Военного университета Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье исследуется категория криминалистической характеристики преступлений, в частности, определена криминалистическая характеристика преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных сил Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта (1992—1997).

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, вооруженный конфликт, расследование преступлений

Criminalistics characteristics of crimes committed by military ser- vices of the Republic of Tajikistan in the areas of the armed conflict (1992—1997)

© Sharipov M.T.,
Post-graduate Officer of Military University Minis-
try of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article examines the category of criminalistics characteristics of crimes, in particular, the forensic characteristics of crimes committed by servicemen of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan in the areas of armed conflict (1992—1997).

Key words: forensic characterization of crimes, armed conflict, crime investigation

Одним из наиболее важных элементов в процессе расследования преступлений, оказывающих непосредственное влияние на успешное раскрытие и доказывание, является криминалистическая характеристика преступлений.

Одними из первых ученых-криминалистов, предпринявших попытки исследования вопросов криминалистической характеристики преступлений в 20-х и 30-х годах XX в. были И.Н. Якимов, Н.А. Бобров, В.У. Громов, А.И. Винберг, Б.М. Шавер, С.А. Голунский, которые придавали особое значение некоторым обстоятельствам совершения преступления при организации расследования преступлений¹.

¹ Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений : учебник / под ред. Вышинского А.Я.

«Криминалистическая характеристика преступлений» как термин зародилась во второй половине 60-х годов. Л.А. Сергеев представлял криминалистическую характеристику преступлений в виде совокупности нескольких обстоятельств: способы и условия совершения преступления, обстоятельства, связанные с объектом, субъектом и субъективной стороной преступления, особенности обстановки, а также взаимосвязи одного вида преступления с

М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939; Бобров Н.А., Винберг А.И., Голунский С.А., Громов В.И. и др. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений / под ред. Вышинского А.Я. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939; Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003.

другими видами и взаимосвязь всех указанных обстоятельств¹.

В свою очередь, С.П. Митричев дополнил содержание понятия «криминалистическая характеристика преступлений» преступными и профессиональными навыками преступника².

Начиная со второй половины 70-х годов прошлого века, начался наиболее активный период исследований, посвященных криминалистической характеристике преступлений.

Среди большого количества ученых того времени, внесших вклад в разработку проблематики криминалистической характеристики преступлений, особого внимания заслуживают труды Р.С. Белкина, который подробно излагает в них становление и развитие криминалистической характеристики. Так, по его мнению, криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему тесно связанных друг с другом элементов, таких как способ совершения преступления, способ сокрытия, мотив преступника, последствия совершения преступления, личность преступника и другие обстоятельства совершения преступления³.

При этом он полагал, что практическое значение криминалистической характеристики преступлений заключается в первую очередь в установлении корреляционных связей между ее элементами и в выражении их в количественных показателях⁴.

Однако многочисленные исследования Р.С. Белкина, посвященные указанной проблематике, впоследствии привели его к мнению, что криминалистическая характеристика преступлений изжила себя в научном смысле и следует отказаться от тер-

мина «криминалистическая характеристика преступлений»⁵.

Высказанное мнение не получило дальнейшего развития и подверглось критике со стороны научного криминалистического сообщества.

Так, В.Я. Колдин полагал, что криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему родовых, групповых и видовых характеристик категорий преступлений⁶. В свою очередь, С.А. Степанов полагал, что криминалистическая характеристика преступлений состоит из обобщенной информации о конкретных обстоятельствах преступления и корреляционных связях между ними⁷.

Что касается криминалистической характеристики преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта, С.В. Маликов предложил трехуровневую систему криминалистических признаков, состоящую из: родовых признаков, общих для всех преступлений, совершенных в районах вооруженного конфликта, при этом не зависящих от обстоятельств совершения преступлений; групповых признаков меньшей степени общности, присущих сходным видам преступлений; традиционных видовых признаков, характерных отдельным видам преступлений⁸.

Основываясь на предложенную систему, считаем необходимым выделить некоторые криминалистические признаки преступлений, совершенных военнослужащими Республики Таджикистан в период вооруженного конфликта (1992—1997 гг.).

К родовым признакам, общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Республики Таджикистан в районах вооруженного

¹ Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.

² Митричев С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1973. Вып. 10.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988.

⁴ Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? // Социалистическая законность. 1987. № 9.

⁵ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.

⁶ Ищенко И.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6.

⁷ Степанов С.А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

⁸ Маликов С.В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта : монография. М., 2005.

конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997), независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, относится резкий рост преступлений против военной службы и государственных преступлений трусливо-малодушной мотивации, такие как: самовольное оставление части, дезертирство, членовредительство, неисполнение приказов.

При этом среди всех совершаемых преступлений наиболее распространенными являлись самовольное оставление части и дезертирство. Так, например, в 1993 г. на начальном этапе вооруженного конфликта в Республике Таджикистан новым ведомством сформированным Генеральной прокуратурой Республики Таджикистан — Управлением по надзору за исполнением законов в Вооруженных Силах Республики Таджикистан, было зарегистрировано 393 преступления. Из общего числа преступлений, совершенных военнослужащими, 1 — убийство, 2 — незаконное хранение и приобретение огнестрельного оружия, 3 — хулиганство, 44 — кража и 57 — другие преступления. Большинство военных преступлений — это дезертирство и самовольное оставление части, которые составили 271 или 88,5 % от всех зарегистрированных преступлений¹.

Основной причиной большого количества преступлений трусливо-малодушной мотивации в период вооруженного конфликта являлись нестабильная политическая ситуация в государстве и тяжелое экономическое положение. К другим причинам следует отнести: недостатки подготовки военнослужащих, страх смерти, нежелание нести тяготы военной службы, боязнь ведения боевых действий, смерти или плена, внезапный испуг, желание отдохнуть, болезненное состояние, боязнь ответственности за допущенное нарушение, испорченные взаимоотношения с сослуживцами.

Выделяется среди родовых признаков, являющихся общими для всех преступле-

ний, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил Республики Таджикистан значительное число преступлений, а также неуклонный ежегодный рост количества совершенных преступлений в районах вооруженного конфликта (1992—1997).

Так, статистический ретроспективный анализ уровня преступности в период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997) показывает, что в период с 1993 г. (с момента формирования Управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных Силах Республики Таджикистан) по 1997 г. количество преступлений, совершенных военнослужащими ежегодно увеличивалось. В 1993 г. было зарегистрировано 393 преступления, в 1994 г. — 741 преступление, в 1995 г. — 1 496 преступлений, в 1996 г. — 1 915 преступлений, в 1997 г. — 2 307 преступлений².

Следующим родовым признаком, являющимся общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта (1992—1997), независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является зависимость уровня преступности военнослужащих от интенсивности боевых действий: интенсивные боевые действия влекут за собой рост количества преступлений, когда в ходе проведения активных широкомасштабных боевых действий, ослаблен контроль за личным составом со стороны командиров.

Другим родовым признаком, являющимся общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими Республики Таджикистан в районах вооруженного конфликта (1992—1997), независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является реагирование воинской преступности на военные успехи или неудачи, последние способствуют ее росту.

Благоприятствуют росту преступности военнослужащих и материальные затруднения, связанные с боевой обстановкой, ослабление охраны материальных ценно-

¹ Рахмонов Ю.А. Прокуратураи харбии Чумхурии Тоҷикистон: таърихи ташакуллӯбӣ. Душанбе: Таис, 2008.

² Там же.

стей, беззащитность гражданского населения. Поэтому к родовым признакам, общим для всех преступлений, совершенных военными Вооруженных Сил Республики Таджикистан в районе вооруженного конфликта (1992—1997 гг.), независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, относится и значительное увеличение количества корыстных преступлений в районе.

В тот период вооруженный мужчина в военной форме одежды воспринимался обществом не как гарант безопасности и стабильности в стране, а наоборот, как источник опасности.

1 ноября 1993 г. командир одной из войсковых частей, Министерства обороны Республики Таджикистан, располагающейся в Раштском районе, майор М., пользуясь напряженной обстановкой в регионе, обусловленной гражданской войной в Республике Таджикистан, преследуя цель устрашения личного состава части, застрелил из огнестрельного оружия рядового У. Оставаясь безнаказанным, он продолжил свою преступную деятельность и 3 ноября 1993 г. приказал своему подчиненному капитану С. и группе своих сообщников убить одного из жителей Раштского района, гражданина Е. с целью завладеть его личным имуществом. Следуя данному приказу, капитан С. и сообщники вломались в дом гражданина Е., застрелили его и присвоили личное имущество убитого себе.

9 ноября 1993 г. военной прокуратурой было возбуждено уголовное дело против майора М. и его сообщников. Все лица, причастные к совершению преступлений, были арестованы и содержались под стражей в Раштском районе. Расследование уголовного дела против майора М. было завершено в короткие сроки, несмотря на продолжающиеся боевые действия в Раштском районе республики. Уголовное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу.

Решением Военной коллегии Верховного суда Республики Таджикистан 28 марта 1995 г. майор М. был приговорен к тридцати годам лишения свободы. Все его

сообщники также были привлечены к различным мерам наказания¹.

В период вооруженного конфликта на территории Республики Таджикистан (1992—1997 гг.) зафиксировано большое количество таких преступлений, как хищение оружия и боеприпасов, утрата предметов вооружения, как в местах постоянной дислокации, так и при иных невыясненных обстоятельствах.

Связано это в первую очередь с тем, что в период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан порядок учета и расхода боеприпасов был упрощен, военнослужащие в ходе вооруженных столкновений теряли оружие, приобретали трофейное, забирали его у погибших сослуживцев. Большая масса гражданского населения также была вооружена, люди чувствовали себя безнаказанными, было размыто представление о дозволенном и преступном. Участились попытки препятствования расследованию преступлений и выполнению своих обязанностей прокурорами и следователями не только со стороны гражданского населения, но и со стороны личного состава воинских частей, а также со стороны некоторых военных комиссаров.

В связи с этим, согласно Указу Президента Республики Таджикистан от 26 мая 1997 г. № 728 «О добровольной сдаче и изъятии огнестрельного оружия, боеприпасов и военной техники у населения Республики Таджикистан» правоохранительным органам Республики Таджикистан было поручено изъять у гражданского населения, незаконно хранящееся огнестрельное оружие, боеприпасы и технику. В свою очередь, лица, уклоняющиеся от добровольной сдачи оружия и техники, привлекались к уголовной ответственности.

Так, например, в 1994 г. из-за наличия большого количества огнестрельного оружия у местного населения, а также тяжелой экономической ситуации, обстановка в нескольких районах Курган-Тюбинской области ухудшилась.

¹ Архив Главной военной прокуратуры Республики Таджикистан.

14 февраля 1994 г. примерно в 16.00 военнослужащий одной из воинских частей Министерства обороны Республики Таджикистан старший лейтенант А., предварительно сговорившись со своими сослуживцами Б. и Ш., вооружившись огнестрельным оружием, направились в село Маданият, с целью убийства гражданина М. Старший лейтенант А. и его сообщники для реализации своих намерений устроили засаду дома гражданина М. и обстреляли его дом. В результате длительного обстрела гражданин М., а также гражданин Л., случайно оказавшийся в это время в доме, скончались от полученных ранений. Злоумышленники скрылись с места преступления.

Военная прокуратура Республики Таджикистан начала расследование в отношении данных преступников. В ходе оперативно-розыскных мероприятий были установлены личности всех военнослужащих, причастных к совершению данного преступления. При задержании у преступников были изъяты огнестрельное оружие, а также боеприпасы. В ходе проведения баллистической экспертизы было установлено, что выстрелы производились именно из огнестрельного оружия, изъятого у задержанных лиц. Уголовные дела против этих лиц (всего шесть) были направлены в суд с обвинительным заключением и виновные были приговорены судом к соответствующим наказаниям¹.

Другим родовым признаком, являющимся общим для всех преступлений, совершенных военнослужащими в районе вооруженного конфликта, независимо от конкретных обстоятельств, при которых они были совершены, является высокий уровень искусственно-латентной преступности военнослужащих. В период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997 гг.) это объясняется отсутствием единой централизованной системы правоохранительных органов, малоэффективной работой вновь образованных после распада СССР и недоукомплектованных правоохранительных органов, от-

сутствием у следственных работников практического опыта работы в экстремальных ситуациях. Помимо этого, немаловажную роль играло то, что некоторые командиры воинских частей в период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997 гг.) скрывали преступления, пытались «замаскировать» их под дисциплинарные проступки или несчастные случаи, а в случае гибели личного состава, уничтожения боевой техники и вооружения в результате происшествий ссылались на боевые потери.

В период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997 гг.) усилилось прямое противодействие деятельности органов военной прокуратуры. Так, неоднократно были зафиксированы случаи воспрепятствования деятельности военного прокурора и следователей и выполнению ими своих обязанностей не только со стороны гражданского населения, но и со стороны личного состава воинских частей, а также со стороны некоторых военных комиссаров, путем попытки недопущения должностных лиц на территорию воинской части, проведения допроса свидетелей или опознания, под угрозой применения оружия.

Некоторые из военных комиссаров, не соблюдающих законодательство, пытались препятствовать выполнению своих обязанностей прокурорами и следователями.

В частности, в ходе проверки исполнения Закона Республики Таджикистан «О всеобщей воинской обязанности и воинской службе» о законности призыва на военную службу и отсрочки призыва выявила множество нарушений в деятельности военного комиссариата г. Душанбе. В результате было направлено представление в Министерство обороны Республики Таджикистан и военный комиссариат республики по устранению имеющихся недостатков с указанием путей их решения, а также предложены конкретные меры по их устранению. Объяснялось это тем, что в советское время деятельность военных комиссариатов не контролировалась и большинство военных комиссаров не знали требований действующего законодательства.

¹ Архив Главной военной прокуратуры Республики Таджикистан.

Что касается групповых криминалистических признаков, присущих преступлениям, совершенным военнослужащими в районах вооруженного конфликта, то они в свою очередь зависят от степени активности боевого применения войск (при активных боевых действиях им характерны одни признаки, а при прекращении активных боевых действий — другие).

Так, в период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997) при активных широкомасштабных боевых действиях прослеживался заметный рост преступности в Вооруженных Силах, а при снижении интенсивности ведения боевых действий наблюдалось значительное сокращение преступлений.

Ситуация в Горно-Бадахшанской автономной области также была нестабильной. Ряд командиров и военнослужащих пользуясь беспокойной обстановкой и ведением активных боевых действий в регионе, совершали тяжкие и особо тяжкие преступления.

Военнослужащий воинской части Министерства обороны Республики Таджикистан, расположенной в Дарвазском районе рядовой Д. 31 июля 1994 г. нанес тяжелые ножевые ранения одному из своих сослуживцев рядовому Р., что повлекло за собой его гибель.

26 августа 1994 г. военнослужащие Т. и Б. при несении боевого дежурства, придушили другого военнослужащего рядового О.

Военная прокуратура, несмотря на продолжающиеся боевые действия и трудности розыска преступников в Дарвазском районе, задержала всех злоумышленников. Предварительное следствие по уголовным делам велось всесторонне и тщательно, виновные были приговорены к различным срокам наказания¹.

Необходимо отметить также то, что в период вооруженного конфликта в Республике Таджикистан (1992—1997) было зафиксировано большое количество преступлений, совершенных военнослужащими, переодетыми в гражданскую форму

одежды, что в свою очередь вызывало затруднения у правоохранительных органов при установлении личности преступников и определении подследственности уголовных дел².

Что касается традиционных видовых признаков, присущих отдельным видам преступлений, непосредственно связанных с ведением боевых действий и совершающихся в боевой обстановке в районах вооруженного конфликта, то они в основе своей являются традиционными. В целом они соответствуют описаниям их криминалистических характеристик, содержащихся в многочисленных учебниках и специальных исследованиях по криминалистике.

Таким образом, своеобразие причинной обусловленности преступлений военнослужащих в районах вооруженного конфликта заключается, во-первых, в определяемой боевой обстановкой особенностях причин традиционных видов преступлений (корыстных, насильственных, неосторожных), во-вторых, в причинах преступлений, совершаемых лишь в боевой обстановке.

Библиография

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р.С. Белкин. — М., 2001. — 223 с.
2. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р.С. Белкин. — М., 1988. — 173 с.
3. Белкин, Р.С. Модное увлечение или новое слово в науке? / Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов // Социалистическая законность. — 1987. — № 9. — С. 55—60.
4. Бобров, Н.А. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений; под ред. Вышинского А.Я. / Н.А. Бобров, А.И. Винберг, С.А. Голунский, В.И. Громов. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 538 с.
5. Голунский, С.А. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник; под ред. Вышинского А.Я. / С.А. Голунский, Б.М. Шавер. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 372 с.
6. Ищенко, И.П. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования / И.П. Ищенко, В.Я. Колдин // Правоведение. — 2006. — № 6.

¹ Архив Главной военной прокуратуры Республики Таджикистан.

² Рахмонов Ю.А. Указ. соч.

7. Маликов, С.В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта : монография. — М., 2005. — 421 с.

8. Митричев, С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений / С.П. Митричев // Криминалистика и судебная экспертиза. — Киев, 1973. — Вып. 10. — С. 28—31.

9. Рахмонов, Ю.А. Прокуратураи ҳарбии Ҷумҳурии Тоҷикистон: таърихи ташакуллӯбӣ / Ю.А. Рахмонов. — Душанбе: Таис, 2008. — 374 с.

10. Сергеев, Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при

производстве строительных работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Сергеев. — М., 1966. — 16 с.

11. Степанов, С.А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Степанов. — М., 2018. — 251 с.

12. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / И.Н. Якимов. — М.: ЛексЭст, 2003. — 496 с.

О некоторых структурных элементах криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов

© Юрченко Артём Владимирович,
сотрудник Центра исследования проблем
российского права «Эквитас»

© Плеганский Денис Олегович,
сотрудник Центра исследования проблем рос-
сийского права «Эквитас»

Аннотация. В статье раскрывается содержание криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов. Рассмотрены некоторые структурные элементы криминалистической характеристики – предмет преступного посягательства, механизм следообразования и информация об обстоятельствах совершения преступления. Сделанные в ходе работы выводы, по мнению автора, позволят упорядочить и усовершенствовать уголовно-процессуальную деятельность дознавателей пограничных органов при расследовании данных преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, структурные элементы, дознаватели пограничных органов федеральной службы безопасности, особо ценные животные и водные биологические ресурсы.

On some structural elements of the criminalistic characteristics of il- legal extraction and trafficking of especially valuable animals and aquatic biological resources

© Yurchenko A.V.,
employee of the Center for the Study of Problems of
Russian Law "Equitas"

© Plegansky D.O.,
employee of the Center for the Study of Problems of
Russian Law "Equitas"

Abstract: The article reveals the content of the criminalistic characteristics of illegal extraction and trafficking of especially valuable animals and aquatic biological resources. Such structural elements of criminalistic characteristics as the subject of criminal encroachment, the mechanism of trace formation and information about the circumstances of the commission of a crime are considered. The conclusions made in the course of the work, according to the author, will allow to streamline and improve the criminal procedural activities of the border authorities' interrogators during the investigation of these crimes.

Keywords: forensic characteristics, structural elements, interrogators of the border authorities of the federal security service, especially valuable animals and aquatic biological resources.

Криминалистическая характеристика преступлений в настоящее время является одним из основополагающих элементов методики расследования отдельных видов преступлений. Как и любая другая характеристика, она представляет собой «описание характерных, отличительных качеств,

черт кого-нибудь или чего-нибудь»¹. Применимо к преступлениям, предусмотренным ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ, целесообразно рассматривать криминалистическую характеристику через призму предмета

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990. С. 758.

криминалистики. Общепринято, что криминалистика — это наука о закономерностях механизма преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений¹.

Данная категория основана на исследованиях уголовных дел для выявления типичных материальных и идеальных следов, полученных в результате взаимодействия субъекта преступления с окружающей средой в условиях определенной обстановки и формирования криминалистически значимой информации, характеризующей обстоятельства совершения определенного вида преступлений и важной для раскрытия преступления информации.

Криминалистическая характеристика преступлений отражает типовую структуру соответствующей категории преступлений и является ее обобщенной моделью². В данном контексте представляется интересным подход И.А. Возгрин, который включает в структуру криминалистической характеристики преступлений сведения о предмете преступного посягательства, о типичных личностных особенностях преступников и о потерпевших, о способах приготовления, совершения и сокрытия преступлений и типичных последствиях преступных действий, обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступления³. В.Г. Танасевич выделяет такие элементы криминалистической ха-

рактеристики, как: способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, непосредственный предмет преступного посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосновенности блага, на которое произведено покушение); личность субъекта преступления, маскировка, направленная на сокрытие преступного деяния виновных лиц, осуществляемая как в процессе совершения преступления, так и после него⁴.

Очевидно, что вопрос структуры криминалистической характеристики и в настоящее время остаётся дискуссионным, так как единой точки зрения нет и быть не может. Связано это с тем, что в качестве источника криминалистической характеристики выступают следственная и судебная практика расследования отдельно взятой категории преступлений, которая меняется в зависимости от обстоятельств конкретного дела, а также знаний, разработанных в теории уголовно-процессуального права. В данном случае следует согласиться с О. П. Грибуновым, который справедливо отметил, что криминалистическая характеристика преступлений подлежит дальнейшей систематизации и обсуждению⁵.

Однако анализ сложившейся практики по расследованию незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов, теоретического материала, посвященного криминалистической характеристике преступлений, содержательных особенностей частных методик, позволяет выделить в структуре криминалистической характеристики следующие основные элементы: 1) способ совершения преступления; 2) предмет преступного посягательства; 3) механизм следообразования; 4) обстоятельства совер-

¹ Соколов А.Ф. Криминалистика : учебно-методическое пособие / сост. А.Ф. Соколов; Яросл. Гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 4.

² См., напр.: Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих // Право в Вооруженных Силах — воен.-прав. обозрение. 2016. № 4 (226). С. 85—89 и др.

³ Возгрин И.А. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений. Криминалистика : учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло, М., 2001. С. 6, 43.

⁴ Танасевич В.Г. Теоретические основы методики расследования преступлений // Советское государство и право. 1977. № 6. С. 92.

⁵ Грибунов О.П., Назырова Н.А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 15.

шения преступления; 5) личность преступника; 6) типичные следственные ситуации.

В настоящей работе предлагается рассмотреть лишь некоторые из них — предмет преступного посягательства и механизм слеодообразования.

Очевидно, что в целях раскрытия и расследования преступлений дознаватели прежде всего в качестве источников исходных сведений используют криминалистические характеристики преступлений уже с момента получения поступившей первичной информации. При решении вопроса о возбуждении уголовного дела и выборе наиболее правильной программы расследования дознаватель отталкивается от криминалистической характеристики конкретного преступления. Таким образом, одним из важнейших условий успешного и быстрого расследования уголовного дела является правильная характеристика преступлений. Постепенно складываясь, дополняясь и уточняясь в результате проведенных следственных действий, она позволяет решить вопрос, какие новые следственные действия необходимо провести и в какой последовательности.

Каждый из этих элементов является частью системы во взаимосвязи и взаимозависимости с другими элементами. Вместе с тем, каждый случай в расследовании определенного вида преступления имеет конкретное, неповторимое содержание этих элементов, их внутренние связи, конкретное содержание способов его совершения.

Одним из наиболее значимых признаков криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ выступает такой объективный элемент состава преступления, как предмет преступного посягательства. Для целей ст. 258.1 УК РФ на законодательном уровне был сформирован перечень особо ценных животных и водных биологических ресурсов, за посягательство на которые, наступают уголовно-правовые последствия (22 наименования особо ценных диких животных). Речь идёт о постановлении Правительства Российской Федерации

от 31 октября 2013 г. № 978¹. Однако, сложившаяся практика показывает, что зачастую предметом преступного посягательства являются не сами особо ценные дикие животные, а их части (лапы, рога, копыта, плавники и т.д.), дериваты (икра «русского осётра», яйца беркута и т.д.), и, как результат, их производные (настойки, мази на основе желчи белого медведя, медицинские и биологические препараты, меховые изделия, сувениры)².

Результаты правоприменительной практики показывают, что если особо ценное дикое животное добывается ради каких-то конкретных его частей и дериватов, то, скорее всего, добывают его с целью последующего контрабандного вывоза. Как правило, эти части и дериваты относятся к специфическому товару, применяемому в традиционной восточной медицине (производятся различные мази, настойки), либо являются товаром «престижного уровня», то есть обладают высокой стоимостью и рассчитаны на определенных покупателей³. Используют их чаще всего для украшения интерьера (шкур, чучела, рога), для употребления (рыбная продукция, икра).

Так, в январе 2018 г. на побережье озера Ханка (Приморский край) сотрудники Дальневосточной оперативной таможни совместно с сотрудниками Пограничного управления ФСБ и УФСБ России по Приморскому краю задержали крупнейшую за последние несколько лет партию дерива-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Зуева Л.А. Уголовная ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 4. С. 91.

³ Ляпустин С.Н., Фоменко П.В. Незаконный оборот и борьба с браконьерством и контрабандой редких видов животных и растений на Дальнем Востоке России (2009—2014 гг.): монография. Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. Владивосток: Апельсин, 2015. С. 50—51.

тов диких животных. Два микроавтобуса и автоприцеп с запрещенным грузом злоумышленники планировали вывезти в Китай, минуя таможенный и пограничный контроль. По заключению экспертов, основная часть задержанного — дериваты, как минимум, пяти особей амурского тигра (выделанная шкура, 18 когтей, кости скелетов, четыре коленные чашечки) и 220 особей белогрудого и бурого медведей (879 лап, 306 когтей, три желчных пузыря и шесть коленных чашечек). Минимальный совокупный ущерб от истребления этих животных превысил 50 млн. руб.¹

Встречаются в практике и случаи, когда предметом преступного посягательства являются как сам особо ценный водный биологический ресурс, так и его дериваты. Так, например, в августе 2021 г. на одном из рынков Москвы сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по г. Москве совместно с представителями Росрыболовства при силовой поддержке 2-го оперативного полка ГУ МВД России по г. Москве была обнаружена и изъята немаркированная рыбная продукция, добытая незаконным путём. Всего было изъято 400 кг краснокнижной осетрины и черной икры. Сопроводительные документы на товар отсутствовали².

Таким образом, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что предметом преступного посягательства незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов выступают как особо ценные дикие животные, так их части и дериваты, пользующиеся спросом, как на территории Российской Федерации, так и за её пределами. Как правило, эти части и дериваты относятся к специфическому товару, при-

меняемому в традиционной восточной медицине, либо являются товаром «престижного уровня», то есть обладают высокой стоимостью и рассчитаны на определенных покупателей.

При изучении криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов особое место занимают материальные следы, в частности орудия преступления. Орудия преступления, вступая во взаимодействие с другими компонентами преступной деятельности, способны оставлять на них свои следы.

Выделение следов в самостоятельную категорию объектов акта идентификации послужило предпосылкой для создания таких их классификаций, в которых основанием являлся бы не вид следообразующего объекта, а свойство самого следа или механизм его образования. Для решения этой проблемы необходимо было определить, что понимать под следом в криминалистике. Такое определение сформулировал в 1945 г. С.М. Потапов. «Следы, — писал он — это отражение на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием. Следы могут возникать от людей, отдельных предметов и от действий сил природы»³.

Данные следоведения используют для решения входящих в предмет расследования по уголовному делу следующих групп задач:

- идентификация лиц и предметов по оставленным следам;
- установление групповой (видовой) принадлежности объектов (вида, марки автомобиля);
- установление некоторых анатомо-физиологических особенностей (признаков), присущих лицу, оставившему следы (определение пола, возраста, роста, особенностей походки, профессиональных навыков и т.д.);

¹ Два микроавтобуса и автоприцеп с запрещенным грузом злоумышленники планировали вывезти в Китай, минуя таможенный и пограничный контроль. Электронный ресурс : https://www.alta.ru/dvfo_news/58814/ (дата обращения: 12.09.2021).

² В Москве изъяли более 400 килограммов браконьерской осетрины. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2021/08/20/reg-cfo/v-moskve-iziali-bolee-400-kilogramm-ov-brakonerskoj-osetriny.html> (дата обращения: 12.09.2021).

³ Потапов С.М. Введение в криминалистику. М., 1946. С. 12—14.

— выяснение механизма слеодообразования и связанных с ним обстоятельств расследуемого события¹.

К числу следов незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов, исходя из сложившейся практической деятельности, следует отнести:

— следы, оставленные от орудия хозяйственно-бытового назначения (следы от ножей на шкурах и костях животных, оставленные на месте преступления);

— следы, оставленные от огнестрельного оружия. Так, в качестве примера, можно привести случай убийства в Свободненском районе Приамурья известного в России тигра по кличке Павлик. Оперативными сотрудниками было установлено, что двое мужчин 24 и 25 лет 8 сентября 2020 г. охотились без лицензии ночью на коосулю с использованием прожектора. Заметив в темноте горящие глаза тигра, они в него выстрелили. Утром охотники вернулись в лес, увидели раненного тигра и добыли его²;

— непосредственно само огнестрельное оружие, орудие хозяйственно-бытового назначения (нож), рыболовные сети.

Обнаружение орудия преступления на месте происшествия при расследовании преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ, имеет несомненное значение в связи с тем, что его исследование во многом помогает в установлении личности преступника, причем не только путём направления запросов в соответствующие базы данных. Используемый вид оружия нередко свидетельствует о материальном состоянии преступника. Следует отметить, что в случаях незаконной добычи особо ценных водных биологических ресурсов преступник не ограничивается одним выходом в море, поэтому, как пра-

вило, после проверки сетей и извлечения рыбы, оставляет её в море.

Таким образом, резюмируя изложенное, следует сделать вывод о том, что основным элементом следовой картины преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ, являются материальные следы, к которым относятся следы биологического происхождения, следы транспортных средств, тела мертвых особо ценных диких животных, а также следы пребывания людей на определенном участке местности и др.

Еще одним из значимых элементов криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов является информация об обстоятельствах совершения преступления. В теории уголовного права к ним относятся время, место, орудие, средства и обстановка³.

Время совершения незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов зависит от особенностей объекта, которого преступник планирует добыть. Так, например, из анализа уголовных дел, возбужденных по факту добычи осетровых видов рыб, следует, что совершаются преступные действия преимущественно в дневное время после полудня, а преступления, выраженные в незаконном обороте особо ценных животных и водных биологических ресурсов — в тёмное время суток, что объясняется необходимостью довести добытые (приобретенные) экземпляры особо ценных диких животных от места добычи (приобретения) до места жительства, а также попытками преступных элементов привлечь как можно меньше внимания к своей преступной деятельности.

В качестве места совершения рассматриваемого преступного деяния преступни-

¹ Ляер Л.Л. К вопросу о криминалистическом учении о механизмах слеодообразования // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 4. С. 92.

² Одному из убийц тигра Павлика ужесточили наказание // Электронный ресурс : <https://life.ru/p/1435378> (дата обращения: 12.09.2021).

³ Более подр. см. об этом напр.: Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Карикова Е.А. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций : монография / под ред. Ю.Н. Туганова. М., 2014. С. 75—93; Аулов В.К., Быстров П.Г., Туганов Ю.Н., Петухов Н.А. Приговор суда: особенности составления : науч.-практ. пос. М.: РГУП, 2018.

ки выбирают места, исходя из ареала обитания особо ценных животных. Так, например, рыб семейства осетровых видов «русский осётр» незаконно добывают в Республике Дагестан в акватории Каспийского моря. Местом обитания и, соответственно, незаконной добычи амурского тигра является южная часть Дальнего Востока — берега рек Амур и Уссури в Хабаровском крае и у подножия гор Сихотэ-Алиня в Приморском крае. При выборе места также учитывается его удаленность от населенных пунктов, безлюдность. Связано это, по мнению автора, с желанием преступника скрыть следы противоправного деяния.

Таким образом, исследование отобранных структурных элементов криминалистической характеристики незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов позволяют сделать следующие выводы по каждому из них:

1. Предметом преступного посягательства незаконной добычи и оборота особо ценных животных и водных биологических ресурсов выступают как особо ценные дикие животные, так их части и дериваты, пользующиеся спросом, как на территории Российской Федерации, так и за границей. Как правило, эти части и дериваты относятся к специфическому товару, применяемому в традиционной восточной медицине, либо являются товаром «престижного уровня», то есть обладают высокой стоимостью и рассчитаны на определенных покупателей.

2. Основным элементом следовой картины преступлений, предусмотренных ч. 1 и 1.1 ст. 258.1 УК РФ, являются материальные следы, к которым относятся следы биологического происхождения, следы транспортных средств, тела мертвых особо ценных диких животных, а также следы пребывания людей на определенном участке местности и др.

3. Обстоятельства совершения преступлений включают два основных элемента — время и место. Данные значения меняются в зависимости от обстоятельств конкретно взятого уголовного дела, так как ареал обитания особо ценных диких животных разнообразен и время активности их жизнедеятельности различается.

Библиография

1. Аулов, В.К. Приговор суда: особенности составления : науч.-практ. пос. / В.К. Аулов, П.Г. Быстров, Ю.Н. Туганов, Н.А. Петухов. — М.: РГУП, 2018. — 341 с.
2. Возгрин, И.А. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений. Криминалистика : учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. — М. 2001. — 643 с.
3. Грибунов, О.П. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений / О.П. Грибунов, Н.А. Назырова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 2.
4. Зуева, Л.А. Уголовная ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2013. — № 4. С. 91.
5. Соколов, А.Ф. Криминалистика: учебно-методическое пособие / сост. А.Ф. Соколов. — Ярославль: ЯрГУ, 2017.
6. Танасевич, В.Г. Теоретические основы методики расследования преступлений / В.Г. Танасевич // Советское государство и право. — 1977. — № 6.
7. Туганов, Ю.Н. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам в практике судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций : монография / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов, Е.А. Карикова. — М., 2014.
8. Туганов, Ю.Н. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 4 (226). — С. 85—89.
9. Шепель, Н.В. Роль сведений о механизме слепообразования как структурном элементе криминалистической характеристики незаконной охоты / Н.В. Шепель // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции. Под редакцией С.К. Бурякова. Барнаул, 2017. — С. 165—166.

Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство

Проблемы военной безопасности в Центрально-Азиатском регионе коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности

© Антонов Виктор Иванович,

доктор военных наук, профессор кафедры АСУ Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны, доцент, академик Академии военных наук

© Арипов Рустам Матлабович,

адъюнкт кафедры тактики ВУНЦ — Общевоинская академия Сухопутных войск

Аннотация. В настоящей статье в основном обобщен материал, по военно-стратегической обстановки в Центрально-азиатском регионе (ЦАР) в состав которого входят пять независимых государств Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Туркменистан, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. В существующих условиях в статье раскрыты состояние региона, существующие прямые и косвенные угрозы, а также факторы, влияющие в целом на безопасность региона.

Ключевые слова: ОДКБ, безопасность, угроза, экстремизм, сепаратизм, обстановка.

Problems of military security in the Central Asian region of collective security of the Collective Security Treaty Organization

© Antonov V.I.,

Professor of the Department of Automated Control Systems, Doctor of Military Sciences, Associate Professor, Academician of the Academy of Military Sciences

© Aripov R.M.,

Adjunct of the Department of Tactics of the VUNC – Combined Arms Academy of the Russian

Annotation. This article mainly summarizes the material on the military-strategic situation in the Central Asian region (CAR), which includes five independent states: the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Turkmenistan, the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan. Under the existing conditions, the article reveals the state of the region, the existing direct and indirect threats, as well as factors affecting the security of the region as a whole.

Key words: CSTO, security, threat, extremism, separatism, situation.

Центральная Азия является одним из регионов повышенного международного напряжения. Именно здесь находится точка соприкосновения восточной и южной частей евразийского материка, с которыми

связаны как основные мировые проблемы (терроризм, экстремизм, сепаратизм, наркотрафик, водно-энергетические проблемы, великодержавный национализм и др.), так и наиболее заманчивые возмож-

ности (бурное экономическое развитие) XXI столетия.

Кроме того, здесь находится пересечение геополитических интересов и сфер притяжения России, США и Китая. Наконец, Центральная Азия — огромный энергетический резервуар. Необходимо признать очевидный факт: регион имеет стратегическое расположение в центре евразийского пространства. Отсюда следует, что развитие ситуации в каждом из центральноазиатских государств во многом может влиять на безопасность и стабильность континента, включая его европейскую часть, и, по большому счету, определять перспективу общего баланса сил.

Необходимо ответить, что политика, экономика и безопасность в ЦАР ещё формируются, страны стремятся построить систему безопасности в рамках ШОС, ОДКБ, сохранить открытость глобальной политике и экономике. Страны стремятся построить систему безопасности в рамках ШОС, ОДКБ, сохранить открытость глобальной политике и экономике¹.

Особенностями, связанными с военной спецификой, отличается понятие региона в Военно-энциклопедическом словаре: «Регион — часть стратегического района, в пределах которой располагается значительная часть военно-экономического потенциала государства (группы государств) и в случае развязывания военных действий (агрессии) могут вестись крупномасштабные операции всех видов вооруженных сил и достигаться некоторые или все стратегические цели войны. Границы региона определяются исходя из относительно однородных физико-географических, экономических и главным образом военно-политических условий...»².

Пока глобальная сила и влияние смещаются на Восток, все основные международные акторы стремятся занимать ведущую роль в Азии. Страны хотят построить новые отношения и развить выгодный для

себя баланс сил с развивающимися азиатскими странами, в которых уже готова почва как для более широкого сотрудничества, так и для обострения конкуренции³.

Во втором десятилетии XXI в. под влиянием процессов глобализации система международных отношений серьезно разбалансировалась. Глобализация затронула многие жизненно важные интересы отдельных государств и всего мирового сообщества в целом. Еще больше обострились такие сложнейшие проблемы, как сохранение мира, укрепление всеобъемлющей безопасности, ограничение вооружений, разоружение, охрана окружающей среды, демографическая политика, рациональное использование природных ресурсов, развитие энергетики, освоение космического пространства, преодоление отсталости и бедности, противодействие распространению наркотиков и борьба с международным терроризмом. Фрагментируются или разрушаются различные национальные, политические, экономические, социальные и другие структуры⁴.

Чтобы преодолеть такие негативные последствия фрагментации, как этнический сепаратизм, конфессиональные и этнические столкновения, консолидация этнических групп в экономике, коррупция, социальные противоречия и пр., необходимо вмешательство государства, однако его функции и роль сегодня неуклонно сужаются.

Современные глобальные игроки — не только отдельные страны, но и транснациональные корпорации (ТНК), региональные объединения и союзы — применяют новые методы и стратегии: экономический захват рынков сбыта, быстрое перемещение финансовых капиталов, миграцию высококвалифицированных людских ресурсов, использование информационной борьбы и т.п., превращаются из средства решения чисто экономических задач в

¹ См. об этом: Кулагин В.М. Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 288—291.

² Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 797.

³ Габдуллин Э. ЦА: геополитика, безопасность, сценарии развития. Алмата, 2011.

⁴ Дубовцев Г. Перспективы развития военно-политической обстановки в мире и в ЦАР. Алмата, 2011.

важные рычаги воздействия на национальную безопасность отдельных стран.

Изменились и концепции ведения войны: усиливается роль стратегий, предусматривающих террористические операции, массовое распространение наркотиков, применение особых видов вооружения и др.

В результате значительно трансформировалась структура международной системы безопасности, что породило новые вызовы и угрозы. Усиливается геополитическое противостояние между западным и исламским миром, проявляющееся в незаходящем конфликте на Ближнем Востоке и стремлении Запада максимально снизить зависимость от нефти, добываемой в этом регионе. Большинство мусульманских государств сопротивляется западному доминированию и навязыванию «чужих» ценностей; эта борьба зачастую принимает гипертрофированные формы.

Формируется полицентричная модель, в которой центры военной силы не обязательно совпадают с центрами экономической силы, и культурного влияния: подобная структура предполагает установление многоуровневой и многомерной системы международных отношений.

За последнее десятилетие количество военных конфликтов отнюдь не уменьшилось; в ряде регионов по-прежнему растет число локальных войн и вооруженных столкновений.

На военно-политическую обстановку в мире будут существенно влиять такие факторы, как стратегическое соперничество за доступ к энергетическим ресурсам, терроризм, распространение новейших технологий производства ОМП, киберпреступность и др.

В то же время ведущие страны мира не только не сокращают размеры своих arsenалов, явно превышающие уровень необходимой обороны, но постоянно разрабатывают новейшие виды стратегических наступательных вооружений¹.

В системе межгосударственных отношений военно-политическое взаимодействие занимает одно из важных мест, так как оно непосредственно связано с национальной безопасностью государств, способствуя повышению их роли в мировом сообществе, в достижении поставленных целей². При этом военные аспекты политических отношений проявляются в согласовании политики и военной стратегии государств; в выработке мер доверия и укреплении взаимоотношений между ними в военной области; в консультациях по формированию содержания военных доктрин и в проведении ряда других мероприятий.

Продолжающиеся изменения политической карты мира привели к новой ситуации в Центральной Азии. Этот регион начинает занимать одну из ключевых позиций в системе геополитических координат Евразии. Это обусловлено в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, расположением региона в центре евразийского континента, что имеет стратегическое значение с точки зрения влияния Центральной Азии на безопасность и стабильность в данной части материка. Во-вторых, значительными запасами углеводородного сырья, сосредоточенными в регионе.

В начале нынешнего тысячелетия борьба за Центральную Азию в военно-политической сфере, приобрела глобальный характер. При этом главные игроки — Россия, Китай, Индия, Пакистан и США — преследуют прямо противоположные цели.

Что касается США, за 20 лет присутствия на территории Афганистана они не смогли устранить проблему с международным терроризмом и с поражением покинули территорию этой страны, оставляя за собой множество проблем для этой страны и региона в целом.

КНР стремится реализовать свою военную стратегию в Центральной Азии с учетом следующих основных национальных интересов: обеспечение стабильности на своих беспокойных западных границах

¹ Коршунов С.В. Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 // Международная жизнь. 2010. № 4.

² Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М., 2009. С. 174.

и в пограничных зонах; создание необходимых условий для развития западных областей страны, в частности, снижение разрыва в экономических потенциалах прибрежных и внутренних районов; получение гарантированного доступа к источникам энергии для растущей китайской промышленности; формирование надежных транспортных коридоров для выхода на рынки Европы.

На систему военно-политических отношений государств Центральной Азии, кроме того, влияет геостратегический фактор. Это обусловлено их расположением на пересечении континентальных путей сообщения Европы и Восточной Азии. Сейчас, когда система центральноазиатских коммуникаций все больше интегрируется в мировую транспортную сеть и усиливаются процессы глобализации, значение этого фактора резко возрастает. Центральноазиатский регион, находясь в сердце Евразии, чем дальше, тем больше втягивается в политические и экономические события, становясь своеобразным «ключом» к наиболее стратегически важным территориям континента.

В связи с этим, памятуя о военной уязвимости центральноазиатских государств, необходимо учитывать следующие факторы.

Во-первых, Центральную Азию окружает ряд ядерных государств — Россия, Китай, Индия и Пакистан, а также Иран, который при определенных условиях способен создать ядерное оружие.

Во-вторых, на востоке рубежи Центральной Азии соприкасаются с нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР (СУАР), на юге — с такими «проблемными» субъектами международных отношений, как Афганистан и Иран. Кроме того, они близко подходят к району территориальных противоречий между Пакистаном и Индией. Наконец, все страны региона попадают в зону активной деятельности исламского экстремизма, чему способствуют их полиэтничность и сохранение условий для проявлений нацио-

нального сепаратизма, особенно под воздействием внешних сил¹

Все это создает постоянную угрозу политико-экономическому развитию не только расположенных в ЦАР государств, но и России.

В-третьих, не меньшую угрозу безопасности Центральной Азии представляет собственный исламский радикализм.

С сожалением приходится констатировать, что спектр упомянутых угроз расширяется, а в условиях глобализации они приобретают, как правило, транснациональный характер, охватывают целые регионы, создают новые очаги нестабильности, оказывающие негативное влияние на политические и социально-экономические процессы.

Происходящие в мире процессы, в том числе и в Центрально-Азиатском регионе, требуют эффективных и взвешенных подходов к обеспечению безопасности и стабильности, способности урегулировать возможные кризисные ситуации в этом важном с геополитической точки зрения регионе. Первостепенная роль в этом отводится ОДКБ.

В связи с возросшими рисками безопасности главы государств-членов ОДКБ уделяют первостепенное внимание совершенствованию системы коллективной безопасности.

На сессии Совета коллективной безопасности, прошедшей в Душанбе в сентябре 2021 г., члены СКБ обсудили актуальные проблемы международной и региональной безопасности и основные итоги деятельности Организации Договора о коллективной безопасности в межсессионный период. Одним из самых важных вопросов обсуждения стала ситуация в Афганистане и ее влияние на безопасность государств-членов ОДКБ. Также была принята декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, в которой выражается серьезная озабоченность сохраняющимся высоким уровнем угрозы безопасности и суверенитету государств в зоне ответственности ОДКБ и подчеркивается решимость последовательно работать над укреплением международной и региональной безопасности, справедливым урегулированием

¹ Клименко А.Ф. Указ. соч.

ем международных проблем на основании общепризнанных норм и принципов международного права.

Библиография

1. Габдуллин, Э. ЦА: геополитика, безопасность, сценарии развития / Э. Габдуллин. — Алмата, 2011.

2. Дубовцев, Г. Перспективы развития военно-политической обстановки в мире и в ЦАР / Г. Дубовцев. — Алмата, 2011.

3. Клименко, А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности / А.Ф. Клименко. — М., 2009.

4. Коршунов, С.В. Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 / С.В. Коршунов // Международная жизнь. — 2010. — № 4.

5. Кулагин, В.М. Международная безопасность / В.М. Кулагин. — М.: Аспект Пресс, 2007.

Общая характеристика направлений противодействия коррупции в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой аспект

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, ведущий научный сотрудник междисциплинарного Центра правовой экспертизы и научных исследований проблем противодействия коррупции Института государства и права Российской академии наук

Аннотация. В статье выделены основные направления противодействия коррупции в документах стратегического планирования Российской Федерации и Республики Казахстан на основе анализа положений Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478, и Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015—2025 годы. Показаны как общие положения, так и различия в регулировании основных направлений противодействия коррупции в Российской Федерации и Республике Казахстан. Выделены составы коррупционных преступлений и административных коррупционных правонарушений по законодательству Республики Казахстан, обоснована необходимость адаптации положительного опыта правового регулирования противодействия коррупции Республики Казахстан в российских условиях.

Ключевые слова: государственная политика в области противодействия коррупции; государственная служба; коррупция; противодействие коррупции; запреты; ограничения; обязанности; урегулирование конфликта интересов; проверка достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов; антикоррупционное просвещение; Национальный план противодействия коррупции.

General characteristics of anti-corruption areas in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal aspect

© **Redkous V.M.**,
D.Sc. in law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Leading Researcher at the Interdisciplinary Center for Legal Expertise and scientific research on anti-corruption problems of the Institute of the State and Law, Russian Academy of Science

Resume. The article highlights the main directions of combating corruption in the strategic planning documents of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the basis of an analysis of the provisions of the National Anti-Corruption Plan for 2021 - 2024, approved by the decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2021 No. 478, and the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan on 2015-2025 years. Shown are both common points and differences in the regulation of the main directions of combating corruption in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The composition of corruption crimes and administrative corruption offenses under the legislation of the Republic of Kazakhstan is highlighted, the need to adapt the positive experience of legal regulation of combating corruption of the Republic of Kazakhstan in the Russian context is substantiated

Keywords: state policy in the field of anti-corruption; public service; corruption; anti-corruption; prohibitions; restrictions; duties; conflict of interest settlement; verification of the reliability and completeness of information on income, expenses, property and property obligations; anti-corruption expertise of regulatory legal acts; anti-corruption education; National Anti-Corruption Plan.

Одной из стратегических целей внесения изменений и дополнений в Конституцию Российской Федерации 1993 г. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» является совершенствование конституционно-правовой основы противодействия коррупции в Российской Федерации, в том числе и в высших эшелонах власти, повышение эффективности государственной политики в области противодействия коррупции и реализации антикоррупционных мер, неотвратимости реакции государства на коррупционные правонарушения и наказания за их совершение.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы (далее — Национальный план 2021—2024, если не сказано иное). Национальный план 2021—2024 реализуется путем осуществления государственными органами, органами местного самоуправления и организациями мероприятий, направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений, по следующим *основным направлениям*:

I. Совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в отдельных сферах деятельности;

II. Повышение эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;

III. Совершенствование порядка проведения проверок достоверности и полно-

ты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, соблюдения запретов и ограничений, исполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции;

IV. Совершенствование правового регулирования ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов;

V. Применение мер административного, уголовного и уголовно-процессуального воздействия и уголовного преследования;

VI. Обеспечение защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении деятельности в области противодействия коррупции;

VII. Совершенствование правового регулирования в части, касающейся ограничений, налагаемых на граждан после их увольнения с государственной (муниципальной) службы;

VIII. Реализация мер по противодействию коррупции в организациях, осуществляющих деятельность в частном секторе экономики;

IX. Совершенствование правовых и организационных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации;

X. Совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также при распоряжении государственным и муниципальным имуществом;

XI. Реализация мер по повышению эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов;

XII. Повышение эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвеще-

ние и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов;

XIII. Применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции;

XIV. Повышение эффективности международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции. Укрепление международного авторитета России;

XV. Реализация мер по систематизации и актуализации нормативно-правовой базы в области противодействия коррупции;

XVI. Применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий.

Ранее действовавший Национальный план противодействия коррупции на 2018—2020, утв. Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378, годы включал следующие основные направления деятельности по противодействию коррупции:

I. Совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

II. Обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов;

III. Совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц;

IV. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Обеспечение полноты и прозрач-

ности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

V. Повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;

VI. Совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса, в том числе по защите субъектов предпринимательской деятельности от злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц;

VII. Систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции. Устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции;

VIII. Повышение эффективности международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции. Укрепление международного авторитета России.

Налицо как преемственность мероприятий в обоих планах, так и дальнейшее их развитие, детализация и конкретизация в Национальном плане противодействия коррупции на 2021—2024 годы. В частности, в качестве самостоятельных направлений противодействия коррупции выделены:

— совершенствование правового регулирования ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов (раздел IV Национального плана 2021—2024);

— применение мер административного, уголовного и уголовно-процессуального воздействия и уголовного преследования (раздел V Национального плана 2021—2024);

— обеспечение защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении деятельности в области противодействия коррупции (раздел VI Национального плана 2021—2024);

— совершенствование правового регулирования в части, касающейся ограниче-

ний, налагаемых на граждан после их увольнения с государственной (муниципальной) службы (раздел VII Национального плана 2021—2024);

— совершенствование правовых и организационных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации (раздел IX Национального плана 2021—2024);

— реализация мер по повышению эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (раздел XI Национального плана 2021—2024);

— применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции (раздел XIII Национального плана 2021—2024);

— применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий (раздел XVI Национального плана 2021—2024).

Нельзя говорить, что этих направлений противодействия коррупции не было ранее. Просто сейчас наступило время более тщательной работы всех и каждого в области противодействия коррупции, что и потребовало конкретизации основных направлений противодействия коррупции и внесения ясности и определенности в их содержание.

Для получения более полного представления о направлениях противодействия коррупции, способах противодействия коррупции, применении в рамках каждого направления, эффективности и действенности применяемых мер, а также для расширения методологических рамок исследования необходимо проведение сравнительно-правовых исследований в области противодействия коррупции. Это позволит выработать предложения по адаптации положительного зарубежного опыта в российских условиях.

Сравнительно-правовые исследования различных проблем противодействия коррупции осуществили в своих работах,

И.А. Горшенева, О.А. Дроздова, Н.Б. Зайцева, Н.Г. Канунникова, А.С. Коротченко, М.В. Костенников, В.М. Корякин, А.В. Куракин, Ю.М. Литвинова, А.Б. Литовка Ю.В. Малеванова, А.С. Мурашкина, Ю.Н. Туганов, Т.Я. Хабриева, В.С. Харитонов и ряд других исследователей¹. Опыт Республики Казахстан по противодействию коррупции проанализировали Ж.Ж. Абралиев, М.А. Жигайлов, А.А. Каленова, Д.Ю. Камышанский, Р.Ш. Карымсаков, М.Ж. Кудайбергенова, В.Р. Кулиева, В.А. Мазуров и другие ученые². Однако потребности повышения эффективности практики применения антикоррупционных мер в российских условиях требуют продолжения начатых исследований,

Рассмотрим основные положения Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015—2025 годы (далее — Стратегии), утв. Указом Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 г. № 986. Целью Стратегии является повышение эффективности антикоррупционной политики государства, вовлечение в антикоррупционное движение всего общества путем создания атмосферы «нулевой» терпимости к любым проявлениям коррупции и снижение в Казахстане уровня коррупции. Установлены следующие задачи Стратегии: противодействие коррупции в сфере государственной службы; внедрение института общественного контроля; противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторе; предупре-

¹ Канунникова Н.Г. Противодействие коррупции: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и правоприменительной практики // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 285—289; Корякин, В.М., Харитонов, В.С. О поощрении лиц, содействующих раскрытию коррупционных преступлений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 7 (264). С. 64—69; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Коррупционные риски антикоррупционного законодательства // Военно-юридический журнал. 2019. № 1. С. 28—32; Хабриева Т.Я. Избранные труды : в 10 т. Т. 10. Содерж.: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. М., 2018; и др.

² Камышанский Д.Ю. Об опыте Республики Казахстан по противодействию коррупции // Образование и право. 2019. № 8. С. 113—118.

ждение коррупции в судах и правоохранительных органах; формирование уровня антикоррупционной культуры; развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции.

Структурно Стратегия включает следующие разделы: 1. Введение; 2. Анализ текущей ситуации; 2.1. Положительные тенденции в сфере противодействия коррупции; 2.2. Проблемы, требующие решения; 2.3. Основные факторы, способствующие коррупционным проявлениям; 3. Цель и задачи; 3.1. Цель и целевые индикаторы; 3.2. Задачи; 4. Ключевые направления, основные подходы и приоритетные меры; 4.1. Противодействие коррупции в сфере государственной службы; 4.2. Внедрение института общественного контроля; 4.3. Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторе; 4.4. Предупреждение коррупции в судебных и правоохранительных органах; 4.5. Формирование системы добропорядочности и антикоррупционной культуры в обществе; 4.6. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции; 5. Мониторинг и оценка реализации стратегии.

Выделим наиболее важные, на наш взгляд, моменты, требующие учета.

Вначале необходимо остановиться на *основных факторах, способствующих коррупционным проявлениям*. Справедливо, что для формирования системы эффективного противодействия коррупции необходимо прежде всего определить основные факторы, способствующие ее проявлениям в современных условиях. Наиболее актуальными среди них в настоящее время являются, во-первых, несовершенство отраслевых законов, нормы которых при правоприменении нередко создают условия для совершения коррупционных деяний. Во-вторых, недостаточная прозрачность государственного и корпоративного управления. Процесс выработки и принятия управленческих решений по-прежнему остается одним из самых закрытых, в том числе в случаях, когда речь идет о решениях, затрагивающих права и законные интересы граждан. В-третьих, сохраняются коррупционные риски, связанные с пря-

мым контактом должностных лиц с населением при оказании государственных услуг. В-четвертых, низкий уровень правовой культуры населения, в том числе самих служащих государственного сектора, что позволяет нечистооплотным работникам использовать его в корыстных, противоправных целях. В-пятых, отсутствие комплексной и целенаправленной информационной работы по формированию антикоррупционной модели поведения граждан и общественной атмосферы неприятия коррупции. В-шестых, недостаточный уровень оплаты труда отдельных категорий государственных служащих и социальных гарантий на государственной службе.

Одним из основных направлений противодействия коррупции в Республике Казахстан является *противодействие коррупции в сфере государственной службы*. Указывается, что вследствие коррупционных деяний происходит неправомерное извлечение материальных и нематериальных благ, результатом чего является подрыв интересов общества и снижение авторитета государственной власти, в связи с чем государство будет и дальше принимать все меры и создавать условия, при которых использование служебных полномочий в корыстных целях будет невыгодным и невозможным.

Одной из важных таких мер становится декларирование государственным служащими не только своих доходов, но и расходов. В дальнейшем предполагается распространить такое декларирование на все население, что окажет положительное влияние на соблюдение законности и обеспечение прозрачности в системе государственной службы. Переход ко всеобщему декларированию доходов и расходов позволит продолжить последовательную имплементацию международных антикоррупционных стандартов в национальное законодательство.

Важным фактором усиления превентивной работы по противодействию коррупции является ответственность руководителей за совершение коррупционных правонарушений подчиненными, что позволит значительно укрепить систему обес-

печения добропорядочности на государственной службе. Определение уровня коррупции в качестве показателя эффективности деятельности местных исполнительных органов также способствует интенсификации предупредительных мер.

Оплата труда государственных служащих зачастую остается недостаточно конкурентоспособной по сравнению с частным сектором, поэтому для снижения уровня коррупции в государственном аппарате предусматривается дальнейшее поэтапное повышение заработной платы и социальных льгот чиновников по мере расширения финансовых возможностей государства.

Неподкупность государственных служащих и прозрачность их деятельности — основа успешности антикоррупционной политики. Одной из предпосылок для коррупционных проявлений является также наличие непосредственного контакта чиновника с гражданином. Чем проще и прозрачнее процедура получения государственных услуг, тем меньше уровень коррупции.

В этой связи будут приниматься меры по поэтапной передаче ряда государственных функций в негосударственный сектор — саморегулируемым организациям. Влияние человеческого фактора минимизирует и широкое использование современных информационных технологий. В результате будет возрастать объем услуг, оказываемых населению в электронном формате, в таком формате, в том числе будет обеспечиваться выдача разрешений.

В базовых отраслях социальной сферы, включая образование и здравоохранение, оказание соответствующих услуг в электронном виде будет способствовать снижению коррупциогенности.

Будет модернизироваться система государственных закупок, которая относится к наиболее коррупционной сфере деятельности. Именно здесь совершается каждое четвертое коррупционное преступление.

Для кардинального улучшения ситуации потребуются такие меры, как закрепление единого оператора, внедрение автоматизированного подбора товаров, совершенствование процедур приема выпол-

ненных работ и услуг. Предполагается максимально автоматизировать процедуры оказания государственных услуг, в том числе в таможенной, налоговой сферах, в области сельского хозяйства, земельных отношений, банковской деятельности. Расширится и перечень государственных услуг, предоставляемых населению по принципу «одного окна» (через ЦОНЫ).

В целом принцип прозрачности является ключевым фактором в противодействии коррупции и поэтому работа по его внедрению будет проводиться на постоянной, системной основе, в том числе путем мониторинга качества и доступности оказания государственных услуг.

Следующее направление противодействия коррупции — *внедрение института общественного контроля*. Общественный контроль является действенным механизмом профилактики коррупции. Внедрение такого контроля требует не только активизации институтов гражданского общества, но и соответствующего законодательного регулирования.

Принятие закона «Об общественном контроле»¹ позволит впервые создать целостную систему гражданского контроля посредством нормативно-правового закрепления базовых правил его организации и осуществления. Такой закон будет играть важную роль в дальнейшем развитии гражданского общества, институты которого содействуют укреплению авторитета государства и повышению качества работы государственного аппарата. Будет создана правовая основа для проведения общественных слушаний по вопросам, затрагивающим права и интересы граждан, общественной экспертизы решений государственных органов, для заслушивания отчетов руководителей перед общественностью и участия граждан в работе коллегиальных органов. Закон будет способствовать как решению собственно антикоррупционных задач, так и других социально значимых вопросов жизнедеятельности общества и государства.

¹ До настоящего времени названный закон РК не принят.

При этом общественный контроль должен быть четко разграничен с контрольными функциями государства в соответствии с требованиями Конституции страны.

Еще одним инструментом обеспечения прозрачности работы государственного аппарата должен стать закон «О доступе к публичной информации»¹, который закрепит права получателей публичной информации, порядок ее предоставления, учета и использования. Свободный доступ к публичной информации исключит необходимость излишних контактов населения с чиновниками. Важнейшим фактором успешной борьбы с коррупцией является возможность граждан непосредственно участвовать в решении вопросов местного значения. Этому будет способствовать принятие закона, предусматривающего расширение полномочий местного самоуправления. Населению следует предоставить возможность, прежде всего, участвовать в мониторинге и контроле использования средств по бюджетным программам местного самоуправления.

В качестве направления противодействия коррупции выделено противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторе.

По данным международных организаций, опасность коррупции в квазигосударственном и частном секторах вполне сопоставима с ее масштабами в государственном секторе. В квазигосударственном секторе при бюджете, нередко превосходящем объемы государственных закупок, проблема коррупциогенности внешне не так остра. Однако нынешняя ситуация скорее свидетельствует о недостаточной прозрачности в этом секторе. Поэтому необходимы организационно-правовые механизмы, обеспечивающие подотчетность, подконтрольность и прозрачность процедур принятия решений в этом секторе.

Укреплению добропорядочности в квазигосударственном секторе способствуют комплаенс-службы, деятельность

которых будет сосредоточена на контроле за соблюдением антикоррупционного законодательства и предупреждении коррупционных практик с особым акцентом на оценку рисков, предотвращение злоупотреблений, выявление и управление конфликтами интересов, а также обучение сотрудников.

Вхождение Казахстана в число 30-ти наиболее развитых стран мира возможно лишь при соблюдении современных принципов деловой этики и добросовестного ведения бизнеса. Действующая Национальная палата предпринимателей, наряду с защитой интересов отечественного бизнеса, должна нести свою долю ответственности за его прозрачность и неподкупность и принимать меры по противодействию коррупции в корпоративном секторе.

Первый шаг на этом пути уже сделан — разработана Антикоррупционная хартия бизнеса². В ней провозглашены основные принципы и постулаты свободного от коррупции частного предпринимательства Казахстана. Предстоит принять ряд других антикоррупционных мер в различных сферах финансово-хозяйственной деятельности.

Также будут предприняты меры по созданию условий для обеспечения прозрачности при оказании услуг гражданам субъектами квазигосударственного и частного сектора. Это, в том числе, расширение использования электронных технологий в банковской сфере, установление четких критериев для определения тарифов в сфере естественных монополий, сокращение участия государства в строительной отрасли и других отраслях экономики.

В то же время борьба с коррупционными проявлениями в частном секторе должна вестись таким образом, чтобы она не влекла ухудшения инвестиционного климата и рисков для предпринимателей.

Предупреждение коррупции в судебных и правоохранительных органах —

¹ До настоящего времени названный закон РК не принят.

² Антикоррупционная хартия бизнеса. Хартия Предпринимателей Казахстана по противодействию коррупции // Адалдык алаңы. URL: <https://www.adaldyk.kz/index.php/etica/hartiya> (дата обращения: 1.09.2021).

важнейшее направление противодействия коррупции в Республике Казахстан.

Эффективность антикоррупционной политики государства в первую очередь зависит от системы обеспечения верховенства права, основным звеном которой является безупречная система правосудия. Для повышения доверия к судебной системе, улучшения качества отправления правосудия будут приняты меры по исключению коррупции в деятельности судей, в том числе путем ужесточения требований к кандидатам в судьи. Упрощение судопроизводства, повышение его оперативности, автоматизация деятельности судов позволит обеспечить свободный доступ к правосудию, повысить прозрачность в деятельности судебной системы.

Приоритеты в работе правоохранительной системы должны быть смещены с выявления совершенных преступлений на их профилактику и предупреждение. В кадровой политике правоохранительных органов необходимо внедрить механизмы конкурсного отбора и принцип меритократии, действующие в системе административной государственной службы. Будут усовершенствованы процедуры аттестации и тестирования сотрудников, введен запрет на их перевод без использования кадрового резерва.

В сфере правоохранительной деятельности коррупционная среда также может возникать при контактах сотрудников силовых структур с гражданами. Решение данной проблемы в значительной мере зависит от чистоты рядов правоохранителей, от дальнейшего внедрения новых технологий и автоматизации соответствующих процедур.

Только свободные от коррупции органы правопорядка способны эффективно защищать права граждан, интересы общества и государства. Доверие населения должно стать главным критерием оценки правоохранительной деятельности.

Формирование системы добропорядочности и антикоррупционной культуры в обществе выделяется в качестве направления противодействия коррупции.

Концептуальной основой изменения парадигмы противодействия коррупции

должна стать идеология добропорядочности в обществе.

Добропорядочность — комплексное понятие, сочетающее в себе такие ценности, как честность, законность, неподкупность, благонадежность. Система добропорядочности предполагает открытость, прозрачность деятельности государственного аппарата. В добропорядочном обществе нулевая терпимость к коррупции становится внутренним убеждением каждого, основой мышления и поведения. Именно развитая антикоррупционная культура обеспечивает понимание, что коррупция — это угроза успешному будущему страны, препятствие для конкурентоспособности подрастающего поколения.

Принципиально важную роль при формировании системы добропорядочности играет *партнерство государства и граждан*, объединение их усилий в деле противодействия коррупции, обеспечение максимальной вовлеченности общества в эту работу. Данный подход предполагает расширение механизмов реализации общественного контроля, который уже не должен ограничиваться только деятельностью общественных советов.

Необходимо законодательно обеспечить и другие практические механизмы *взаимодействия институтов гражданского общества с государством* и, прежде всего, по таким направлениям, как повышение качества и прозрачности деятельности работы государственного аппарата, противодействие коррупции. К таким механизмам можно отнести участие населения в процессе принятия решений о выделении бюджетных средств и мониторинге их использования по программам местного самоуправления, проведение с участием общественности антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов в пределах, установленных законодательством.

Немаловажным фактором предупреждения коррупции является возможность граждан непосредственно участвовать в определении наиболее проблемных, острых вопросов в той или иной сфере или регионе, а также путей их разрешения. Это позволит решать не только задачи по ис-

коренению коррупции, но и улучшать социально-экономическую ситуацию, повышать уровень доверия к власти и «сломасть» стереотип о высокой коррумпируемости чиновников.

Усиление роли общественности в противодействии коррупции и обеспечение широкого гражданского контроля требует повышения антикоррупционной культуры в самом обществе. Ключевую роль в этом играет возвращение молодого поколения с новыми взглядами и жизненными принципами, которые не позволяют им допускать коррупционные проявления. Для этого важно с детства, на всех этапах развития и становления личности прививать антикоррупционные ценности посредством обучения и воспитания. Темы добропорядочности и антикоррупционной культуры следует включить в систему образования. Молодежное антикоррупционное движение, школьные клубы добропорядочности будут способствовать формированию нового поколения граждан с «иммунитетом» от коррупции.

Правовая грамотность населения, в особенности предпринимателей, значительно сократит риски злоупотреблений со стороны государственных служащих. Комплексная система антикоррупционной пропаганды с привлечением лидеров мнений способствует консолидации общества в формировании нулевой терпимости к коррупционным проявлениям.

Искоренение правового нигилизма в обществе через масштабную разъяснительную работу позволит гражданам эффективно использовать практические инструменты влияния на процессы принятия решений государственными органами.

Наряду с этим необходимо усилить взаимодействие со средствами массовой информации в вопросе создания атмосферы добропорядочности и общественного неприятия коррупции. Широкое освещение примеров честных, достойных государственных служащих, тиражирование информации о возможностях участия общества в противодействии коррупции способствует укреплению активной гражданской позиции казахстанцев.

Для активизации участия граждан в выявлении фактов коррупции усовершенствован действующий механизм их поощрения за сообщения о таких случаях с установлением дифференцированной системы выплаты единовременных денежных вознаграждений в зависимости от размера взятки или причиненного ущерба. При этом необходимо проработать дополнительные механизмы защиты лиц, сообщивших о коррупционном правонарушении.

В совокупности все меры противодействия коррупции должны найти отражение в повышении доверия к органам государственной власти и снижении уровня коррупции.

Для постоянного мониторинга ситуации, наряду с использованием иных инструментов анализа и оценки, необходимо регулярно проводить социологические исследования — замеры общественного мнения, в том числе на основе успешных методик международных рейтинговых организаций. Удовлетворенность общества должна стать основой оценки эффективности принимаемых мер по противодействию коррупции.

Важнейшим условием и направлением противодействия коррупции является *развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции*¹. Заявлено, что Казахстан будет расширять и углублять международное сотрудничество в вопросах противодействия коррупции. Эффективная внешнеполитическая деятельность Казахстана как полноправного субъекта международного права, результатом которой является, в том числе присоединение к Конвенции ООН против коррупции², к другим документам в этой области, обеспечивает активное участие нашей страны в процессах международно-

¹ См. также: Туганов Ю.Н., Петров И.В. Некоторые аспекты правового регулирования международного сотрудничества в борьбе с коррупцией // Публичное и частное право. 2014. № 2 (22). С. 57—66.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

го противодействия коррупции. С одной стороны, это создает стимулы для использования лучшей антикоррупционной практики, с другой — расширяет возможности сотрудничества с зарубежными странами. Республикой Казахстан заключен целый ряд соглашений по оказанию взаимной правовой помощи, экстрадиции преступников и возврату активов.

Совершенствованию антикоррупционной политики способствует взаимодействие с Европейским Союзом, использование зарубежного опыта, но с учетом специфики Республики Казахстан и национального законодательства.

Требуют особого внимания офшорные зоны, через которые выводится за рубеж и легализуется капитал, в том числе нередко сомнительного происхождения. Подписание соответствующих международных соглашений и договоров позволит обеспечить прозрачность деятельности офшорных компаний.

Будет продолжена практика проведения международных антикоррупционных мероприятий, участия в авторитетных международных организациях. Республика Казахстан намерена оставаться авторитетной диалоговой площадкой для обсуждения вопросов борьбы с транснациональной коррупцией.

Базовым законодательным актом является Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции», который регулирует общественные отношения в сфере противодействия коррупции и направлен на реализацию антикоррупционной политики Республики Казахстан.

Ст. 1 названного Закона РК разъясняет некоторые понятия, содержащихся в настоящем Законе, в частности: «административно-хозяйственные функции», «лицо, занимающее ответственную государственную должность», «должностное лицо», «лицо, исполняющее управленческие функции в государственной организации или субъекте квазигосударственного сектора», «лицо, уполномоченное на выполнение государственных функций», «лицо, приравненное к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функ-

ций», «конфликт интересов», «коррупция», «антикоррупционная политика», «антикоррупционные ограничения», «противодействие коррупции», «уполномоченный орган по противодействию коррупции», «коррупционное правонарушение», «коррупционный риск», «предупреждение коррупции», «организационно-распорядительные функции».

Коррупция в названном Законе РК определяется как «незаконное использование лицами, занимающими ответственную государственную должность, лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, лицами, приравненными к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, должностными лицами своих должностных (служебных) полномочий и связанных с ними возможностей в целях получения или извлечения лично или через посредников имущественных (неимущественных) благ и преимуществ для себя либо третьих лиц, а равно подкуп данных лиц путем предоставления благ и преимуществ»; противодействие коррупции — это «деятельность субъектов противодействия коррупции в пределах своих полномочий по предупреждению коррупции, в том числе по формированию антикоррупционной культуры в обществе, выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, а также по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений и устранению их последствий»; конфликт интересов — это «противоречие между личными интересами лиц, занимающих ответственную государственную должность, лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, лиц, приравненных к ним, должностных лиц и их должностными полномочиями, при котором личные интересы указанных лиц могут привести к неисполнению и (или) ненадлежащему исполнению ими своих должностных обязанностей»; коррупционный риск — это «возможность возникновения причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений»; предупреждение коррупции — «деятельность субъек-

ектов противодействия коррупции по изучению, выявлению, ограничению и устранению причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, путем разработки и внедрения системы превентивных мер», и т.д.

Коррупционное правонарушение в Законе РК «О противодействии коррупции» определяется как имеющее признаки коррупции противоправное виновное деяние (действие или бездействие), за которое законом установлена административная или уголовная ответственность¹. Учет опыта Республики Казахстан по выработке определений основных понятий в области противодействия коррупции может пригодиться и российским законодателям, тем более что проблемы в этой области существуют, о чем справедливо говорит К.С. Бельский².

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V в п. 29 ст. 3 закрепляет круг коррупционных преступлений по смыслу УК Республики Казахстан: коррупционные преступления — деяния, предусмотренные ст. 189 (п. 2 ч. 3), 190 (п. 2) ч. 3, 218 (п. 1 ч. 3), 234 (п. 1 ч. 3), 249 (п. 2 ч. 3), 361, 362 (п. 3 ч. 4), 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 450, 451 (п. 2 ч. 2) и 452 Кодекса³. УК РК содержит гл. 15 «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления», содержащую составы следующих преступлений, относящихся к кор-

рупционным: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361); превышение власти или должностных полномочий (ст. 362); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 364); воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 365); получение взятки (ст. 366); дача взятки (ст. 367); посредничество во взяточничестве (ст. 368); служебный подлог (ст. 369); бездействие по службе (ст. 370).

Также заслуживает интереса в плане теории и практики установления ответственности за коррупционные правонарушения опыт законодателя Республики Казахстан, закрепившего в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V гл. 34, которая так и называется «Административные коррупционные правонарушения». Нормы гл. 34 административно-наказуемыми деяниями признают:

— предоставление физическими лицами лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, или лицам, приравненным к ним, незаконного материального вознаграждения, подарков, льгот либо услуг, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 676);

— получение лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом лично или через посредника незаконного материального вознаграждения, подарков, льгот либо услуг за действия (бездействие) в пользу лиц, их предоставивших, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия лица, уполномоченного на выполнение государственных функций, либо приравненного к нему лица, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 677);

— предоставление юридическими лицами лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, или лицам, приравненным к ним, незаконного материального вознаграждения, подарков, льгот либо услуг, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, а также действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, со-

¹ См. также: Туганов Ю.Н. Журавлев, С.И. К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих за правонарушения коррупционной направленности // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 57—60; Туганов Ю.Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 5 (179). С. 61—66.

² Бельский К.С. Об уточнении понятия «коррупция» // Государство и право. 2012. № 12. С. 22—28.

³ См. также: Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 г. № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» // Казахстанская правда. 2015. 26 декабря. № 247 (28123).

вершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания (ст. 678);

— занятие государственными органами, органами местного самоуправления предпринимательской деятельностью вне возложенных на них законодательством функций либо принятие материальных благ и преимуществ, помимо установленных источников финансирования (ст. 679);

— непринятие руководителями либо ответственными секретарями или иными должностными лицами, определяемыми Президентом Республики Казахстан, государственных органов, Вооруженных Сил Республики Казахстан, других войск и воинских формирований Республики Казахстан в пределах своих полномочий мер по устранению нарушений законодательства Республики Казахстан о противодействии коррупции либо в отношении подчиненных им лиц, виновных в совершении коррупционных правонарушений, либо принятие указанных мер с нарушением законодательства Республики Казахстан о противодействии коррупции, либо непредоставление соответствующей информации в органы государственных доходов по месту жительства виновных лиц (ст. 680);

— принятие руководителем государственных органов, учреждений и предприятий либо руководителем национальных компаний, национальных управляющих холдингов, национальных холдингов, национальных институтов развития, а также их дочерних организаций на работу лиц, ранее совершивших коррупционное преступление (ст. 681).

Таким образом, и Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V, и Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V пусть и не до конца последовательно и системно, но все-таки отражают и в терминологическом аспекте, и в аспекте криминализации и административной деликтивизации вопросы нормативного закрепления составов коррупционных правонарушений. Этот опыт должен быть интересен и российским законодателям, особенно в контексте работы над проектом нового Кодекса Российской Федера-

ции об административных правонарушениях.

Таким образом, анализ основных направлений противодействия коррупции в Российской Федерации и Республике Казахстан показывает относительное единство стратегических подходов в области противодействия коррупции в этих странах. Можно сказать, что Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478, определяет эти направления с учетом более современных взглядов и подходов, что отразилось и на содержательной части документа. Однако и законодатель Республики Казахстан имеет определенные достижения в плане признания противоправных деяний коррупционными и их нормативного закрепления, что требует учета в российском правотворчестве в плане возможной адаптации положительного зарубежного опыта.

Библиография

1. Бельский, К.С. Об уточнении понятия «коррупция» / К.С. Бельский // Государство и право. — 2012. — № 12. — С. 22—28.
2. Камышанский, Д.Ю. Об опыте Республики Казахстан по противодействию коррупции / Д.Ю. Камышанский // Образование и право. — 2019. — № 8. — С. 113—118.
3. Канунникова, Н.Г. Противодействие коррупции: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и правоприменительной практики / Н.Г. Канунникова // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 285—289.
4. Карымсаков, Р.Ш. Некоторые вопросы к Закону Республики Казахстан «О противодействии коррупции» / Р.Ш. Карымсаков, Ж.Ж. Абралиев, М.Ж. Кудайбергенова // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. — 2020. — № 1. — С. 75—81.
5. Корякин, В.М. О поощрении лиц, содействующих раскрытию коррупционных преступлений / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 7 (264). — С. 64—69.
6. Костенников, М.В. Антикоррупционные и этические стандарты служебного поведения государственных гражданских служащих / М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.Ю. Ватель // Государство и право. — 2014. — № 10. — С. 25—32.
7. Литвинова, Ю.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок в условиях

цифровизации: сравнительно-правовой анализ / Ю.М. Литвинова, А.С. Коротченко // Ленинградский юридический журнал. — 2021. — № 1 (63). — С. 120—132.

8. Малеванова, Ю.В. Антикоррупционное образование как фактор повышения правовой культуры государственных гражданских служащих (российский и зарубежный опыт) / Ю.В. Малеванова, А.С. Мурашкина // Правовая культура. — 2020. — № 3 (42). — С. 108—122.

9. Туганов, Ю.Н. Коррупционные риски антикоррупционного законодательства / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 1. — С. 28—32.

10. Туганов, Ю.Н. К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих за правонарушения коррупционной направленности / Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев // Российская юстиция. — 2014. — № 4. — С. 57—60.

11. Туганов, Ю.Н. Некоторые аспекты правового регулирования международного сотрудничества в борьбе с коррупцией / Ю.Н. Туганов, И.В. Петров // Публичное и частное право. — 2014. — № 2 (22). — С. 57—66.

12. Туганов, Ю.Н. Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 5 (179). — С. 61—66.

13. Турецкий, Н.Н. Правовые и организационные меры противодействия коррупции в Республике Казахстан / Н.Н. Турецкий // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 3 (99). — С. 62—65.

14. Хабриева, Т.Я. Избранные труды : в 10 т. Т. 10. — Содерж.: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика / Т.Я. Хабриева. — М., 2018. — 464 с.

Международно-правовые аспекты запрета размещения космического оружия

© Синяева Нателла Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного (государственного) и международного права
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье, автором исследуются подходы, с точки зрения международного права, различных стран к вопросу о том, как они определяют космическое оружие и что считать милитаризацией космоса. Автор также рассматривает основные международные усилия по предотвращению размещения оружия в космосе и то, как эти усилия прямо и косвенно определили космическое оружие. Автор приходит к мнению, что попытки установить ограничения на разработку космического оружия, создать кодекс поведения или даже установить нормы поведения в космосе до сих пор не привели к достижению консенсуса между ключевыми странами. В то время как в Организации Объединенных Наций продолжаются дискуссии о предотвращении гонки вооружений в космосе, действия некоторых стран, побуждают другие государства готовиться к конфликту с использованием космического оружия.

Ключевые слова: космическое оружие, международное право, милитаризация космоса, военные операции, самооборона, ключевые понятия.

International legal aspects for the deployment of space weapon prohibition

© Sinyaeva N.A.,
Head of the Department of Constitutional (State) and
International Law of the Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The author treats the question of space weapons definition as the way of space militarization within international law. He also analyses the main international efforts in weapons placement prevention in space and their direct and indirect definition of space weapons. The main conclusion is that all restrictions establishments on the space weapons development or attempts of conduct code creation and behavior norms establishments have no results. While discussions on the arms race prevention continue in the United Nations, the actions of some countries encourage other states to prepare for a conflict using space weapons.

Keywords: space weapons, international law, space militarization, military operations, self-defense, key concepts.

Существующие международные соглашения, ограничивающие различные виды космической деятельности, дают представление о взглядах стран на космическое оружие и о том, какие виды деятельности и возможности они хотят ограничить. Сегодня не существует соглашений, полностью ограничивающих космическое оружие в рамках любой из шести его категорий, а именно кинетическое и некинетическое оружие класса «Земля-космос», «космос-космос» и «космос-Земля». Однако некоторые соглашения ограничивают определенные типы космического оружия, которые входят в состав перечисленных выше категорий.

Одним из первых международных соглашений по ограничению деятельности в космосе был Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г. Договор был заключен отчасти потому, что и Соединенные Штаты, и Советский Союз проводили испытания ядерного оружия в космосе и в процессе этого обнаруживали серьезные последствия, т.к. это оружие оказало влияние на общую космическую среду. В 1961 и 1962 г. Советский Союз провел серию высотных ядерных испытаний с боеголовками относительно малой мощности (от 1,2 до 40 килотонн), что побудило Соединенные Штаты начать собственную программу высотных испытаний. 9 июля 1962 г. США взорвали в качестве испытания боеголовку мощностью 1 400 килотонн на высоте 400 км над Тихим океаном, известном как Starfish Prime. Советский Союз последовал их примеру, взорвав 300-килотонную боеголовку на высоте 290 км над Казахстаном 22 октября 1962 г., после чего через несколько дней были проведены два аналогичных испытания на более низких высотах. Примечательно, что советские испытания проводились во время кубинского ракетного кризиса, периода особенно обострения напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Однако с тех пор, как в августе 1963 г. был подписан Договор о ча-

стичном запрещении ядерных испытаний, ни одна страна не проводила ядерных испытаний в космосе.

Используя вышеуказанные рамки, Договор о частичном запрещении испытаний запрещает испытание и использование ядерных боеголовок в кинетическом оружии класса Земля-космос и космос-космос. В частности, в договоре говорится, что его стороны соглашаются «запрещать, предотвращать и не проводить любой испытательный взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв в любом месте под его юрисдикцией или контролем: в атмосфере; за его пределами, включая космическое пространство»¹. Это, однако, не влияет на разработку, испытания, развертывание или использование неядерного космического оружия. Этот договор принят 104 странами, подписавшими его. Примечательно, что Франция, Китай и Северная Корея являются одними из немногих оставшихся стран, которые не подписали договор и не связаны его ограничениями.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее Договор по космосу) 1967 г.², возможно, является самым важным международным соглашением по космосу. В общей сложности 89 стран подписали договор, а 109 стран стали участниками договора. Хотя он включает ряд важных положений о том, как регулируются международные отношения в космосе и деятельность в нем мало что прописано по запрету разработке, испытаниям, развертыва-

¹ Treaty Banning Nuclear Weapon tests in the Atmosphere, in Outer Space and Under Water, Moscow, August 5, 1963, UNTS, no. 6964, <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20480/volume-480-I-6964-English.pdf>.

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 г. <https://www.un.org/ru/about-us/terms-of-use>

нию и использованию космического оружия. В ст. III договора говорится, что страны должны осуществлять деятельность в космосе «в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций». Ст. IV договора запрещает вывод ядерного оружия на орбиту. Ст. IV также запрещает испытания любого типа оружия (ядерного или обычного) на Луне и других небесных телах. В частности, в нем говорится, что стороны договора соглашаются «не выводить на орбиту какие-либо объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве любым другим способом. В нем также говорится, что «создание военных баз, сооружений и укреплений, испытания любого типа оружия и проведение военных маневров на небесных телах запрещены»¹.

Таким образом, Договор по космосу фактически запрещает ядерное кинетическое оружие космос-космос и космос-Земля. Он также запрещает испытания и использование всех видов оружия космос-космос в военных маневрах на других небесных телах. Однако самое примечательное в договоре — это то, что он не ограничивает. Он не запрещает обычное вооружение космос-космос на околоземной орбите, в глубоком космосе или на орбите других небесных тел, а также не запрещает обычное вооруженное оружие космос-Земля. Более того, он не запрещает какое-либо оружие Земля-космос, хотя Договор о частичном запрещении испытаний отдельно ограничивает ядерное кинетическое оружие Земля-космос и уже вступил в силу к моменту заключения Договора по космосу.

¹ Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and Other Celestial Bodies (1967), United Nations Office of Outer Space Affairs, <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/outerspacetreaty.html>.

Еще одно важное международное космическое соглашение, которое помогает определять, но не ограничивать действия в космосе, — это Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.² Ст. I договора определяет несколько терминов, которые важны для понимания космического оружия и размещения оружия в космосе. В частности, он определяет повреждение способом, который конкретно не ограничивается кинетическими эффектами, и определяет состояние запуска в широком смысле как состояние, которое запускает или обеспечивает запуск, и государство, с территории или объекта которого выполняется запуск. Важно отметить, что в договоре различаются разные виды ответственности за ущерб, нанесенный при запуске космос-Земля и космос-космос. Ст. II возлагает на запускающее государство полную ответственность за ущерб, нанесенный при запуске космос-Земля, независимо от его вины. Ст. III возлагает на запускающее государство ответственность за ущерб космос-космос, «если ущерб возник по его вине или по вине лиц, за которых оно несет ответственность». Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, была ратифицирована, подписана или иным образом принята 96 государствами.

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.³ подтвердило запреты на оружие и военную деятельность на Луне, как указано в Договоре по космосу. Однако его ратифицировали только 18 стран, включая Австралию, Бель-

² Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (Москва, Лондон, Вашингтон, 29 марта 1972 г.). Утверждена Генеральной Ассамблеей 29 ноября 1971 г. в резолюции 2777 (XXVI), приложение, открыта для подписания 29 марта 1972 г., вступила в силу 1 сентября 1972 г.

³ Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах. Принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 5 декабря 1979 г. <https://www.un.org/ru/about-us/terms-of-use>

гию, Францию, Индию, Нидерланды, Пакистан, Саудовскую Аравию и Турцию. Примечательно, что он не был подписан США, Россией, Китаем, Соединенным Королевством, Германией и большинством других стран, и поэтому его актуальность остается ограниченной.

Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой и Договор по космосу являются основными широко признанными международными соглашениями, ограничивающими сегодня деятельность и испытания космического оружия. Хотя в договорах не дается конкретного определения космического оружия или размещения оружия в космосе, запреты на использование ядерного оружия в космосе и размещение ядерного оружия на орбите являются четким указанием на то, что оно считается космическим оружием. Однако эти соглашения не дают исчерпывающего представления о том, считаются ли другие возможности и виды деятельности, не охватываемые договорами, космическим оружием и милитаризацией, что оставляет много возможностей для различий в толкованиях и определениях.

Дальнейшее понимание того, что различные страны считают космическим оружием, можно почерпнуть из продолжающихся дебатов по поводу предложенного Россией и Китаем договора под названием «Возможные элементы будущей международно-правовой договоренности о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (далее — Договор БМПД). Особый интерес представляет то, как другие страны отреагировали на положения этого документа, а также на другие альтернативные предложения.

После первых усилий Конференции ООН по разоружению в 1980-х годах прогресс в создании соглашения или рамок для предотвращения гонки вооружений в космосе затормозился на многие годы. В начале 2000-х Китай и Россия начали тесно сотру-

ничать, чтобы снова выдвинуть этот вопрос на первый план в повестке дня конференции. В 2005 г. две страны провели открытую встречу по этому вопросу, а позже в том же году Генеральная Ассамблея ООН одобрила два необязательных документа о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве и необходимости обеспечения прозрачности и укрепления доверия. Меры в космосе¹. Хотя это был не первый раз, когда ООН приняла аналогичные положения, это ознаменовало начало более согласованных усилий со стороны России и Китая по обеспечению международной поддержки ограничений на деятельность по размещению оружия в космосе. Соавторами документа PAROS выступили 36 стран, включая Россию, Китай, Индию, Индонезию, Иран, Пакистан и Саудовскую Аравию².

Параллельно Китай работал над разработкой и испытанием противоспутникового оружия прямого восхождения, способного уничтожать спутники на низкой околоземной орбите. 11 января 2007 г. после нескольких неудачных попыток Китай провел первое успешное испытание противоспутниковой защиты. Он уничтожил один из своих спутников и при этом образовалось тысячи кусочков космического мусора. Испытание было широко осуждено другими странами, включая США, Россию, Японию, Индию и многие европейские страны³. В июне того же года Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях принял набор добровольных руководящих принципов предупреждения образования космического мусора (которые разрабатывались в течение нескольких лет), а в декабре эти руководящие принципы были одобрены Генеральной Ассамблеей. Среди прочего, в этих руководящих принципах

¹ Center for Nonproliferation Studies, Proposed Prevention of an Arms Race in Outer Space (PAROS) Treaty (Washington, DC: Nuclear Threat Initiative, 2019), 10.

² UNIDR, Prevention of an Arms Race in Outer Space.

³ Carin Zissis, “China’s Anti-Satellite Test,” Council on Foreign Relations, February 22, 2007, <https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-anti-satellite-test>.

говорится, что следует избегать преднамеренного разрушения любых космических аппаратов на орбите и орбитальных ступеней ракет-носителей или другой вредной деятельности, приводящей к образованию долгоживущих обломков. Когда необходимы преднамеренные разрушения, их следует проводить на достаточно малых высотах, чтобы ограничить орбитальное время жизни образующихся фрагментов. Примечательно, что эти рекомендации резко контрастируют с проведенным китайским тестом ASAT, который проводился на относительно большой высоте и в результате образовалось множество долгоживущих обломков.

Также в 2007 г. Европейский союз представил в ООН проект Кодекса поведения в космосе, в котором одним из основных принципов кодекса является предотвращение превращения космоса в зону конфликта, а также признание того, что космические системы необходимы для обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности¹. Предлагаемая сфера применения кодекса в основном сосредоточена на предотвращении столкновений и осколков, которые в основном затронут кинетические типы космического оружия.

В феврале 2008 г. произошло два важных события. Во-первых, Китай и Россия официально представили свой проект Договора БМПД в ООН. На следующей неделе Соединенные Штаты сбили один из своих спутников, используя перехватчик противоракетной обороны Standard Missile-3 (SM-3) с корабля ВМС США в Тихом океане. В отличие от китайских испытаний годом ранее, этот перехват произошел на относительно небольшой высоте, и большая часть обломков сгорела в атмосфере в течение нескольких дней.

Одна из заявленных целей Китая и России в Договоре БМПД заключалась в том,

чтобы «сохранить космическое пространство как сферу, в которой не размещается никакого оружия любого вида». Но в нем космическое оружие определено довольно узко, как «любое устройство, размещенное в космическом пространстве, основанное на каком-либо физическом принципе, специально созданное или преобразованное для устранения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на Земле или в ее воздухе». Далее в нем уточняется, что размещение оружия в космосе означает вывод объекта на орбитальную траекторию или его постоянное размещение в другом месте в космосе, например, на Луне. Таким образом, предложения Договора БМПД применяется только к космос-космос и космос-Земля как для кинетического, так и не кинетического оружия. Это не запретило бы кинетическое оружие Земля-космос, такое как китайская противоспутниковая ракета, испытанная годом ранее. Американская ракета SM-3, использованная в качестве противоспутниковой системы в 2008 г., также не будет запрещена, равно как и любые некинетические формы атаки Земля-космос

В июле 2008 г. Европейский парламент принял резолюцию по космической безопасности, в которой говорилось: «Европейская космическая политика ни при каких обстоятельствах не должна способствовать общей милитаризации и вооружению космоса». Хотя в ней не были определены термины милитаризация и размещение оружия, в резолюции говорилось, что она «сожалеет» об отсутствии независимого европейского потенциала предупреждения о баллистических ракетах и призывала к развитию «спутникового раннего предупреждения о пусках баллистических ракет». Учитывая, что в резолюции содержится призыв к дополнительным космическим системам для поддержки военных миссий, использование термина милитаризация космоса, похоже, не означает использование космических систем для поддержки военных операций. В резолюции также отмечалась необходимость

¹ “Transparency and Confidence-building measures in outer space activities,” United Nations, September 17, 2007, <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Rsources/Factsheets/paros/A-62-114-Add1.pdf>.

усиления защиты европейских спутников, включая «противодействие помех, экранирование, обслуживание на орбите, архитектуры высокоорбитальных и многоорбитальных группировок», которые снова, по видимому, не включаются в определение милитаризация или размещение оружия. Резолюция рекомендовала юридически обязывающий запрет на «использование оружия против космических средств и размещение оружия в космосе», который можно интерпретировать как включающий все шесть категорий космического оружия.

В декабре 2008 г. Совет Европейского союза одобрил проект Кодекса поведения в космической деятельности. Кодекс должен был быть добровольным и открытым для принятия всеми странами, помимо стран ЕС. Среди его многочисленных положений он призывал государства «воздерживаться от преднамеренного уничтожения любого космического объекта на орбите», что ограничивало бы кинетическое оружие Земля-космос и космос-космос, которые могут образовывать космический мусор, Кодекс поведения был довольно ограничен по своему охвату.

Канада также внесла свой вклад в дебаты в 2009 г. в рабочем документе, представленном Конференции ООН по разоружению. В канадском документе отмечается, что и Кодекс поведения ЕС, и китайско-российский Договор БМПД допускают потенциальный путь распространения противоспутникового оружия. В нем утверждалось, что запрет на испытания и применение оружия против спутника также должен осуществляться параллельно с запретом на размещение оружия в космосе, «чтобы мы случайно не предоставили лазейку для оружия космического базирования» и что риски принятия неточно сформулированного предложения состоят в том, что оно может косвенно одобрить распространение некоторых типов противоспутникового оружия или непреднамеренно ограничить меры самообороны от оружия космического базирования.

Обсуждения на Конференции ООН по разоружению возобновились в 2010 г., когда несколько делегаций сделали заявления в поддержку Договора БМПД. В частности, Австралия, Беларусь и Казахстан высказались в поддержку данного проекта, представленного Китаем и Россией в 2008 г., а делегации Бангладеш, Европейского Союза, Ирландии, Ливии, Южной Кореи, Румынии и Швейцарии также положительно отметили этот проект договора. Бразилия заявила о поддержке проекта Договора БМПД в качестве отправной точки для переговоров и выразила озабоченность по поводу Кодекса поведения ЕС, отметив, что «ссылка на самооборону может быть истолкована таким образом, чтобы оправдать применение силы в космосе. Это сценарий, который мы не можем себе позволить даже теоретически, заявила бразильская делегация.

В 2010 г. Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял резолюцию о создании Группы правительственных экспертов для изучения разработки мер транспарентности и укрепления доверия в космическом пространстве. В нем приняли участие представители 15 стран, включая США, Россию, Китай, Францию, Бразилию и Великобританию. Группа отчиталась перед Генеральной Ассамблеей в июле 2013 г. с набором рекомендуемых добровольных мер, включая обмен информацией о национальной космической политике и военных космических расходах, уведомлениях о космической деятельности и посещениях космодромов. Хотя Генеральная Ассамблея призвала государства принять предложенные меры на добровольной основе, в достижении более широкого консенсуса был достигнут незначительный прогресс.

Обсуждения Кодекса поведения ЕС продолжались, и встречи проводились для получения информации от экспертов до 2014 г. Европейский Союз опубликовал пятую редакцию кодекса в марте 2014 г., в которую были включены некоторые мнения и отзывы, полученные в результате его консультаций с другими странами. Пересмотр-

ренный кодекс изменил ограничение на кинетическое оружие Земля-космос и космос-космос, чтобы утвердить, что подписавшие государства будут «воздерживаться от любых действий, которые прямо или косвенно приводят к повреждению или разрушению космических объектов, за исключением тех случаев, когда такое действие совершается. оправдано». Допустимые оправдания - безопасность (особенно если речь идет о жизни людей), предотвращение образования нового космического мусора и самооборона. В более ранней версии кодекса упоминалось только о праве на индивидуальную или коллективную самооборону, поскольку это уже разрешено Уставом ООН, и не уточняется, что самооборона может быть оправданной причиной для уничтожения космического объекта.

В июне 2014 г. Россия и Китай выпустили обновленный проект Договора БМПД. В пересмотренной версии определенные термины в договоре были изменены несколькими способами. Он больше не пытался определять космическое пространство как высоту выше 100 км, а вместо этого расширил определение космического объекта до «любого устройства, размещенного в космическом пространстве и предназначенного для работы в нем». Он также изменил предлагаемое определение космического оружия для применения к любому космическому объекту (в соответствии с новым определением), сохранив при этом ключевую фразу «для устранения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на поверхности Земли или в воздухе». Пересмотренная версия также включает дополнительные разъяснения по защите права государства на самооборону, включая право на коллективную самооборону, которое не было прямо указано в первоначальной версии и более близко к формулировке в Кодексе поведения ЕС. Важно отметить, что пересмотренный Договор БМПД по-прежнему ограничивался видами кинетического и некинетического оружия космос-космос и космос-

Земля и не ограничивал бы оружие класса Земля-космос.

В 2015 г. Европейский союз представил пересмотренный Кодекс поведения в ООН для проведения многосторонних переговоров. Россия, Китай, Бразилия, Индия и Южная Африка выступили против предложения ЕС. Утверждалось, среди прочего, что процесс разработки проекта в Европейском союзе был недостаточно всеобъемлющим, несмотря на годы открытых заседаний и последующих изменений предложений. В итоге Кодекс поведения не получил консенсуса и остался на рассмотрении в ООН. Неправительственная организация, Международная женская лига за мир и свободу, внесла свой вклад в дебаты 2015 г., направив письмо в адрес Конференции ООН по разоружению. Группа заявила о поддержке усилий по предотвращению размещения оружия в космическом пространстве и посетовала на незначительный прогресс. В качестве примеров было приведено, что «некоторые страны продолжают исследовать, проектировать, испытывать и развертывать системы противоракетной обороны и противоспутниковые технологии, неявно определяя космическое оружие как включающее эти системы. В письме также указывалось на напряженность, существующую между государствами, обладающими мощным космическим потенциалом, и государствами, не участвующими в переговорах по международным соглашениям, таким как Кодекс поведения ЕС.

В декабре 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 70/27 об оружии в космическом пространстве. Резолюция «призвала» начать переговоры по китайско-российскому проекту Договора и побудила государства выполнить «политическое обязательство не размещать первыми оружие в космическом пространстве». В резолюции конкретно упоминаются Аргентина, Армения, Беларусь, Бразилия, Куба, Индонезия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Шри-Ланка, Таджикистан и Венесуэла, которые уже заявили, что они не будут первы-

ми размещать оружие в космическом пространстве. Россия и Венесуэла выступили с совместным заявлением на Конференции ООН по разоружению, в котором говорится, что они «не будут первыми размещать какие-либо виды оружия в космическом пространстве и сделают все возможное, чтобы не допустить превращения космического пространства в театр военных действий и конфронтации». для обеспечения безопасности в космической деятельности».

Учитывая растущую экономическую и военную зависимость от космоса, а также рост разработки и распространения противокосмического оружия, несколько неправительственных организаций начали работу по определению и потенциальному ограничению использования космического оружия. Две из этих попыток представляют интерес, поскольку они сосредоточены конкретно на военном использовании космоса и на том, что представляет собой акт войны или агрессии в космосе. В мае 2016 г. Центр исследований в области воздушного и космического права Университета Макгилла инициировал проект по разработке Руководства по международному праву, применимому к использованию космического пространства в военных целях, известного как MILAMOS. Задача MILAMOS — создать руководство, которое «разъясняет фундаментальные правила, применимые к военному использованию космического пространства как государствами, так и негосударственными субъектами в мирное время и в периоды роста напряженности. Финансирование проекта поступает в основном от Университета Макгилла и правительства Канады, и в проект входят партнерские учреждения из других стран, такие как Пекинский технологи-

ческий институт в Китае, Санкт-Петербургский государственный университет в России и Институт оборонных исследований и анализа в Индии. Хотя его первоначальный срок был обозначен в 2019 г., работа над руководством все еще продолжается.

Также ведется работа по аналогичному проекту, известному как Вумера, названному в честь испытательного полигона Вумера в Южной Австралии. Как и MILAMOS, Вумера стремится создать руководство, в котором резюмируется, как действующее международное право применяется к военному использованию космоса. Woomera — это результат сотрудничества четырех университетов: Университета Аделаиды в Австралии, Университета Эксетера в Соединенном Королевстве, Юридического колледжа Университета Небраски в США и Университета Нового Южного Уэльса в Австралии. Данный проект финансируется в основном четырьмя участвующими университетами, и планирует выпустить руководство к 2021 г.

Таким образом приходится констатировать, что противоречивые определения ключевых терминов оказались особенно трудной проблемой. Страны используют такие фразы, как космическое оружие, милитаризация космоса и вооружение космоса, для обозначения разных вещей в разное время, часто в соответствии с их собственными геополитическими программами. Общая структура терминологии для обсуждения космического оружия могла бы быть полезной для установления и уточнения пороговых значений между странами-единомышленниками в отношении того, что составляет конфликт и эскалацию в космосе.

Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооружённого конфликта

© Холиков Иван Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

© Шишко Алена Александровна,

магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены нормы международного гуманитарного права, касающиеся защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, проанализированы проблемные вопросы соблюдения положений международных договоров, к числу которых относится целенаправленное несоблюдение существующих международно-правовых актов, несмотря на достаточное количество регулирующих положений в сфере защиты культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов. Используя такие методы исследования, как сравнительно-правовой, формально-юридический, традиционный анализ документов, авторы обосновывают вывод о необходимости обмена информацией по вопросу о культурных ценностях, находящихся в опасности в ситуациях вооруженного конфликта, а также сотрудничества в деле спасения таких ценностей. Статья выполнена в рамках планового изучения дисциплины «Международное гуманитарное право» в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, Гаагские конвенции, защита, культурные ценности, международное гуманитарное право, международные договоры, мировое сообщество, национальное самосознание, обозначение ценностей, право вооруженных конфликтов.

Formation of international legal protection of cultural property in the event of an armed conflict

© Kholikov I.V.,

Professor of the Chair of International and European Law at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Doctor of Law, Professor

© Shyshko A.A.,

master degree student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article examines the norms of international humanitarian law concerning the protection of cultural property in the event of an armed conflict, the problem issues in the field of compliance with the provisions of international treaties are analyzed. Such issues include the deliberate non-compliance with existing international legal acts, despite the sufficient number of regulations in the field of protection of cultural property in the event of armed conflicts. Using such methods as comparative-legal, formal-juridical, traditional document analysis, the authors stipulate conclusions on the necessity to share information on cultural property threatened by the armed conflict as well as to cooperate in saving such property. The article has been written within the

framework of a planned study of the discipline «International Humanitarian Law» at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Keywords: armed conflict, The Hague Conventions, protection, cultural property, international humanitarian law, international treaties, the world community, national identity, designation of values, the law of armed conflict.

Увеличение количества вооруженных конфликтов как международного, так и не-международного (внутреннего) характера в современном мире актуализирует вопросы соблюдения норм международного гуманитарного права. Защита культурных ценностей народов является неотъемлемой частью правил ведения войны. Значимость ценностей не ограничивается финансовой оценкой, помимо материальной составляющей, каждая ценность несет в себе историю, национальное самосознание целого народа. Защита культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов обеспечивается широким перечнем международных договоров. Для всецелой оценки важности защиты культурных ценностей для мирового сообщества необходимо изучение исторических предпосылок и основ становления указанных правовых норм.

Попытки правовой регламентации вооруженных конфликтов предпринимались еще с древности, что нашло отражение в нормах обычного права, несмотря на устоявшееся мнение о зарождении их в середине XIX в. с принятием первой Женевской Конвенции 1864 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹.

Каждая норма обычного права формировалась по мере осознания необходимости дополнительной защиты жертв войны. Необратимые последствия каждого вооруженного конфликта, помимо ослабления ключевых общественных институтов, лишали человечество культурного, духовного, истори-

ческого наследия, посягали на культурную самобытность народов. В настоящее время, несмотря на принятие мировым сообществом всеобъемлющих средств защиты жертв, ограничений методов и средств ведения войны, мы видим, что современные вооруженные конфликты до сих пор наносят непоправимый материальный, физический и моральный ущерб. Исходя из вышеизложенного, допустимо утверждать, что на сегодняшний день существует проблема не в избытии или отсутствии норм, а в несоблюдении существующих.

Гаагские конвенции о законах и обычаях сухопутной войны и бомбардировании морскими силами во время войны от 29 июля 1899 г. и 18 октября 1907 г., заложившие основу комплекса норм международного гуманитарного права, впервые закрепили принципы защиты культурных ценностей на международном уровне. Вместе с тем, указанные Конвенции содержали неполный спектр защиты. Культурные ценности, как гражданские объекты могли рассчитывать только на общую защиту. Отдельного определения и классификации культурных ценностей в Конвенциях не содержалось. Однако, несмотря на это, с принятием данных Конвенций, впервые было закреплено применение отличительного знака. В ст. 5 IX Гаагской конвенции 1907 г. закреплялась обязанность обозначения культурных ценностей отличительным знаком независимо от уровня их защиты: «При бомбардировке морскими силами должны быть приняты начальником все необходимые меры к тому, чтобы шадить, насколько возможно, исторические памятники, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, госпитали и места, где собраны больные или раненые, под условием, чтобы

¹ Женевская конвенция 1864 г. [Электр. ресурс] // Общероссийская общественная организация «Российский Красный Крест». URL: <https://www.redcross.ru/news/22-avgusta-1864-g-154-goda-nazad-podpisana-pervaya-zhenevskaya-konvenciya> (дата обращения 28.10.2021).

таковые здания и места не служили одновременно военным целям. Жители обязаны обозначить эти памятники, здания или сборные места видимыми знаками, которые будут состоять из больших твердых щитов прямоугольной формы, разделенных по одной из диагоналей на два треугольника из коих верхний черного цвета, а нижний белого»¹. Действительно, данное положение не описывало отличительный знак точно, что позволяло воспроизводить изображение по-разному.

Но, несмотря на введение отличительного знака, опыт Первой мировой войны доказал недостаточность положений Конвенций для предотвращения разрушения ценностей².

Вторым немаловажным договором, принятым мировым сообществом, как основа защиты культурных ценностей, стал Пакт Рериха, также известный как Вашингтонский Пакт или Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, подписанный в Вашингтоне представителями 21 американских государств 15 апреля 1935 г. Данный международный договор отличался от Гаагских конвенций тем, что подробно регулировал защиту ценностей не как гражданских объектов, а именно культурных ценностей. Предусматривал защиту ценностей не только в случае вооруженных конфликтов, но и в мирное время. Помимо основных положений о защите, перечня ценностей и установления принципа «недискриминации», отдельные пункты Пакта закрепили введение охранного знака объектов. «Для обозначения памятников и учреждений, указанных в ст. 1, может быть использован отличитель-

ный флаг (красная окружность с тремя кругами в середине на белом фоне)»³.

Необратимые последствия Второй мировой войны, заключающиеся в разрушениях, уничтожении наследия человечества, точные цифры которых до сих пор не определены, заставили мировое сообщество, в первую очередь, страны с богатыми национальными коллекциями, значительно пострадавшие от военных действий, осознать, что принятых ранее международно-правовых актов недостаточно и задуматься над созданием и принятием нового документа. В 1948 году Нидерланды представили ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) проект соглашения о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В 1954 г. ЮНЕСКО созвала международную конференцию, участие в которой принимали представители 56 государств⁴. В заключительный день конференции была подписана Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и дополнительный протокол к ней. Вступила в силу настоящая Конвенция 7 августа 1956 г.⁵ В ней содержится определение культурных ценностей, которое охватывает как движимые, так и недвижимые ценности. Для обозначения культурных ценностей, пользующихся защитой, Гаагской конвенцией предложена конкретная эмблема — знак «Голубой щит», а также предусматривается система общей и специ-

¹ Гаагская Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны от 18.10.1907 г. [Электр. ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11911632@egNPA (дата обращения 28.10.2021).

² Никандров Н. «Эвакуация во спасение» [Электр. ресурс] // Сводный каталог интернет-проекта «Культурные ценности — жертвы войны». URL: <http://www.lostart.ru/> (дата обращения 28.10.2021).

³ Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 15.04.1935 г. [Электр. ресурс]. URL: <https://icr.su/rus/evolution/pact/> (дата обращения 28.10.2021).

⁴ Сборник международных договоров [Электр. ресурс] // Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Женева. URL: <https://ohchr.org/Documents/Publications/Compilation2ru.pdf> (дата обращения 28.10.2021).

⁵ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14.05.1954 г. [Электр. ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/tr eaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения 28.10.2021).

альной защиты культурных ценностей. Также, в преамбуле Конвенции договаривающиеся стороны делают акцент на важности сохранения культурного наследия всего человечества.

С момента принятия Гаагской конвенции, в течение более чем полувековой истории, она преобразовалась в четкую правовую систему, основу которой, помимо упомянутой Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 г., составляют Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» от 14 ноября 1970 г.¹, Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.², Римский статут 1998 г.³, Второй протокол 1999 г.⁴

Первый протокол 1954 г. к Гаагской конвенции рассматривает исключительно защиту культурных ценностей в ситуациях оккупации; одной из основных черт Второго протокола 1999 г. является создание системы усиленной защиты культурного насле-

дия (ст. 10), которое имеет огромное значение для всего человечества, что явилось реакцией на ограниченную успешность системы специальной защиты. В мирное время для защиты культурных ценностей от воздействия вооруженных конфликтов Гаагской конвенцией и Протоколами к ней предусмотрены некоторые меры и механизмы, содействующие их имплементации и обеспечению соблюдения их положений. Согласно ст. 3 Гаагской конвенции государства в мирное время должны подготовить охрану культурных ценностей от предсказуемых последствий вооруженного конфликта, «принимая меры, которые они считают необходимыми». Однако более подробно не указывается, какие это могут быть меры. Второй протокол к Гаагской конвенции содержит примерный перечень мер, которые должны быть приняты государствами в мирное время: составление перечней культурных ценностей; планирование чрезвычайных мер по защите от пожаров и разрушения конструкций; подготовка к вывозу движимых культурных ценностей или обеспечение должной защиты этих ценностей на местах и назначение компетентных властей, отвечающих за охрану культурных ценностей (ст. 5). Все эти меры имеют практическую ценность для защиты культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов и могут оказаться полезными в других чрезвычайных обстоятельствах, таких как стихийные бедствия.

Чтобы объект культурной ценности мог пользоваться усиленной защитой, он должен не только иметь огромное значение, но и защищаться адекватными национальными правовыми и административными мерами, которые признают его исключительную культурную и историческую ценность и обеспечивают самый высокий уровень защиты; он также должен никогда не использоваться для военных целей и не прикрывать военные объекты, что в международных документах и нормах отражено в качестве еще одной меры, требуемой Гаагской конвенцией и Протоколами к ней.

¹ Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14.11.1970 г. [Электр. ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900836> (дата обращения 28.10.2021).

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 г. и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов от 08.06.1977 г. [Электр. ресурс] // Международный комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 28.10.2021).

³ Римский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. [Электр. ресурс]. URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 28.10.2021).

⁴ Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14.05.1954 г. [Электр. ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml (дата обращения 28.10.2021).

Для оценки сходства и различия положений, касающихся защиты культурных ценностей, был проведен традиционный

анализ данных международных договоров, результаты которого оформлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты традиционного анализа международных договоров, положения которых касаются защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта

Международный договор	Гаагская конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14.05.1954 г.	Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурных ценности» от 14.11.1970 г.	Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.	Римский статут 1998 г.	Второй протокол 1999 г. к Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14.05.1954 г.
Наличие в положениях договора определения культурных ценностей	Ст. 1 Гаагской конвенции дает определение культурных ценностей. Перечисляет, что именно относится к культурным ценностям независимо от происхождения и владельца	Ст. 1 настоящей Конвенции дает определение культурных ценностей. Содержит конкретный перечень категорий, к которым могут относиться ценности	В положениях протоколов отсутствует определение культурных ценностей	В положениях статута отсутствует определение культурных ценностей	Ст. 1 протокола отсылает к ст.1 Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14.05.1954 г., в которой содержится определение культурных ценностей
Какое внимание уделяется культурным ценностям	Помимо определения культурных ценностей, в Гаагской конвенции содержатся положения о необходимости обозначения ценностей отличительным знаком, о транспортировке. Ценностям предоставляется специальная	В Конвенции содержатся положения об обеспечении охраны ценностей от незаконных ввоза, вывоза и передачи права собственности государства.	В положениях Дополнительного протокола I 1977г. к Женевским конвенциям 1949 г. содержатся положения о запрете использования не по назначению защитной эмблемы культурных ценностей.	Преамбула статута уточняет, что все народы объединены общими узами и взаимопереплетение их культур образует совместное наследие.	Протокол дополняет Конвенцию в отношениях между Сторонами вооруженного конфликта. В протоколе содержатся положения о мерах предосторожности в ходе нападений, защите ценностей на

	защита, обеспечивается их иммунитет и перечисляются основания для его лишения		Запрете совершения враждебных актов против ценностей, использования ценностей для поддержки военных усилий, запрете делать ценности объектами репрессалий		оккупированных территориях, мерах предупреждения последствий военных действий. Появились положения об усиленной защите
Наличие в положениях договора определения вооруженного конфликта	Четкое определение вооруженного конфликта отсутствует в положениях Гаагской конвенции.	В положениях Конвенции отсутствует упоминение вооруженно-го конфликта. Определение вооруженно-го конфликта отсутствует.	Ст. 2 Женевской конвенции 1949 г. содержит определение международного вооруженного конфликта. Положения дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. расширяют данное определение	В положениях статута отсутствует определение вооруженного конфликта.	В положениях протокола отсутствует определение вооруженного конфликта
Санкции при нарушении положений по защите культурных ценностей	Ст. 28 Гаагской конвенции указывает на необходимость выявления и подведения уголовным или дисциплинарным санкциям лиц, нарушивших или приказавших нарушить положения о защите	Ст. 10 Конвенции содержит положение об уголовных санкциях.	Положения о санкциях отсутствуют	В статуте отсутствуют санкции за нарушение положений по защите культурных ценностей	Положения о санкциях отсутствуют

Изучив хронологическую последовательность принятия международно-правовых актов, регулирующих защиту культурных ценностей, можно сделать вывод, что сторонами мирового сообщества всегда принимались всевозможные меры для их защиты¹. Недавние события в Афга-

нистане, Ираке, Сирии, на Украине показали, что преднамеренное уничтожение культурных ценностей часто предшествует совершению правонарушений в отношении гражданских лиц.

¹ Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных

условиях // Сборник научных статей Международной конференции «Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования». Оренбург, 2014. С. 294—307.

Обеспечение защиты объектов, мест и памятников, имеющих большое значение для культуры народа, является во многих случаях неотъемлемой частью общей гуманитарной операции, направленной на защиту жизни и достоинства населения, так как они неразрывно связаны между собой¹.

Для более наглядного представления фактического влияния международно-правовых актов на вооруженные конфликты нами осуществлен сравнительный анализ двух вооруженных конфликтов, происходивших с более чем пятидесятилетней разницей во времени, результаты которого представлены ниже в табл. 2.

Ознакомившись с результатами сравнительного анализа, делается вывод, что, несмотря на принятие всевозможных мер, в ходе вооруженных конфликтов большинство норм трудноосуществимо. Вооруженные конфликты, как таковые, не стали намного цивилизованнее, несмотря на усилия мирового сообщества и международных организаций. Насилие в отношении культурных ценностей стало характерной чертой конфликтов последнего времени. Оно принимает различные формы: применение такой тактики ведения войны, как преднамеренные нападения на культурные и исторические памятники, не имеющие военной ценности; военные действия, направленные против важных культурных ценностей, которые превращены в военные объекты; уничтожение объектов в результате случайного причинения ущерба либо актов явного вандализма.

Также остро стоит проблема ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права, заключающаяся не столько в наличии или отсутствии специальных институтов международного правосудия, сколько в готовности и способности, воли государств соблюдать нормы и

принципы международного права не на словах, а на деле².

Международные договоры не мешают сторонам конфликта предпринимать усилия для преднамеренного уничтожения ценностей³. Для того, чтобы нормы международного гуманитарного права являлись практическим средством защиты жертв вооруженного конфликта, необходимо предоставление технических консультаций по имплементации этих договоров на национальном уровне, проведение информационных сессий и курсов подготовки для тех, кто имеет отношение к защите культурных ценностей, обмен информацией по вопросу о культурных ценностях, находящихся в опасности в ситуациях вооруженного конфликта, и сотрудничество в деле спасения таких ценностей.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. — 2017. — № 5. — С. 104—111.
2. Дамаскин, О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2. — С. 214—221.
3. Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Сборник научных статей Международной конференции «Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования». — Оренбург, 2014. — С. 294—307.

¹ Дамаскин О. В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 104—111.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2. С. 214—221.

³ Баконга К.Ф. «Историческая резолюция для защиты культурного наследия» [Электр. ресурс] // Журнал «Курьер Юнеско». Октябрь – декабрь 2017. URL: <https://ru.unesco.org/courier/oktyabr-dekabr-2017-g/istoricheskaya-rezolyuciya-dlya-zashchity-kulturnogo-naslediya> (дата обращения 28.10.2021).

Сравнительный анализ последствий и мер, принимаемых по отношению к культурным ценностям во Второй мировой войне (1939—1945 гг.) и Вооруженного конфликта в Афганистане (2001—2021 гг.)

Вооруженный конфликт	Вторая мировая война (1939 – 1945 гг.)	Вооруженный конфликт в Афганистане (2001-2021 гг.)
Последствия вооруженных конфликтов	Количество разрушенных, поврежденных и утраченных культурных ценностей в период Второй мировой войны до сих пор не определено. На данный момент, по данным интернет-проекта Минкультуры России «Культурные ценности – жертвы войны» имеется информация о гибели более, чем 115 млн литературных изданий, утраты свыше 783 тыс. музейных экспонатов, разрушении более 3 тыс. памятников архитектуры и краже 100 тыс. художественных произведений только на территории СССР ¹ . Данные цифры являются лишь приблизительными показателями потерь. В связи с проведениями военных действий на территории Европы, Азии, Африки и в водах всех океанов точное количество уничтоженного наследия определить невозможно.	Культурное наследие Афганистана понесло необратимые утраты за последние десятилетия конфликтов. Режимом талибов, помимо запрета осуществления творческой деятельности, запрета создания произведений искусства, уничтожено огромное количество уникальных культурных, археологических памятников Афганистана, возраст которых варьировался от древнего мира до нового времени и относился к разным цивилизациям. Крупнейшей потерей настоящего вооруженного конфликта являются разрушения статуй Будды, относящихся к началу н. э. в 2001 г и являющимися главной достопримечательностью Афганистана ²
Меры, принимаемые для защиты культурных ценностей	Стремительное развитие военных действий заставили государства принимать срочные меры по сохранению и защите культурных ценностей. Государства двух мировых военно-политических коалиций оперативно обеспечивали организацию хранилищ ценностей, эвакуацию ценностей с территории вооруженного конфликта ¹ .	Мировым сообществом предпринимались различные меры защиты наследия от подписания международных актов, в том числе Меморандум о взаимопонимании между временным правительством Афганистана и ЮНЕСКО. Проведение международных семинаров по восстановлению культурного наследия Афганистана, создание Международных координационных комитетов для рассмотрения предпринимаемых и планируемых действий по защите и восстановлению наследия ² .
Результаты сравнения	Несмотря на принятие некоторых международных договоров, регламентирующих положения защиты культурных ценностей, как гражданских объектов, так и объектов со специализированной защитой, стороны военного конфликта использовали культурное наследие в качестве целенаправленной цели для уничтожения.	Вооруженный конфликт в Афганистане является свидетельством того, что даже в современном мире, в современном обществе, способы достижения желаемого результата остаются прежними, как во времена Великой отечественной войны, до принятия Конвенции о защите культурных

¹ Никандров Н. «Эвакуация во спасение» [Электр. ресурс] // Сводный каталог интернет-проекта «Культурные ценности — жертвы войны». URL: <http://www.lostart.ru/ru/> (дата обращения 28.10.2021).

² Манхарт К. Мандат ЮНЕСКО и действия, предпринимаемые по восстановлению культурного наследия Афганистана [Электр. ресурс]. URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/451.pdf> (дата обращения 28.10.2021).

	<p>Имеющиеся международные договоры, в том числе уже принятый Пакт Рериха или Гаагская конвенция 1907 г., устанавливающие режим защиты культурных объектов не смогли обеспечить должную защиту. Для достижения военных целей стороны военного конфликта посягали на общемировое наследие, вопреки имеющимся нормам.</p>	<p>ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., так и после ее принятия. Положения настоящей Конвенции вступили в силу 7 августа 1956 г. С момента принятия и вступления в силу Конвенции прошло более пятидесяти лет, но несмотря на то, что настоящая Конвенция принята 130 государствами и данный международный договор можно назвать универсальным, итоги последствий вооруженных конфликтов не меняются.</p>
--	---	---

Актуальные вопросы рассмотрения территориальных споров Международным судом ООН

© Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры конституционного (государственного) и
международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В данной статье автор исследует взаимосвязь и иерархию девяти обоснований (договоры, география, экономика, культура, эффективный контроль, история, *uti Possidetis*, элитарность и идеология) по результатам рассмотрения дел по территориальным спорам, вынесенных Международным судом ООН, чтобы определить, является ли одно конкретное оправдание диспозитивным или, как минимум, в высшей степени определяющим при вынесении решения Международным судом. Этот анализ прецедентного права показывает, что ни одно основание не действует в качестве правила принятия решения в судебной практике суда по пограничным спорам и что суд демонстрирует иерархическое предпочтение договорному праву, *uti Possidetis* и эффективному контролю соответственно.

Ключевые слова: территориальные споры, договоры, география, эффективный контроль, экономика, культура, история, элитарность, идеология, *uti Possidetis*.

Topical issues of consideration of territorial disputes by the International Court of Justice of the United Nations

© Chernyavsky A.G.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. In this article, the author explores the relationship and hierarchy of nine grounds (treaties, geography, economy, culture, effective control, history, *uti Possidetis*, elitism and ideology) based on the results of the consideration of cases on territorial disputes decided by the International Court of Justice of the United Nations in order to determine whether one particular justification is dispositive or, at least, highly decisive when making a decision by the International Court of Justice. This analysis of case law shows that no basis acts as a rule of decision-making in the judicial practice of the Border Disputes Court and that the court demonstrates a hierarchical preference for contract law, *uti Possidetis* and effective control, respectively.

Keywords: territorial disputes, treaties, geography, effective control, economy, culture, history, elitism, ideology, *uti Possidetis*.

В международном праве право собственности государства на территорию имеет большое значение, поскольку «суверенитет над землей» определяет один из признаков государства. Кроме того, как предположил Макиавелли, территориальное приобретение является одной из целей большинства государств, и они настолько велики, насколько ясны границы государ-

ства, потому что границы государства должны быть четко определены, чтобы современное государство могло законно функционировать в их пределах. Однако во многих случаях эти границы являются предметом конкурирующих международных территориальных притязаний. Такие притязания обычно можно разделить на девять категорий: договоры, география,

экономика, культура, эффективный контроль, история, *uti Possidetis*¹, элитарность и идеология. Государства полагались на все девять категорий, чтобы оправдать юридические претензии на территорию в Международном Суде ООН (МС). Наиболее частые претензии предъявлялись с точки зрения эффективного контроля над спорной территорией, исторического права собственности, *uti Possidetis*, географии, договорного права и культурной однородности.

В настоящей статье исследуется взаимосвязь и иерархия этих девяти обоснований по результатам рассмотрения дел о границах земель, вынесенных Международным судом, чтобы определить, является ли одно конкретное оправдание диспозитивным или, как минимум, в высшей степени определяющим. Этот анализ прецедентного права показывает, что ни одно оправдание не действует в качестве правила принятия решения в судебной практике суда по пограничным спорам и что суд демонстрирует иерархическое предпочтение договорному праву, *uti Possidetis* и эффективному контролю соответственно. Нужно отметить, что категории обоснований территориальных претензий, их эволюция в географии, политологии и праве и их применение в определенных областях представляют, по мнению автора, особый интерес

Дела по территориальным претензиям государств могут быть переданы в Международный Суд, независимый вспомогательный орган Организации Объединенных Наций, путем передачи через компромисс (специальное соглашение) между двумя или более государствами в соответствии с положением договора о передаче

¹ *Uti possidetis* (лат. «поскольку владеете») — принцип, сложившийся в международной практике, который означает, что новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Согласно правилу, старая административная граница, ранее существовавшая в пределах территории вновь образованного независимого государства, становится международной границей.

споров, возникающих в соответствии с договором между государствами, или заявления сторон об обязательной юрисдикции. В соответствии со ст. 38 Статута Международного Суда (Статута) при решении дел «в соответствии с международным правом» суд применяет следующие источники права:

а) международные конвенции, общие или частные, устанавливающие правила, прямо признанные спорящими государствами;

в) международный обычай как свидетельство общей практики, принятой в качестве закона;

с) общие принципы права, признанные цивилизованными странами;

д) в соответствии с положениями ст. 59 судебные решения и учения наиболее высококвалифицированных публицистов различных стран в качестве вспомогательных средств для определения применимых норм права.

Кроме того, если стороны согласны, суд может вынести решение по делу на основе принципов справедливости *ex aequo et bono*.

Территориальные претензии в Международном Суде обычно подпадают под одну из четырех вышеперечисленных категорий. Обосновывать претензии по договору легче всего, потому что существование договора легче доказать, чем существование обычного международного права, которое требует доказательств государственной практики и *opinio juris* или существования весьма загадочных общих принципов права, «признанных цивилизованными странами». Однако в отсутствие договоров стороны должны прибегать к искам, основанным на трех других категориях международного права. Среди нескольких категорий, по которым ученые классифицируют обоснования территориальных претензий, наиболее распространенными девятью являются *договоры, география, экономика, культура, эффективный контроль, история, uti Possidetis, элитарность и идеология*.

По сравнению с другими основаниями для территориальных притязаний, *договорное обоснование* имеет более правовой

характер, то есть считается более убедительным, чем могло бы быть, например, историческое притязание. Тем не менее, требования, основанные на договорном праве, особенно убедительны в Международном Суде, поскольку ст. 38 Статута Международного Суда обязывает суд рассматривать международные договоры. Более того, посредством договоров стороны соглашаются отказаться от своих исторических или иных претензий на собственность, подпадающую под действие договора. Таким образом, неудивительно, что договоры (если они не являются недействительными) являются обязательными для ратифицировавших их сторон.

Цель многих договоров во многом схожа с целью частных контрактов. Для обоих главная цель взаимоотношений — «создать юридически признанные ожидания» у другой договаривающейся стороны, соответственно иметь возможность полагаться на эти ожидания при ведении своих дел, потому что они заключили соглашение добровольно и с целью структурировать свои отношения так, как они лучше всего учитывают обоюдные интересы. Несмотря на то, что исполнение коммерческих контрактов довольно ясно (почти всегда можно прибегнуть к судебному разбирательству, при этом, как правило, в контактах устанавливается место и суд, а также право одностороннего обращения с иском), исполнение международных договоров более неоднозначно. Многие из них содержат собственные положения о правоприменении, позволяющие сторонам предпринимать определенные действия в ответ на нарушение их прав или передавать споры в Международный Суд. Исторически сложилось так, что многие споры по договорам все-таки разрешались силой.

Как показала практика, перечень видов мирных средств, предусмотренный в Уставе ООН, не является исчерпывающим, а некоторые из них являются декларативно-рекомендательными. В этой связи СССР в своем Меморандуме о повышении роли международного права, представленном 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1989 г., предложил выработать и принять универсальный и всеобъемлю-

щий международно-правовой акт, который явился бы действенным инструментом по предотвращению возникновения международных вооруженных конфликтов, в том числе из-за территориальных споров. В частности, одно из предложенных положений должно было устанавливать, что в случае, когда прямые переговоры или добрые услуги, посредничество, примирение не привели в разумные сроки к мирному урегулированию спора, спорящие государства должны прибегнуть к процедурам, влекущим за собой обязательные решения, т.е. передать спор по требованию любой из спорящих сторон на арбитражное или судебное разбирательство. В этой связи, разумеется, возросла бы роль главного судебного органа ООН — Международного суда. Но в этот сложный для СССР и всего мирового сообщества период, конечно данная инициатива не была поддержана¹.

Несмотря на привлекательность международных договоров как соглашений между сторонами территориального спора, особая трудность при использовании Международным судом договорного права заключается в применении определенного договора к государствам, не являющимся участниками территориального спора по соглашению. В большинстве этих случаев договоры используются для демонстрации согласия других государств (возможно, колониальных держав) в отношении границ, позже унаследованных сторонами в судебном разбирательстве в Международном суде. В других случаях суд может использовать договоры в качестве фактического доказательства того, как стояли границы в определенное время.

Географические обоснования территориальных границ не редкость. Горные хребты, реки, океаны и другие водоемы и физические образования часто являются определяющими границы государств. Естественные границы создают четкую разделительную линию между двумя государствами, обеспечивают буфер безопасности (или, по крайней мере, видимость), часто не требуют активного патрулирова-

¹ Чернявский А.Г., Синяева Н.А., Самодуров Д.И. Международное право. М., 2019, С. 370—371.

ния пограничниками, и исторически сложнее оспорить такие границы, чем границы, которые менее легко идентифицировать по физическим ориентирам. Иногда, правда, аргументы в пользу географических обоснований носят более психологический характер — то, что некоторые ученые называют «*географическим предопределением*».

Однако естественные границы могут создавать для соседних государств проблемы с точностью демаркации, делимитации или того и другого.

Природные границы также могут иметь стратегическое значение, поскольку они дают военные преимущества — они могут препятствовать продвижению противника и снижать затраты за счет уменьшения необходимости в сложных укреплениях. Эта стратегическая ценность часто побуждает государства расширять свои границы до полезных физических образований под оправданием территориальной целостности.

В *экономических обоснованиях территориальных претензий* часто утверждается, что рассматриваемая территория необходима для жизнеспособности или развития государства. Например, территория может быть необходима для облегчения внутренних и международных транспортных маршрутов перевозки товаров (включая трубопроводы, автомобильные и железные дороги, и порты), чтобы добывать полезные ископаемые, обрабатывать землю и т.д.

Экономические претензии также включают более новое утверждение о том, что определенная территория должна принадлежать истцу, поскольку она находилась в границах данного государства, обеспечивая тесные экономические отношения внутри него и продолжительное время уже была под юрисдикцией истца. Государства обычно выдвигают это требование в отношении колоний, уделяя особое внимание внутренней потребности в сырье, рынках готовой продукции и новых портах для снижения стоимости логистики.

Культурные оправдания основаны на аргументе «этническая нация», который лежит в основе любого оправдания прове-

дения границы в конкретном месте из-за общего языка, религии, родства или других культурных характеристик, которые определяют группу людей, живущих на определенной территории. В основе культурных притязаний лежит чувство принадлежности к нации, но характеристики, создающие эту принадлежность, варьируются в зависимости от группы и региона. В современной западной истории язык был главным объединяющим фактором, тогда как на Ближнем Востоке эту роль играла религия. В территориальных претензиях, основанных на культуре, государство-истец чаще всего утверждает, что из-за общего прошлого жители спорной территории разделяют такое же национальное происхождение и стремление к объединению, как и жители государства-истца. Этот принцип в проведении своих территориальных претензий особенно активно сегодня продвигает руководство Турции.

Культурные притязания на территорию часто сравнивают с притязаниями, основанными на доктрине самоопределения, которая проводит государственные границы в соответствии с распределением национальных групп внутри территории, независимо от того, как такие группы могут быть определены¹, а также, что самоопределение действий привело бы к созданию более однородного в культурном отношении государства.

Претензия, основанная на эффективном контроле, — это территориальная претензия определенной группы, в которой обосновываются притязания на определенную землю, потому что эта группа неоспоримо управляет землей и ее постоянным населением. Многие ученые считают, что в соответствии с международным правом эффективный контроль является шибболетом — действительно синусом — *qua pop* — сильного территориального притязания. Согласно праву собственности в целом, управление является важным фактором при определении права собственности. Профессор Эндрю Бургхардт

¹ Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. М., 2020. С. 142—147.

признает, что основные вопросы, связанные с любым таким притязанием, имеют двойной характер: (1) что составляет отказ от земли последним управляющим органом и (2) что составляет управление землей до предшествовавшего управляющего¹.

Статус отказа от территории как предпосылки для эффективного контроля другим управляющим является весьма спорным. Один ученый потребовал бы, чтобы земля была *terra nullius* — «территорией, не принадлежащей какой-либо конкретной стране»². Ранее только обнаруженная, открытая земля была *terra nullius*. Теперь этот термин включает землю, над которой ни одно государство не осуществляет суверенный контроль. Другой ученый определяет оставление как «неспособность поддерживать минимальную степень суверенной активности». Это правовая доктрина приобретения по согласию, общепринятая юристами, защищающими обычное право и отвергаемая специалистами в области гражданского права. Во многих отношениях это аналогично принципу общего права собственности посредством неправомерного владения. Однако доктрина эффективного контроля не лишена проблем. В частности, отсутствие консенсуса по применимым стандартам привело к появлению множества конкурирующих заявлений. В частности, эти утверждения ставят под сомнение объем необходимого контроля, а также его качество, а именно: могут ли частные субъекты способствовать эффективному контролю государства над территориями.

Что касается управления землей, то определения различаются, но центральным вопросом является определение «степени и вида владения», из которого будет исходить титул. Профессор Хилл утверждает, что на пике эффективности эффективный

контроль — это достаточное установление государственного контроля для обеспечения безопасности жизни и имущества; как минимум, оккупация должна быть реальной или «эффективной». Это условие выполняется, когда имеется объявленное намерение приобрести и имеет место фактическое поселение или оккупация с утверждением государственной власти. Профессор Бургхардт заявляет, что администрация должна быть непрерывной, а занятие — эффективным, т.е. в реальности, территория должна быть заселена, а ее природные ресурсы должны разрабатываться и использоваться. Профессор Иегуда Блюм описывает управление как осуществление соответствующего политического, военного или административного контроля в данных обстоятельствах и с намерением управлять территорией. Некоторые ученые предполагают, что чем больше продолжительность администрации, тем более существенным является обоснование территориальных претензий, основанных на эффективном контроле.

Исторические притязания на территорию должны быть основаны на историческом приоритете (первое владение) или продолжительности владения. Хотя фактический контроль (владение) представляет собой самое сильное требование в соответствии с законодательством о собственности, исторические притязания создают основное право на территорию, независимо от того, имеет ли государство фактическое или конструктивное владение землей на момент предъявления претензии. Таким образом, исторические претензии имеют тенденцию быть наиболее распространенными по сравнению с другими претензиями, обсуждаемыми в данной работе. Требование исторического права подкрепляется течением времени; когда государство-ответчик не действует, чтобы противостоять праву истца, считается, что оно согласилось с этим правом, и оно лишено права отклонять право собственности из-за отсутствия согласия. Претензии, основанные на историческом приоритете, наиболее тесно связаны с претензиями, основанными на историческом праве, поскольку такие титулы, как правило, возникают в свя-

¹ Чернявский А.Г. Позиции западных ученых как оправдание нарушения суверенитета отдельных государств при вмешательстве в его внутренние дела под предлогом установления «минимальных демократических стандартов» // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 244—252.

² Black's Law Dictionary 11th Edition, Bryan A. Garner, 2019.

зи с первыми территориальными требованиями.

Исторические притязания на территории часто связаны с *культурными притязаниями*, потому что чем выше культурное значение территории, тем сильнее исторические притязания на нее. Исторические претензии сильны, когда рассматриваемая территория является родиной группы заявителей, потому что это включает в себя как приоритет, так и продолжительность и выражает окончательный случай симбиоза человечества. История народа и его земли конкретизирует идентичность нации, раскрывает его как сообщество *судьбы* и придает ему генетическую легитимность. Это может быть основано на реально произошедших событиях или на специально созданных мифах. Самобытность земли и ее жителей усиливают друг друга.

Uti Possidetis — принцип, используемый для определения постколониальных границ в Латинской Америке, Азии и Африке, представляет собой доктрину, согласно которой новые независимые государства наследуют административные границы, существовавшие до получения независимости и которые были установлены бывшей колониальной державой. При использовании данного принципа территория переходит к местным властям и превалирует над любыми конкурирующими претензиями, основанными на оккупации данной территории. Таким образом, *uti Possidetis* основывается на отказе от самоопределения территории и предполагает, что внутренние, административные границы функционально эквивалентны международным границам бывшей колонии. Исследователи критикуют *uti Possidetis*, потому что административные колониальные границы почти всегда были нечетко очерчены и не соответствовали численности населения. Следовательно, утверждают эти ученые, использование *uti Possidetis* привело ко многим пограничным спорам.

Элитарные притязания на территорию утверждают, что определенное меньшинство имеет право или обязанность контролировать определенные территории. Завоеватели, которые исторически чаще всего заявляли такие притязания, часто

формировали их в терминах божественного права управлять определенной территорией. Такие притязания со временем стали реже, потому что они идут вразрез с «демократическим идеалом». Тем не менее, претензии элиты имеют современное и публичное воплощение в аргументах в пользу территории, основанных на превосходных технологических способностях — определенная группа претендует на контроль над территорией в силу наличия аргумента, что трудовые или технологические возможности, ресурсы и потенциал данной территории не будут в ином случае рационально задействованы.

Идеологические оправдания (идеология) напоминают заявления о «особой миссии», основанные на «единственной идентификации с землей» и имеющие врожденный «эксклюзивистский подтекст». Таким образом, идеологические оправдания территориальных притязаний более уместно назвать идеологически империалистическими. Главными примерами этого утверждения являются крестовые походы, продвижение османских турок на восток, антиколониализм и социальная справедливость, среди прочего. Антиколониальное идеологическое оправдание, которое утверждает, что колониальные границы сами по себе являются неподходящими ограничителями территории по моральным или юридическим причинам, по существу является антитезой *uti Possidetis* претензии.

Мы рассмотрели категории обоснования территориальных претензий, которые имели место при рассмотрении Международным судом. Всего до настоящего времени Международный Суд вынес 9 решений по территориальным спорам.

Рассмотрим далее, как руководствовался некоторыми из указанных нами категорий Международный Суд при вынесении решений по двум делам.

Так, по специальному соглашению Франция и Соединенное Королевство (Великобритания) передали в Международный Суд свой спор относительно суверенитета островных групп Минкьер и Экрехос, расположенных в Ла-Манше между Джерси (Великобритания) и мате-

риковой частью Франции. Стороны привели аргументы. на основе *договорного права, истории и эффективного контроля*.

Суд отклонил все аргументы, основанные на феодальных земельных грантах и соглашениях о рыболовстве, все из которых датированы 1648 годом, из-за того, что не была указана граница или какие острова принадлежали королям Англии и Франции соответственно. Судья Басдеван, написавший отдельное мнение, согласился: «Сюзеренитет ... не является суверенитетом»¹, отмечая важное различие, которое суд косвенно сделал при отклонении исков, неоднозначно основанных на феодальных титулах.

В отсутствие обоснованного иска по соглашению суд рассмотрел аргументы эффективного контроля и установил, что британское правительство осуществляло суверенную юрисдикцию и местную администрацию над Минкьер и Экрехос посредством таких актов, как судебное разбирательство, местные постановления относительно обращения с трупами, взимания налогов, лицензирование торговых судов, регистрация прав на недвижимость, проведение переписи населения и таможенные дела. Таким образом, суд присудил территорию Соединенному Королевству².

Другой суд касался суверенитета одной из сторон над некоторыми пограничными территориями (Бельгия / Нидерланды).

Так, королевства Бельгии и Нидерланды передали пограничный спор в Международный Суд по специальному соглашению, по которому суду было поручено решить, какая сторона имеет суверенитет над определенными приграничными участками³. Спорная граница была отмечена несколькими анклавами вокруг Бельгийской коммуны Берле-Дюк. и Баарле-Нассау, голландская община. Стороны предъявили иски, основанные на договорах и эффективном контроле.

Суд постановил, что пограничная конвенция сторон 1843 г. установила границу и что оспариваемые участки были бельгийскими.

Это право возникло в результате эволюции предыдущих двусторонних договоров между Бельгией и Нидерландами. Одним из договоров был Договор о границах 1842 г., по которому Смешанной пограничной комиссии было поручено определение границы путем сохранения административного статус-кво.

Работа комиссии привела к подписанию договора 1843 г. Пограничная конвенция, которая прилагалась к документу, предусматривала, что участки были частью Берле-Дюк. Суд счел выводы комиссии диспозитивными, поскольку комиссия получила свой мандат на основании Лондонского договора 1839 г., который сделал Бельгию и Нидерланды отдельными королевствами.

Суд отклонил утверждение Нидерландов о том, что Конвенция о границах 1843 г. не отражала общего намерения сторон и, следовательно, была недействительной в соответствии с доктриной ошибки. Суд также отклонил утверждение Нидерландов о том, что акты суверенитета, осуществленные на оспариваемых территориях, уничтожили любые их бельгийские названия. Суд удачно сформулировал вопрос следующим образом: «это притязание на суверенитет в отступление от правового титула, установленного договором. Согласно Пограничной конвенции суверенитет находился у Бельгии. Вопрос для Суда состоит в том, утратила ли Бельгия свой суверенитет из-за неприятия своих прав и молчаливого согласия с актами суверенитета, которые, как утверждается, осуществлялись Нидерландами в разное время с 1843 года»⁴.

Суд установил, что Бельгия не переставала отстаивать свои права и что посягательств Нидерландов было недостаточно для подмены суверенитета Бельгии по двум причинам. Во-первых, посягательства носили в основном рутинный и административный характер, выполняемый

¹ ICJ Reports, *Minquiers and Ecrehos*, 1953, p. 75.

² ICJ Reports, *Minquiers and Ecrehos*, 1953, p. 72.

³ ICJ Reports, *Sovereignty over Certain Frontier Land (Belg/Neth.)*, 1959, p.p. 209, 210–11, 212 (June 20).

⁴ Там же, p. 227.

местными должностными лицами и, как следствие, о включении Нидерландами спорных территорий в свою юрисдикцию. Во-вторых, участки были анклавом в Нидерландах, что затрудняло Бельгией выявление этих посягательств на ее суверенитет и осуществление своей собственной власти над участками и таким образом передал территорию Бельгии.

В настоящей статье рассматривались девять категорий обоснований территориальных притязаний: договоры, география, экономика, культура, эффективный контроль, история, *uti Possidetis*, элитарность и идеология. Мы также кратко рассмотрели два из девяти дел о территориальных спорах Международного Суда в свете этих категорий требований. Хотя при рассмотрении территориальных споров постоянно приводятся аргументы, основанные на всех вышеуказанных основаниях, только три из этих оснований последовательно действовали в качестве правила принятия решений МС: *договорное право, uti Possidetis и эффективный контроль*. Только когда решение по любому из этих трех оснований невозможно, суд, по утверждению ученых скорее всего должен будет прибегать к принципу справедливости при разрешении таких дел.

Иерархия между категориями договор, *uti Possidetis* и эффективный контроль предоставляют широкую сферу для применения договорного права и, конечно, на практике, имеющий больше значения чем принцип *uti Possidetis*. В этой статье излагаются лишь некоторые из возможных оснований при рассмотрении территориальных притязаний в Международном Суде⁵. Как мы указывали выше, отсутствие более или менее понятного порядка, регламента и оснований рассмотрения территориальных споров, а именно процедуры мирного разрешения территориальных споров, если стороны путем прямых переговоров или через посредников не достигли соглашения, остается открытым и отдается на откуп прецедентному праву.

Библиография

1. Чернявский, А.Г. Международное право / А.Г. Чернявский, Синяева Н.А., Самодуров Д.И. М., 2019.
2. Чернявский А.Г. Позиции западных ученых как оправдание нарушения суверенитета отдельных государств при вмешательстве в его внутренние дела под предлогом установления «минимальных демократических стандартов» // Военное право. — 2021. — № 1 (65). — С. 244—252.
3. Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. — М., 2020.

О регламентации материальной ответственности военнослужащих в некоторых зарубежных странах

© Яткевич Ольга Григорьевна,
полковник юстиции, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье приведен краткий обзор регламентации процедуры привлечения военнослужащих к материальной ответственности в некоторых зарубежных странах.

Ключевые слова: материальная ответственность военнослужащих, зарубежный опыт, практика зарубежных государств.

On the regulation of the financial responsibility of military personnel in some foreign countries

© Yatskevich O.G.,
Colonel of Justice, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty (command) St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

Abstract. The article provides a brief overview of the regulation of the procedure for attracting military personnel to financial responsibility in some foreign countries.

Keywords: financial responsibility of military personnel, foreign experience, practice of foreign states.

Актуальность темы материальной ответственности военнослужащих не снижается и в настоящее время, оставаясь объектом исследования российских ученых, который рассматривается «через призму» военного права.

Еще в конце XIX в. российский юрист А.В. Романович-Славатинский в своих работах писал, что «сравнительный метод, исследующий сходства и различия положительного права одного народа с положительным правом других народов, должен, конечно, найти известное применение и в науке русского государственного права. Метод этот, несомненно, может иногда

привести к весьма плодотворным результатам»¹.

В начале XX в. В.М. Хвостов отмечал, что «если юрист будет воспитан на одном родном праве, то кругозор его будет слишком «узок»; ... лучшим средством для того, чтобы углубить познания в праве своей страны, является сравнение его с каким-либо другим; сравнение дает повод ставить вопросы о характере замеченных различий и их причинах и в связи с этим заставлять глубже вникать в изучаемый материал»².

¹ Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права : монография; 4-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 295.

² Хвостов В.М. Система римского права. Общая часть : учебник; вступ. ст.: Е.А. Суханов, В.А. Томсинов. М.: Спарк, 1996. С. 11.

Из этого следует, что познание института материальной ответственности российских военнослужащих являлось бы неполным без учета опыта реализации данного правового института в других государствах.

Исследование зарубежного опыта правового регулирования материальной ответственности военнослужащих имеет важное значение для решения вопросов совершенствования военного законодательства Российской Федерации.

Система правового регулирования общественных отношений различных стран определяется принадлежностью его к определенной исторически сложившейся системе права. Наиболее общим делением мировых правовых систем является их деление на романо-германское право и англосаксонское (общее) право. Особенности романо-германского права, оказывающие влияние на характер и содержание его источников, заключаются в следующем (именно к этой правовой системе относится большинство государств Европы, включая Российскую Федерацию):

— органическая связь романо-германского права с римским правом, его становление и развитие на основе римского права;

— ярко выраженная по сравнению с другими правовыми семьями доктринальность и концептуальность;

— особая значимость закона в системе источников права;

— ярко выраженный характер деления его на публичное и частное право;

— ярко выраженный кодифицированный характер¹.

Особенностями англосаксонского (общего) права являются (к этой группе традиционно относят Великобританию, США и ряд других государств):

а) общее право по своей природе и содержанию является «судейским» правом;

б) общее право по сравнению с другими правовыми семьями имеет ярко выраженный «казуальный» характер, это система доминирования «прецедентного»

права и полного или почти полного отсутствия «кодифицированного» законодательства;

в) в процессе своего возникновения и развития общее право было подвержено лишь незначительному влиянию со стороны римского права;

г) придание повышенной роли и значимости процессуальному праву по сравнению с материальным правом;

д) высокий уровень независимости судебной власти по отношению ко всем другим государственным властям, ее реальная, разносторонне гарантированная самостоятельность как в вопросах организации своей внутренней жизни, так и в отправлении правосудия, в решении относящихся к ее компетенции «внешних» проблем².

Специфика правового регулирования материальной ответственности военнослужащих определяется принадлежностью государства к той или иной правовой семье.

Великобритания и США. Военное законодательство Великобритании и США об ответственности военнослужащих за имущественные правонарушения не содержит принципиальных начал правового регулирования материальной ответственности военнослужащих. Это связано с историческими традициями системы прецедентного права, не знающего деления правовых норм на самостоятельные правовые институты юридической ответственности. Ответственность военнослужащих этих стран за причиненный ущерб имеет в основном штрафную (карательную) направленность и сравнима с дисциплинарной и административной ответственностью в российском праве. Вопросы возмещения ущерба военнослужащими регулируются в основном административным законодательством, наделяющим командование большими дисциплинарными полномочиями, в том числе и по применению дисциплинарных штрафов³.

¹ Марченко М.Н. Источники права : уч. пособие. М.: Проспект, 2009. С. 433—449.

² Там же. С. 519—529.

³ Шарыкина О.В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации:

За совершение проступков имущественного характера Единым Кодексом военной юстиции США предусмотрена разнообразная система наказаний штрафного характера: задержка выплаты жалования, удержание жалования (полное и частичное). При этом, штраф, как и в английском военном законодательстве, рассматривается одновременно, как кара за совершенное правонарушение и как мера компенсационного (возместительного) характера. Штраф, как мера возмещения, применяется к военнослужащим преимущественно военным командованием и лишь в определенных законодательством случаях — Военным (Военным дисциплинарным) судом¹.

Условия привлечения военнослужащих к материальной ответственности законодательством США четко не определены. Вместе с тем в научных исследованиях, посвященных анализу норм военного законодательства США, устанавливающего ответственность имущественного (материального) характера, позволяет выделить такие ее обязательные условия, как наличие вины военнослужащего и противоправности его поведения. При этом обязательность наличия материального ущерба в нормах американского военного права не презюмируется, поскольку материальные штрафные санкции, применяемые к военнослужащим, носят универсальный характер и применяются не только в случаях совершения правонарушений имущественного характера, но и за иные дисциплинарные проступки².

Франция. Во Франции вопросы материальной (финансовой) ответственности военнослужащих регулируются

Законом «Об общем статусе военнослужащих Французской Республики» (1972 г.). Согласно ст. 17 данного закона материальная (финансовая) ответственность наступает при причинении военнослужащим ущерба военному ведомству. При этом определяются условия привлечения к такой ответственности. Прежде всего, материальная ответственность наступает в случаях, когда военнослужащий причиняет ущерб, являясь при этом «ответственным» за средства управления, оружие, военную технику и средства материально-технического обеспечения. Военнослужащие Вооруженных Сил Франции также привлекаются к материальной ответственности и при причинении ущерба вне службы — оружию, снаряжению, зданиям, паркам и другим средствам материально-технического обеспечения. Во втором случае ответственность несут все категории военнослужащих, кроме рядового состава. Это обусловлено тем, что нормами военного законодательства (специальными инструкциями) офицерам и унтер-офицерам разрешается носить оружие и некоторые другие виды военного имущества в неслужебное время, как с военной формой одежды, так и с гражданской одеждой. Выданные рядовому составу оружие, боеприпасы и другое военное имущество разрешается носить только при выполнении специальных обязанностей (при патрулировании, в карауле и т.п.), а также в определенных случаях на территории воинской части, на учениях и т.д. Рядовому составу запрещено иметь при себе оружие и другое военное имущество (за исключением повседневной военной формы одежды) в неслужебное время (в отпуске, увольнении и т.п.). В связи с этим материальная ответственность по французскому военному законодательству наступает при условии исполнения военнослужащими служебных обязанностей, связанных с хранением и эксплуатацией военного имущества, а

теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М.: РАГС, 2002. С. 67—68.

¹ Шуров В. Дисциплинарная ответственность в вооруженных силах зарубежных государств [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2699742.html> (дата обращения 28.10.2021).

² Дубровин В.Н., Мигачев Ю. И. Юридическая ответственность военнослужащих. М.: «Юрлитинформ», 2010. С. 206—207; Шарыкина О.В. Указ. соч. С. 66—67.

также в связи с исполнением таких обязанностей¹.

Материальная ответственность французских военнослужащих дифференцируется законодательством в зависимости от степени вины и категории военнослужащих. Военнослужащие привлекаются к ответственности в полном размере причиненного ущерба в случае умышленного его причинения. В случае же причинения ущерба по небрежности или неосмотрительности (неосторожности) военнослужащий, не являясь виновным в буквальном смысле этого слова, несет ограниченную материальную ответственность. Французским военным законодательством установлены два вида процессуального порядка привлечения военнослужащих к материальной ответственности: административный (в соответствии с полномочиями военного командования) и судебный. Таким образом, французское военное законодательство выделяет материальную ответственность военнослужащих в относительно самостоятельный правовой институт, определяя специфические условия ее наступления².

ФРГ. В Вооруженных Силах (бундесвере) ФРГ материальная ответственность военнослужащих регулируется нормами Закона «О правовом положении военнослужащих» (1971 г.). Согласно п. 1 параграфа 24 данного закона материальный ущерб, причиненный военнослужащим бундесверу в результате невыполнения своего служебного долга, возмещается виновным. Тем самым немецкий законодатель определяет основные условия наступления материальной ответственности: наличие ущерба, вины и противоправности содеянного. Материальная ответственность военнослужащих наступает в случаях, когда материальный ущерб нанесен в результате выполнения приказа

во время учебы или в ходе боевых действий при условии, что доказана умышленность действий военнослужащего или его грубая небрежность. Таким образом, проводится дифференциация размеров возмещения в зависимости от степени вины и условий совершения деяния. При совершении имущественного правонарушения в результате простой небрежности военнослужащий материальной ответственности не несет и привлекается при отсутствии определенных уголовным законодательством отягчающих обстоятельств лишь к дисциплинарной ответственности на основании Военно-дисциплинарного устава бундесвера.

Военное законодательство ФРГ различает два вида небрежности (простую и грубую) и определяет критерии неосмотрительности. Причиненный военнослужащим бундесвера по неосторожности в форме неосмотрительности материальный ущерб принимает на свой счет военное ведомство. Процессуальный порядок взыскания сумм с виновных военнослужащих в счет возмещения причиненного ущерба является судебным и определяется гражданским процессуальным законодательством. Размеры возмещения ущерба находятся в зависимости от обстановки (специфических условий) совершения правонарушения, степени вины и служебно-должностного положения (статуса) причинителя³.

Проводя более глубокий анализ законодательных актов зарубежных стран, регламентирующих порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности, возможно выработать рекомендации по применению такой практики в отечественном законодательстве, однако, данный вопрос сложно осуществить в масштабах настоящей статьи.

Библиография

1. Дубровин, В.Н. Юридическая ответственность военнослужащих / В.Н. Дубровин, Ю.И. Мигачев. — М.: Юрлитинформ, 2010.

¹ Военная администрация: учебник / под ред. Н.И. Кузнецова. М.: ВКИ, 1990. С. 330.

² Дубровин В.Н., Мигачев Ю. И. Юридическая ответственность военнослужащих. Указ. соч. С. 219; Шарыкина О.В. Указ. соч. С. 69—70.

³ Шарыкина О.В. Указ. соч. С. 70—72.

2. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права : монография / Д.А. Керимов; 4-е изд. — М.: Изд-во СГУ, 2008.

3. Марченко, М.Н. Источники права: уч. пособие / М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2009.

4. Хвостов В.М. Система римского права. Общая часть : учебник / В.М. Хвостов. : учебник;

вступ. ст.: Е.А. Суханов, В.А. Томсинов. — М.: Спарк, 1996.

5. Шарыкина, О.В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Шарыкина. — М.: РАГС, 2002.
